

SELECTA

XXXII

РОССИЯ В ЦЕНТРЕ ИСТОРИИ

Научный сборник

памяти
Нины Степановны Киняпиной
(1920–2003)

Модест Колеров
Москва 2024

УДК 94(470)(082)
ББК 63.3(2)я43
Р 76

SELECTA

серия гуманитарных исследований под редакцией М. А. Колерова

Редакционная коллегия:

О. Р. Айрапетов, В. М. Безотосный, В. В. Дегоев,
О. В. Маринин, В. М. Муханов, М. А. Чепелкин

На обложке: фрагмент картины «Над вечным покоем». 1894. Худ. И. И. Левитан. ГТГ

Р 76 Россия в центре истории. Научный сборник памяти Нины Степановны Киняпиной (1920–2003). М. : Модест Колеров, 2024. 488 с. (SELECTA. Т. XXXII)

ISBN 978-5-905040-91-7

УДК 94(470)(082)

ББК 63.3(2)я43

Р 76

ISBN 978-5-905040-91-7

© Авторы текстов, текст, 2023

© М. А. Колеров, состав и редактирование
серии SELECTA, 2023

Содержание

<i>М. А. Чепелкин. Н. С. Киняпина</i> — историк и учитель	7
<i>Махир Айдын. Бендеры: Потемкин у ворот</i>	23
<i>С. Б. Маньшиев. Шейх Мансур: его сторонники и противники на Северном Кавказе</i>	33
<i>Л. И. Агронов. Военные расходы Французской Империи и России в период наполеоновских войн</i>	53
<i>В. М. Безотосный. Оценка характера наполеоновских войн и споры о позиции России в этот период</i>	73
<i>А. Г. Власенко. Князь Н. В. Репнин и граф М. И. Голенищев-Кутузов в переговорах с Портой о мире, 1791 и 1812 гг.</i>	84
<i>Л. Л. Ивченко. Причины участия России в Третьей антинаполеоновской коалиции (1805) в отечественной историографии</i>	103
<i>Мустафа Танрыверди. Мухаджирство с Северного Кавказа на территорию Османской империи во второй половине XIX века по архивным материалам Турции</i>	126
<i>М. А. Волхонский. Вопрос оказания материальной поддержки «обедневшему» грузинскому дворянству во внутренней политике Российской империи в 1870–1890-х гг.</i> ...	144
<i>В. А. Болтрукевич. Идеи использования вооруженных пароходов для крейсерских операций в российском военноморском профессиональном сообществе во второй половине XIX — начале XX в.</i>	172

<i>А. Р. Томилин.</i> Афганистан во внешней политике России в 1885–1907 гг.	183
<i>О. Р. Айрапетов.</i> Мирное проникновение С. Ю. Витте в Китай: реальность, планы и практика	231
<i>В. В. Дегоев.</i> Международные аспекты истории Кавказа XX века	258
<i>А. М. Лаврёнова.</i> Страх и ненависть в Севастополе: к вопросу о гибели дредноута «Императрица Мария» (1916–1917)	287
<i>Чиро Паолетти.</i> Итальянская делегация на Петроград- ской конференции союзников в январе–марте 1917 года	341
<i>Е. Е. Полянская.</i> Полевые лечебные учреждения Россий- ского общества Красного Креста на Кавказском фронте Первой мировой войны	393
<i>Ф. А. Гайда.</i> Революционный 1917 год в России: «Великая Российская» или «две в одном»?	425
<i>Е. М. Миронова.</i> Имперская дипломатия на службе России после гибели империи (1917–1940 гг.)	433
<i>В. М. Муханов.</i> Владимир Анатольевич Георгиев — ученый и педагог (памяти старшего ученика Н. С. Киняпиной)	467
Об авторах	486

Н. С. КИНЯПИНА — ИСТОРИК И УЧИТЕЛЬ

Внешняя политика России была любимой темой научного творчества Нины Степановны Киняпиной с первых шагов в науке в конце далеких 1940-х годов и вплоть до последних публикаций, вышедших уже на рубеже нашего века. Эти сюжеты она держала в поле зрения всегда, даже когда обстоятельства вынуждали на время заниматься другими исследовательскими проектами.

Они в известной степени остаются в тени работ по внешнеполитическим вопросам, хотя, например, монография Киняпиной о промышленной политике правительства Николая I была знаковым явлением в советской историографии 1960-х годов¹. На огромном фактическом материале было показано, что в правление Николая государством предпринимались серьезные усилия для модернизации управления, развития различных отраслей производства и транспорта, технического образования, подготовки кадров. Результаты этих усилий были ограничены существовавшими хозяйственными и общественными реалиями, недостатком политической воли для отмены крепостного права, но при всех оговорках бесспорно, что Николай I и его правительство стремились к укреплению экономической мощи страны и немало сделали для этого. Напомню, что этот вывод прозвучал, когда публицистический штамп про «гнилость и бессилие» крепостнической России считался непререкаемой истиной.

¹ Киняпина Н. С. Политика русского самодержавия в области промышленности (20–50-е гг. XIX в.). М., 1968.

Как историк внешней политики, Нина Степановна была прекрасным знатоком ключевых для России международных вопросов XIX века. Во многих случаях ее работы оказали глубокое влияние на дальнейшие исследования той или иной проблемы. Впервые в советской историографии Киняпиной были подробно изучены обстоятельства заключения русско — турецкого Ункяр-Искелесийского договора 1833 года, который был справедливо оценен ею как высшая точка успехов России в регулировании режима черноморских проливов и в Восточном вопросе в целом применительно к первой половине XIX века². Сбалансированная позиция в русско-турецких отношениях, умелое сочетание дипломатических и военно-политических мер позволило российской дипломатии мастерски использовать заинтересованность Турции в сближении с Россией против западноевропейских держав.

Большое значение имело признание того факта, что в ходе международного кризиса начала 1830-х годов царское правительство сумело обеспечить общегосударственные интересы России на Черном море. Анализ внешней политики с точки зрения общенациональных (или «геополитических» в современной терминологии) российских интересов был неотъемлемой частью научного подхода Киняпиной. Сейчас в этом нет ничего необычного, но еще 50–60 лет назад в советской исторической науке это было смелой и принципиальной позицией, противостоящей упрощенной классово оценке движущих сил внешней политики государства.

К анализу действий Николая I, который был главным творцом курса России в Восточном вопросе в период своего царствования, Киняпина обращалась в своем научном творчестве неоднократно. Итогом ее изысканий можно считать обстоя-

² Киняпина Н. С. Ункяр-Искелесийский договор 1833 г. // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. 1958, № 2. Эта и другие работы Н. С. Киняпиной были переизданы в 2015 году ее учениками Р. С. Бзаровым и Н. П. Страховой: *Киняпина Н. С. Избранные труды по истории России XIX в.* М., 2015.

тельный очерк о внешней политике императора, опубликованный в 2001 году³. По мнению автора, Николай I не стремился к искусственному ускорению распада Османской империи, что доказывает позиция России в ходе Восточного кризиса 2-й половины 1820-х — начала 1830-х годов, Адрианопольский мир 1829 года и, наконец, Ункяр-Искелесийский договор с Турцией. В то же время Николай, как и все крупные политики своего времени, считал османскую Турцию «большим человеком» и ожидал ее неизбежного разрушения в результате внутренних кризисов. Подготовиться к такому исходу и обеспечить при этом российские интересы в зоне черноморских проливов и на Балканах император надеялся, заранее договорившись с европейскими державами.

Эта тактика приносила успех в начале николаевского царствования и, возможно, под влиянием этих успехов Николай I не сумел вовремя осознать глубокие перемены, происходившие в отношении ведущих европейских государств к роли России на Востоке. На смену готовности к компромиссным договоренностям пришли стратегии лишения России самостоятельности действия в Восточном вопросе. Этому способствовало усиление во 2-й четверти XIX века политического и экономического проникновение Великобритании, Франции, Австрии на Балканы и в средиземноморские владения Турции. Западные державы, в первую очередь Великобритания, были также напуганы серьезным усилением российского влияния в результате заключения Ункяр-Искелесийского договора, за которым британским политикам уже виделось чуть ли не установление российского протектората над Турцией.

Помимо получившей громкую известность «неблагодарности» Австрии, примкнувшей к противникам России даже после спасения русскими войсками власти Габсбургов во время Венгерской революции 1848–1849 годов, Киняпина акцентировала внимание на фатальной ошибке Николая I в оценке позиции Ве-

³ Киняпина Н. С. Внешняя политика Николая I // Новая и новейшая история. 2001. N 1–2.

ликобритании: император рассчитывал договориться с Лондоном вплоть до самого начала Крымской войны.

Среди причин такого заблуждения не последнюю роль сыграло неверие Николая I в возможность прочного сближения Великобритании с Францией на основе общего противодействия России на Востоке. В результате он не предпринимал активных шагов для нормализации русско-французских отношений, находившихся после французской революции 1830 года, тем более после событий 1848 года и прихода к власти Луи-Наполеона, в состоянии стагнации. Хотя по оценкам Киняпиной и ряда других историков, возможности для контригры, направленной на то, чтобы затруднить англо-французское сближение, у российской дипломатии имелись. Альянс Лондона и Парижа, каким бы ситуативным он ни был, очень осложнил международное положение России и дал ее противникам все необходимые средства для крупной войны в Причерноморье: сильнейшие в мире флоты и первоклассную сухопутную армию.

Признавая Крымскую войну крупной внешнеполитической неудачей России и лично Николая I, Киняпина в то же время всегда выступала против упрощенческих подходов к оценке ее итогов, подчеркивая, что противники России понесли значительные потери, не достигли первоначальных целей и сами опасались перспектив дальнейшей эскалации военных действий. Поражение в войне отнюдь не привело к потере Россией влияния среди великих держав, что было доказано практически сразу же после Крымской войны историей русско-французского соглашения 1859 года по итальянскому вопросу, ролью России в деле объединения Германии, настойчивыми усилиями по отмене «нейтрализации» Черного моря, которые завершилась успехом в 1871 году.

Эти и другие направления политики России в Восточном вопросе были рассмотрены Киняпиной в коллективной монографии, опубликованной в 1978 году⁴. Нина Степановна была от-

⁴ Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX в. / Отв. ред. Н. С. Киняпина. М., 1978.

ответственным редактором и одним из авторов этого без преувеличения этапного для советской историографии исследования. Впервые различные аспекты Восточного вопроса комплексно рассматривались почти на всем протяжении активного вовлечения России в эту сложнейшую международную проблему с конца XVIII века до Первой мировой войны.

Авторы монографии не только систематизировали уже известные материалы и результаты предшествовавших исследований, но по-новому осветили многие важные моменты. Если говорить о разделах, написанных Киняпиной, то, подробно излагая обстоятельства борьбы России за пересмотр ограничительных статей Парижского мира 1856 года, она привлекла внимание к настойчивым попыткам использовать в середине — второй половине 1860-х годов объединение Дунайских княжеств в новое единое государство — Румынию и антитурецкое восстание на Крите для возможного заключения соглашения с Францией, которое предусматривало бы в рамках урегулирования кризисных ситуаций в турецких владениях отмену положений Парижского мира о «нейтрализации» Черного моря.

Весьма содержательным в научном плане был анализ Киняпиной русско-австрийских и русско-германских отношений на Балканах в 1870-х годах. Аргументированно прозвучал тезис о том, что в австро-русско-германском «Союзе трех императоров» 1873 года правительство России интересовал прежде всего Восточный вопрос. Сближение с Германией и Австро-Венгрией отражало новую расстановку сил в Европе после разгрома Франции в войне с Пруссией и германского объединения. В то же время российская дипломатия надеялась, что с помощью «Союза трех императоров» можно будет добиться согласования политики России, Германии и Австро-Венгрии в Восточном вопросе и тем самым способствовать сохранению статус-кво, которое Россия, занятая внутренними преобразованиями, стремилась поддерживать.

Однако из-за растущего австро-русского антагонизма на Балканах и внутренней нестабильности Османской империи эти планы постигла неудача. Столь же безуспешной оказалась по-

пытка воскресить их в 1880-х годах, что, как показала Киняпина, стало одним из главных факторов отказа Петербурга от внешне-политической ориентации на формирующийся австро-германский блок и способствовало возрождению идеи русско-французского согласия.

Широкий круг материалов и источников был привлечен Киняпиной для освещения переговоров по заключению Сан-Стефанского мира и Берлинского трактата 1878 года. Нина Степановна подчеркивала, что Россия последовательно отстаивала права балканских народов на государственную самостоятельность и независимость. Вместе с тем она отмечала, что оценивать достигнутые результаты следует, исходя из реально имевшихся на тот момент у российского правительства возможностей и из сложившейся международной обстановки.

Особое значение имели главы о политике России в Восточном вопросе в 1880–1890-х годах. Впервые в исторических исследованиях советского периода столь подробно рассматривалась позиция России в отношении балканских государств, освободившихся от османского владычества, анализировались события ближневосточного кризиса 1894–1898 годов (выступления армянского населения Османской империи, волнения в Македонии и на Крите, греко-турецкая война) и проекты занятия черноморских проливов.

Следующим шагом в изучении этой тематики стала монография Киняпиной «Балканы и проливы во внешней политике России в конце XIX в.»⁵. Работа над ней во второй половине 1980-х — начале 1990-х годов проходила уже в более свободной обстановке в плане доступа к источникам и отсутствия «табуированных» тем. Все, кто тогда занимался внешнеполитическими аспектами российской истории, хорошо помнят, что цензура или самоцензура при освещении достаточно широкого круга вопросов представляла серьезную проблему для исследователей. Нина Степановна с сожалением отмечала, что порой ее тетради

⁵ Киняпина Н. С. Балканы и проливы во внешней политике России в конце XIX века (1878–1898). М., 1994.

с записями из ведомственного Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ), которые полагалось отдавать на просмотр сотрудникам архива, представляли собой «бахрому» из-за большого количества в прямом смысле вырезанного материала. Остается только отдать должное представителям старших поколений отечественных историков-международников, которые, несмотря на эти ограничения, находили возможности донести до читателя сложность и неоднозначность внешнеполитических процессов.

Монография о Балканах и черноморских проливах получила большой отклик российских и зарубежных исследователей. Это не удивительно, учитывая не только научную ценность, но и политическую значимость изучения позиции России в отношении территориальных споров и противоречий на Балканах, часть из которых существует вплоть до нашего времени.

Работа Киняпиной пробудила значительный интерес к затронутой проблематике. За прошедшие 30 лет появилось немало крупных исследований, которые расширили наше понимание факторов и обстоятельств выработки и реализации курса России на Балканах, характера отношений России с Турцией, Болгарией, Сербией, Румынией, Грецией, позиции правительственных кругов этих стран в контексте соперничества великих держав за влияние в этом регионе. В дополнение к дипломатическим, был введен в научный оборот большой пласт документов российского военного ведомства, оценивающих ситуацию на Балканах, возможности и перспективы десантных операций в районе Черноморских проливов.

Эти исследования в целом подтвердили многие выводы Киняпиной. Прежде всего, это тезис об отсутствии в этот период у России экспансионистских планов в Восточном вопросе. Возможность военной акции на Босфоре и захват проливов рассматривались только в качестве вынужденной меры в случае агрессивных действий других великих держав. Подчеркивая приоритеты внутреннего развития России и несвоевременность тяжелого международного конфликта, российское правительство не стремилось к радикальному изменению си-

туации на Балканах, сложившейся по итогам Берлинского конгресса 1878 года.

Насколько реалистичными в этих условиях были попытки Петербурга сгладить внутрибалканские противоречия, объединить балканские государства (прежде всего Сербию и Болгарию) в союз под российским влиянием, — этот вопрос обсуждался еще современниками (в том числе в дипломатической и военной среде, в общественном мнении России того времени). В историографии высказывалось мнение, что более продуманные действия дипломатических и военных представителей России в отношениях с балканскими монархами и правительствами могли привести и к более позитивным результатам.

Не отрицая допущенные дипломатами и военными ошибки, Киняпина вместе с тем обращала внимание на объективные факторы, которые сильно осложняли достижение поставленных целей. Если Россия была заинтересована в сохранении статус-кво, то правящие круги молодых независимых государств в массе своей как раз стремились переиграть половинчатые решения Берлинского конгресса, причем выдвигали территориальные претензии не только к Турции, но и к своим балканским соседям. Этим обстоятельством умело пользовались конкуренты России в Восточном вопросе, подыгрывая националистическим идеям балканских политиков и в то же время стремясь выступить арбитром их отношений с Турцией. Активное экономическое проникновение на Балканы Австро-Венгрии и Германии еще более подрывало российские позиции.

Констатируя очевидное уменьшение российского влияния в регионе, Киняпина в то же время отмечала, что это ослабляло сами балканские государства. Амбициозные программы установления своей региональной гегемонии, которыми грезила немалая часть сербских и болгарских политиков, не привели ни к чему, кроме углубления конфликтов между балканскими странами.

Не меньшее значение, чем труды по Восточному вопросу, имели работы Нины Степановны по проблемам присоединения к Российской империи Средней Азии во второй половине XIX ве-

ка⁶. Более того, будучи одним из немногих в Москве специалистов по политике России в отношении азиатских окраин империи, она очень много сделала для развития научных контактов с исследовательскими центрами в советских национальных республиках. Под ее руководством практически ежегодно защищались, в том числе студентами и аспирантами из республик Средней Азии, Казахстана и Северного Кавказа, дипломные работы и диссертации по политике Российской империи на окраинах.

Особую важность эта сторона научной деятельности Нины Степановны приобрела в 1990-е годы, когда после распада СССР активизировались не изжитые и до сегодняшнего дня попытки перелицевать историю национальных окраин и их отношений с Россией в угоду текущей политической конъюнктуры. Уважительно к историческим и культурным традициям народов, вошедших в состав Российской империи, и в то же время убедительно и последовательно Киняпина отстаивала принципы подлинно научной, объективной оценки политики Российской империи в отношении присоединения и интеграции новых территорий.

Сущность подхода Киняпиной в исследовании и осмыслении проблем вхождения территорий Казахстана и Средней Азии, а в более широком плане и других азиатских окраин в состав российского государства, состояла в выдвигании на первый план политических и военно-стратегических факторов. Они состояли в обеспечении безопасности границ и противодействии экспансии со стороны Великобритании, Турции, Персии, Китая. Экономические причины существенной роли на этом фоне не играли. Касаясь характера присоединения территорий, Киняпина справедливо отмечала многообразие и неоднозначность этого процесса.

⁶ Киняпина Н. С., Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России: вторая половина XVIII в. — 80-е гг. XIX в. М., 1984; Киняпина Н. С. Административная политика России на Кавказе и в Средней Азии в XIX веке // Вопросы истории. 1983. № 4; Киняпина Н. С. Средняя Азия в планах и действиях России в 60–80-е годы XIX в. // Россия и страны ближнего зарубежья: история и современность. М., 1995.

Часть территорий была завоевана, но наряду с этим имело место добровольное принятие российского подданства. В ряде случаев (особенно на Кавказе) это было единственной возможностью сохранения национальной идентичности и предотвращения насильственной ассимиляции народов. Процесс вхождения в состав Российской империи, как правило, не был одномоментным: вначале следовало принятие подданства с сохранением большой внутренней автономии, и только на следующей стадии происходило введение российской администрации. Эти этапы могли быть растянуты по времени и иметь различный характер: мирный в первом случае и сопряженный с подавлением недовольства местной элиты во втором.

Киняпина приходила к заключению, что российское правительство учитывало особенности окраин, но одновременно стремилось интегрировать их в единый государственный организм Российской империи как органичную часть ее территории и экономики. Путь этот был не всегда простым и последовательным. В Средней Азии протекторатные формы зависимости местных ханств дожили до 1917 года. Но в целом российская практика сильно отличалась от европейского колониального опыта, для которого, напротив, была характерна политико-административная изоляция колоний от метрополии и ориентация на одностороннее выкачивание из них сырьевых ресурсов. Эти выводы важны для любого исследователя административной, хозяйственной и культурной политики России на Кавказе, в Казахстане и Средней Азии в XIX веке.

Особенностью творческого метода Киняпиной было то, что в нем находилось место не только скрупулезному анализу документального материала, но и ярким характеристикам монархов, дипломатов, политиков, военных, творивших внешнюю политику России. Нину Степановну интересовали не столько факты личных и служебных биографий (хотя и об этом она писала достаточно), сколько процесс формирования взглядов, убеждений, видения и понимания событий. Для нее важно было проследить и объяснить логику действий тех или иных исторических

лиц в контексте эпохи и решения задач, которые стояли перед российской внешней политикой.

В таком духе созданы биографические очерки о военном министре Д. А. Милютине⁷, оказавшем большое влияние на среднеазиатскую и балканскую политику России, и А. М. Горчакове⁸, выдающемся министре иностранных дел и канцлере в царствование Александра II. С действиями Горчакова на протяжении четверти века были связаны все заметные международные события с участием России, что дало возможность развернуть его политическую биографию на широком фоне, подробно проследить формирование и эволюцию внешнеполитической программы министра, показать его во взаимодействии с крупными европейскими политиками и дипломатами того времени. Явно увлекаясь личностью и достижениями Горчакова, Киняпина тем не менее приводит суждения как сторонников, так и оппонентов канцлера, пишет не только о его решительных действиях по защите интересов России, но и о серьезных сомнениях, колебаниях, как было, например, накануне русско-турецкой войны 1877–1878 годов или в дни Берлинского конгресса.

В последние годы научного творчества Нина Степановна много занималась вопросами государственной деятельности императора Николая I. Она не успела подготовить монографическое исследование по этой теме, но ее спецкурсы в Московском университете и опубликованные статьи дают общее представление о том, каким ей виделось историческое значение одной из самых крупных фигур на российском престоле⁹.

⁷ Киняпина Н. С. Дипломаты и военные. Генерал Д. А. Милютин и присоединение Средней Азии // Российская дипломатия в портретах. М., 1992; Киняпина Н. С. Балканская конфедерация в планах военного министра России Д. А. Милютина // Отечественная история. 1996. № 3.

⁸ Киняпина Н. С. Александр Михайлович Горчаков // Вопросы истории. 1997. № 12; Киняпина Н. С. А. М. Горчаков: личность и политика. // Канцлер А. М. Горчаков. 200 лет со дня рождения. М., 1998.

⁹ Киняпина Н. С. Николай I: личность и политика. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2000. № 6; Киняпина Н. С. Внешняя политика Николая I // Новая и новейшая история. 2001. № 1–2.

Выше уже было сказано об оценке внешнеполитической деятельности Николая I, что же касается взглядов императора на внутреннее развитие России, то Киняпина продолжила линию своей давней работы о промышленной политике второй четверти XIX века. Она утверждала, что император, несмотря на глубокое недоверие к западному свободомыслию, «чувствовал время» и стремился при сохранении самодержавных устоев модернизировать страну. Николай, в отличие от Александра I, понял своеобразие России как державы, имеющей свои специфические особенности развития и вытекающие из них государственные задачи, отличные от западных образцов.

Конечно, вопрос о жизненности или утопичности представлений Николая I о развитии России слишком сложен, чтобы решить его в рамках одной–двух статей, и Киняпина, прекрасно это понимая, в большей степени преследовала другую цель: отвергнуть распространенную с легкой руки советской историографии точку зрения на Николая I как на «самодовольную посредственность». В ее статьях император предстает как хорошо разбирающийся в делах и людях, целеустремленный и уверенный в своих действиях политик.

Вся деятельность Нины Степановны как историка, за исключением короткого периода в конце 1940-х годов, была связана с Московским университетом. Она считала большой удачей в жизни, что стала именно университетским, а не «кабинетным» историком. Высоко оценивая заслуги «академических» коллег, Киняпина в то же время отмечала, что для них существует опасность стать «пленником» одной достаточно узкой темы. По ее мнению, преподавание и постоянный научный диалог со студентами и учениками формируют самую требовательную и в то же время самую благодатную среду для развития ученого, которая заставляет его постоянно совершенствовать свои знания об эпохе и расширять исследовательские горизонты, проверять и оттачивать аргументацию.

Большой кругозор особенно важен для историков-международников, причем речь идет не только о взаимосвязи различных направлений внешней политики и необходимости иметь

хорошие представления об интересах и целях государств, с которыми Россия взаимодействует на мировой арене. Внешняя политика государства по сути своей является синтезом многих составляющих: дипломатии, экономических отношений, военно-стратегического планирования, конфессионального и национально-культурного влияния, идеологических концепций и личных взглядов государственных деятелей. Поэтому Киняпина поощряла студентов и аспирантов к изучению этих вопросов и нередко давала темы докладов, дипломных и даже диссертационных работ, касающихся военных, экономических, культурных, идеологических аспектов тех или иных внешнеполитических действий России.

Преподавание и подготовку молодого поколения историков Киняпина считала не менее, а может быть, и более важной частью своей миссии ученого. Ее забота об учениках, их становлении в жизни и науке выходила далеко за рамки формальных обязательств. Это с благодарностью помнят все, кто учился у Нины Степановны. В очерках ее учеников Н. П. Страховой, В. А. Георгиева и В. М. Муханова прекрасно описана атмосфера ее научных семинаров и спецкурсов¹⁰. Полностью присоединяюсь к этим словам и хочу только подчеркнуть особый дар нашего учителя — вести обсуждение научных проблем.

Для нас, студентов и аспирантов, это была большая и полезная школа уважения к чужому мнению, свободы поиска и в то же время культуры дискуссии, основанной на глубоком знании материала. Обсуждать можно было самые смелые предположения, но главным критерием было наличие доказательств, почерпнутых из изучения источников. Киняпина никогда никого не по-

¹⁰ *Страхова Н. П.* Слово об Ученом и Учителе: к 95-летию со дня рождения Н. С. Киняпиной // Киняпина Н. С. Избранные труды по истории России XIX века. М., 2015; *Георгиев В. А.* Учитель и педагог // Россия в XVIII–XX веках. Страницы истории. М., 2000. *Муханов В. М.* Научное наследие и школа профессора Н. С. Киняпиной (к 100-летию со дня рождения) // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2020. № 6. В очерке В. М. Муханова использованы также воспоминания В. А. Георгиева и В. В. Дегоева.

учала, не отвергала с порога даже очевидно слабые рассуждения студентов. Обычно она с неизменно доброжелательной улыбкой внимательно слушала выступающего, прикрыв глаза и скрещивая пальцы рук перед собой.

После паузы следовала знаменитая в ее семинаре реплика: «Видите ли, (имярек)». И далее следовал подробный разбор-объяснение: с чем Нина Степановна согласна, а что вызывает сомнения или не может быть принято. И обязательные рекомендации, что и где посмотреть по обсуждаемой теме. Редко кто после этого спорил, но если делал это со знанием дела, то Киняпиной всегда нравилась готовность аргументированно отстаивать свою позицию. На ее семинарах не навязывалось «единомыслие», а воспитывалась высокая требовательность к научному исследованию.

Думаю, что вклад Нины Степановны в подготовку историков российской внешней политики до сих пор не вполне оценен. Впервые в советской историографии ею были написаны и опубликованы в 1963 и 1974 годах специальные учебные пособия по истории внешней политики России первой и второй половины XIX века¹¹. Долгое время (по крайней мере, до появления в конце 1990-х годов академической истории внешней политики России с XV века до 1917 года в пяти томах, где Киняпина была автором главы об отношениях России со Средней Азией в середине — второй половине XIX века¹², и обобщающего курса ученика Киняпиной О. Р. Айрапетова по внешней политике Российской империи, изданного в 2006 году¹³ (впоследствии переработан в капитальный четырехтомник), эти работы были не-

¹¹ Киняпина Н. С. Внешняя политика России первой половины XIX в. М., 1963; Киняпина Н. С. Внешняя политика России второй половины XIX века. М., 1974.

¹² История внешней политики России (Конец XV в. — 1917 г.): в 5 т. / ИРИ РАН, М., 1995–1999. Глава Н. С. Киняпиной опубликована в 4-м томе издания.

¹³ Айрапетов О. Р. Внешняя политика Российской империи (1801–1914). М., 2006.

заменяемыми настольными книгами для всех занимающихся данной тематикой.

В отличие от разрозненных внешнеполитических глав в вузовских учебниках по Истории СССР периода капитализма (странность этого названия всегда удивляла), они содержали целостное и систематизированное изложение материала, причем многие важные вопросы были освещены в исследовательском ключе с опорой на архивные источники.

Еще одной особенностью было то, что рассматривались практически все основные направления российской внешней политики, включая Среднюю Азию, Дальний Восток, отношения с США. Если «среднеазиатский раздел» по объему и использованным источникам являлся по сути самостоятельным исследованием, то контуры отношений с Китаем и Японией по цензурным условиям того времени удалось только наметить. Эта лакуна была много позже, уже в 1990-е годы, восполнена Киняпиной в университетском учебнике по истории России XIX — начала XX века¹⁴.

По своему значению упомянутые книги намного выходили за пределы скромного статуса «учебных пособий», присвоенного им Минвузом. Они не только позволяли студентам ориентироваться во внешнеполитической проблематике, но были для них своего рода приглашением к изучению этой сложной и интересной области российской истории, помогали определиться с темами будущих исследований.

Эту же задачу Киняпина имела в виду и в других работах, в частности — в регулярных рецензиях на публиковавшиеся сборники архивных документов российского МИД. Она всегда стремилась написать о том, какие возможности для историков открывают новые вводимые в научный оборот материалы¹⁵.

¹⁴ История России XIX — начала XX в. М., 1998. Очерк Н. С. Киняпиной о внешней политике России в Северной Америке и на Дальнем Востоке опубликован в 15-й главе учебника.

¹⁵ Киняпина Н. С. Некоторые вопросы внешней политики России в новой публикации документов российского Министерства иностранных дел // История СССР. 1971. № 5; Киняпина Н. С., Георгиев В. А. Первая серия

В коллективной монографии 1981 года об итогах и задачах изучения внешней политики России Киняпина наметила целую программу перспективных научных работ в отношении слабо изученных или вовсе не изученных на тот момент проблем¹⁶. Надо сказать, что подавляющее большинство вопросов, которые были обозначены в этой и других историографических публикациях Киняпиной, действительно стали в дальнейшем предметом плодотворного исследования отечественных и зарубежных историков.

Мастерство и увлеченность, преданность научному поиску, глубокое понимание международных отношений и национально-государственных интересов российской внешней политики, щедрая передача знаний и опыта ученикам определяли весь творческий путь Нины Степановны. Подготовленный в ее память сборник подтверждает, что заложенные Киняпиной традиции продолжают развиваться в работах представителей ее научной школы и новых поколений исследователей.

публикации документов Российского министерства иностранных дел // Новая и новейшая история. 1977. № 1.

¹⁶ Итоги и задачи изучения внешней политики России. Советская историография. М., 1981. Глава 4 (в соавторстве с В. А. Георгиевым).

БЕНДЕРЫ: ПОТЕМКИН У ВОРОТ¹

Никакие две другие страны в мире не воевали между собой так много, как это делали Российская и Османская империи. Основой этому послужило возникновение между ними соседства в 1498 году. Если рассматривать вопрос конкретно с точки зрения войн, то период между Бахчисарайским договором 1681 года и Брест-Литовским договором 1918 года составляет 237 лет.

Одной из таких войн, речь о которой пойдет речь в настоящей статье, является война 1787–1792 гг. Здесь мы остановимся на двух сюжетах, один из них — Бендерская крепость, а другой — действия генерал-фельдмаршала князя Г. А. Потемкина. Прежде чем перейти к основной информации, мы кратко расскажем о каждом из них.

Турция захватила Бендеры в 1538 году. Название местности происходит от слова «пристань», и в прежних местных языках также носило данное имя. Это говорит о том, что раннее здесь не стояла крепость: если бы была крепость, то, по имперской традиции, место сохранило бы ее название. С точки зрения транспортного значения Бендеры гораздо значимее, чем территория северного Причерноморья, поскольку земли близ Каменец-Подольского и Хотина были «пустынными», а Очаков, Килия и Аккерман — «морскими». Бендеры, в свою очередь, с их обширной территорией служили переправой через Днестр. Со взятием Ав-

¹ Благодарю моих уважаемых коллег Олега Рудольфовича Айрапетова и Мустафу Танрыверди за их «сердечную поддержку» в процессе написания этой работы.

стрией в 1718 году Белграда, в Турции произошла смена парадигмы. Впервые стране пришлось думать о защите и укреплении приграничных крепостей, в результате чего появились новые крепости — одна из них Видин², другая — Бендеры³.

«Звезда удачи» Потемкина восходит и после войны 1768–1774 годов, когда Бендеры впервые вышли на арену боевых действий. Императрица Екатерина II исполнила мечту Петра Великого, взяв Крым. Поскольку совершить путешествие в Крым она могла только «в карете», ей необходима была сильная свита, среди которой были знаковые лица ее правления, такие как фельдмаршалы кн. Г. А. Потемкин и гр. П. А. Румянцев и генерал-аншеф А. В. Суворов.

Потемкин, являясь фаворитом царицы, провел важные реформы. Именно он становится «командующим-основателем» Черноморского флота России, основывает города Екатеринослав, Херсон, Севастополь и Николаев. Благодаря этим усилиям он упоминается в османских источниках как «князь татарской страны»⁴. В 1784 году он стал президентом Военной коллегии. После чего Потемкину было присвоено звание генерал-фельдмаршала, высшее на тот момент воинское звание в русской армии. А в начале войны 1787–1792 годов он был назначен главнокомандующим русскими войсками. Сначала Потемкин в составе Черноморского флота направляется на Очаков. Несмотря на то, что первая осада провалилась, он захватил эту значимую крепость 17 декабря 1788 года⁵.

В июне 1789 года до Стамбула доходят сведения о том, что войска Потемкина также представляют опасность для Бендер⁶. В июле на крепость была совершена «психическая атака»⁷. Настоящая осада началась 24 сентября 1789 года и продолжалась

² *Mahir Aydın*, Vidin Kalesi: Tuna Boyu'ndaki İnci, İstanbul, 2015.

³ Моя работа о Бендерской крепости будет опубликована в ближайшее время под названием «*İrmağın Susayan Kale: Bender*» («Крепость, жаждущая своей реки: Бендер»).

⁴ *Nicolae Jorga*, Osmanlı İmparatorluğu Tarihi, İstanbul 2005, cilt V, s. 56.

⁵ *Nicolae Jorga*, Ibid, s. 79.

⁶ Osmanlı Arşivi, TS. MA. E. nr. 437–11.

⁷ TS. MA. E. nr. 437–12.

52 дня⁸. В центре внимания статьи находятся следующие три факта: призыв Потемкина к капитуляции, принятие этого призыва и условия капитуляции. Примерно за 2 тысячи лет до Потемкина «военный гений» Ганнибал Барка воевал против Римской империи и подошел к воротам столицы. Тогда в сенате раздался голос страха: «*Hannibal ad portas*» («Ганнибал у ворот»). На этот раз, после того как Потемкин сломил сопротивление Бендер, он снискал славу Ганнибала.

14 ноября 1789 года Потемкин отправил посла с письмом в крепость. В этом письме, состоящем из двух частей, он сначала представляет себя, а затем обращается с призывом. Оригинал письма на сегодняшний день нам не удалось найти в российских архивах. Вот почему нам пришлось довольствоваться переводом на турецкий язык. Хотя со второй частью проблем не возникло, мы постарались не «заострять внимание» на именах собственных и титулах, перечисленных в первой части. Изначально мы хотели представить это письмо, не меняя даже запятых в тексте. Однако решили, что перевод письма 200-летней давности с русского на турецкий и обратно на русский приведет к потере смысла. Вот почему мы хотели поделиться первым переводом в коротких предложениях, вне «дипломатического формата». Предоставляем слово Потемкину:

«Я, Генерал-фельдмаршал воинов-победителей Великой Императрицы; главноначальствующий сухопутными и морскими военными силами; и губернатор Екатеринославской, Харьковской, Астраханской, Саратовской губернии; действующий камергер; кавалер орденов Святого Андрея Первозванного, Святого Александра Невского, Военного Святого Великомученика Георгия и Святого равноапостольного князя Владимира; кавалер Датского, Королевско-Прусского, Шведского, Польского и Великокняжеского Голстинского; Я, граф Григорий Потемкин, «самый почетный» князь Римской империи».

Прежде чем перейти ко второй части письма, необходимо пояснить значение выражения: «Благородная Римская Империя».

⁸ Osmanlı Arşivi, NAT. nr. 144–6070.

По мнению Потемкина, этой империей является Россия. Название военной кампании — «Третий Рим». Первый Рим — Римская империя, столицей которой был город Рим, пал. Второй Рим — Восточная Римская империя, столицей которой был Константинополь, пал. Теперь настал черед Третьей Римской империи, столицей которой является Петербург. Эта политическая идея, принадлежащая Потемкину, носит еще одно название — «Греческий проект»⁹. Он убеждает Екатерину II осуществить данный проект. С этой целью для новорожденных Великих Князей Александра и Константина Павловичей во дворец были привезены греческие «кормилицы» из Стамбула, что было одобрено императрицей. Далее переходим ко второй части письма:

«Я выражаю свое решение мухамету¹⁰, визирям и офицерам Бендерской крепости, знати и солдатам, а также жителям крепости, думая об их судьбе.

С Божьей помощью я отправился брать Бендерскую крепость. Я подошел к Бендерской крепости с многочисленными и смелыми воинами моей госпожи, Великой Императрицы Всероссийской. Прежде чем враждовать и нападать на крепость, отправляю своего посла с письмом. Повинуясь повелению Всемогущего Бога, я предупреждаю жителей крепости. Моя Императрица милосердна к вам. Уверяю каждого из вас, что, если вы мирно сдадите крепость и отдадите нам все, что является «государственной собственностью», вы все будете свободны. Ваша семья и имущество будут в безопасности, вы не получите вреда. Каждому будет разрешено дойти до берега Дуная или туда, куда он пожелает.

Если вы не сдадите крепость, я применю всю свою силу. Вы не сможете ответить перед Богом за кровь невинных детей и женщин, которая тогда непременно прольется. В этом случае вам предстоит сделать правильный выбор для себя, ваших жен, детей и имущества».

Этим призывом Потемкин буквально бросает в крепость «ручную гранату с выдернутой чекой». В любом случае, на дру-

⁹ Nicolae Jorga, Ibid. С. 37.

¹⁰ Коменданту (тур.).

гих фронтах также не было успехов. Обращение султана к своим подданным одним словом можно охарактеризовать как отчаяние: «Я вверил вас и всех исламских воинов Богу. Проявите себя. Отомстите врагу нашей религии»¹¹. Эту беспомощность подчеркивает и «легендарный полководец» Джезаирли Гази Хасан-паша: «Невозможно противостоять двум таким могущественным врагам. Необходимо найти решение для безопасности наших пограничных крепостей»¹².

Сложный вопрос для мухафиза крепости состоял в том, как объяснить решение о капитуляции Стамбулу. По традиции письмо, отправленное из крепости в столицу, пишет мухафиз-паша. Кади¹³ крепости подтверждает эту информацию либо поставив свою печать на оборотной стороне бумаги, либо написав отдельное письмо. Хотя первым сведения должен предоставить паша, здесь произошла обратная ситуация. Причиной этого является опасение за жизнь не только мухафиза-паши, но и двух приближенных ему визирей, которым грозила еще большая опасность.

Согласно оттоманской традиции наиболее уважаема позиция ученых. Такой авторитет ученых проявляется и в искусстве «миниатюры» — обувь их изображена «небесно-голубой», что имеет особый смысл. Другими словами, уровень, на который они ступают, — это уровень, где обычные люди поднимают головы и смотрят в небо. По этой причине в империи не казнят ученых. При необходимости ученого сначала назначают на должность, не связанную с наукой, а потом казнят.

Письмо, отправленное кади Бендер в столицу, датировано тем же числом, что и призыв Потемкина. Однако начало этого письма весьма интересное, поскольку, перечисляя воинов, защищающих замок, он начинает с представителей «религиозного класса». Эта солидарность бюрократов и тарикатов является краеугольным камнем, заложенным в крах империи в этом столетии.

¹¹ TS. MA. E. nr. 437–10.

¹² HAT. nr. 147–6199.

¹³ Судья (тур.).

То, что произошло дальше, описывается так: «Потемкин окружил замок с суши 150 тысячами воинов. Он также осадил его со стороны Днестра с помощью 55 шлюпов и понтонных лодок, которые он привез из Аккермана. Это продолжалось более 50 дней. Несмотря на то, что мы пытались сопротивляться, оборона крепости начала рушиться. У нас, похоже, нет квалифицированной артиллерии и мало солдат, которые могли бы сражаться.

Зима приближается. Если бы Потемкин напал на крепость, у нас не было бы сил сопротивляться. В этом случае женщины и дети будут растоптаны. Все жители крепости пришли в мои покои. Я поручил всем улемам предоставить юридическое обоснование сдачи крепости. После исследования религиозных книг решение было найдено в Коране: «Аллах не возлагает на человека сверх его способностей. Ему достанется то, что он приобрел и против него будет то, что он приобрел». Поэтому я прошу их спасти свои жизни, сдав крепость»¹⁴.

Мухафыз Бендер также отправил письмо в Стамбул спустя 20 дней, 3 декабря 1790 года. Таким образом, информация о том, что крепость сдана, была получена сначала не от его лица. Паша начинает свое письмо с того, что они яростно защищали крепость, и упоминает Потемкина словами проклятий. Он определяет, что его место — ад. Далее приводим его слова:

«Люди, не желающие быть раздавленными под ногами врага, пришли к кади и потребовали фетву. Затем они все собрались во дворце мухафыза. Тем временем я и два сопровождавших меня визиря находились на редутах. Они вызвали нас во дворец и показали нам фетву. Мы с визирями несколько раз предупреждали их, чтобы они отказались от этого решения. Однако они сказали, что тот, кто будет возражать, будет немедленно наказан и что они не подчинятся приказам визирей»¹⁵.

Единственная достоверная информация об этом документе — это дата в формате «день-месяц-год». Теперь мы можем перейти к условиям, при которых крепость будет капитулировать.

¹⁴ НАТ. nr. 145–6073.

¹⁵ НАТ. nr. 144–6070.

В тот же день, когда кади Бендер принимает важное решение, Потемкин сообщает условия сдачи крепости. В начале и конце документа, состоящего из 21 пункта, содержатся некоторые определения, в которых делается акцент на «восхвалении» Потемкина и «блестящей дружбе» двух стран.

Прежде чем перейти к условиям, необходимо упомянуть два момента. Первый из них связан с количеством пунктов в документе. Их могло быть и меньше без потери смысла в содержании, но количество представлено это неспроста. Потемкин должен озвучить их «во весь голос» на манер полководца-победителя. 16 из пунктов начинаются с союза «и», что также свидетельствует об этой задумке.

Второй вопрос, который мы хотим затронуть, связан с 10 пунктом. Здесь упоминаются ворота крепости, смотрящие на Стамбул, Орду, Варну и реку. Мы представляем эту краткую информацию, чтобы избежать недопонимания.

Стамбульские ворота Бендер — самые важные и в некотором смысле «парадные» ворота, получившие свое название, так как располагаются со стороны столицы. Ворота Орду — это ворота, через которые солдаты входят и выходят из крепости во время сражений. Варнисские ворота — это ворота, построенные для защиты от нападений казаков, названные в честь деревни, в направлении которой они открываются. Речные ворота находятся на берегу Днестра и являются воротами, через которые берется питьевая вода. Последние ворота упоминаются нами по причине того, что русские солдаты на шлюпках и понтонных лодках окружили крепость со стороны Днестра.

Теперь можем перейти к условиям капитуляции крепости. Упоминаем их, придерживаясь потемкинской цели «величия»¹⁶:

- Приказывается: дети, жены и слуги турок, их имущество и провизия не должны подвергаться нападениям.
- И приказывается не захватывать их скот и оружие.
- И приказывается со дня согласования этих условий всем быть готовыми и покинуть крепость в течение 20 дней.

¹⁶ НАГ. nr. 30–1411.

- И приказывается на протяжении 17 дней вести торговлю между русскими и турецкими купцами, продавать необходимый товар по справедливой цене, к ним подставить надежных офицеров, а армии не входить на рынок.
- И приказывается русским солдатам не входить в крепость за исключением нескольких солдат, пока турецкая армия не покинет крепость.
- И приказывается не препятствовать силой всем, кто захочет покинуть крепость вместе с турками, будь то христианин или нет.
- И приказывается каждому турецкому солдату дать лошадь и подводу, необходимые для перевозки его груза до устья Дуная.
- И приказывается русским обеспечить турецкого солдата необходимой провизией и питьем со дня его выхода из Бендер до прибытия к устью Дуная.
- И приказывается, чтобы на всем пути турецких воинов сопровождали один русский офицер, один проводник, один переводчик и один надежный генерал, который должен идти позади и быть не виден турецким солдатам.
- И приказывается турецким солдатам выйти из Бендер через Стамбульские ворота и ворота Орду, а российские солдаты будут приглашены войти через Речные ворота и Варнисские ворота.
- И приказывается генералу, проводнику и переводчику вернуться назад, когда последний турецкий солдат достигнет устья Дуная и пока не пересечет переправу в Силистре.
- И приказывается визирям велеть играть марш мехтер и развернуть свои флаги и знамена с того дня, как они покинули Бендеры, вплоть до границы.
- И приказываю со дня заключения этого соглашения и до тех пор, пока турки не покинут Бендеры, в случае если поступит известие о мире или прекращении огня между двумя государствами, они останутся в крепости.
- И приказываю не брать силой и не просить чью-либо наложницу, рабыню и служанку.

- И приказываю русским не брать ни мальчика, ни девочку, ни молодую женщину, ни взрослого мужчину, ни женщину, ни стариков, ни офицеров.
- И приказываю не принимать то, что могут дать только наша религия, наше государство, знать и Бог.
- И приказываю не притеснять турок при продаже зерна по рыночной стоимости.
- И приказываю, чтобы визирям предоставили животных и повозки, а также провизию, необходимую для их окружения.
- И приказываю в пути делать перерыв каждые три дня.
- И приказываю Его Превосходительству Сераскер-паше передать две пушки и одну тележку с боеприпасами, которые являются его собственностью.
- И приказываю, начиная с сегодняшнего дня, пока турецкие военные не покинут Бендеры, чтобы не рассматривались никакие судебные дела, будь то в отношении мусульман или христиан.

Исполнение этих гарантий выходит за рамки нашей статьи. Однако если и существует «универсальный» критерий, так это то, что гуманный подход на войне напрямую связан с национальной добродетелью побеждающей стороны. Английская поговорка гласит: «В любви и на войне все средства хороши». На этом мы заканчиваем подробную историю переписки. Мы закончим нашу статью после нескольких общих оценок.

Война 1768–1774 годов стала первым сокрушительным ударом, который Турция получила от России. Второй удар от России она получит примерно через 100 лет. Первый из них показал, что Турция больше не сможет стоять на собственных ногах. И эту войну король Пруссии Фридрих II описывает как «войну между слепыми и одноглазыми»¹⁷ (намек на физический недостаток Потемкина).

Мы не согласны с этим саркастическим высказыванием. Мы хотим представить эту войну через мифологические символы двух народов. Итак, это битва «старого и уставшего серого волка и молодого и энергичного медведя», потому что между захва-

¹⁷ Kemal Beydilli, Büyük Friedrich ve Osmanlılar, İstanbul 1985, s. 98.

том Турцией Бендер и первым завоеванием Россией этих мест прошло 230 лет, и эта разница равна сроку существования Соединенных Штатов до сегодняшнего дня.

Однако война 1787–1792 годов, начавшаяся с сентиментального заявления Турции о том, что, «если Крым не будет возвращен, меч не будет вложен в ножны», еще больше обнажила разницу между двумя империями. Бендерская крепость стоит и сегодня, но Потемкина уже нет. В завершение мы хотели бы коснуться его планов и амбиций.

Быть верховным главнокомандующим России и «полностью уполномоченным и независимым» заместителем Екатерины II — это непростое психологическое состояние, поэтому мы сопереживаем ему. Человеческая психология всегда стремится к «большему».

Он тоже жаждет королевства, имя которого — Дакия, а столица — Яссы, центр Молдавии. В территорию этого королевства входят Бессарабия, Очаков, Валахия, Молдавия и Приднестровье. По этой причине после взятия Аккермана 11 октября 1789 года он поселился здесь.

Но с Потемкиным что-то идет не так. На дальнейшие события повлияла, во-первых, Французская революция 1789 года, во-вторых, турецко-прусский союз 1790 года¹⁸. Через 5 месяцев после того, как Австрия вышла из войны, Россия согласилась подписать договор. Отныне Австрия не будет больше воевать с Турцией, видя, что Россия представляет угрозу и для нее самой.

Случайностей не бывает... Потемкин, родившийся в начале первой «совместной» войны России и Австрии с Турцией в 1736 году, скончался в конце второй совместной военной кампании. Потемкин не сможет видеть этого мира, но заключенный мир назван именем столицы желаемого им королевства.

Пусть наше последнее слово будет иметь вселенский масштаб. «На этом голубом шаре мы сражаемся друг с другом на протяжении тысячелетий, хуже всего проиграть войну, но еще хуже быть победителем».

¹⁸ Kemal Beydilli, 1790 Osmanlı-Prusya İttifakı, İstanbul, 1984.

ШЕЙХ МАНСУР: ЕГО СТОРОННИКИ И ПРОТИВНИКИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

«Фанатик»¹, «лжепророк»² и «мнимый святоша»³ — такими эпитетами наградили предводителя антироссийского восстания на Северном Кавказе шейха Мансура его современники. Не были благосклонны к нему и историки: одни называли его турецким агентом⁴, другие — итальянским монахом⁵, для третьих он был и остается предводителем «национально-освободительного движения»⁶. Но несмотря на такой разброс мнений, шейх

¹ *Séгур L. P. Mémoires ou souvenirs et anecdotes.* Т. II. Paris, 1826. P. 400.

² Записки о службе генерал-фельдмаршала графа И. В. Гудовича, составленные им самим // *Кавказская война: истоки и начало. 1770–1820 годы* / Сост. Я. А. Гордин, Б. П. Миловидов. СПб., 2002. С. 66.

³ Жизнь А. С. Пишчевича, им самим описанная. 1764–1805 / Предисл., примеч. Н. Попова // *Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете.* Кн. I: Январь–март. М., 1885. С. 79.

⁴ *Смирнов Н. А. Турецкая агентура под флагом ислама. (Восстание шейха Мансура на Северном Кавказе.)* // *Вопросы истории религии и атеизма. Сборник статей* / Отв. ред. В. Д. Бонч-Бруевич. М., 1950. С. 11–63; *Кинятина Н. С., Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России (вторая половина XVIII — 80-е годы XIX в.).* М., 1984. С. 67–68 и др.

⁵ *М. Авантюрист XVIII века* // *Русская мысль: Журнал научный, литературный и политический.* 1884. Кн. VII. С. 297–314; *Виноградов А. Шейх Мансур.* М., 1934 и др.

⁶ *Ахмадов Ш. Б. Имам Мансур. (Народно-освободительное движение в Чечне и на Северном Кавказе в конце XVIII в.)* Грозный, 1991. Пожалуй, единX

Мансур был человеком незаурядным, который, хотя и на небольшой период времени, смог сплотить вокруг себя достаточное число северокавказских владетелей.

В историографии началом выступления шейха Мансура принято считать весну 1785 года. Но турецким властям на Кавказе его имя стало известно на два года раньше. В 1783 году губернатор провинции Чеддырь Сулейман-Паша сообщал в Стамбул о том, что в Чечне появился некий шейх Мансур⁷. Да и сам он в своих показаниях указывал, что этим именем нарекли его чеченцы еще в 1783 году⁸. Нам ничего не известно о его деятельности на протяжении двух лет, но тот факт, что он находился безвыездно в Чечне, не вызывает ни малейшего сомнения.

В поле зрения российских властей Мансур попал лишь в марте 1785 года, когда информация о нем дошла до Кизляра. Тогда же комендант Иван Вешняков направил северокавказским владетелям письма, в которых просил как можно подробнее сообщать о появившемся в Алдах «лжеце и обманщике», который, по его сведениям, собирался напасть на Кизляр⁹. В своих письмах Мансур действительно призывал местных правителей и старшин собрать провианта на 10 дней, присоединиться к нему, чтобы «итти на разбой»¹⁰.

Донесения лазутчиков дали некоторую информацию о более ранних действиях, предпринятых Ушурмой. Прежде чем объ-

ственная работа, в которой предпринята попытка отойти от всевозможных клише, — это исследование В. В. Дегоева. См.: *Дегоев В. В. Непостижимая Чечня: Шейх-Мансур и его время (XVIII век)*. М., 2013.

⁷ Osmanlı Devleti ile Azerbaycan Türk Hanlıkları Arasındaki Münâsebetlere Dâir Arşiv Belgeleri. (Karabağ-Şuşa, Nahçıvan, Bakü, Gence, Şirvan, Şeki, Revan, Kuba, Hoy). Vol. I. (1578–1914) / Hazırlayanlar İ. Demir, U. Demirbaş, N. O. Yıldırım ve diğer. Ankara, 1992. S. 98.

⁸ История чеченцев в письменных источниках. (Сборник документов и материалов с древнейших времен до начала XX в.) / Отв. сост. Л. Д. Инуркаева, А. И. Духаев, М. Х. Ченчиева, А. Р. Орсакханов. Нальчик, 2019. С. 321.

⁹ Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). Ф. 379. Оп. 3. Д. 13. Л. 2.

¹⁰ Ахмадов Я. З. Чечено-русские отношения в XVIII веке. Исследование и материалы. Т. 1. Грозный, 2019. С. 507.

явить себя имамом, он несколько ночей молился в своем доме, наставляя своих родственников к праведной жизни. Закончив молиться, сам он призвал к молитве в мечети множество людей, которым также пытался растолковать прописные исламские истины. После этого в его дом последовали несколько сторонников, которым он раздал мясо двух зарезанных баранов. На следующий день он сам зарезал одного из двух принадлежавших ему быков — половину мяса он отдал бедным, а другую — муталимам. С этого момента, как считали русские военные, «разнесся повсюду о святости его слух». И потянулись к нему «однозаконцы великими толпами», а приносимые ими дары Мансур разделял между нуждающимися¹¹.

Это привлекло к шейху большое число представителей местных народов, которым были интересны его «чудилица»¹². Он пытался обставить свою проповедь так, чтобы она производила неизгладимое впечатление, поэтому те, кто оказывался рядом с ним, запоминали, во что он одет — «в разноцветное платье, такое, что на свете ни на ком не видали»¹³. Шейх окружал себя ореолом тайны, «наружно никому не показывался и на то имел шапку с занавескою, из-под коей лица его видеть никто не мог»¹⁴, поддерживал неослабевающий интерес среди слушателей и сторонников.

Турецкие власти на Кавказе к появлению шейха отнеслись с некоторым недоверием. Связано это было с тем, что «никто не видел человека, именуемого имамом Мансуром, который объявился в местности под названием Чечня». Все сведения, которые получали турки, были от путешественников и торговцев и содержали минимум достоверной информации. Шейху приписывались какие-то небывалые победы, достигнутые «знат-

¹¹ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК). Т. II / Под ред. А. П. Берже. Тифлис, 1868. С. 1113–1114.

¹² Маньшев С. Б. Шейх Мансур в материалах кизлярского и моздокского комендантских архивов. Сборник документов. М., 2022. С. 98.

¹³ Ахмадов Я. З. Чечено-русские отношения в XVIII веке ... С. 504.

¹⁴ АКАК. Т. II. — С. 1114.

ным корпусом войск»¹⁵. Хотя турецкие конфиденты отмечали, что «все это и прочее, что о нем рассказывают, абсолютная бессмыслица»¹⁶. Единственное, чего могли опасаться османские власти — это того, что Мансур в совершенно неподходящий для них момент выступит против России, отношения с которой в этот период нельзя было назвать стабильными. С другой стороны, уже в ноябре 1785 года они готовы были снабжать Мансура боеприпасами, чтобы он при необходимости вместе с другими народами Кавказа поднял против русских властей восстание от Кубани до Кавказского хребта¹⁷.

Первоначально местные старшины характеризовали Мансура как «человека доброго и справедливого», который «не велит обижать христиан»¹⁸. Однако уже очень скоро его сторонники стали наносить местным армянам и грузинам, занимавшимся в регионе торговлей, «некоторого рода притеснения и обиды»¹⁹. Да и сам шейх уже в 1786 году писал великому визирю Османской империи, что под его руководством можно достичь победы «правоверных» над «нечестивыми безбожниками», которые всячески притесняют мусульман²⁰.

Известие о появлении среди чеченцев «лжепророка» заставило временного командующего войсками на Кавказе М. Н. Леонтьева усилить военные укрепления. П. С. Потемкин посчитал необходимым отправить к горцам особую прокламацию, в которой призывал не верить Мансуру и его пророчествам и, главное, не присоединяться к нему. Однако его слова не возымели какого бы то ни было действия²¹. Поэтому

¹⁵ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 89. Оп. 89/8. Д. 674. Л. 9 об.

¹⁶ История чеченцев в письменных источниках... С. 291.

¹⁷ Там же. С. 286.

¹⁸ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 23. Оп. 1. Д. 13. Ч. 15. Л. 65.

¹⁹ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 3. Д. 13. Л. 2 об.

²⁰ История чеченцев в письменных источниках... С. 298.

²¹ Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. II. СПб., 1886. С. 100–101.

было принято решение отправить к чеченцам экспедицию под командованием энергичного полковника Н. Ю. Пьери. Не дождавшись подкрепления, отряд, состоявший из солдат и офицеров Астраханского полка, Кабардинского егерского батальона, двух гренадерских рот Тамбовского полка и сотни терских казаков, переправился через Терек и взял курс на Сунжу. Беспечность Н. Ю. Пьери, который не посчитал нужным прикрыть тыл своего отряда, обернулась тем, что на обратном пути от разоренного ими аула Алды чеченцы напали на русские войска²². Чеченское предание гласило, что «убитых было такое множество, что из кольев, которыми был огорожен аул и на которые выставлены были головы убитых русских, остались без трофея только два кола», а река Сунжа была усыпана фуражками русских солдат²³. В результате неудачной экспедиции Н. Ю. Пьери было убито около 300 человек, а еще две сотни попали в плен²⁴. Сам Мансур предлагал кизлярскому коменданту определиться с условиями выкупа последних, считая, что между ним и русскими войсками «простирается война»²⁵. И. С. Вешняков, напротив, не видел какой бы то ни было войны, а считал происшедшие события не более чем «неустройства и грабежи», которые и до того происходили в течение длительного времени, поэтому предложение Мансура осталось без ответа²⁶. Пленные во время этой экспедиции оставались в горах долгие годы. Например, в 1789 году удалось бежать егерю Федору Григорьеву, который был определен для дальнейшей службы в Моздокский батальон²⁷.

²² Достаточно подробное описание экспедиции Н. Ю. Пьери на основе материалов, отложившихся в архиве Г. А. Потемкина, см.: *Ахмадов Ш. Б. Имам Мансур...* С. 114–130.

²³ *Лаудаев У.* Чеченское племя // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. VI. Тифлис, 1872. С. 61.

²⁴ *Смирнов Н. А.* Турецкая агентура... С. 38.

²⁵ *Ахмадов Я. З.* Чечено-русские отношения в XVIII веке... С. 521.

²⁶ РГАДА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 13. Ч. 22. Л. 74.

²⁷ Центральный исторический архив Грузии (ЦИАГ). Ф. 1007. Оп. 1. Д. 42. Л. 135.

Для самого Мансура, как он впоследствии признавался, экспедиция русских войск к Алдам была полной неожиданностью²⁸. Но именно она стала его звездным часом, результатом которого он воспользовался сполна. Г. А. Потемкин доносил императрице, что «развратник ших Мансур после успеха, полученного им над деташементом покойного полковника и кавалера Пиерия, ознаменился чудотворцем так, что все почти народы кавказские ему покорились»²⁹. Фактически с этой неудачной для русских войск экспедиции и начались попытки Ушурмы вступить в военное противоборство с империей. Ему казалось, что теперь его поддержат местные владетели, которые позарятся на легкую добычу. Но дальнейшие события продемонстрируют, что Мансур сильно недооценивал своего противника и ошибался насчет северокавказских владетелей, которые предпочитали получать чины и подарки от империи и направлять свои отряды в походы за добычей в Грузию.

Чеченское общество во второй половине XVIII века не представляло единого целого в политическом отношении. Именно поэтому Манстуру необходимо было завоевывать доверие каждого отдельного селения, доказывать его жителям, что его проект жизнеспособен. С другой стороны, российские власти прекрасно стали осознавать, что присяга, принесенная в 1781 году, не обеспечила какого бы то ни было спокойствия в регионе. Брагунский владетель Кучук Баматов, пытаясь отмежеваться от возможных проблем, уже в начале марта 1785 года отправил в Алды доверенных лиц для выяснения информации о Мансуре³⁰. И спустя некоторое время сообщил кизлярскому коменданту о планах имама на будущее³¹. Очевидно, это был один из наиболее преданных русскому престолу владетелей, так как именно к нему неоднократно обращался кизлярский комендант с просьбой поподробнее узнать о шейхе. Отправлявшиеся в лагерь к Манстуру

²⁸ История чеченцев в письменных источниках... С. 320.

²⁹ Ахмадов Я. З. Чечено-русские отношения в XVIII веке... С. 514.

³⁰ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 3. Д. 13. Л. 95.

³¹ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 3. Д. 13. Л. 107.

брагунцы, возвращаясь, говорили, что «ево дело невзятно про-изходит»³².

Вообще, наиболее влиятельные чеченские владетели первоначально заняли по отношению к Мансуру враждебную позицию: они старались не допустить своих подвластных к нему, угрожали им, брали присягу, как, например, чаккеринский правитель Алхан Нурмаматов³³.

Иное положение дел можно наблюдать в тех аулах, которые управлялись старшинами. Они наверняка не хуже владетелей знали о планах Мансура, однако всячески пытались успокоить кизлярского коменданта, говоря ему о том, что он призывает мирить смертоубийц и не воровать³⁴ и не намерен ничего плохого предпринимать³⁵.

Но военные неудачи привели к тому, что осенью от Мансура отошло большинство жителей крупных и небольших чеченских аулов³⁶. Карабулаки принесли российским властям повинную в связи с оказывавшейся ими помощью шейху³⁷. Как отмечал в своих реляциях российский посланник Я. Булгаков, согласно сведениям, доходившим до Константинополя, чеченцы нашли имама Мансура «истинным лжецом и нарушителем тишины, а предвещании его о будущих чудотворениях не сбывшимися»³⁸.

Последующие попытки Мансура хоть как-то сплотить своих сторонников не находили никакой поддержки: они отказывались снабжать его провиантом³⁹, а затем и вовсе игнорировали призывы приехать на общее собрание, на котором должен был

³² Маньшев С. Б. Указ. соч. С. 96.

³³ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 3. Д. 13. Л. 176.

³⁴ Ахмадов Я. З. Чечено-русские отношения в XVIII веке ... С. 503–504.

³⁵ История чеченцев в письменных источниках ... С. 279.

³⁶ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 3. Д. 13 А. Л. 451.

³⁷ РГАДА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 13. Ч. 16. 320 об.

³⁸ АВПРИ. Ф. 90. Оп. 90/1. Д. 1008. Л. 61.

³⁹ РГАДА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 13. Ч. 18. Л. 96.

решаться вопрос о консолидации сил против России и поддержке Османской империи⁴⁰.

Сначала Мансуру удалось привлечь большое число сторонников из Дагестана, хотя местные владельцы занимали достаточно осторожную позицию. Как сообщал в начале марта 1785 года Эльдархан Солтанмамутов кизлярскому коменданту, «все дагестанцы заединогласно ... по окончании сего месяца намерены собирать войски и напасть на ваши селения»⁴¹. Но при этом он же обещал оставаться преданным России⁴².

Андреевцы, несмотря ни на что, ездили к Мансуру, и их преданность вызывала опасения у русских властей⁴³. Сам же шейх рассылал письма ко всем владельцам до самого Дербента с требованием присоединиться к нему для планируемого похода на Кизляр, но они не произвели ожидаемого эффекта. А армянские купцы констатировали, что несмотря на все заверения, кумыкские правители «от должности верноподданнической весьма далеки»⁴⁴.

После своих первых побед в июле 1785 года Мансур вновь стал призывать горских владельцев в свои ряды для очередных походов против русских⁴⁵. Акушинские и даргинские владельцы решили его поддержать⁴⁶.

Аксаевские и андреевские владельцы заверяли кизлярского коменданта в том, что они ни при каких условиях не станут поддерживать Мансура. Угрозы со стороны шейха о разграблении их имущества возымели свое действие, и костековский владелец с семьей «удалился из своей деревни»⁴⁷. Однако власть их была небезгранична, и к шейху очень скоро собралось большое чис-

⁴⁰ РГАДА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 13. Ч. 27. Л. 183.

⁴¹ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 3. Д. 13. Л. 109 об.

⁴² Там же. Л. 142.

⁴³ Там же. Л. 6.

⁴⁴ Там же. Л. 167 об.

⁴⁵ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 3. Д. 13 А. Л. 309.

⁴⁶ Там же. Л. 320 об.

⁴⁷ Там же. Л. 283 об.

ло их подданных, которые были готовы идти на Кизляр⁴⁸. Кроме того, сами владетели были не против легкой наживы, и, «кроме князей андреевского Темира, аксаевского Эльдара, все с широким согласны, которые и ехать с ним хотят»⁴⁹. Правитель Акса Адиль Алибеков был вынужден признать, что присяга на верность России сделала его фактически изгоем: подданные ему не подчинялись, он стал противником не только Мансура, который в перспективе мог разорить его владения, но и других кумыкских владетелей⁵⁰. У местных правителей не хватало сил, чтобы удерживать своих подданных от присоединения к шейху, и они обращались к российским властям за военной поддержкой⁵¹. Но спустя каких-то полгода российские власти поняли, что необходимо заставить местных владетелей раскаяться в содеянном и отдать в их распоряжение аманатов, которые стали бы гарантами их верности⁵². Да и сами аксаевские, андреевские и костековские владетели стали просить о том, чтобы их подданные, примкнувшие к Мансуру, были прощены⁵³, а иные — и вовсе наказаны⁵⁴.

Для русских властей более существенной проблемой был возможный альянс шейха с наиболее крупными местными владетелями, а не их подданными. Они не спешили высказывать Мансуру своей поддержки, ясно понимая, что тенденция к какому бы то ни было объединению под знаменами имама несет угрозу их политической власти и самостоятельности. С другой стороны, Россия могла не опасаться такого союза, так как местные владетели находились друг с другом в состоянии разной степени вражды, которая не могла быть забыта ради чего-то эфемерного, предлагаемого Мансуром. Поэтому российские власти заняли выжидательную позицию.

⁴⁸ Там же. Л. 321.

⁴⁹ Там же. Л. 433.

⁵⁰ РГАДА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 13. Ч. 17. Л. 86.

⁵¹ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 3. Д. 13. Л. 19 об.

⁵² РГАДА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 13. Ч. 16. Л. 316 об.

⁵³ Там же. Л. 72.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 13. Ч. 17. Л. 165.

Тарковский шамхал Бамат писал командующему на Кавказской линии М. Н. Леонтьеву, что «подвластные мои и я к оказавшемуся в Алдинской деревне имаму в зборище ни под каким видом не взойдет и уверяю вашего высокопревосходительства, что по жизнь мою я с подвластными моими российской стороне вреднаго ничего чинить не покусима»⁵⁵. Он не поехал к имаму сам, не пустил своих детей и предостерегал подданных, обещая разорить их дома⁵⁶. Претендуя на роль арбитра в русско-дагестанских отношениях, шамхал предлагал российским властям использовать подкуп, прислав ему подарки для дагестанских владельцев, благодаря которым он смог бы их удержать от перехода на сторону Мансура⁵⁷. Но не все его подвластные прислушались к предостережениям: в сентябре 1785 года кизлярский комендант И. С. Вешняков сообщал, что отправившиеся без ведома Бамата жители, схваченные «из толпы имамовой», были к нему доставлены, хотя он уверен в «дружбе и доброжелательстве к России» его самого⁵⁸.

Правитель Кайтага тоже отнесся с осторожностью к призывам Мансура и всячески декларировал, что не допустит своих подданных для причинения вреда российским владениям⁵⁹. Он был уверен в том, что разгром 12-тысячного войска шейха под Кизляром, который обороняли всего 2 тысячи русских, является показателем несостоятельности военного потенциала Мансура. Поэтому он утверждал, что «если ее величество пожелает здешние пределы привести к разорению, то весьма легко сие исполнить»⁶⁰. Но такая ситуация не продлилась долго, и уже осенью 1785 года был нарушен *status quo*: его племенник по имени

⁵⁵ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 3. Д. 13 А. Л. 340.

⁵⁶ Там же. Л. 348.

⁵⁷ Там же. Л. 371 об.

⁵⁸ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 3. Д. 13. Л. 27 об.

⁵⁹ РГАДА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 13. Ч. 16. Л. 321.

⁶⁰ Русско-дагестанские отношения в XVIII — начале XIX в. Сборник документов / Сост. В. Г. Гаджиев, Д.-М. С. Габиев, Н. А. Магомедов и др. М., 1988. С. 190.

Ханмамат присоединился к шейху⁶¹. Однако в это время Мансуром не было предпринято каких бы то ни было крупных военных действий, и собранное войско оказалось невостребованным. В начале 1786 года уцмий не перестал поддерживать Ушурму, который ожидал направленных от него людей для будущих предприятий⁶². При этом он продолжал заверять российские власти в своей преданности, за которую и получил подарки от П. С. Потемкина⁶³.

В конце апреля 1785 года к Мансуру прибыл брат табасаранского кадия Махмут с отрядом в 300 человек, которого заверили, что в июле шейх будет собирать людей для очередного похода⁶⁴. В начале 1786 года табасаранцы обещали предоставить шейху «сколько можно больше» войска⁶⁵. Но сам кадий Рустам, согласно его заверениям, «никогда на вред к вам не ездил» и оставался верным России. А дальше он пытался играть на чувствах П. С. Потемкина, заявляя, что, если его письмо не подтверждает этого, «в таком случае сыщу я того, кто ищет меня, ести бог только допустит» «ибо я помозитель того, который не отрекается от меня»⁶⁶. Таким образом, дальше разведки в стане Мансура и прощупывания почвы относительно взглядов местных правителей у русских властей дело не пошло.

Отдельно необходимо остановиться на той позиции, которую занимал по отношению к Мансуру крупнейший политический игрок в регионе правитель Аварского ханства Умахан. Получив письма от шейха, в июле 1785 года он заверял, что, завершив свой очередной набег на Грузию, примкнет к шейху для похода на российские владения⁶⁷. Однако исполнять своего обещания он не спешил, находясь безотлучно в своей резиден-

⁶¹ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 3. Д. 13 А. Л. 355.

⁶² РГАДА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 13. Ч. 20. Л. 156 об.

⁶³ Русско-дагестанские отношения... С. 191.

⁶⁴ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 3. Д. 13. Л. 208.

⁶⁵ Ахмадов Я. З. Чечено-русские отношения в XVIII веке... С. 519.

⁶⁶ Русско-дагестанские отношения... С. 192.

⁶⁷ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 3. Д. 13 А. Л. 382.

ции⁶⁸. В 1786 году Умахан вновь пообещал поддержать Мансура по своему возвращении из Грузии⁶⁹. Причем он утверждал, что вместе с ним придет конница, провиант, орудия и турецкие войска⁷⁰. Однако в это же время правитель Аварского ханства заверял российские власти в своей преданности и в том, что он не окажет помощи шейху, «наблюдая, чтоб прямая моя с вами дружба и расположение мое на услуги ее величества было ненарушаемо»⁷¹. Дальше обещаний Мансуру Умахан не пошел, о чем и говорил в письме к П. С. Потемкину летом 1787 года, отмечая, что, в отличие от шамхала, уцмия и Фетали Хана, он не отправлял людей к Мансуру⁷². А самому шейху писал, что «сила русского государства велика» и выступать против него не имеет смысла, так как «подобные действия перед русской державой не достигнут цели и станут причиной гибели для дагестанцев»⁷³.

Не обошел своим вниманием шейх Мансур и кабардинцев: к ним также были направлены «прелестные письма», которые не отличались какой-то оригинальностью⁷⁴. Он призывал их исполнять религиозные догматы, но, что важно, требовал не совершать нападений на российские владения⁷⁵. Четкое разграничение между двумя партиями кабардинцев — прорусской и протурецкой — обусловило и линию их раскола в отношении шейха Мансура. Именно в лице кабардинцев он нашел себе соратников, которые пытались прикрыть свои антирусские настрое-

⁶⁸ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 3. Д. 13 А. Л. 320 об.

⁶⁹ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 3. Д. 20. Л. 3.

⁷⁰ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 3. Д. 20. Л. 27 об.

⁷¹ Русско-дагестанские отношения... С. 198.

⁷² *Цинцадзе Я. З.* Материалы к истории русско-грузинских взаимоотношений (1782–1791) // Исторический вестник [Главного архивного управления при СМ СССР]. 1970. № 23–24. С. 122.

⁷³ *Алкадари Г.-Э.* Асари-Дагестан. (Исторические сведения о Дагестане) / Перевод и прим. А. Г. Гасанова (Алкадари). Махачкала, 1929. С. 105.

⁷⁴ РГАДА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 13. Ч. 15. Л. 348.

⁷⁵ К изучению исламской идеологии в Чечне конца XVIII в. (Воззвания имама Мансура) / Предисл., публ., коммент. Я. З. Ахмадова // Научная мысль Кавказа. 1999. № 1. С. 63.

ния действиями шейха. Прибывшие в середине лета 1785 года черкесские «князья» хотели переманить Мансура к себе⁷⁶. Они обещали шейху оказывать поддержку в случае его нападения на русские владения⁷⁷. Как впоследствии показал Дола Мударов, именно неудачный поход в Алды стал своеобразным катализатором, и «все легковерно поставили успех сей на щот от святости Ушурмы»⁷⁸.

Одним из главных сторонников Мансура в Кабарде стал Дола Мударов, который вместе с другими кабардинскими владельцами поддержал шейха. Он был известен своими набегами на осетин и ингушей, а также на кабардинцев, которые решили сохранить нейтралитет или противодействовали новоявленному имаму⁷⁹. В конце концов П. С. Потемкин назначил за поимку Дола крупную награду в 300 рублей, а также разрешил ингушам грабить его владения⁸⁰.

Летом 1785 года Мансур посетил Малую Кабарду, где лично убеждал жителей присоединиться к нему. Но его речи не произвели ожидаемого эффекта, возможно, потому, что Мансур говорил только по-чеченски и ему был нужен переводчик. Разъехавшиеся по своим домам владельцы вновь подтвердили свою привязанность к России⁸¹.

С одной стороны, Мансуру приходилось постоянно доказывать кабардинским владельцам, что он может возглавлять их хотя бы в военных предприятиях, с другой — сами владельцы могли не опасаться каких бы то ни было притязаний шейха, который не обладал сколько-нибудь значимой властью и организованной

⁷⁶ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 3. Д. 13 А. Л. 382 об.

⁷⁷ Там же. Л. 365 об.

⁷⁸ Цит. по публикации показаний Дола Мударова, приложенных к статье Н. А. Смирнова: *Смирнов Н. А.* Кабарда и реакционное восстание шейха Мансура накануне русско-турецкой войны 1787–1791 гг. // Сборник по истории Кабарды. Вып. I / Ред. Н. Смирнов, Б. Цавкилов. Нальчик, 1951. С. 115.

⁷⁹ РГАДА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 13. Ч. 15. Л. 56.

⁸⁰ РГАДА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 13. Ч. 16. Л. 320.

⁸¹ *Смирнов Н. А.* Кабарда и реакционное восстание шейха Мансура... С. 94.

структурой управления. Мансур демонстрировал свою лояльность установившимся в Кабарде порядкам, выказывая им некоторое почтение и лично выезжал к владельцам для координации их действий⁸².

Все эти усилия привели лишь к тому, что Ушурма потерпел сокрушительное поражение в боях у Татартупа, где его войска столкнулись с отрядом под командованием полковника Л. Т. Нагеля⁸³. Это сражение стало для Мансура роковым: он был вынужден бежать с поля боя, укрыться в доме Дола Мударова, а затем перебраться в Чечню, где и жил некоторое время, «не имея при себе более 50 человек»⁸⁴. По мнению кизлярского коменданта И. С. Вешнякова, успокоение Кабарды стало показательным примером для кумыков, которые видели, что Мансура достаточно легко победить⁸⁵.

Однако спустя несколько месяцев в начале 1786 года к Мансуру прибыли просители из Большой Кабарды, которые были готовы снабжать его провиантом в случае похода, но поскольку у него уже не было войска, то он обещал сообщить им о своих намерениях⁸⁶. Он вновь разослал письма к кабардинцам, в которых требовал не противодействовать ему и не оказывать помощи русским⁸⁷. Сам Мансур предпринял ряд попыток узнать о царивших среди кабардинцев настроениях. Это было связано с тем, что появились слухи о письмах от турецкого султана, требовавшего от своих подданных, которыми и была большая часть кабардинцев, не поддерживать действия шейха, которые могли нарушить установившийся в русско-турецких отношениях баланс⁸⁸. Несмотря на это, Мансуру вновь удалось привлечь

⁸² ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 3. Д. 13. Л. 513 об.

⁸³ Подробнее см.: *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. С. 124–130.

⁸⁴ АВПРИ. Ф. 90. Оп. 90/1. Д. 1008. Л. 90.

⁸⁵ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 3. Д. 13. Л. 33.

⁸⁶ Письма времен шейха Мансура // Архивный вестник [Архивного управления правительства Чеченской Республики]: Историко-документальный бюллетень. 2016. № 3. С. 31.

⁸⁷ РГАДА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 13. Ч. 17. Л. 439.

⁸⁸ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 3. Д. 19. Л. 31 об.

на свою сторону владельцев Западного Кавказа: помимо Дола, к нему присоединился Кучук Джанхотов — один из крупных политических игроков в Кабарде⁸⁹.

К лету 1786 года Мансур собрал новое войско, которое насчитывало до трех тысяч человек⁹⁰. Однако произошло непредвиденное: Дол Мударов перешел на сторону России. Оказавшись в безвыходной ситуации, он не посчитал возможным биться до последнего, а сдался и был помилован⁹¹. Отсутствие успешных военных предприятий против России, а также угрозы напасть и разорить непокорных привели к тому, что в это же время Мансура покинули и его дагестанские последователи. Они все чаще и чаще писали к кизлярскому коменданту, что «от Ушурмы отстали и имеют намерение войти ея императорскому величеству в покровительство»⁹².

Осенью 1786 года Мансур предпринял попытку выторговать себе прощение: он направил к П. С. Потемкину своего шурина Этту Батырмурзина, который сообщил, что имам, в обмен на свое прощение, готов «привести горские народы в спокойство»⁹³. Однако это предложение не устраивало российское командование, которое рассчитывало на полную капитуляцию и требовало от шейха явиться с повинной. Сам же Мансур в этот момент получил от кабардинских узденей предложение перебраться на Западный Кавказ, которое и решил принять⁹⁴.

Все это дало основание П. С. Потемкину в начале 1787 года констатировать, что восставшие «силою оружия ея императорскаго величества покорены в повиновение»⁹⁵. А для Мансура началась новая страница истории, связанная с его деятельностью на Западном Кавказе.

⁸⁹ РГАДА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 13. Ч. 24. Л. 304.

⁹⁰ РГАДА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 13. Ч. 22. Л. 211.

⁹¹ Дубровин Н. Ф. Указ. соч. С. 232.

⁹² ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 3. Д. 21. Л. 73.

⁹³ Ахмадов Я. З. Чечено-русские отношения в XVIII веке ... С. 521.

⁹⁴ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 3. Д. 22. Л. 45.

⁹⁵ ЦИАГ. Ф. 1007. Оп. 1. Д. 37. Л. 108.

Летом 1787 года, покинутый большей частью своих сторонников, шейх Мансур перебрался за Кубань⁹⁶. Этот период — еще одна лакуна в биографии Мансура. Дело в том, что его тема целиком и полностью на несколько лет исчезла из переписки кизлярского коменданта. Очевидно, что его действия так или иначе должны были фиксироваться в документах моздокского коменданта. До нас дошли все журналы входящей и исходящей документации за 1788–1789 годы. Но здесь также не встречается ни одного упоминания о Мансуре или его действиях. Вероятно, это связано с тем, что шейх в это время отправился к туркам.

Первая поездка шейха Мансура в турецкую крепость Анапа произошла в 1787 году. Турки расхваливали учение шейха, «отзываясь, что хотя оно и кратко, но в разсуждении его, мансуровой простоты, и того довольно». Мансуру советовали возбуждать в горцах ненависть к русским, как противникам мусульманской веры, убеждали заверять его последователей, что только благодаря борьбе горцы смогут быть вознаграждены в будущем⁹⁷.

Изменения в отношении турок к Ушурме связано с началом очередной русско-турецкой войны: они пытались и его использовать для внесения сумятицы в ряды сторонников России на Северном Кавказе. Мансур начал рассылку писем, в которых в очередной раз призывал соблюдать религиозные нормы ислама, намекая на то, что победа Османской империи близка⁹⁸. Он вновь пытался собрать вокруг себя людей, отчасти это ему удалось: около восьми тысяч закубанцев присоединились к шейху. Но его грандиозным планам не суждено было сбыться, так как в конце сентября войска под командованием П. С. Потемкина направились в междуречье Урупа и Лабы, где располагался лагерь горцев. Сражение, которое то затухало, то возобновлялось, продолжалось несколько дней, но в конце концов горцы «не могли устоять против жестокого огня» и «поражаемые и гони-

⁹⁶ РГАДА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 13. Ч. 28. Л. 210.

⁹⁷ История чеченцев в письменных источниках... С. 321.

⁹⁸ Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Т. II: XVIII в. / Сост. В. М. Букалова. М., 1957. С. 368.

мые отовсюду побежали наконец стремглав по своим местам, а близ живущие спасались в ущелья и горы»⁹⁹.

Очевидно, Мансур поверил обещаниям турок о поддержке, но и в этот раз им было не до помощи не очень популярному религиозному деятелю. Кабардинский владетель Атажука Хамурзин констатировал, что, несмотря на подарки и оказываемые знаки внимания, шейх «при всем том у тамошних народов и у турков не во уважении»¹⁰⁰. Вероятно, до конца 1789 года он не принимал никакого участия в военных действиях и находился безвыездно в турецких владениях.

С началом русско-турецкой войны политика Османской империи в регионе активизировалась: турки не жалели средств на подкуп местных владетелей, пытаясь склонить их на свою сторону. И тут вновь вспомнили о шейхе Мансуре. Он благодарил Батал-Пашу за присланные деньги, которые раздал местным жителям, потребовав от них клятву на Коране, что после Курбан-байрама они пойдут на Кизляр. «Вы же, знаменитый паша, не жалейте казны, от Порты на народ здешний присылаемой, а народ здешний будет молить за вас бога», — советовал он вельможе¹⁰¹.

Сам Мансур вновь отправился на Северный Кавказ, чтобы лично агитировать дагестанских владетелей: от Тарков — к Ахмедхану Дженгугаевскому¹⁰². В конце июля, пребывая у Умаха на Аварского, он сообщал Батал-Паше, что собрал сколько мог людей для нападения на Кизляр и ждет лишь прибытия турецких войск к Кубани¹⁰³.

⁹⁹ Собрание всех помещенных в Ведомостях обеих столиц с 1787 по 1791 год включительно, реляций о военных действиях против неприятелей Российской империи. Ч. I: Содержащая в себе реляции о действиях против турков с начала войны по самое подписание предварительных пунктов мира июля 31 дня сего 1791 года. М., 1791. С. 15.

¹⁰⁰ Кабардино-русские отношения... С. 370.

¹⁰¹ Материалы для истории Северного Кавказа 1787–1792 гг. (Окончание) / [Публ. Е. Д. Фелицына] // Кавказский сборник. Т. XX / Под ред. [В. А.] Потто. Тифлис, 1899. С. 407–408.

¹⁰² ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 3. Д. 82. Л. 49.

¹⁰³ Материалы для истории Северного Кавказа... С. 435.

Письма, которые распространяли турки, достигли не только своих адресатов, ряд местных владетелей поспешил препроводить к командующему войсками И. И. Герману. Кроме того, побывавший в турецком лагере Атажука Ахлов без промедления передал информацию о числе турецких войск и количестве орудий. Сам же Батал-Паша надеялся, переправившись через Кубань, «дать баталию, если будет кому, а потом идти прямо на Георгиевскую крепость, где он ожидал соединения всех кабардинцев и шаха (шейха Мансура. — С. М.), который тогда с толпами разных народов стоял на Сунже»¹⁰⁴. Но эти планы так и остались планами, так как к этому моменту к Кубани были стянуты значительные силы русских войск, которые и преградили путь туркам к Кабарде. Российский корпус в составе 3 тысяч человек при 18 орудиях разбил 8 тысяч пехоты и 10 тысяч конницы хорошо вооруженных турок, которым оказывали поддержку кубанцы¹⁰⁵. Батал-Паша попал в плен со своими приближенными. Также было захвачено 30 пушек и большое число провианта¹⁰⁶. Вероятно, число турецких войск было значительно завышено, так как, по подсчетам, было убито около тысячи человек со стороны противника, а также найдено по берегам Кубани «более 300 слабых и умирающих»¹⁰⁷.

После победы И. И. Германа Мансур все еще пытался собрать хоть какие-то силы в Дагестане: российские власти полагали, что к нему могут примкнуть войска шамхала тарковского и владетеля Дженгутая¹⁰⁸. И эти опасения не были беспочвен-

¹⁰⁴ Погром Батал-Паши на берегах Кубани 30 сентября 1790 года. Журнал кампании по Кавказской линии покойного генерала от инфантерии и кавалерии Ивана Ивановича Германа, 1790 года с 22 сентября по 30 число. Екатеринодар, 1896. С. 8.

¹⁰⁵ Социально-экономическое, политическое и культурное развитие народов Карачаево-Черкесии (1790–1917). Сборник документов / Сост. В. П. Невская, И. М. Шаманов, С. П. Несмачная. Ростов-на-Дону, 1985. С. 20, 22.

¹⁰⁶ Материалы для истории Северного Кавказа ... С. 443.

¹⁰⁷ Там же. С. 462.

¹⁰⁸ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 3. Д. 82. Л. 62.

ны, так как, пребывая в доме последнего, шейху удалось сагитировать Ахмадхана Дженгутаевского выехать в северный Дагестан с отрядом в 500 человек и ожидать подмоги из Тарков. Но не только сам шамхал не поддержал его, он не позволил и своим подвластным ехать в лагерь восставших¹⁰⁹. Такой поворот событий заставил Ушурму, покинув Дагестан, вернуться к туркам. В 1791 году в крепости Анапа вместе с несколькими своими сторонниками он был пленен¹¹⁰. Это событие уже не представляло большого интереса, поэтому имя Мансура и оказалось среди рутинного списка взятых орудий, знамен, провианта и пленных¹¹¹.

Иначе сложились судьбы сторонников Мансура: уже к концу 1785 года большая часть их них покинула имама и бросилась молить о прощении кизлярского коменданта. Поняв тщетность своих усилий, большинство перестало ездить «в зборище» к имаму, андреевскому владельцу Темиру Хамзину удалось переубедить своего сына и наиболее влиятельного узденя Кандаура Бамата, который сам не стал поддерживать Мансура «и других и предудержал»¹¹². И нужно отметить, что каких бы то ни было репрессий по отношению к местным владельцам, поддерживавшим Мансура, не последовало. Все, кто был готов раскаяться в своих действиях, были помилованы, а некоторые даже и награждены подарками¹¹³.

Оставили шейха и жители чеченских аулов. Они мотивировали это тем, что «итти с ним не согласились для того, как многожды с ним ходили, но никакой удачи не имели»¹¹⁴. Уже в сентябре 1785 года Мансура окружали лишь его родственники.

Кабардинский владелец Дол Мударов, сдавшийся в плен летом 1786 года, в своих показаниях, получив помилование, обе-

¹⁰⁹ Там же. Л. 64.

¹¹⁰ Записки о службе генерал-фельдмаршала графа И. В. Гудовича... С. 66.

¹¹¹ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 3. Д. 94. Л. 63.

¹¹² ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 3. Д. 13А. Л. 513.

¹¹³ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 3. Д. 13. Л. 33.

¹¹⁴ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 3. Д. 13А. Л. 451.

щал «остаться спокойным и верным»¹¹⁵. И свое слово сдержал: он принимал участие в русско-турецкой войне и получил чин секунд-майора и соответствующее жалование¹¹⁶.

Схваченные вместе с имамом во время штурма крепости Анапа чеченцы Гаджи Гассан и Чеге Витингов, а также «лезгин» Сулейман и ногаец Кеич Али Картышов были определены на поселение в Таврическую губернию вместе со своими женами и детьми¹¹⁷. Как отмечал таврический муфтий, здесь они «ведут себя добропорядочно и ни малейшего покушения к каковому-либо злому умыслу за ними не примечено»¹¹⁸.

Несмотря на, казалось бы, интенсивные действия Мансура по привлечению в свои ряды сторонников, им не удалось нанести сколь-нибудь крупного ущерба российской армии на Кавказе или коммуникациям. Именно поэтому участники его «шалостей» не понесли сурового наказания, а были прощены. Нельзя сказать, что за время своей деятельности Мансур приобрел большое число противников. Скорее, это были не столько противники, сколько сторонние наблюдатели, которые понимали тщетность каких бы то ни было усилий шейха.

¹¹⁵ Смирнов Н. А. Кабарда и реакционное восстание шейха Мансура... С. 116.

¹¹⁶ Кабардино-русские отношения... С. 376.

¹¹⁷ Присоединение Крыма к России. 1783–1796 гг.: Сборник документов / Сост., предисл., коммент. П. Ю. Болотиной. М., 2019. С. 305.

¹¹⁸ История чеченцев в письменных источниках... С. 329.

ВОЕННЫЕ РАСХОДЫ ФРАНЦУЗСКОЙ ИМПЕРИИ И РОССИИ В ПЕРИОД НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН

В отечественной историографии наполеоновских войн и Отечественной войны 1812 г. экономическая тематика в значительной степени игнорируется, хотя значение её невозможно переоценить. В данной статье мы предприняли попытку, опираясь на источники, представить общую статистику военных расходов наполеоновской Империи и России за 1804–1814 гг. Также интересно сравнить эти расходы как в абсолютных, так и в относительных величинах. Приводимый российскими историками цифровой материал по данной теме часто весьма обрывочный и неточный.

Детальная статистика доходов и расходов наполеоновской Франции была опубликована ещё в период наполеоновских войн: это официальные ежегодные издания Министерства финансов Французской Империи¹, а также отчёт 1813 г. о положении Империи министра внутренних дел Ж. П. Башассона, графа де Монталиве, где представлен обширный статистический материал по государственным расходам за 1804–1812 гг.² Представ-

¹ Administration des finances de l'Empire Français. An XIII. Paris, 1806; Administration des finances de l'Empire Français. An 1807. P., 1808; Administration des finances de l'Empire Français. An 1808. P., s. a.; Compte de l'administration des finances en 1809 et en 1810. P., 1811; Compte de l'administration des finances pendant l'année 1811. P., 1813.

² Exposé de la situation de l'Empire présenté au corps législatif dans sa séance du 25 février 1813, par s. Exc. le comte de Montalivet. P., 1813. 87 p.

ляет исключительный интерес статистический материал, приведённый в объёмных воспоминаниях Ф. Мольена, министра финансов Наполеона и его главного советника по финансовым вопросам³. Несмотря на недостатки, данные источники остаются важнейшими по теме, однако до настоящего времени они весьма слабо востребованы отечественными исследователями наполеоновских войн.

Тема военных расходов Империи Наполеона I подробно изучена французскими авторами как в виде специальных исследований, так и в составе более обширных изданий по истории наполеоновских войн⁴ и экономики Франции, стоит особо отметить капитальный 6-томный труд Марсея Мариона «Финансовая История Франции с 1715 года», четвёртый том которого охватывает период 1797–1818 гг.⁵

В отечественной историографии данная тема относится к числу малоизученных. В исследовании Ф. Е. Огородникова 1902 г. были приведены ценные статистические данные по экономике и финансам наполеоновских войн, в том числе по Франции⁶. Крупнейшие отечественные исследования экономики наполеоновской Империи были созданы Е. В. Тарле — это классические фундаментальные труды «Континентальная блокада. Исследования по истории промышленности и внешней торговли Франции в эпоху Наполеона» (М., 1913) и «Экономическая жизнь королевства Италии в царствование Наполеона I» (Юрь-

³ *Mollien F. N. Mémoires d'un ministre du trésor public 1780–1815. P., 1898. T. 2–3.*

⁴ *S. de la Ruelle. Les finances de la guerre de 1796 à 1815 // Annales de l'École libre des sciences politiques. 1892. T. 7. P. 25–62, 649–669; t. 8. P. 21–52; Pinaud P.-F. Guerre et Finances de 1792 à 1815: Le service de la Trésorerie aux Armées // Revue Historique. T. 283 (Janvier-Mars 1990). P. 53–69; Brun J.-F. L'économie militaire impériale à l'épreuve de la VIe coalition. Thèse de doctorat en Histoire. Clermont-Ferrand 2, 1993; Dictionnaire Napoleon / sous la dir. de J. Tulard. P., 1987; Dictionnaire Napoleon / sous la dir. de J. Tulard. P., 1999. T. 1–2 etc.*

⁵ *Marion M. Histoire financière de la France depuis 1715. T. IV: 1797–1818. La fin de la Révolution, le Consulat et l'Empire, la libération du territoire. P., 1925.*

⁶ *Огородников Ф. Е. Военные средства Англии в революционные и наполеоновские войны. Историко-статистическое исследование. СПб., 1902.*

ев, 1916)⁷. Переведённые на иностранные языки, они стали важной вехой в мировой историографии эпохи наполеоновских войн. Несмотря на приведённый поистине колоссальный статистический материал, связанный с экономикой и финансами наполеоновской Империи, Е. В. Тарле совершенно обошёл вопрос военных расходов Империи и их доле в структуре бюджета. В популярной биографии «Наполеон» Е. В. Тарле значительное внимание уделил вопросам снабжения наполеоновской армии.

После трудов Е. В. Тарле касательно экономики наполеоновской Франции в отечественной историографии не появилось и близко чего-либо подобного по фундированности и широте охвата источников, а тема военных расходов Империи Наполеона I в частности не становилась объектом специального изучения. В этой связи стоит отметить работы К. Г. Бочоришвили, который специально исследовал вопросы материального обеспечения армии Наполеона⁸. Известный исследователь Отечественной войны 1812 г. Н. А. Троицкий, ссылаясь на статью А. И. Молока 1938 г., привёл следующие данные о военном бюджете Франции: в 1810 г. 389 млн франков, в 1811 г. — 506 млн, а в 1812 г. — 556 млн⁹, однако эти цифры неточные и не отражают расходов на флот.

В постсоветский период проблема военных расходов наполеоновской Империи фактически не привлекала внимания рос-

⁷ Тарле Е. В. *Континентальная блокада. Исследования по истории промышленности и внешней торговли Франции в эпоху Наполеона* // Тарле Е. В. *Сочинения*. М., 1958. Т. 3; *Он же*. *Экономическая жизнь королевства Италии в царствование Наполеона I* // Там же. Т. 4.

⁸ Бочоришвили К. Г. *Французская армия как общественно-политическая сила при Консульстве и Империи (1799–1815 гг.)*. Дисс. ... к. и. н. Тбилиси, 1982; *Он же*. *Французская гвардия при Наполеоне I* // *Сообщения АН Грузинской АССР*. Тбилиси, 1982. № 3; *Он же*. *Награды и поощрения в наполеоновской армии* // *Новая и новейшая история*. 1984. № 6. С. 199–201; *Он же*. *Карьера наполеоновского солдата* // *Вопросы истории*. 1985. № 6. С. 181–186; *Он же*. *Армия Наполеона* // *Новая и новейшая история*. 1986. № 5. С. 134–146.

⁹ Троицкий Н. А. *1812. Великий год России*. М., 1988. С. 35; эти же цифры: *Он же*. *Александр I и Наполеон*. М., 1994. С. 190.

сийских историков, некоторый материал о военных расходах Франции приведён в статье Н. Н. Трошина о государственном долге в период наполеоновских войн¹⁰. О. Соколов в своём труде о наполеоновской армии говорит о работе военной администрации и приводит некоторый материал по военному бюджету Франции с опорой на воспоминания Ф. Мольена; сравнивая с военными расходами Британии, автор явно пытается занижить значение военных расходов наполеоновской Империи¹¹.

Касательно военных расходов России периода наполеоновских войн, уже в марте 1815 г. издали «Отчёт о действиях Интендантского управления в войне против французов 1812, 1813 и 1814 годов» генерал-интенданта Е. Ф. Канкрин¹², по которому расходы на действующие армии в войнах против Наполеона 1812–1814 гг. составили 157 млн руб. ассигнациями; в том числе за Отечественную войну — 19 млн, за 1813 г. — 60 млн, за 1814 г. — 78 млн руб. Однако это расходы только Интендантского ведомства за исключением расходов на резервную и польскую армии, здесь не учтены многие связанные с войной статьи расходов и издержки. К тому же сам генерал-интендант Е. Ф. Канкрин указал на многие недостатки ведения армейских финансов.

В 1885 г. были опубликованы росписи государственных доходов и расходов Российской Империи за 1796–1825 гг., а также отчёты об исполнении росписей по журналам Комитета министров, Государственного Совета¹³. Здесь приведены, в частности, данные по фактическим, а не запланированным расходам.

¹⁰ Трошин Н. Н. Государственный долг // Отечественная война 1812 года и освободительный поход русской армии 1813–1814 годов. Энциклопедия. М., 2012. Т. 1. С. 507–513.

¹¹ Соколов О. Армия Наполеона. СПб., 1999. С. 485–486.

¹² См.: Управление генерал-интенданта Канкрин. Генеральный сокращённый отчёт по армиям (кроме Польской и Резервной) за походы против французов. 1812, 1813 и 1814 годов. Варшава, 1815.

¹³ Финансовые документы царствования императора Александра I // Сборник Императорского Русского Исторического общества. Т. 45. СПб., 1885.

В дореволюционный период вышли работы с детальным анализом экономики России эпохи Александра I, где представлен богатейший статистический материал в том числе по военным расходам: стоит особо отметить капитальный труд И. Блюха¹⁴, работы Н. Бржеского¹⁵, Я. И. Печерина¹⁶, капитальное юбилейное издание о Министерстве финансов, содержащее подробные сведения о российских финансах первой четверти XIX в.¹⁷, где, в частности, признали, что «правильной, хорошо организованной статистики в области ведения государственного хозяйства в царствование императора Александра I не существовало».

Отдельный том многотомного издания о Военном министерстве Российской Империи был посвящён Главному Интендантскому управлению¹⁸, где на основе архивных документов проанализирована деятельность центрального управленческого аппарата Военного министерства, в том числе деятельность военно-хозяйственных органов по организации довольствия войск. Приведён обширный материал о снабжении войск в период правления Александра I как в натуральном выражении, так и деньгами, показаны сложности учёта реальных военных расходов России в то время. В юбилейном сборнике «Отечественная война и русское общество» вопросам экономики было уделено заметное внимание, указано на хаос, царивший в отечественной финансовой системе эпохи¹⁹.

¹⁴ Блюх И. Финансы России в XIX столетии. История-статистика. СПб., 1882. Т. 1.

¹⁵ Бржеский Н. Государственные долги России. Историко-статистическое исследование. СПб., 1884.

¹⁶ Печерин Я. И. Исторический обзор росписей государственных доходов и расходов с 1803 по 1843 год включительно. СПб., 1896.

¹⁷ Министерство финансов. 1802–1902. Исторический обзор главнейших мероприятий финансового ведомства. СПб., 1902. Ч. 1.

¹⁸ Столетие военного министерства 1802–1902. Главное интендантское управление. Исторический очерк. Т. 5. Ч. 1. Введение и царствование императора Александра I. СПб., 1903.

¹⁹ Волгин В. П. Социально-экономический строй Франции при Наполеоне I; Кулишер И. М. Торговая политика и финансы Англии в начале XIX в.; Венский К. А. Континентальная система // Отечественная война и Рус-

В советский период, несмотря на настоящий культ экономической истории, появилось очень немного достойных внимания исследований российской экономики 1805–1815 гг., прежде всего это фундаментальный труд М. Ф. Злотникова о Континентальной блокаде (опубликованный частично в 1966 г.)²⁰, непосредственно затрагивающая интересующую нас тему военных расходов богатая по фактологии диссертация В. И. Сперанского²¹. К вопросам экономики наполеоновских войн обращался В. Г. Сироткин, включая вопрос о военных расходах²². В целом в советских исследованиях наполеоновской эпохи было приведено много ошибочных сведений касательно экономики Французской Империи и России Александра I как вследствие незнания источников, так и по идеологическим причинам.

Среди постсоветских публикаций стоит особо отметить диссертацию С. В. Гаврилова²³, исследования Л. П. Марней о финансовой политике России эпохи Александра I²⁴. Проблемы учёта военных расходов России во время Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов 1813–1814 гг. рассмотрены

ское общество. М., 1912. Т. 1. С. 103–118, 213–232; *Пичета В. И.* Хозяйство России в начале XIX в.; *Сивков К. В.* Финансы России перед войной 1812 года // Там же. Т. 2. С. 246–258; Т. 7. С. 105–137.

²⁰ Злотников М. Ф. Континентальная блокада и Россия. М., 1966.

²¹ Сперанский В. И. Военно-экономическая подготовка России к борьбе с Наполеоном в 1812–1814 годах. Дисс. ... к. и. н. Горький, 1967.

²² Сироткин В. Г. Континентальная блокада и Россия // Вопросы военной истории России XVIII — нач. XIX в. Сб. материалов. М., 1969; *Он же.* Финансовые последствия наполеоновских войн в России 1814–1824 гг. // История СССР. 1974. № 4. С. 51–61; *Он же.* Наполеон и Россия. М., 2000; *Он же.* Наполеон и Александр I. Дипломатия и разведка Наполеона и Александра I в 1801–1812 гг. М., 2003.

²³ Гаврилов С. В. Организация снабжения русской армии накануне и в ходе Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813–1815 гг.: Исторические аспекты. Дисс. ... к. и. н. СПб., 2003.

²⁴ Марней Л. П. Д. А. Гурьев и финансовая политика России в начале XIX в. М., 2009; *Она же.* Финансы Российской Империи периода Отечественной войны 1812 года и Заграничных походов Русской армии // Эпоха. 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Вып. XII. М., 2014. С. 177–191.

А. Г. Бесовым (привёл данные с результатами работы комиссии по военным расходам в кампании 1805–1807 гг. и 1812–1814 гг.) и В. М. Безотосным²⁵. Исследования А. А. Орлова показали роль Британии в материально-техническом и финансовом обеспечении России в период наполеоновских войн²⁶. В многочисленных статьях Г. В. Носовой и Н. Н. Трошина были рассмотрены различные вопросы экономики и финансов эпохи наполеоновских войн, укажем лишь наиболее важные для темы нашего исследования²⁷. А. М. Лукашевич затронул вопрос о материальном

²⁵ Бесов А. Г. О хронологии и финансовых издержках Отечественной войны 1812 года // Вопросы истории. 2003. № 12. С. 167–169; Безотосный В. М. Цена и последствия победы // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Вып. VIII. М., 2009. С. 329–359.

²⁶ См.: Орлов А. А. Англо-русские взаимоотношения в годы наполеоновских войн 1805–1814 гг.: Дисс... к. и. н. М., 1997; Он же. Британские субсидии; Поставки британского вооружения // Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М., 2004. С. 96, 582–583; Он же. Союз Петербурга и Лондона. Российско-британские отношения в годы наполеоновских войн. М., 2005.

²⁷ См: Носова Г. В. Некоторые аспекты финансовой политики России в 1812–1815 годах // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи. М., 2006. С. 95–108; Она же. Особенности финансирования зарубежных походов российской армии в 1813 году // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи. М., 2007. С. 180–197; Она же. К вопросу об английской финансовой помощи России в 1812 г. // Отечественная война 1812 года и российская провинция в событиях, человеческих судьбах и музейных коллекциях. Малоярославец, 2007; Она же. К вопросу о денежной системе России в 1812 году // Отечественная война 1812 года и российская провинция в событиях, человеческих судьбах и музейных коллекциях. Малоярославец, 2009; Трошин Н. Н. План финансов Сперанского и его реализация. (Русские финансы накануне Отечественной войны 1812 года) // 1812 год. Люди и события великой эпохи. М., 2009. С. 178–202; Он же. Финансы России в эпоху наполеоновских войн (1801–1807 гг.) // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Вып. IX. М., 2010. С. 14–29; Он же. Русские финансы в 1812 году // Бородино в истории и культуре. Можайск, 2010; Он же. Другая сторона войны (Отечественная война 1812 года глазами генерал-интенданта Е. Ф. Канкрин) // 1812 год. Люди и события великой эпохи. М., 2013. С. 339–356; Носова Г. В. К вопросу о дополнительных источниках пополнения казны в 1812–1814 гг. // Бородино и освободительные походы русской армии 1813–1814 годов. Бородино, 2015. С. 429–445; Трошин Н. Н. Определение материальных издержек Отечественной войны 1812 г. (к постанов-

	XII год Республики (24.09.1803– 22.09.1804)	XIII год Республики (23.09.1804– 22.09.1805)	XIV год Республики (23.09.1805– 31.12.1805)	1806
Общие расходы, франков	804 431 555	684 000 000	205 144 436	689 095 923
Расходы на военное министерство	182 500 000	172 500 000	54 064 000	175 000 000
Расходы на военную администрацию	147 007 227	110 832 117	44 599 257	116 900 000
Расходы на флот	220 000 000	145 000 000	36 400 000	130 000 000
Общие военные расходы	549 507 227	428 332 117	135 063 257	421 900 000
Доля военных расходов, %	68,3	62,6	65,8	61,2
Обслуживание государственного долга, пенсии	98 201 837	92 859 201	33 517 2888	100 905 923
Содержание императорского двора и французских принцев	9 000 000	27 000 000	7 425 000	27 000 000

ущербе белорусско-литовским губерниям в результате Отечественной войны 1812 г. и проблему оплаты за реквизиции для российских войск в ходе кампании, которая была осуществлена лишь частично и зачастую многие годы спустя, что также относится к военным издержкам.

В фундаментальных энциклопедиях, посвящённых Отечественной войне 1812 г. и заграничным походам русских войск 1813–1814 гг., финансово-экономическим вопросам уделено крайне незначительное внимание²⁸. Буквально несколько статей

ке проблемы) // Вестник военно-исторических исследований. Пенза, 2015. С. 74–89; *Он же*. Деньги для Европы (из истории финансирования Заграничного похода русской армии в 1813–1814 гг.) // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Вып. XIV. М., 2016. С. 109–119 и др.

²⁸ Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М., 2004. С. 96, 132, 368, 582–583, 746–747, 749–751; Отечественная война 1812 года и освободительный поход русской армии 1813–1814 годов. Энциклопедия. М., 2012.

*Расходы наполеоновской Империи 1804–1813 гг.*²⁹

1807	1808	1809	1810	1811	1812
731 725 686	772 744 445	786 740 214	785 060 443	1 000 000 000	1 030 000 000
197 795 747	211 000 000	216 556 707	241 908 624	300 496 000	300 000 000
139 400 000	166 927 939	181 229 142	147 655 214	205 600 000	220 000 000
114 739 000	115 570 549	110 475 264	110 318 163	157 000 000	159 000 000
451 934 747	493 498 488	508 261 113	499 882 001	663 096 000	679 000 000
61,7	63,8	64,6	63,7	66,3	65,9
106 159 000	106 500 000	111 190 253	111 352 000	148 000 000	148 000 000
28 000 000	28 000 000	26 083 333	27 300 000	28 300 000	28 300 000

затрагивают тему военных расходов наполеоновской Франции и России.

Статистика расходов Французской Империи, как и всякая статистика подобного рода, часто страдает неполнотой и содержит неточности, данные о реальных бюджетных расходах уточнялись впоследствии в течение нескольких лет, так как всегда имела место разница между запланированными и фактическими расходами. Часть утверждённых на бюджетный год расходов не успе-

Т. 1. С. 236, 333–336, 507–513; Т. 2. С. 197–198; Т. 3. С. 137, 153–155, 156–159, 535–536, 548–549.

²⁹ Administration des finances de l'Empire Français. An XIII. Paris, 1806. P. 30, 36, 91; Administration des finances de l'Empire Français. An 1807. Paris, 1808. P. 12, 15 etc.; Administration des finances de l'Empire Français. An 1808. Paris, s. a. P. 19, 37; Compte de l'administration des finances en 1809 et en 1810. Paris, 1811. P. 31, 43, 47, 53; Compte de l'administration des finances pendant l'année 1811. Paris, 1813. P. 4–5, 11, 20, 45, 49, 53, 57.

вали израсходовать за соответствующий календарный год и т. д. Мы привели выше цифры расходов по официальным ежегодным изданиям министерства финансов Франции за 1806–1813 гг., по некоторым годам цифры расходов уточнены по вышедшим позднее сборникам. И всё равно эти цифры — в значительной степени приблизительные, более точные данные привёл министр финансов Ф. Мольен, которые мы также указываем ниже.

До 1 января 1806 г. во Франции действовал республиканский календарь, бюджетная статистика за предыдущий период приведена по годам Республики, которые не соответствовали астрономическим годам, начинаясь и заканчиваясь в сентябре. Последние данные по старому календарю учитывали вплоть до 31 декабря 1805 г., в итоге данные за XIV год Республики были обрезаны.

По данным министра финансов Ф. Мольена, фактический бюджет на 1811 г. составил 1 103 367 000 франков общих расходов, в том числе на Военное министерство — 300 496 000, на военную администрацию — 205 600 000 франков и на флот — 157 млн, всего военных расходов — на 711 696 000 франков, или 64,5% всех расходов³⁰.

Бюджет 1812 г. составил оценочно 1 168 000 000 франков общих расходов, из которых $\frac{2}{3}$ расходов пришлось на Францию в старых границах³¹, в том числе на Военное министерство 320 млн, на военную администрацию 238 млн и на флот — 164 млн, всего военных расходов — на 722 млн франков, или 61,8% всех расходов³². Утверждённый бюджет Великой армии на 1812 г. составил 87 млн франков, в том числе 27 млн на военную администрацию, Наполеон призвал существенно сократить эти расходы³³.

Бюджет 1813 г. составил 1 263 802 679 франков общих расходов, в том числе на Военное министерство — 342 млн, на военную

³⁰ *Mollien F. N. Mémoires d'un ministre du trésor public 1780–1815. Paris, 1898. Т. 3. Р. 108–110; Budget de l'année 1811 // Op. cit. Прил. к с. 110.*

³¹ *Op. cit. Р. 187.*

³² *Situation du budget de l'année 1812 // Op. cit. Прил. к с. 188.*

³³ *Op. cit. Р. 277–279.*

администрацию — 331 млн и на флот — 143 млн, всего военных расходов — на 816 млн франков, или 64,5% всех расходов³⁴.

За 1806–1814 гг. все военные расходы Первой Империи историки оценивают в 6 360 млн франков³⁵, что значительно превышает показатели, опубликованные Министерством финансов и Ф. Мольеном.

Основные средства поглощали сухопутные силы Французской Республики и Империи, численность которых в рассматриваемый период составляла (на 1806–1810 гг. без точной даты)³⁶:

Дата	Всего войск	Дата	Всего войск
1.03.1803	318 880	1810	767 657
1.11.1804	439 545	Октябрь 1811	894 873
1806	531 710	Июнь 1812	1 399 466
1807	733 556	Апрель 1813	1 000 647
1808	869 685	Январь 1814	672 841
1809	969 092		

Численность личного состава флота на начало 1812 г. составила 100 тыс. чел., аналогично на начало 1813 г.

Представляют несомненный интерес данные о стоимости конкретных военных кампаний: по компетентной оценке Ф. Мольена, Испанская кампания 1808–1814 гг., мобилизовавшая сотни тысяч военнослужащих французских и союзных войск, поглотила не менее 700 млн франков, в том числе 350 млн — это стоимость отправленного из Франции в Испанию вооружения, обмундирования, снаряжения и припасов всех

³⁴ Budget de l'année 1813 // *Op. cit.* Прил. к с. 416.

³⁵ Dictionnaire Napoleon / sous la dir. de J. Tulard. P., 1999. Т. 2. P. 801.

³⁶ Guerres et armées napoleoniennes. Nouveaux regards / sous la dir. de H. Dreuvillon, B. Fonck, M. Roucaud. Paris, 2020. P. 548; Brun J.-F. Le cheval dans la Grande Armée // *Revue historique des armées: Le cheval dans l'histoire militaire*. 249. 2007: <http://journals.openedition.org/rha/533>.

видов, а ещё 350 млн — это общая стоимость реквизиций, проведённых наполеоновской армией на оккупированных испанских территориях³⁷.

Военные расходы на кампанию против Австрии 1809 г., которая длилась полгода и стала одной из крупнейших в период наполеоновских войн, сам Наполеон оценил в 150 млн франков³⁸.

Русская кампания 1812 г. привела к колоссальным расходам на закупки снаряжения и различных средств снабжения, лошадей, скота, а также доставку всего этого на огромные расстояния к театру военных действий. Катастрофа в России привела к небывалым потерям вооружений, лошадей и различных материально-технических и финансовых средств наполеоновской армии. На июнь 1812 г. в составе Великой армии насчитывалось только армейских лошадей 157 353 (не считая лошадей Австрийского корпуса — более 6 тыс. голов), в первой волне вторжения в Россию также шло не менее 30–40 тыс. частных лошадей, принадлежавших военным служащим и чиновникам Великой армии³⁹, всего более 180 тыс. голов, в июне–ноябре 1812 г. армия получала пополнения конского состава, к началу 1813 г. в составе Великой армии насчитали всего 4 721 лошадь⁴⁰!

Суммарные потери конского состава армии в Русской кампании составили не менее 170 тыс. голов. Средняя стоимость лошади во Франции к концу Империи составляла 250 франков, с учётом высокой стоимости многих потерянных в России лошадей, потери в финансовом эквиваленте составили не менее 50 млн франков⁴¹. Из 55 фургонов армейской казны Великой армии к 12 декабря 1812 г. остался лишь один, гружённый 2 млн франков золотом, всё остальное было потеряно при отступлении, логично предполо-

³⁷ *Mollien F. N.* Op. cit. P. 92–93.

³⁸ *De la Ruelle S.* Les finances de la guerre de 1796 à 1815 // *Annales de l'École libre des sciences politiques.* 1892. Т. 7. P. 652.

³⁹ *Пасторе А.* Записки маркиза Пасторе о 1812 годе // *Русский архив.* 1900. № 12. С. 484.

⁴⁰ *Brun J.-F.* Op. cit.

⁴¹ *Chaptal J.-F.* De l'industrie Française. P., 1819. Т. 1. P. 241. Среднегодовая смертность лошадей во всей Франции составляла 110 тыс. голов.

жить, что потери только армейской казны могли достигать 100 млн франков⁴². Если же сложить стоимость потерянной артиллерии и её материальной части, многочисленных транспортных средств и армейского имущества, потерянного огнестрельного и холодного оружия, обмундирования и всевозможного снаряжения, то итоговые суммы будут исчисляться сотнями миллионов франков. Только отдельные выжившие в России мемуаристы наполеоновской армии зачастую оценивали свои финансовые потери по итогам Русской кампании суммами в *десятки тысяч франков* (общая стоимость погибших лошадей и потерянного имущества).

В целом финансовую систему наполеоновской Империи характеризовали строгая отчётность, высокая фискальная дисциплина, строгое соответствие расходов имеющимся доходам, Наполеон лично любил вникать в мельчайшие детали расходов, постоянно требуя экономии. Доля выплат по госдолгу в структуре французского бюджета 1803–1813 гг. крайне мала, Наполеон был категорически против масштабных займов и кредитов. Дефицит бюджета в основном удавалось избегать, либо минимизировать — на 1811 г. дефицит составил 46 млн франков, а на 1812 г. — 37,5 млн.

Сильный дефицит бюджета настал в 1813 г. с началом крушения наполеоновской Империи: за январь–май 1813 г. доходы Империи составили 419 848 тыс. франков, а расходы — 540 709 тыс. В 1814 г. наступил финансовый крах: за январь–март 1814 г. расходы Франции составили оценочно 331 275 тыс. франков, а доходы — всего 77 072 тыс.⁴³ Расходы за этот период, закончившийся падением Наполеона и Реставрацией, не поддаются точному подсчёту.

Для сравнения: в Британии, которая была главным экономическим противником наполеоновской Франции, в течение наполеоновских войн постоянно прибегали к займам, в итоге государственные расходы на выплаты долгов сравнялись с расходами на армию, а дефицит бюджета достиг колоссальных показате-

⁴² Marion M. Op. cit. T. IV. P. 359.

⁴³ Op. cit. P. 364, 370.

телей. Военные расходы Франции за 1793–1815 гг., хотя и являлись чрезвычайно высокими, однако уступают аналогичным расходам Британии примерно в 2,5 раза⁴⁴. Притом доля военных расходов в общих расходах британского бюджета составляла в 1803 г. 46,9%, а в 1813 г. — 66,7%⁴⁵. Для периода 1801–1810 гг. доля военных расходов Британии составила 56,7%. Если исключить огромные выплаты по госдолгу, то доля британских расходов на армию и флот в наполеоновские войны достигала чрезвычайных масштабов⁴⁶:

Расходы, млн ф. ст.	1801–1810	1811–1820
Долг	216	292
Армия	230	290
Флот	148	152
Другие расходы	72	91
Итого	666	825

Притом расходы гораздо превышали доходы Британии:

	1801–1810	1811–1820
Доходы, млн ф. ст.	544	674
Расходы, млн ф. ст.	666	825
Дефицит	-122	-151

На период наполеоновских войн курс фунта стерлинга составляет примерно 25 франков.

Однако в отношении наполеоновской Франции стоит также учитывать огромные поступления деньгами и в натуральном вы-

⁴⁴ Огородников Ф. Е. Указ. соч. С. 64.

⁴⁵ Трошин Н. Н. История одного долга (как Англия финансировала войну с Наполеоном) // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи. М., 2014. С. 209.

⁴⁶ Огородников Ф. Е. Указ. соч. С. 121–122 и др.

ражении, полученные с зависимых и оккупированных территорий Европы. По авторитетной оценке Е. В. Тарле, одна Пруссия после разгрома 1806 г. выплатила Франции в разные сроки **до одного миллиарда франков** контрибуции (деньгами и поставками)⁴⁷, общая сумма контрибуций, собранных с оккупированных наполеоновскими войсками территорий Испании, составила 350 млн франков и т. д.

Структура расходов наполеоновской Империи в целом характерна для феодальных государств той эпохи, основные траты шли на военные нужды, хотя бюджет выгодно отличался минимальным уровнем дефицита вплоть до 1813 г. К военным расходам также следует прибавить затраты на строительство и реконструкцию крепостей и укреплений, строительство и обустройство портов и т. д.

Отдельные публицисты пытаются изобразить наполеоновскую Францию чуть ли не «социальным государством», что совершенно не соответствует действительности. Важнейшим показателем отсутствия принципиальных изменений в положении основной массы населения Франции являются данные о потреблении продуктов питания: среднедушевое потребление основных сельскохозяйственных продуктов (пшеницы, зерновых и мяса) **не** изменилось за 1789–1815 гг. Француз, в частности, потреблял в среднем 18 кг мяса в год начала Революции и столько же в 1815 г.⁴⁸ По оценкам капитального статистического исследования Ж. Шапталя «О французском производстве», к концу Империи среднегодовое потребление мяса составило всего 17,17 кг на человека⁴⁹, среднедушевое потребление продуктов питания в Париже он считал вдвое большим, чем в провинции⁵⁰.

⁴⁷ Тарле Е. В. Континентальная блокада. Исследования по истории промышленности и внешней торговли Франции в эпоху Наполеона // Тарле Е. В. Сочинения. М., 1958. Т. 3. С. 271.

⁴⁸ *Leonce de l'Avergne*. Economie rurale de la France depuis 1789. Paris, 1860. P. 57.

⁴⁹ *Chaptal J.-F.* De l'industrie Française. P., 1819. Т. 1. P. 248.

⁵⁰ *Op. cit.* P. 200.

	1803	1804	1805	1806	1807
Общие расходы, руб.	109412378	122163560	125448928	122458880	159020922
По Военному министерству	33521685	41941067	43184203	44303475	63402463
По Морскому министерству	10479296	10742048	14057879	14836293	17154778
Всего военных расходов	44000981	52683650	57242082	59139768	80557241
Доля военных расходов, %	40,2	43,1	45,6	48,3	50,6

Интересно сравнить расходы наполеоновской Империи и России. Несмотря на обширную историографию, в теме военных расходов Российской Империи периода наполеоновских войн сохраняются спорные и не до конца прояснённые моменты. Проблема в том, что в течение 1801–1825 гг. в российских финансах царил чрезвычайный беспорядок, крайняя запутанность и бессистемность отчётности, общая некомпетентность управления, а «правильной, хорошо организованной статистики в области ведения государственного хозяйства в царствование императора Александра I не существовало»⁵¹. В военных же финансах царил зачастую настоящий хаос⁵². Государственный бюджет в период наполеоновских войн был с постоянным дефицитом, который покрывали прежде всего массовым выпуском ассигнаций.

⁵¹ Министерство финансов. 1802–1902. Исторический обзор главнейших мероприятий финансового ведомства. СПб., 1902. Ч. 1. С. 166.

⁵² Столетие военного министерства 1802–1902. Главное интендантское управление. Исторический очерк. Т. 5. Ч. 1. Введение и царствование императора Александра I. СПб., 1903. С. 456–458.

⁵³ Финансовые документы царствования императора Александра I // Сборник Императорского Русского Исторического общества. Т. 45. СПб., 1885. С. 372–490.

Расходы Российской Империи в 1803–1814 гг.⁵³

1808	1809	1810	1811	1812	1813	1814
248212906	278454608	278982537	272154985	342192564	423380572	457213949
118524852	112279288	127936594	122413722	160842642	264702283	278774702
20824152	23756693	19613682	14490260	23060758	20139596	22277936
139349004	136035981	147550276	136903982	183903400	284841879	301052638
56,1	48,8	52,9	50,3	53,7	67,2	65,8

Наиболее надёжные данные о фактически произведённых государственных расходах Российской Империи указывались в отчётах по итогам года государственным казначеем, эти отчёты были опубликованы в 1885 г. В отечественных исследованиях наполеоновских войн и Отечественной войны 1812 г. зачастую приводят противоречивые цифры военных расходов, нередко не учитывают расходы на флот, чаще всего военные историки просто приводят суммы военных расходов без учёта инфляции и какой-либо привязки к общим показателям государственных расходов.

С учетом инфляции и общего роста бюджетных расходов, доля трат на военные нужды в общей структуре расходов достаточно стабильна, характерна для феодальных государств той эпохи. Особенно хорошо это видно при расчёте военных расходов в серебряных рублях, среднегодовой курс ассигнационного рубля в рассматриваемый период по материалам Санкт-Петербургской биржи был следующим⁵⁴:

1803 — 88,4 коп. серебром	1806 — 78,9 коп.
1804 — 80,8 коп.	1807 — 66,3 коп.
1805 — 81,4 коп.	1808 — 48,2 коп.

⁵⁴ Блюх И. Финансы России в XIX столетии. История-статистика. СПб., 1882. Т. 1. С. 85, 112–113.

1809 — 40 коп.

1811 — 22,5 коп.

1810 — 29 коп.

1812 — 38,8 коп.

В период заграничных походов 1813–1814 гг. ассигнационный рубль оценивали в 25 коп. серебром, что также привело к росту расходов *в ассигнациях*⁵⁵. Курс ассигнаций колебался в пределах года, потому расчёты по среднегодовому курсу дают приблизительные суммы, тем не менее:

Военные расходы России в серебряных рублях, млн руб.

Год	1803	1804	1805	1806	1807	1808
Военные расходы	38,9	42,56	46,6	46,7	53,4	67,1
Год	1809	1810	1811	1812	1813	1814
Военные расходы	54,4	42,8	30,6	71,3	71,2	75,3

После 1812 г. курс ассигнационного рубля почти равнялся французскому франку. По отчётам общие расходы российского интендантского ведомства на Отечественную войну 1812 г. и заграничные походы 1813–1814 гг. составили 157,5 млн, что по курсу 1814 г. чуть более 170 млн франков.

В целом за рассматриваемый период (1803–1813 гг.) военные расходы наполеоновской Империи в разы превышают аналогичные расходы России, а для периода 1810–1812 гг. они **выше в 4–5 раз**. Интересно отметить, что доля военных расходов России в структуре бюджета вплоть до 1813 г. ниже доли военных расходов Французской Империи:

	1806	1807	1808	1809	1810	1811	1812	1813
Французская Империя, %	61,2	61,7	63,8	64,6	63,7	66,3	65,9	65,4
Россия, %	48,3	50,6	56,1	48,8	52,9	50,3	53,7	67,2

⁵⁵ Управление генерал-интенданта Канкрин. Генеральный сокращённый отчет по армиям (кроме Польской и Резервной) за походы против французов. 1812, 1813 и 1814 годов. Варшава, 1815. С. 12.

Разумеется, необходимо учесть прочие расходы и издержки Российской Империи, связанные с наполеоновскими войнами. В период Отечественной войны 1812 г. снабжение российских войск осуществлялось прежде всего за счёт реквизиций на своей территории, которые зачастую так и не были оплачены. Масштабы этих реквизиций были очень значительны: по официально утверждённым оценкам общий ущерб от реквизиций для российских войск только по белорусско-литовским губерниям составил 14 775 108 руб. 40 $\frac{3}{4}$ коп.⁵⁶, что почти равняется всем расходам российского интендантского ведомства за Отечественную войну 1812 г. Также масштабные реквизиции были проведены и на прочих затронутых войной российских территориях и в тыловых губерниях⁵⁷. Суммарная их стоимость могла достигать *десятков миллионов* рублей.

К военным расходам также стоит отнести пожертвования российского населения 1812–1815 гг. деньгами и в натуральном выражении, которые в значительной степени шли на содержание ополчения. Данные о суммах пожертвований противоречивы, в дореволюционной историографии называли сумму в 100 млн руб. По ведомости 1834 г., составленной по данным Министерства финансов, общая сумма пожертвований в связи с Отечественной войной 1812 г., поступивших по 1820 г. (основная часть в течение 1812–1816 гг.), составила около 19,7 млн руб. ассигнациями и звонкой монетой, пожертвования в натуральном выражении учтены частично.

По материалам А. И. Михайловского-Данилевского, общая стоимость пожертвований составила 24 956 тыс. руб., с учётом пожертвований неучтённых им губерний и регионов, представленных в ведомости 1834 г., получаем около 31 660 тыс. руб. при

⁵⁶ Лукашевич А. М. Определение размера материального ущерба, нанесённого войной 1812 года населению, и проблема его компенсации (на примере белорусско-литовских губерний) // 1812 год. Люди и события великой эпохи. М., 2010. С. 31.

⁵⁷ См.: Прохоров М. Ф. Дворянская усадьба Подмосковья в период Отечественной войны 1812 года // Отечественная война 1812 года: Источники, памятники, проблемы. Бородино, 2017. С. 253–264.

частично не учтённой стоимости пожертвований в натуральном выражении⁵⁸. Пожертвования зачастую носили принудительный характер⁵⁹. Здесь не учтены безденежные поставки провианта, фуража и жалованья, а также различные повинности, выполнявшиеся населением в связи с военными нуждами.

Детальные сведения о пожертвованиях и расходах населения приведены в опубликованных ведомостях 1836 г. по Новгородскому, Нижегородскому и Казанскому ополчениям⁶⁰, 2-му Калмыцкому полку⁶¹.

Российское население в течение Отечественной войны 1812 г., по оценке министра финансов Д. А. Гурьева, оплатило до 200 млн руб. связанных с войной расходов⁶², что вместе с государственными военными расходами за 1812 г. составляет сумму около 400 млн руб.

⁵⁸ М. И. Кутузов. Документы. Т. 4. Ч. 2. М., 1955. С. 690–698.

⁵⁹ *Безотосный В. М.* Указ. соч. С. 335.

⁶⁰ Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. Сб. документов. М., 1962. С. 357–359, 420–424.

⁶¹ Там же. С. 483–484.

⁶² *Трошин Н. Н.* Определение материальных издержек Отечественной войны 1812 г. (к постановке проблемы) // Вестник военно-исторических исследований. Пенза, 2015. С. 88.

ОЦЕНКА ХАРАКТЕРА НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН И СПОРЫ О ПОЗИЦИИ РОССИИ В ЭТОТ ПЕРИОД

Наполеоновские войны в литературе довольно часто и вполне справедливо охарактеризованы как эпоха коалиций. Оценочные моменты тех или иных исторических событий и процессов в науке всегда важны. Что из себя представляли коалиции, каковы были причины их создания, как и в каких условиях они формировались, какие цели и задачи преследовали, с кем, против кого и за что боролись, какие процессы на них влияли, какие противоречия существовали между ними, какие силы их поддерживали, а какие противодействовали, кого коалиции привлекали в качестве союзников и чего в результате достигли? Это тот круг вопросов, который в той или иной степени старались затронуть историки, оценивая события наполеоновских войн.

Также необходимо принять во внимание, что с конца XVIII столетия оборонительные войны революционной Франции стали постепенно уже при Директории перерастать в экспансионистские, что стало особенно характерно с приходом к власти Н. Бонапарта. Французские войска перешли границы, и военные действия продолжились в Бельгии, Рейнской области, Швейцарии, Пьемонте и Испании¹. Создание коалиций в начале XIX столетия

¹ См. подробнее: *Ревякин А. В.* История международных отношений в Новое время. М., 2004; *Дегоев В. В.* Внешняя политика России и международные системы: 1700–1918 гг. М., 2004; *Айрапетов О. Р.* История внешней политики Российской империи. Т. 1. М., 2017.

тия в этих условиях являлось прямой реакцией на неординарные и решительные силовые действия (продолжение политики «революционной экспансии») столь непредсказуемого политика и полководца как Наполеон.

Россия участвовала в военных действиях против Франции не только из-за «монархической солидарности» и восстановления «пошатнувшихся тронов», но и реализовывала внешнеполитические задачи по укреплению своего положения в Европе, т. е. действовала исходя из национальных интересов государства. Уже в советское время стали появляться разные точки зрения на характер антинаполеоновской коалиции. Одной из таких попыток стала диссертация А. В. Ионова, в которой автор сделал вывод о сочетании элементов прогрессивности и реакционности антинаполеоновских коалиций и высоко оценивал роль русской дипломатии в 1813–1814 годах ².

По мнению специалиста по истории Франции А. В. Ревякина, страны антифранцузских коалиций уже в ходе революционных и наполеоновских войн были вынуждены пересматривать свои внешнеполитические цели: «Постепенно сама Франция, перейдя от обороны к активной внешней экспансии, а затем — к борьбе за господство в Европе, стала угрожать независимости и территориальной целостности европейских государств. Поэтому в их политике на первое место вышли оборонительные задачи. Озабоченные прежде всего собственной безопасностью, европейские монархи заметно охладели к судьбе Бурбонов». Главной же целью союзные державы «провозглашали стремление восстановить баланс сил в Европе, нарушенный «чрезмерным честолюбием французского правительства и превышающим всякие соображения влиянием, которое оно стремится себе присвоить»³. Это вывод можно назвать доминирующим тезисом в современной отечественной историографии.

Контрастирует с этим мнение Н. А. Троицкого о характеристике антинаполеоновских коалиций в духе марксистской тради-

² *Ионов А. В.* Внешняя политика России в годы крушения наполеоновской империи (1812–1814 гг.). Дисс... к. и. н. М., 1983.

³ *Ревякин А. В.* История международных отношений в Новое время. С. 83–84.

ции («были гораздо более реакционными, чем освободительными»)⁴. Этот кардинальный для нашей темы вопрос был затронут в свое время в полемике с Троицким автором данной работы⁵.

Полагаем, что в современной отечественной историографии иные взгляды на вопрос о характере антинаполеоновских коалиций выражали Н. А. Троицкий и О. В. Соколов. Начнем с Николая Алексеевича Троицкого, который написал даже специальную статью, посвященную этой теме⁶. Эта отдельная работа заслуживает особого рассмотрения, так как представленный в ней материал дает богатую пищу для размышлений по данной проблематике.

В целом, Н. А. Троицкий руководствовался при написании вынесенной в эпиграф статьи цитатой К. Маркса: «Всем войнам за независимость, которые велись против Франции, свойственно сочетание духа возрождения с духом реакционности». Думаю, что любой серьезный исследователь не будет иметь ничего против высказанного тезиса, так как почти во всех странах европейского континента (даже при всей разнице в социально-политическом и экономическом развитии народов и государств) сплав именно этих двух мощных идеологических сил играл основную роль в противодействии французской империи и в конечном итоге способствовал падению Наполеона. Правда, Троицкий в конце статьи сделал поправку к высказыванию классика («мало соглашаться с Марксом»): «Надо признать, что войны феодальных коалиций 1813–1815, как и 1805–1807 гг. против Наполеона были гораздо более реакционными, чем освободи-

⁴ Троицкий Н. А. Антинаполеоновские коалиции 1813–1815 гг.: Смысл, цели, характер // Доклады Академии военных наук. 2004. № 12. С. 83.

⁵ См.: Безотосный В. М. Антинаполеоновские войны: борьба с прогрессом или агрессия? (Пolemика с Н. А. Троицким) // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. Т. VII. М., 2008. С. 390–418; Он же. Антинаполеоновские коалиции и их противник // Вопросы истории. 2009. № 1. С. 125–137.

⁶ Троицкий Н. А. Антинаполеоновские коалиции 1813–1815 гг.: Смысл, цели, характер // Доклады Академии военных наук. 2004 (Саратов). № 12. С. 72–83. Хотя хронологические рамки сужены автором в названии статьи тремя годами, оценки даны и распространяются на все антифранцузские коалиции XIX в.

тельными»⁷. На наш взгляд, исследователю достаточно сложно определить в подобном идеологическом сочетании (слияния духа национального возрождения с реакционными тенденциями) перевес в ту или иную сторону. Сделать такую оценку можно только «на глазок», поскольку у историков пока еще отсутствуют инструменты для точного измерения духовных сфер, но в таком случае на первый план выступают личные пристрастия автора.

Можно таким же образом осветить и другой важный момент. Н. А. Троицкий считает, что гуманная фразеология дипломатических документов коалиционеров (освобождение от «ига», и «цепей» Наполеона, обеспечение «прав и свобод» народов и т. д.) — это «не более чем фиговый листок». По его мнению, «она вуалирует, но не может скрыть от исследователей их реальные задачи, которые сплавлены в два стержневых направления: 1) территориальное расширение, захват и грабеж новых земель — как минимум и господство в Европе — как максимум; 2) сохранение уцелевших на континенте феодальных режимов и восстановление свергнутых Французской революцией и Наполеоном»⁸.

Давайте разберемся на примере действий России («грабежа и захвата новых земель») в начале XIX столетия. Честно говоря, возникает вопрос: что русские захватывали в 1800, 1805, 1806, 1807, 1812 гг. или позднее, до 1815 г.? В историографии присутствуют слишком полярные точки зрения, начиная от донкихотства русского самодержавия и его стремления к роли «арбитра Европы» и до захватнических имперских планов или желания стать «жандармом Европы». Пусть хоть кто-нибудь попытается объяснить, что же Россия хотела присвоить себе? Голландию? Италию или только Пьемонт? Неополитанское королевство, или Швейцарию? Пруссию или Австрию? А может, всю Германию? Это те страны, в которых действовали русские войска в период нахождения в коалициях. Что же они там старались «отхватить»? А если «не поживились» ничем, то почему? Ну, не может никто толком ответить. Но при этом многие пытаются

⁷ Троицкий Н. А. Антинаполеоновские коалиции... С. 83.

⁸ Там же. С. 81.

инкриминировать России в те периоды захватнические планы. Как раз эти обвинения беспочвенны.

В то время Российская империя в Европе граничила с Швецией, Пруссией, Австрией и Турцией. Приращения же были возможны и целесообразны в первую очередь за счет сопредельных стран. В той или иной степени она состояла со всеми своими соседями (в разное время) в союзнических отношениях, направленных как раз против Наполеона. Как же у союзников можно было отнять территории в свою пользу? Особенно декларируя такой захват! Никто из них за просто так на такое бы не пошел. Да и России портить отношения с ними из-за каких-то пограничных территорий не было никакого резона или выгоды. Наоборот, она была крайне заинтересована, чтобы эти страны проявляли солидарность и сражались вместе с ее войсками против Наполеона. Правда, с Оттоманской империей русские воевали с 1806 г., но эта война началась не по инициативе России (вот ее-то уж точно не хотели), а была спровоцирована французами и турками. Конечно, следует оговориться, что в российских имперских кругах в разное время до 1807 г. рассматривались планы присоединения или упрочение русского влияния на Мальте, Ионических островах, части Далмации. Но именно присоединения, а не захвата, так как эти территории уже не принадлежали мальтийским рыцарям или Венеции, а за эти территории тогда велся спор между великими державами (Францией, Великобританией, Австрией).

Думаю, нет необходимости идеализировать или сознательно рисовать внешнюю политику России в негативных тонах. В тех условиях она была оптимальной и стратегически продуманной, мало того, она отвечала тем задачам, которые стояли перед державой. Да, среди ближайшего окружения императора мы не найдем херувимов, и государство являлось по сути феодально-крепостническим, другого тогда не могло быть. Отсюда и методы (хотя многие из них являлись передовыми и либеральными), которые противопоставлялись и использовались против постреволюционной Франции.

Исследователю просто трудно не заметить оборонительный характер со стороны коалиций в ходе наполеоновских войн. Один из самых талантливых военных историков в мире Д. Чанд-

лер в свое время попытался оценить ответственность Наполеона как зачинщика войн. Признавая в целом эту проблему очень сложной, исследователь пришел к следующим выводам: «За исключением случаев с Португалией (1807), Испанией (1808) и Россией (1812), обычно вначале на него нападали. Однако нельзя отрицать, что многие из этих нападений в конечном счете были спровоцированы самим императором в военных и пропагандистских целях»; «столь же справедливо можно утверждать, что Наполеон был жертвой поколения, стремившегося к войнам, и то, что он был «человеком крови», ответственным за огромный пожар войны, пылавший в Европе так много лет»⁹. Выводы такого авторитетного специалиста, как Чандлер, явно противоречат базирующимся на наполеоновской легенде мифологическим построениям о миролюбии французского императора.

Необходимо тщательно разобраться с фразеологией европейских коалиционеров. Стоит сразу оговориться, что «гуманная фразеология» присутствовала не только в дипломатических актах, а и в значительной части публицистических и пропагандистских материалах союзников (в том числе и в России). «Перо опаснее меча...», а либеральные и тираноборческие тенденции в публицистике и в политической графике получили широкое распространение и активно воздействовали на умы современников, в том числе и на российскую читающую публику.

Как отмечал еще в советское время А. Г. Тартаковский «как тонкий дипломат и расчетливый политик, Александр I понимал, что воздействовать на европейское население, пережившее французскую революцию и антифеодальное переустройство наполеоновского времени, в духе традиционно дворянской и религиозной идеологии уже невозможно, равно как это было невозможно

⁹ См.: Чандлер Д. Военные кампании Наполеона. Триумф и трагедия завоевателя. М., 1999. С. 12–13. Н. А. Троицкий в своей статье процитировал лишь первую фразу, остальные опустил, тем самым урезал и, как можно заметить, исказил мнение Чандлера по этому вопросу. Такое же «урезанное» и выборочное цитирование (выхватывание нужных фраз) можно наблюдать в статье Н. А. Троицкого по отношению к трудам и многих других авторов.

и в отношении своей собственной страны... Следовало поэтому преодолеть крайнюю узость реакционных тенденций и провозгласить такие идеи, которые действительно могли завоевать повсюду массовые симпатии, — принципы «свободы и благодеяния народов», как писал об этом сам царь еще в 1804 г.»¹⁰. Данное обстоятельство в немалой степени обеспечило поражение Наполеона в информационной и идеологической войне, а это, в свою очередь, безусловно, повлияло и на достижение конечного победного результата в военных действиях. Поэтому я бы не стал столь категорично сбрасывать со счетов либеральную «гуманную фразеологию», так эффективно использованную противниками Наполеона, а также ее дальнейшее влияние и последствия для реальных общественно-политических процессов в Европе, в том числе и в России. Тем более, на эту тему написаны специальные работы¹¹. Да и к 1805 г. изменились основные задачи, которые ставили перед собой лидеры коалиции.

Конечно, никто не будет спорить с доминирующим в литературе выводом, что основной целью всех антинаполеоновских коалиций, открыто исповедовавших принцип легитимизма, являлась защита феодальных порядков на континенте. Да и первоначально они складывались как антиреволюционные. Трудно было бы ожидать, что кто-то без борьбы мог добровольно уступить суверенитет, власть, собственность, вековые привилегии, да и отказаться от давно устоявшегося образа жизни. Естественно, «старый режим» без боя добровольно сдавать свои позиции не собирался, тем более когда бурные события и процессы происходили на межгосударственном уровне, а в них оказались поневоле втянуты не только отдельные социальные слои или классы, а практически все европейские народы. А вот по поводу первой задачи («стержневого направления»), сформулированного Н. А. Троицким, можно и даже нужно поспорить. Ведь все то,

¹⁰ Тартаковский А. Г. Военная публицистика 1812 года. М., 1967. С. 32.

¹¹ См., напр.: Хорошилова Л. Б. О влиянии либерально-просветительских идей на формирование внешнеполитического курса Александра I // Европейский либерализм в Новое время: Теория и практика. М., 1995.

что им было инкриминировано коалиции («захват и грабеж новых земель», «господство в Европе»), без всяких оговорок необходимо отнести в первую очередь к Наполеону, а отнюдь не к странам, участвовавшим в коалициях.

Коль ограничились рамками Европы, а все монархи оказались представленными в виде международных бандитов (понятно, что престолы европейских государств не являлись обителью ангелов), то тогда надо признать, что на этом континенте в то время не было более беззастенчивого и удачливого «захватчика» и «грабителя» в международном плане, чем французский император. По этим показателям он безоговорочно опережал всех своих современников. Его же конкурентов за обладание данными определениями можно охарактеризовать лишь как «скромниками». Да и объединялись они против Наполеона потому, что он, как более сильный и напористый, нарушал выработанные веками каноны «разбойничьего» поведения, не хотел жить «по понятиям» феодальной «старушки» — Европы и все норовил кого-нибудь обидеть.

К тому же называть «грабителями» большинство стран-победительниц не очень-то корректно. Например, Россию. Разве в результате «грабежа» чужих территорий она получила сгоревшую Москву, разоренные войной центральные губернии, вконец расстроены финансы? А вот во Франции даже перед отречением Наполеона баланс бюджетных расходов и доходов был почти положительным, а государственный долг ничтожен, и это — именно вследствие систематического ограбления Европы (по словам А. С. Пушкина, Наполеон «налагал ярем державный... на земные племена») в пользу французской казны¹². Ведь союзники (в том числе и русские войска) Париж не разграбили и не сожгли, капиталы частных лиц и наличность Французского

¹² См.: *Лависс и Рамбо*. История XIX века. Т. 1. М., 1938. С. 409. Например, Ж. Тюлар приводит положительные цифры финансовых итогов кампаний 1805–1807 гг. и делает вывод, что они «ничего не стоили французским налогоплательщикам». Правда, он полагает, что исключая кампанию 1809 г. против Австрии, но начиная с военных действий в Испании для империи Наполеона «война из доходной превратилась в разорительную». (Тюлар Ж. Наполеон, или Миф о «спасителе». М., 1996. С. 169.)

банка не тронули, даже ценности Лувра (свезенные из ограбленных Наполеоном стран) остались в неприкосновенности! Не случайно русский историк А. К. Дживелегов следующим образом оценивал цветущее государственное хозяйство Франции: «В 1815 году после стольких страданий, истерзанная двумя нашествиями, истекающая кровью, обезлюдившая Франция была все-таки самой богатой страной в мире»¹³.

Что же касается «господства в Европе», то тут все предельно ясно, и даже спорить бессмысленно: до 1812 г. почти весь континент находился под Наполеоном! После него в XIX столетии уже не существовало даже единоличного лидерства какого-либо государства в Европе, ни одна из великих держав уже не была в силах реально играть эту роль (в лучшем случае лишь претендовать на нее). Чересчур сильна оказалась межгосударственная конкуренция, речь могла идти только о сферах влияния и то через систему союзов. Полагаю, нельзя задним числом обелять или одобрять чужие прегрешения, впрочем, так же, как и скрывать свои.

Н. А. Троицкий, рассматривая результаты окончательной победы коалиционных сил исключительно как негативные, бичуя при этом в первую очередь царизм («хозяин крупнейшей феодальной державы мира»), делает сравнение с действиями французского императора (наследника революции) и считает, что они «были неизмеримо прогрессивнее всего содеянного антинаполеоновскими коалициями» (признавая, однако, что «диктат Наполеона не был для европейских народов благом»). В целом как положительное явление он отмечает, что «Наполеон стремился к европейской интеграции, которую он сам деспотически контролировал бы, но, как бы то ни было, толкал он Европу вперед, к современным ценностям, унаследованным от Французской революции, а не назад, в дореволюционное средневековье». В этих словах можно даже услышать намек на мессианскую благодать в прогрессивной роли Наполеона и сквозит явное сожаление о том, что французский император в итоге ока-

¹³ Дживелегов А. К. Александр I и Наполеон. Исторические очерки. М., 1915. С. 57.

зался в проигрыше. Далее Н. А. Троицкий приводит и творчески развивает две фразы К. Маркса, что действовал он «наполовину не так деспотически, как имели обычай поступать те князья и дворяне, которых он пустил по миру», да и «легче переносить деспотизм гения, чем деспотизм идиота», каковых среди правителей мира тогда (впрочем, и теперь тоже) было очень много»¹⁴.

Размышления Маркса на тему деспотизма и прогрессивности вполне понятны, так же как понятна логика его построений. В свое время он пытался доказать, что новый общественно-экономический строй прогрессивнее и лучше старого. С этой точки зрения Наполеона следовало оправдать хотя бы как противника феодализма, расчищавшего путь к более передовому общественно-политическому строю — капитализму. Но после Маркса мир переменялся, изменились и наши представления на многие, казалось бы, неизменные вещи. Все меньше остается понятий, которые бы сохранили свой изначальный канонический смысл. В том числе не так однозначно стали трактоваться такие понятия, как «прогресс» и «цена прогресса». Оказалось, что сам по себе «прогресс» (следовательно и его цена) может нести не только положительные, но и побочные отрицательные моменты.

Одни и те же мысли в различные эпохи звучат по-разному. Мне как читателю поневоле сразу приходят на память (поскольку Троицкий сравнивает прошлых и нынешних правителей) современные государственные американские мужи, облеченные президентскими полномочиями, пославшими американских парней в Ирак, Афганистан и Сирию защищать идеалы демократии. В нашем мире вновь становится модно вразумлять заблудших с помощью силы. Поэтому я и задаюсь марксовым вопросом: кто они — гении? или идиоты? Ведь «общечеловеческие ценности» западной демократии никто не назовет реакционными, напротив, все будут утверждать, что они как раз подпадают под прогрессивные понятия. Откуда же берутся силы им сопротивляться? Да и с точки зрения прогресса США даже сравнивать невозможно с азиатскими государствами, по всем показателям американская демо-

¹⁴ Троицкий Н. А. Антинаполеоновские коалиции 1813–1815 гг. С. 83.

кратия — «самая передовая демократия в мире». Только вот каково было афганцам, иракцам или сирийцам (привычных к своей восточной деспотии) выносить деспотизм американского... (тут затрудняюсь выбрать одно из двух слов: гения или идиота? Пусть каждый сделает этот выбор самостоятельно). Полагаю, простые люди в этих странах не особенно задумывались, по чьей воле их «нагибают» ради будущей демократии, поэтому и везли оттуда в цинковых гробах американских парней. Также и в начале XIX в. не слишком задавались подобными вопросами простые кремтьяне и представители других сословий в горах Испании, в полях России и в других местах Европы, поэтому там и гибли французские солдаты. Духовное насилие вызывало такое же противодействие, как насилие физическое.

Если вернуться к формационному противостоянию начала XIX столетия, то можно поставить следующие вопросы. Если Франция являлась тогда передовой капиталистической страной, а сам Наполеон олицетворял прогрессивные идеи (в военном деле уж точно — самые новаторские и передовые), то почему в столь короткие сроки, идя от победы к победе и добившись господства в Европе, его «звезда» так быстро закатилась? Какая такая социально-политическая сила позволила ему «вырвать поражение из рук победы»? Если капитализм — более прогрессивный строй, чем феодализм, то почему буржуазная Франция, находясь в зените своей военной славы, в конечном итоге потерпела поражение от дряхлеющих феодальных монархий Европы? Может быть, прогрессивный европейский капитализм на какой-то период заблудился в дебрях времени? Или имперское бремя для Наполеона оказалось непосильным? Отвечая на поставленные вопросы, сразу можно предположить, или европейский «старый режим» еще не исчерпал свой потенциал (смог же он одолеть в итоге одного из лучших полководцев в мировой истории), или что-то тогда было не так в буржуазной «консерватории» наполеоновской империи. Думаю, в такой постановке оба предположения правомочны.

КНЯЗЬ Н. В. РЕПНИН И ГРАФ М. И. ГОЛЕНИЩЕВ-КУТУЗОВ В ПЕРЕГОВОРАХ С ПОРТОЙ О МИРЕ, 1791 и 1812 гг.

Судьба доверила генерал-аншефу Николаю Васильевичу Репнину и генералу от инфантерии Михаилу Илларионовичу Голенищеву-Кутузову не только завершить тягостные для страны войны с Османской империей (1787–1791 и 1806–1812 гг.), но и вести переговоры о заключении мира. Ряд современников крайне негативно оценили их дипломатические усилия на этом поприще. Критику подхватили исследователи; она закрепилась в исторических трудах и проникла в популярную литературу, став неотъемлемой частью наших знаний о прошлом. Весьма любопытно то, что в обоих случаях маститые мужи, известные своими военными и дипломатическими способностями и успехами, уличались в махровом эгоизме и попрании государственных интересов.

По словам патриарха потёмкинской темы Вячеслава Сергеевича Лопатина, «за несколько дней до приезда на юг Потёмкина Репнин поторопился подписать предварительные условия мира (31 июля по старому стилю. — А. В.), при этом сделал необъяснимые уступки Юсуф-паше. Стоило чуть повременить, и визирь стал бы податливее». Из-за своей поспешности князь не смог учесть результаты победного боя черноморской эскадры контр-адмирала Ф. Ф. Ушакова, состоявшегося в тот же день. «Корабли османов спешно вернулись в Константинополь, где вызвали панику своими сигналами о помощи. Султан Селим, — по мне-

нию автора, — был готов подписать любые условия мира»¹. По мнению ведущего российского специалиста этого периода Ольги Игоревны Елисеевой, князь Репнин своей поспешностью «оказал России медвежью услугу», которая «усложнила переговоры по окончательному тексту мирного трактата»².

Одним из главных аргументов такого взгляда являются мемуары Л. Н. Энгельгардта, бывшего в 1791 году премьер-майором гренадерского полка. В них он сообщает о встрече прибывшего из столицы Г. А. Потёмкина-Таврического с Репниным: «Светлейший князь приехал после сего (подписания предварительных условий мира, или, как их называли, прелиминарий. — А. В.) через три дня, и очень ему было досадно, что князь Репнин поспешил заключить мир; он выговаривал ему при многих, сказал: «Вам должно было бы узнать, в каком положении наш Черноморский флот, и о экспедиции генерала Гудовича; дождавшись донесений их и узнав от оных, что Ушаков разбил неприятельский флот, и уже его выстрелы были слышны в самом Константинополе, а генерал Гудович взял Анапу, тогда бы вы могли сделать несравненно выгоднейшие условия». Далее Лев Николаевич заключает: «Это действительно было справедливо. Хотя князь Репнин сыл за государственного человека и любящего свое отечество, но в сем случае предпочел личное свое любочестие пользе государственной, не имев иной побудительной причины поспешить заключить мир, кроме того, чтоб его окончить до приезда светлейшего князя»³. Елисеева подытоживает цитату ремаркой: «Энгельгардт был очевидцем объяснения с Репниным, и его описанию следует верить»⁴.

Однако еще в конце XIX века Александр Густавович Бриккнер, автор наиболее проработанной на тот момент биографии Светлейшего, писал: «Трудно сказать, насколько верен рассказ о страшном раздражении Потемкина по поводу столь энергичных и успешных действий князя Репнина; он основан только

¹ Лопатин В. С. Суворов. М., 2012. С. 243–244.

² Елисеева О. И. Григорий Потемкин. М., 2016. С. 585.

³ Записки Льва Николаевича Энгельгардта. 1766–1836. М., 1867. С. 123.

⁴ Елисеева О. И. Григорий Потемкин. С. 587.

на устном предании»⁵. Мнение историка затерялось, хотя из текста Энгельгардта совсем не видно ни по подаче, ни по содержанию, что он передает то, что сам непосредственно видел и слышал. Восторжествовала версия скандала, во время которого Потёмкин, обвинив Николая Васильевича в «превышении данных ему полномочий, объявил, что мирные условия отвергаются и не имеют никакой силы»⁶. На сегодняшний момент от столь категоричной формы все же отказались, но общий посыл сохранился. Так, Елисеева утверждает: «Репнин получил выговор, но князь сделал его в максимально корректной форме»⁷. В общем, действиями Николая Васильевича были недовольны.

Все это выглядит довольно странно, так как документы говорят совсем о другом. Начнем с неучтенных побед русского оружия. Сообщение о взятии 22 июня русскими войсками Анапы Репнин получил более чем за две недели до подписания соглашения с Портой и смог их по достоинству оценить как важный, но не решающий или, точнее, не принципиальный элемент в переговорах с османами. На этот счет есть подтверждение в служебной переписке генерал-аншефа. «Сожалительно крайне, — писал Николай Васильевич 14 июля начальнику канцелярии светлейшего князя В. С. Попову, — что политическая обстановка столь нам упорна и что Англия, не смотря на неудовольствие народное, а Пруссия не уважая собственных интересов, продолжают подкреплять и поджигать Порту. От них конечно зависит, не глядя на все ее потери, ее расположение к войне и к миру». И далее: «Взятие Анапы штурмом с истреблением столь знатного числа неприятеля есть новый знаменитый лавр вприбавок всем протчим одержанным по повелению Его Светлости армиями его команды»⁸.

⁵ Брикнер А. Г. Потемкин. СПб., 1891. С. 209–210.

⁶ Бухаров Д. Россия и Турция. От возникновения политических между ними отношений до Лондонского трактата 12/25 марта 1871 года (включительно). Исторический очерк. СПб., 1878. С. 42.

⁷ Елисеева О. И. Григорий Потемкин. С. 587.

⁸ Энгель А. Описание дел, хранящихся в архиве Виленского генерал-губернаторства. Т. I. Ч. 1. 1783–1791 (при содействии К. Н. Гомолицкого). Вильна, 1869. Ст. 389.

Лишь о сражении у мыса Калиакрии, где Черноморский флот одержал победу, Репнин не мог знать на момент подписания предварительных условий о прекращении военных действий, но было ли это столь важно? Нисколько не принижая героизма, мужества, мастерства войск и их начальников, морская победа в политическом плане ничего не давала победителям при сложившейся конъюнктуре. Понимал это отлично и Потёмкин, что отражает эволюция его взглядов на действия Ушакова. Если изначально 28 июля он требовал от вице-адмирала «решительного дела», то, получив уведомление о приближении подписания прелиминарий 1 августа, повелел «стараться отгонять неприятеля, удерживаясь от решительного дела, ибо при начале переговоров риски не годятся...» Известия же о подписании документа, 4 августа «отправил легкое судно «Березань» с двумя турками объявить поставленное перемирие и желал бы, чтоб скорее достигли которого ни есть флота»⁹, чтобы не допустить столкновения.

Успехом флота можно было бы воспользоваться на следующем этапе переговоров, но этому обстоятельству помешали не репинские «уступчивость и равнодушие к судьбе флота»¹⁰, а обстоятельства из сферы высшей политики. О них Репнин не мог знать, но от того они не становились преодолимыми. Еще 11 июля послы Великобритании и Пруссии в Санкт-Петербурге при участии Потёмкина подписали ноту с признаниями русских кондиций к Порте, согласившись с передачей России города-крепости Очакова и земель до р. Днестра¹¹. Обратной стороной соглашения была невозможность изменений российских требований в сторону их увеличения. Потому не учтенная Репниным победа на море, никак не могла превратиться на переговорах в «неотразимый козырь»¹². Победа Ушакова, безусловно обогащая национальное военное искусство, в политическом плане

⁹ Екатерина II и Г. А. Потемкин. Личная переписка. 1769–1791 / Изд. под. В. С. Лопатин. М., 1997. С. 462–464.

¹⁰ Елисеева О. И. Григорий Потемкин. С. 586.

¹¹ Екатерина II и Г. А. Потемкин. Личная переписка. 1769–1791. С. 459.

¹² Елисеева О. И. Григорий Потемкин. С. 586.

создавала лишь благоприятный для русской стороны фон переговоров. В сложившейся ситуации важно было начать отсчет времени, отведенного для заключения мира, и Репнин именно эту задачу и решил. Чего от него с нетерпением ожидали и Потёмкин и императрица¹³. После договоренностей с Лондоном и Берлином, которые «согласились, — как писала императрица светлейшему князю 12 августа, — если в четыре месяца турки не кончат, тогда их покинут, а нам вольно уже и повесить кондиции...»¹⁴, достижение Николая Васильевича приобрело дополнительный смысл.

Прелиминарии, подписанные сторонами, заключали в себе подтверждение Кучук-Кайнаржийского договора 1774 г. и последующих после него соглашений с Османской империей; Днестр объявлялся границей между двумя государствами, «так чтобы впредь пределы Всероссийской Империи до оной реки простирались». В свою очередь Порте «при заключении мира» возвращались все завоевания в Европе и Азии, таким образом за исключением Днестра «прочия все границы остаются с обеих сторон те самыя, которыя были прежде настоящей войны». Отдельной статьей оговаривалось, что вопрос об «укреплениях на земле уступленной Всероссийской Империи по Днестр, в силу прелиминаров, оставляется сия материя вниманию и прилежанию полномочных, которые скоро назначены будут для заключения мирнаго трактата». Документ устанавливал восьмимесячное перемирие¹⁵.

Основные условия, на основе которых Репнин заключил предварительное соглашение, были не обговорены с Потёмкиным, а продиктованы им. Сообщая Светлейшему о ходе переговоров, Николай Васильевич писал 22 июля, что на просьбы ос-

¹³ Екатерина II писала 25 июля Потёмкину: «Рапорт к тебе князя Репнина от 14 июля я, раскрыв, читала... Бога молю, да благословит успех...» (Брикнер А. Г. Потемкин. С. 208).

¹⁴ Екатерина II и Г. А. Потемкин. Личная переписка. 1769–1791. С. 459.

¹⁵ Петров А. Н. Вторая турецкая война в царствование императрицы Екатерины II. Т. II. 1787–1791 г. СПб., 1880. С. 241. Приложение № 17. С. 44–46.

манской стороны сделать какую-нибудь уступку, заявляя: «я никаких на то повелений не имею, а просто предлагаю сим тот ультиматум, который предписан мне в повелении вашей светлости от 9-го февраля сего года под № 133 и что конечно из того ничего отменено не будет»¹⁶. В нем Григорий Александрович очень кратко дал их перечень: «Если бы турки вызвались на переговоры и предложили бы перемирие, не принимать иначе как разве утвердят прелиминарно объявленной от меня им ультиман, состоящей в том, чтоб утверждено было все поставленное в Кайнаржинском трактате и потом бывшия постановления, границу новую по Днестр и возвращение Молдавии и Валахии на кондициях выгодных для помянутых княжеств, *si ne guanon* (*sine qua non* — необходимое условие. — А. В.)»¹⁷. По получении известия от Репнина об окончании переговоров и текста достигнутого соглашения об общих положениях будущего мира, Потёмкин 4 августа отписал государыне: «Матушка родная, Всемилоливейшая Государыня! Славу Богу, прелиминары, подписанные при отъезде моем, утверждены»¹⁸.

Настала очередь императрицы оценить труд подданных. «Обрадовал ты меня нечаянно прелиминарными пунктами о мире, — писала она в записочке от 12 августа Потёмкину, — за что тебя благодарю душою и сердцем. Дай Боже скорее совершить сие полезное дело заключением самого мира»¹⁹. В тот же день она подготовила специальный рескрипт Григорию Александровичу: «Ведаю, с каким усердием желали мы доставить тишину нашим подданным, вы можете вообразить, с каким обрадованием получили мы ваше уведомление, о подписанных 31 июля, нашим генералом кн. Репниным и турецким верховным визирем, прелиминарных мирных артикулах. Мы тут с особливым удовольствием усматриваем, что помянутый генерал удовлетворил доверенности, от вас на него возложенной, предохранением, в пол-

¹⁶ РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 594. Л. 332 об. — 333.

¹⁷ РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 586. Ч. 5. Л. 56 об. — 57.

¹⁸ *Екатерина II и Г. А. Потемкин. Личная переписка. 1769–1791.* С. 464.

¹⁹ Там же. С. 465.

ной силе, всех тех условий, которые мы непременно, в основание мира полагали; не меньше и в пунктах перемирия принял он осторожности, нужные на случай, буде бы, вопреки всякому чаянию, оказались недобрыя намерения турецкия; и потому поручаем вам объявить ему наше монаршее благопризнание»²⁰.

Однако в обеих бумагах Екатерина обратила внимание на одну проблему, вызвавшую реакцию историков. Елисеева прямо заявила, что государыня тем самым показала, что «она не была довольна «негоцией» Репнина», которая к тому же усложнила последующие переговоры²¹. В записке Потемкину она отметила: «Осьми-месячный срок перемирия долог ...» Но тут же пишет: «А только сказать можно, что Репнин не знал условия со дворами, туркам помогающим»²². В рескрипте Светлейшему тема получила расширенное толкование: «Одно токмо встречаем неудобство касательно перемирия, — писала Екатерина, — что толь долговременный срок онаго назначен. Гораздо было бы сходнее, если бы он был неточно определенный, но ограниченный, покуда мирные переговоры для дефинитивнаго или решительнаго договора продолжатся». Даже «самые доброхотствовавшие Порте дворы не настояли на долговременное перемирие, а только, требуя унятия оружия на случай соглашения Порты на главные артикулы нашего ультиматума, предлагали четырехмесячный срок ...» И потребовала: «Мы находим нужным и желаем, чтоб вы сей артикул распорядили на пользу дела одним или другим образом, т. е., или предуспев неотлагательно одержать от Турок и самый окончательный трактат ... или же. в случае нерешимости визиря и отговоров, что он должен представить султану, дав необходимо нужное время для такового отношения. Ограничить срок перемирия, покуда переговоры продолжаться будут ...»²³.

²⁰ Петров А. Н. Вторая турецкая война в царствование императрицы Екатерины II. С. 243.

²¹ Елисеева О. И. Григорий Потемкин. С. 585.

²² Екатерина II и Г. А. Потемкин. Личная переписка. 1769–1791. С. 465.

²³ Петров А. Н. Вторая турецкая война в царствование императрицы Екатерины II. С. 243.

Замечания государыни ни по тону, ни по смыслу, ни по сути не обвиняли Репнина в ненадлежащем исполнении возложенных на него обязанностей. Все это были рабочие моменты, которые не следовало, по ее мнению, упустить при подготовке будущего мирного договора. Именно так их и воспринимал Потёмкин, о чем можно судить по содержанию его обращения к Репнину: «Ея императорское величество по получению ... моего донесения о подписании их в 31-й день минувшаго июля вами и верховным визирем прелиминарных мирных артикулах в высочайшем по моему рескрипте изъявить изволила высочайшее благоволение. Ея Величество с особливым удовольствием усматривать изволить, что ваше сиятельство удовлетворили договорности от меня на вас возложенныя предохранением в полной мере всех тех условий, которые от ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА непременно в основании мира положены; не меньшее и в пунктах перемирия приняли осторожности нужныя на случай буде бы вопреки всякому чаянию оказались недобрыя намерения турецкия ...»²⁴.

Потёмкину, который прибыл 7 августа в ставку армии в Галаце, не удалось подготовить и подписать мирный договор. Болель и последующая 5 октября смерть положила конец его жизненному пути. Довести до конца дело было поручено действительному тайному советнику и второму члену Коллегии иностранных дел Александру Андреевичу Безбородко. 4 ноября он прибыл в столицу Молдавского княжества Яссы — место проведения переговоров. Общая его переговорная политика основывалась на тех же самых требованиях, что и у его предшественников, но в частности, конечно, были нюансы. В одном из частных писем он оставил свидетельство своего недовольства Николаем Васильевичем: «Должно признаться, что оно (переговорное дело. — А. В.) в самом начале было испорчено. Князь Репнин, или по слабости своей, а более еще и по незнанию прямых высочайших намерений, водим будучи Рибасом и Лашкаревым (официальные полномочные представители России на пе-

²⁴ РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 586. Ч. 5. Л. 142–142 об.

реговорах. — А. В.), столь странно вел сию негоциацию, что не одними темными местами прелиминарий, но многими словестными объяснениями, на которья Турки шлются, дал им повод во всяком пункте чего-нибудь для себя требовать»²⁵.

Отличительная особенность османских переговорщиков заключалась в том, что при обсуждении конкретных дел «они, — по словам графа А. Ф. Ланжерона, имевшего опыт общения с ними в начале XIX века, — становятся так придирчивы и так мелочны, что из всякого незначительного слова с ними приходится спорить»²⁶. Обстоятельства 1791 г., когда на финальной части переговоров отсутствовали два главных участника с российской стороны, давали им дополнительные возможности к тому. Крайним Репнин стал по причине того, что попытки осман сослаться на Потёмкина, парировались протоколами заседаний того с переговорщиками визиря²⁷. Репнин же не имел таких бумаг, но он, строго говоря, не вел классических переговоров, неизбежно стоя на пунктах ультиматума Потёмкина, и не входил ни в какие подробности за отсутствием полномочий²⁸. Несмотря на все трудности, мирный договор был заключен Безбородко довольно быстро 29 декабря 1791 г.

Документы свидетельствуют: князь Репнин не только «слыл за государственного человека и любящего свое отечество», но и действительно был им. Ни его масонство, ни принадлежность к партии наследника престола Павла Петровича²⁹, что усложняло его отношения с Потёмкиным, не помешали ему выполнить с честью и достоинством, доверенную ему князем

²⁵ Григорович Н. И. Канцлер князь Александр Андреевич Безбородко в связи с событиями его времени. Т. II. 1788–1799 // Сборник императорского русского исторического общества. Т. 29. СПб., 1881. С. 128, 143–144.

²⁶ Записки графа Ланжерона. Война с Турцией 1806–1812 гг. // Русская старина. Т. СXXXVI. 1908. Ноябрь. С. 516.

²⁷ Григорович Н. И. Канцлер князь Александр Андреевич Безбородко в связи с событиями его времени. С. 144.

²⁸ РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 594. Л. 333.

²⁹ Ивченко Л. Л. Кутузов: Историко-психологический портрет. М., 2022. С. 136.

Таврическим дипломатическую задачу. Как писал Николай Васильевич императрице на присвоение ему ордена Св. Георгия 1-го класса за победу при Мачине, «усердие мое к славе и службе Вашего Императорского Величества и отечества, никогда не кончится»³⁰. Что, впрочем, не уберегло Репнина от наветов тех, кто искажил до неузнаваемости его миссию переговорщика 1791 г.

Деяния Николая Васильевича, как и обвинения его, дают обширный материал для рассуждений-сравнений действий Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова в период очередной войны с Портой в начале XIX века, когда он окажется в 1811–1812 гг. на посту главнокомандующего Молдавской армией, ставшей к концу его кампании Дунайской. Ему придется сталкиваться с похожими проблемами, решать во многом аналогичные задачи и оказаться под схожими обвинениями, предъявленными его невольному предшественнику.

Недовольство императора Александром I медлительностью графа Голенищева-Кутузова в переговорах с османами привело к замене его на посту главнокомандующего адмиралом П. В. Чичаговым, которому надлежало вступить в командование армией и заключить мирный договор с Османской империей. Павел Васильевич прибыл 6 мая 1812 г. в столицу Валашского княжества Бухарест, где размещалась ставка Кутузова и велись переговоры о мире. Однако он опоздал. Буквально за день до того 5 числа, стороны подписали предварительные условия мирного договора. Удивительное совпадение тогда же породило версию, что Кутузов был заранее информирован о приезде сменщика и поспешил закончить переговоры с османами, которые он из эгоистических соображений затягивал. Спешность же при его заключении привела к тому, что им были упущены важные для России требования. Трактовка прижилась и дождала до наших дней, но, что любопытно, до сих пор не было попыток выяснить, насколько она сочетается с фактами, приведшими к подписанию Бухарестского мирного договора.

³⁰ РГВИА. Ф. 52. Оп. 2. Д. 22. Л. 84 об.

До сих пор никаких писем Кутузову, предупреждавших его о сменщике, найти не удалось. Впрочем, их отсутствие не доказывает, что их вообще не было. Учитывая высокую вероятность получения Михаилом Илларионовичем такого известия, попытаемся выяснить: как оно могло повлиять на ускорение подписания предварительных условий мирного договора? Интрига с назначением Чичагова разворачивалась в столице в начале апреля. Все делалось в большой тайне. Назначение Павла Васильевича состоялось 7 апреля во время высочайшей аудиенции. В тот же день он посетил канцлера графа Н. П. Румянцева. Через два дня адмирал получил от государя инструкции. На новое место Павел Васильевич выехал 20 апреля³¹. Самые ранние известия о нем могли достигнуть Бухареста ввиду дальности расстояния не раньше середины месяца. Времени у Кутузова для подписания договоренностей с представителями верховного визиря 5 мая было крайне мало. По версии его критиков, получалось, что османская сторона только и ждала от него предложений по заключению мирного договора.

На самом деле сложившееся положение вещей не соответствовало подобным взглядам. На исходе февраля в столицу Валахии прибывает курьер с ожидавшимся от султана ответом на русские мирные предложения еще от 31 декабря 1811 г. Однако вместо последовательного продолжения переговоров полученный документ приостановил их. Российским переговорщикам было предложено отставить статью об Азии и о ней вообще более не упоминать. При соблюдении этого требования османские полномочные обещали вступить в переговоры о прочих статьях трактата³². Переговоры не продвигались вперед. Место официальных обсуждений делегациями постепенно заменили неофициальные контакты-консультации. Русская сторона пыталась убедить своих оппонентов в существовании планов Наполеона

³¹ Фрагмент записок адмирала П. В. Чичагова / Публ. В. М. Безотосного // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. XVII : сборник материалов. М., 2020. С. 189–192, 197.

³² М. И. Кутузов. Документы. С. 834.

поделить европейские земли Порты между Россией и Францией, как средство против взаимных распрей. Альтернативой столь нешуточному варианту для Стамбула выставлялся союз с северной империей³³. Реакции на русские предложения не последовало. Переговоры явно зашли в тупик до такой степени, что 11 марта Кутузов склоняется к мысли, что новой кампании ему не избежать³⁴.

30 марта первый османский уполномоченный Галиб-эфенди, ссылаясь на «критические обстоятельства Европы», попросил встречи с главнокомандующим или с главным российским переговорщиком тайным советником А. Я. Италийским. Последний встретился с ним на следующий день и выслушал обновленные требования: восстановить в Азии статус-кво; в Европе провести границу по Пруту, но без Измаила и Килии с их округами; подписать мир с Персией как с державой, действующей совокупно с Портою³⁵. Объяснения не улучшили положения. Вместо приближения к финишу переговоров, речь теперь шла о расширении тем для дискуссий. Обидней всего было то, что накануне пришел рескрипт императора Александра I, который снимал главные препятствия с русской стороны на пути заключения мирного договора. Государь 22 марта писал Голенищеву-Кутузову: «Величайшую услугу вы окажете России поспешным заключением мира с Портою ... Всякая потеря времени в настоящих обстоятельствах есть совершенное зло ... Для единственно вашего сведения сообщаю вам, что если бы невозможно было склонить турецких полномочных подписать трактат по нашим требованиям, то, убедясь наперед верным образом, что податливость с вашей стороны доставит заключение мира, можете вы сделать необходимую уступку в статье о границе в Азии. В самой же при крайности дозволяю вам заключить мир, положив Прут, по впадение оного в Дунай, границею ... На сию столь важную уступку, одна-

³³ М. И. Кутузов. Документы. С. 842–843.

³⁴ Архив князя М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленского, (1745–1813) // Русская старина. Т. V. 1872. Апрель. С. 647.

³⁵ М. И. Кутузов. Документы. С. 871–873.

ко же, не иначе позволяю вам согласиться, как постановя союзный трактат с Портою»³⁶.

2 апреля Кутузов встретился с Галиб-эфенди. Беседа позволила понять, что лежит за требованиями о Персии и Азии, но не сдвинула переговоры с места. В ответ Михаил Илларионович заявил, для России настало время «связать наитеснейшим образом интересы двух империй, или разорвать вовсе эту негоциацию и принять настоятельные предложения императора Наполеона»³⁷. Конференции 19 и 20 апреля ни к чему не привели. Верховный визирь ожидал последствий высочайшей аудиенции шведского поверенного, и главное, какой ответ будет дан в столице французскому послу на предложение о союзе. Порте предлагалось поддержать империю в случае ее войны с Россией. За участие в новом конфликте Стамбулу было обещано возвращение утраченных в борьбе с северной империей за последние 60 лет территорий³⁸. Оценивая ситуацию, Кутузов 29 апреля сообщал императору, что к французским настояниям о союзе с Портой присоединилась и Австрия. «Что же касается до заключения с Россией союза, то по сим новым обстоятельствам, кажется, и нет на сие надежды, а потому ежели бы и ныне согласились полномочные на границу европейскую, тогда решусь я и без союзного трактата подписать кондиции, но постановлю оные *sub sperati* (впредь до утверждения. — А. В.) дабы тем удобнее таковой трактат можно было не ратификовать ...»³⁹

В тот же день к вечеру в Бухарест прибыл курьер визиря, и 30 апреля переговоры возобновились. Камнем преткновения стала граница в Европе. Визирь предлагал срыть крепости Измаила и Килии, но оставить их, как и Рени (торговое местечко на берегу Дуная, в трех верстах от впадения в него Прута, в 50 верстах от Измаила и 15 от Галаца), за Портой. «Наконец, — сообщал Кутузов императору, — удостоверился я, что всех требований

³⁶ М. И. Кутузов. Документы. С. 850–851.

³⁷ Там же. С. 878.

³⁸ Там же. С. 887, 882, 891.

³⁹ Там же. С. 885–886.

моих мне держать будет невозможно, и зная, сколь опасно потерять еще более время... приготовил письмо к визирю, в котором изъяснил, что уже время кончить столь смешные переговоры и кончить тем, чтобы разорвать конгресс, ежели не будут приняты мои предложения самые умереннейшие; и сие письмо сообщил орду-кадию — второму полномочному... изъяснив ему все следствия бедственные, которые угрожают Порте, ежели не сделаем скорого конца». Тот, прихватя с собой третьего полномочного, встретился с Галиб-эфенди и убедил того согласиться с русскими предложениями⁴⁰.

По просьбе Галиб-эфенди финальные «переговоры велись без показной пышности, ввиду того, что он считает полезным и даже необходимым держать предмет переговоров до определенного времени в секрете...» Полномочные не собирались в одном месте и пользовались не назначенным для конгресса домом, а частным при минимуме секретарей. Иностранным дипломатам, находившимся в Бухаресте, сообщалось, что стороны никак не могут прийти к согласию. Такие меры действительно ввели их в заблуждение. Из переписки австрийского и французского консулов видно, что они еще 15 мая ничего определенно не знали. Переговорщики же еще 3 мая условились подписать основные статьи. Докладывая 4 мая императору о достигнутом прогрессе, Кутузов особо подчеркнул: «Я ничего лучшего сделать не мог, тому причиною положение дел в Европе... но ежели со всем тем выгоднее будет разорвать все мною обещанное, в таком случае приму я без роптания все, что касательно меня последовать может. Нещастие частного человека с пользою общию ни в какой расчет не входит»⁴¹. На следующий день, 5 мая, согласованные основные статьи были доработаны в чуть более пространные Предварительные условия. Единственное, чего не

⁴⁰ Там же. С. 894.

⁴¹ Там же. С. 892, 894–895. В 1807 г. так произошло с подписанным генералом от кавалерии К. И. Мейендорфом перемирием с Портой, которое не было одобрено императором, в результате чего подписант был уволен со службы.

добился Кутузов, — это подвигнуть осман к заключению союзного соглашения.

Согласно достигнутым договоренностям тотчас же после подписания их основ, приступили к переговорам об окончательных условиях мира⁴². Верховный визирь предполагал, что сей труд возьмет на себя новый русский главнокомандующий. На этот счет Ахмет-паша 11 марта писал Кутузову: «Постарайтесь приложить все усилия, чтобы его превосходительство генерал Чичагов, наши уполномоченные и уполномоченные Великой России, собравшись вместе для обсуждения прочих статей, уладили и окончили их как можно быстрее»⁴³. Сменщик, вступивший в командование Дунайской армией 12 мая⁴⁴, рассудил иначе. «Желая предоставить всю честь этого дела Кутузову, — писал адмирал в воспоминаниях, — я предложил ему остаться еще несколько дней для окончательного подписания трактата». На самом деле Павел Васильевич не хотел, чтобы его имя было связано с мирным договором, который он считал непроработанным. «Трактат этот, — отмечал Павел Васильевич в мемуарах, — слишком поспешно оконченный, имел неудобства. Во-первых, в нем не было выговорено наступательного и оборонительного союза против Наполеона; а государь приказал мне заключить его с Турцией. Потом он не заключал в себе тех выгодных условий, которых можно бы было достигнуть»⁴⁵.

Договор был подготовлен в рекордные сроки и 16 мая подписан Кутузовым и Ахмет-пашой. Дело было за высочайшими ратификациями. По Бухарестскому мирному договору России отходили земли по левому берегу Прута до впадения его в Дунай и далее по Килийскому устью в Черное море, иначе говоря, Бессарабия. Привилегии Молдавии и Валахии подтверждались, жители их освобождались от всяких налогов на два года. Грани-

⁴² М. И. Кутузов. Документы. С. 899.

⁴³ Там же. С. 902.

⁴⁴ Там же. С. 902–903.

⁴⁵ Из записок адмирала Чичагова. Дела Турции в 1812 году // Русский архив. 1870. № 8–9. Ст. 1533.

цы в Закавказье оставались в довоенном виде, России надлежало вернуть Порте земли, «оружием его завоеванные, что позволяло оставить ей за собой добровольно перешедшие к ней». Порта гарантировала сербам «прощение и общую амнистию» и даровала «выгоды, коими пользуются подданные ее островов архипелажских (острова Эгейского моря. — А. В.) и других мест... предоставив им самим управление внутренних дел их...» Согласно отдельной статье осуществлялся обмен военнопленных. Существовали и секретные статьи. По ним крепости Измаил и Килия подлежали разрушению, к которому следовало приступить «сразу же после обмена ратификационными грамотами», но без указания срока исполнения. В Азии морское побережье (подразумевается восточное побережье Черного моря. — А. В.), расположенное в двух часах от правого берега Фазы (река Рион. — А. В.) и в четырех часах от Анакры (крепость на левом берегу в устье реки Ингури. — А. В.), на котором нет никаких укреплений, предоставлялось в пользование России «как своего рода мост для обеспечения и облегчения доставки военных припасов и другого необходимого имущества»⁴⁶.

Поздравляя Румянцева с подписанием мирного договора, Кутузов писал: «В сем счастливом для отечества нашего и общепольном событии старался я, сколько то обстоятельства позволяли, сблизиться с разумом всемилостивейшего его императорского величества рескрипта (от 22 марта о границе по Пруту. — А. В.), чрез посредство вашего сиятельства ко мне доставленного, и руководствоваться как в образе трактования... так и в самом ограничении первоначальных требований наших». При этом особо подчеркнул, что статьи договора за № 7, 11 и 13 были написаны с согласия и по желанию Чичагова⁴⁷. «Что же каса-

⁴⁶ М. И. Кутузов. Документы. С. 906–914.

⁴⁷ В одном из донесений императору адмирал писал: «Чтобы доказать уполномоченным Оттоманской Порты, что Ваше Величество желает искренно примирения с Портою, и уверить их в этом, я указывал именно на договор о союзе и согласился на изменение некоторых статей мирного договора по их желанию, например статьи, относящийся до татар, переселившихся в Россию, до срока вывода войск (русских. — А. В.) в три месяца,

ется до союза, то об оном не упоминается в трактате, по неимению у полномочных турецких достаточной власти на помещение таковой статьи. Настаивая в сем требовании, не только повредили бы мы скорейшему успеху начатого дел, но и вовсе бы ход одного и самое событие могли приостановить»⁴⁸.

Кутузов переживал, что не смог исполнить повеления государя. Нерешенная задача тяготила его. Тем более, что прибывший Чичагов не скрывал: «Всякое примирение хорошо в настоящее время, с условием, что оно повлечет за собою полный союз... Этим-то я и займусь без замедления». Союз адмиралу был нужен для организации диверсии против Франции силами большей части Дунайской армии при поддержке славянского ополчения, которую он считал возможной и которой грезил император. Ее целью должно было стать проникновение во французские владения в Иллирии на Адриатике, откуда предполагалось двинуться на Триест и далее в Швейцарию⁴⁹. Когда станет ясно, что диверсия невозможна, Павел Васильевич начнет грезить о захвате Константинополя, а закончит отказом и от этого прожекта.

Из хода переговоров видно, что стратегическое влияние на них оказывали инструкции обеих сторон, а не хотения или желания Кутузова. В ситуации приближения войны с Францией и сокращения в феврале Дунайской армии на две пехотные дивизии⁵⁰ возможности Михаила Илларионовича по заключению мирного договора с Портой резко снижались. Возрастало влияние на переговоры других стран и держав, что в свою очередь вело к их затягиванию. Сложившееся положение резко поднимало роль Блистательной Порты; проиграв войну, она получа-

вместо трех с половиною» (*Попов А. Н. Эпизоды из истории двенадцатого года // Русский архив. Кн. 2. 1892. № 5. С. 15*).

⁴⁸ *М. И. Кутузов. Документы. С. 904–905.*

⁴⁹ *Попов А. Н. Эпизоды из истории двенадцатого года. С. 14.*

⁵⁰ Под началом Кутузова оставались только четыре дивизии. Теперь армия могла осуществлять лишь чисто оборонительные операции, что служило наглядным примером изменения отношения Александра I к своему полководцу. Более он не рассчитывал на него (*М. И. Кутузов. Сборник документов. Т. III. М., 1952. С. 818*).

ла шанс отыгаться за столом переговоров. Контрольный пакет мира оказался в руках верховного визиря Ахмет-паши, который мог простым затягиванием переговоров принудить русскую сторону к уступкам или удержать на неопределенное время ее армию на берегах Дуная. Он оказался человеком с широкими, как теперь сказали бы, геополитическими взглядами. В одной из бесед с российским дипломатом визирь просил передать Кутузову, что османы «не так глупы, чтобы верить в дружбу к нам Франции и желание ее оказать нам услугу. Мы знаем, что она стремится к своим выгодам и к нашей гибели; но мы знаем также, что для достижения этой цели она прежде всего будет действовать против России»⁵¹. Когда 21 июля / 2 августа его посетил британский генерал Р.-Т. Вильсон, визирь также «выразил твердое убеждение во враждебных намерениях Франции и Австрии, но присовокупил, что интересы Турции требуют избегать сколь возможно долее войны и ради общего дела она будет держаться такового решения.., что он нетерпеливо ожидал войны России с Францией, поелику успех сей последней будет губителен для Турции...»⁵². При таком взгляде на политическую ситуацию у Ахмет-паши не было резона совсем уж затягивать переговоры.

Переговорные возможности и позиции Кутузова были не самые лучшие, а точнее — весьма скромными. Его дипломатический арсенал ограничивался лишь тактическими средствами, но ими он воспользовался сполна. Подтверждение тому подписанный договор, по достоинству оцененный современниками. Из множества их числа, среди которых был и Александр I⁵³, выделяется мнение Чичагова. Не то, которое он выразил в своих мемуарах, а в донесении императору из Бухареста после отъезда Кутузова: «Не имея еще времени осмотреться и собрать верныя сведения, которыя мне были нужны, я писал на основании пред-

⁵¹ Записки графа Ланжерона. Война с Турцией (1806–1812) / Сообщ. Е. Каменский // Русская старина. Т. СХLIII. 1910. Июль. С. 352.

⁵² Вильсон Р.-Т. Дневник и письма 1812–1813. СПб., 1995. С. 119, 120.

⁵³ Михайловский-Данилевский А. И.. Описание Отечественной войны 1812 года. Ч. I. СПб., 1843. С. 243.

положений и слухов... Теперь я обладаю более верными сведениями почерпнутыми из верных источников... мир был для нас необходим, и он не мог быть заключен на других условиях при настоящих обстоятельствах»⁵⁴. И признал, что «Союз с турками не много бы нам помог...»⁵⁵ Лучшего доказательства правоты Голенищева-Кутузова и найти нельзя. По мнению автора фундаментального труда по внешней политике императора Александра I О. Р. Айрапетова, «Кутузову удалось в ограниченные сроки достичь максимальных результатов»⁵⁶. Сходной оценки усилий Михаила Илларионовича придерживается и современный британский историк-востоковед Уильям Миллер: «...Россия добилась более благоприятных условий, чем могла ожидать»⁵⁷.

⁵⁴ Попов А. Н. Эпизоды из истории двенадцатого года. С. 18–19.

⁵⁵ Письма адмирала Чичагова к императору Александру I (Сообщено М. И. Богдановичем) // Сборник императорского русского исторического общества. Т. 6. СПб., 1871. С. 3.

⁵⁶ Айрапетов О. Р. История внешней политики Российской империи. 1801–1914: Т. 1. Внешняя политика императора Александра I. 1801–1825. М., 2017. С. 214.

⁵⁷ Миллер У. На руинах Османской империи. Новая Турция и свободные Балканы. 1801–1927. М., 2020. С. 50.

ПРИЧИНЫ УЧАСТИЯ РОССИИ В ТРЕТЬЕЙ АНТИНАПОЛЕОНОВСКОЙ КОАЛИЦИИ (1805) В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Более двух столетий отделяют Россию от драматических событий, связанных с ее участием в первом военном столкновении с наполеоновской Францией, однако тема эта не утратила ни научной, ни публицистической актуальности, став достоянием не только «экспертного знания», но и «интеллектуальных элит». Предметом спора, как правило, являются причины вступления России в Третью коалицию и персональная роль императора Александра I в создании этой коалиции. Вопросы, сопутствующие разъяснению проблемы, формулируются следующим образом: существовала ли военно-политическая и экономическая необходимость участия Российской империи в военном конфликте или же этот ответственный шаг вызван субъективными причинами; стремилось ли русское правительство к восстановлению баланса сил в Европе или же оно предприняло «крестовый поход» против прогресса и распространения революционных идей; не пошла ли Россия на поводу у корыстной Великобритании, тем самым лишив себя блестящих перспектив союза с Наполеоном? Наконец, самым популярным на сегодняшний день стал «нетривиальный» ракурс проблемы: не явилось ли участие России в военной кампании 1805 г. следствием личной неприязни и зависти императора Александра к Наполеону?

На наш взгляд, всегда следует учитывать, что причины участия России в Третьей коалиции трудно определить объективно, не

принимая во внимание существенной особенности отечественной историографии, с давних пор «прогнувшейся» под тяжестью «розовой наполеоновской легенды». У «наполеоновского мифа» в России особая судьба, связанная с историческими реалиями. Известный исследователь В. М. Безотосный справедливо заметил: «... Французская историографическая школа... играла главную роль в представлении европейцев о наполеоновской эпохе... Именно она внедрила в... интерпретации истории европейских государств так называемую наполеоновскую легенду и сложившиеся в ее недрах стереотипы и мифы. В работах французских авторов... создавался привлекательный образ и романтический ореол непогрешимости Наполеона... Во французской историографии появлялись и работы противников бонапартизма, которые выступали против “наполеоновской легенды”. Это являлось борьбой и с “героической школой” наполеоновской историографии, и с официальным культом наполеоновских традиций, но она была полностью проиграна, в XIX столетии французское общество не принимало таких критиков всерьез»¹.

И пусть бы это явление осталось достоянием собственно французской историографии и французского общества! Однако со второй половины XIX века, ознаменовавшегося в России размахом революционно-демократического движения, «культ Наполеона» буквально захлестнул «передовую» российскую общественность. Откуда же возникало и возникает до сих пор это восторженное преклонение? Особенности «трансляции» французской национальной памяти и «формам преодоления травматического прошлого» посвящена монография А. А. Постниковой. Автор указывает на то, как во Франции «образ прошлого эволюционировал., проявляя себя в дневниках и мемуарах участников событий, в исторических исследованиях, художественных произведениях...»². Тщательно «отцензуиро-

¹ *Безотосный В. М.* Россия в наполеоновских войнах 1805–1815 гг. М., 2014. С. 17.

² *Постникова А. А.* Русская кампания Наполеона и Франция: историко-антропологическое измерение». М., 2022. С. 4–5.

ванная версия» героического национального нарратива Франции оказалась частью исторического сознания россиян, не разглядевших за разными видами доступных им источников проблемы их создателей.

Эта ситуация нашла отражение в статье С. С. Секиринского: «После ухода Наполеона с исторической сцены судьба созданной им легенды была неразрывно связана с попытками воплотить ее заново, «повторить». Если обратиться к дневникам, мемуарам, даже исповедальным стихам и другим источникам, то можно обнаружить, что едва ли не в каждом поколении русских юношей (а порой и девушек), по крайней мере в XIX — начале XX в., у Наполеона были страстные поклонники... Но если Наполеон *вышел* из революции, то “горевшие” им юные русские, бывало, *уходили* в нее. Наполеоновскую мифологию питала не только ожидаемая и переживаемая на французский манер русская революция, но и сама наполеоновская историография. Постоянно растущий поток книг о Наполеоне не только наделял символическим значением, но и делал общеизвестными в рамках достаточно широкого круга читающей публики едва ли не каждый значительный эпизод его индивидуальной судьбы»³. По мнению же современного британского исследователя Д. Ливена, «различные стороны наполеоновской легенды были скорее захватывающим зрелищем, чем имели важное значение»⁴.

Здесь представляется уместным привести фрагмент интервью с известным отечественным исследователем А. В. Чудиновым, указывающим на дополнительный стимул восторженного отношения к Наполеону: «... Понятия “Великая французская революция” не существует нигде, кроме России. Это исключительно российская выдумка. Во Франции даже самые ярые поклонники революции никогда не называют ее “великой”».

³ Секиринский С. С. Наполеоновский миф в России XIX–XX вв. // Эпоха 1812 года в судьбах России и Европы : Материалы Международной научной конференции (Москва, 8–11 октября 2012 г.). М., 2013. С. 403.

⁴ Ливен Д. Россия против Наполеона: борьба за Европу, 1807–1814. М., 2012. С. 155.

Это сугубо русское изобретение возникло во второй половине XIX века, когда оппозиционная интеллигенция в России создала своего рода культ «Великой французской революции»⁵. Именно в этой «идеологической связке» Наполеон существовал и существует в отечественной историографии и в российских «коммеморативных практиках» по сей день.

На протяжении двух столетий русские почитатели гения французского императора игнорировали принципиальную особенность наполеоновской легенды — межцивилизационную, замечая лишь «классовую», составляющую конфликта между Россией и Францией (А. К. Дживелегов, С. П. Мельгунов, В. И. Пичета, Е. В. Тарле, А. З. Манфред, А. Н. Троицкий). Однако межцивилизационный конфликт — не выдумка: «Что касается французских источников, то взгляд на армию или кампанию глазами противника таит в себе очевидную опасность. ... При столкновении с русскими их [французов] обыкновенное чувство превосходства порой усиливалось из-за почти колониального презрения к неразумным варварам с окраин Европы. Сам Наполеон задавал подобный тон, направляя лишь немногие лестные слова в адрес всех частей русской армии ...»⁶. Этот «имагологический» аспект, ставший очевидным в наши дни⁷, в той или иной степени прошел через всю французскую мемуаристику.

Уделив внимание своеобразие отечественной историографии наполеоновских войн, рассмотрим, как она разрешалась в работах исследователей применительно к 1805 г. Вероятно, будет справедливым обратиться к известному сочинению «по-

⁵ Историк. Культ революции. № 30 июнь 2017. URL: <https://историк.рф/journal/post/5796>.

⁶ Д. Ливен. Россия против Наполеона. С. 40.

⁷ Промыслов Н. В. Французское общественное мнение о России накануне и во время войны 1812 года. М., 2016; Митрофанов А. А., Промыслов Н. В., Прусская Е. А. Россия во французской прессе периода Революции и Наполеоновских войн (1789–1814). М., 2019; Постникова А. А. Русская кампания Наполеона и Франция: историко-антропологическое измерение. М., 2022; Форрест А. За кромкой поля боя. Жизнь военных во времена Революционных и Наполеоновских войн. М., 2022.

следнего русского летописца» Н. М. Карамзина «Записке о новой и древней России». Накануне Отечественной войны 1812 г. историк сокрушался: «Для чего мы легкомысленною войною навели отдаленные тучи на Россию? Для чего не заключили мира прежде Аустерлица?»⁸ Карамзин не был политиком; вопросы внутренней и внешней политики император считал своей прерогативой и не подпускал к ней дилетантов. Однако перед войной он снисходительно прочел благие высказывания автора «Истории государства Российского»: «Умная Англия, испытав невыгоду мира, старалась снова поднять всю Европу на Францию и делала свое дело ... Император Александр более всех имел право на уважение Наполеона; слава героя италийского [А. В. Суворова. — Л. И.] еще гремела в Европе ... Англия, Австрия были в глазах консула естественными врагами Франции; Россия казалась только великодушною посредницею Европы, и неотступно ходатайствуя за Германию, могла напомнить ему Треббию и Нови, если бы он не изъявил надлежащего внимания нашим требованиям»⁹. Думается, Н. М. Карамзин сильно переоценивал способ влиять на политику Первого консула напоминием о победах Суворова в 1799 году. К 1805 году Бонапарт окончательно уверился в превосходстве собственных военных дарований ...

Автором первого обстоятельного сочинения (1844 г.), посвященного событиям 1805 г., был «российский Гомер» А. И. Михайловский-Данилевский. Его рассуждения о причинах военного конфликта были кратки: «... Спокойствие не было и не могло быть продолжительно, являясь несовместным со свойствами тогдашнего властелина Франции ... Мало было Наполеону лавров, пожатых им в Италии и Египте, мало чести законодателя ... И куда ни обращал он взор окрест себя, за Рейн, Альпы, Пиренеи, всюду являлось ему поприще для исполнения замыслов его, всюду видел он соседей Франции, смиренных ее оружием ... Только одного не проникал орлиный взор Наполеона, или, справедливее, только одного не допустило Провидение познать

⁸ Карамзин Н. М. Записка о новой и древней России. М., 1991. С. 51.

⁹ Там же. С. 51–55.

ему — великости души 24-летнего монарха, которым Бог благословил тогда Отечество наше ... Так при наступлении XIX столетия явились: на Западе Наполеон, обуреваемый замыслами преобладания, на Севере Александр как сила охранительная. При сих условиях столкновение Наполеона и Александра было неизбежно; ... дело шло не об округлении границ, не о мелочных расчетах, но предстояло решение вопроса: покориться ли европейским державам новой власти завоевателя, или продолжить свое бытие, основанное на святости законных престолов и неприкосновенности владений, утвержденных договорами?»¹⁰ Отметим, что А. И. Михайловский-Данилевский определил причину вовлечения России в войну в духовно-нравственных категориях, не придавая особого значения политическим и экономическим аспектам. Более того, он сознательно избегает всего, что на них указывает, акцентируя внимание на бескорыстных усилиях императора Александра, не подозревая, что именно этот «возвышенный» мировоззренческий подход и явится впоследствии для историков нового поколения с «секулярным» сознанием главным поводом для обвинений в адрес российского монарха.

Впервые глубокий анализ причин вступления России в Третью коалицию был произведен М. И. Богдановичем (1869–1871). В его 6-томном сочинении «История царствования Императора Александра I и Россия в его время» этой проблеме посвящены две главы, основанные как на дипломатической переписке России и Франции, так и на других видах источников. В отличие от А. И. Михайловского-Данилевского, по словам сослуживца, «переносившегося мысленно во времена и местности не как историк, но как очевидец», М. И. Богданович стремился к объективному и, по возможности, бесстрастному изложению событий. Так, по поводу недолговечного мира между Англией и Францией историк отметил: «Разрыв Амьенского трактата возбудил жалобы на Англию всех европейских держав: притязания англичан на Мальту признавалось и несправедливым, и не

¹⁰ Михайловский-Данилевский А. И. История войн императора Александра I с Наполеоном в 1805, 1806, 1807 годах. М., 2018. С. 17–18.

стоившим новой войны. Тем не менее однако же Россия, Австрия и Пруссия, для которых преобладание Англии на море было менее тягостным, нежели господство Франции на материке Европы, сочувствовали Лондонскому двору и желали обуздать властолюбие Первого консула»¹¹.

Историк скрупулезно описывал как стремительно усугублялся конфликт: «...настойчивые требования Императора Александра о вознаграждении Короля Сардинского отклонено неуместным предложением тьюлерийского двора, а между тем, 9 (21) сентября 1802 года, Первый консул обнародовал декрет о присоединении к Франции Пьемонта»¹². Собственно, сама эта проблема досталась Александру I в «наследство» от его отца, Павла I. В данном случае Российский монарх настаивал «на силе договоров» и «ранее взятых обязательств», которые Первый консул не стал выполнять демонстративно. Богданович не отрицал, что русский посол граф А. И. Морков открыто демонстрировал неприязнь к Первому консулу, в свою очередь потребовавшего отозвать посла. В то же время историк подчеркивал, что дерзкое поведение русского посла, «не позволявшего наступать себе на ногу», было вызвано поведением французского правительства, которое «вместо того, чтобы утушить искры несогласия с Россией, угрожавшие пожаром, не упускало случаев к изъятию неудовольствия и неуважения к Петербургскому двору»¹³; «французские агенты в Константинополе старались поселить в Турках недоверие к России и поставить Диван в зависимость от Бонапарта»¹⁴; «уже настаивало время, когда он [Бонапарт] — с одной стороны мог запретить Зунд, а с другой — приобрести господство на Черном море, что поставило бы русскую торговлю в совершенную зависимость от его произвола»¹⁵; 9 (21) апреля Французы, заняв герцогство

¹¹ Богданович М. И. История царствования Императора Александра I и России в его время : в 6 т. СПб., 1869–1871. Т. 1. 1869. С. 321.

¹² Там же. С. 322.

¹³ Там же. С. 328.

¹⁴ Там же. С. 329.

¹⁵ Там же. С. 330.

Аренбергское, прервали внутреннюю навигацию, перекрыв тем самым судоходство по Эльбе и Везеру — важному пути для прусской торговли [как и для русской. — Л. И.], назвав это «мерами предосторожности против России». Инцидент с захватом герцога Энгиевского Богданович определил как «разбойничий набег в виде военной экспедиции». По мнению М. И. Богдановича ситуация спровоцированная действиями Первого консула, не только нарушала европейское равновесие, но и носила антироссийскую направленность.

В 1877 г. к разъяснению причин участия России в Третьей коалиции обратился С. М. Соловьев. Известный историк уделил особое внимание взглядам Александра I на внешнюю политику России, не сомневаясь в искренности его первоначальных намерений остаться в стороне от европейских потрясений: «Для России нужна прочность отношений между державами, обеспечивающая продолжительный мир, а эта прочность отношений устанавливается союзами большинства значительнейших держав. Александр не хотел исключать из этого союза могущественную Францию...»¹⁶ Автор указывал на предпосылки мирного развития отношений между государствами: «11 октября 1801 между Россией и Францией была заключена тайная конвенция, по которой обе державы «в полном согласии» обязывались решить вопрос о вознаграждении германских владетельных особ в связи с заключением Люневильского мирного договора (9 февраля 1801 г.), согласно которому левый берег Рейна после «погрома Австрии» отходил к Франции. Обе державы высказали намерение «сохранять справедливое равновесие между домами австрийским и бранденбургским [т. е. между Австрией и Пруссией. — Л. И.]»; «сохранить неприкосновенность владений короля Обейх Сицилий»; вывести французские войска из Неаполя; стабилизировать отношения между Францией и Оттоманской Портой (при посредничестве России) после вторжения войск генерала Бонапарта в Египет

¹⁶ Соловьев С. М. Император Александр I. Политика, дипломатия. М., 1995. С. 28–29.

и др. В 1802 г. император Александр, в соответствии с конвенцией, ответил отказом на предложение первого консула участвовать в разделе Турции — «Россия не пошла на эту приманку»¹⁷. С. М. Соловьев отмечал: «... Попробовали другое средство: в доказательство своего уважения к императору Александру Наполеон предложил ему быть не только посредником, но верховным решителем спора между Англией и Францией. Александр отклонил эту опасную честь: война уже началась; согласится ли Англия для ее окончания подчиниться решениям русского государя; если не согласится, то это будет оскорбление и Франция получит право требовать союза России против державы оскорбившей»¹⁸.

Соловьев утверждал, что Наполеон сознавал, что «без России никакая коалиция, если бы и была возможна, то не была бы ему опасна, и потому главная цель его политики в отношении к России заключалась в том, чтобы разными хитростями и приманками отталкивать Россию по возможности от связи с другими державами..; тогда Россия.., оставшись в одиночестве, ... если вздумает противиться, то будет поражена всеевропейской коалицией, направленной против нее под знаменами первого полководца века»¹⁹. По мнению ученого, именно к этому повороту в европейских делах Наполеон стремился, сделав «последний шаг для утверждения своей власти во Франции... Жертвой сделался молодой герцог Ангьенский, внук Конде, который жил в Эттенгейме, в баденских владениях... Наполеону нужно было показать свою силу, ... поразить толпу впечатлением, что для ее правителя казнить и принца ничего не значит»²⁰. Когда в Петербурге был созван совет в связи с «Эттенгеймским делом», даже «граф Румянцев объявил, что не надобно разрываться с Францией без важных причин.., а чувства должны оставаться в стороне... Но император был не за молчание; он пони-

¹⁷ Там же. С. 41.

¹⁸ Там же. С. 41.

¹⁹ Там же. С. 28.

²⁰ Там же. С. 58.

мал, что дело идет не о чувствах только, когда правитель одного государства хватается вооруженной рукой в другом независимом государстве неприятного ему человека и расстреливает его»²¹. Действительно, Наполеону следовало хотя бы избрать для себя другую жертву, коль скоро она ему потребовалась, но он приказал арестовать именно герцога Энгиенского, проживавшего на территории маркграфства Баденского, то есть во владениях деда императрицы Елизаветы Алексеевны. В ответ на русскую ноту протеста «была пущена корсиканская стрела: на Англию взведено обвинение в замыслах против императора Павла с прибавкой, что если бы в России узнали, что злоумышленники находятся недалеко от границы, то, конечно, схватили бы их»²². Первый консул сознательно шел на провокацию...

Кроме «корсиканских стрел», С. М. Соловьев указал на весьма важный факт политического шантажа, который одновременно грозил перерасти в экономический, но уже со стороны британской дипломатии в лице премьер-министра У. Питта. Посол России в Лондоне граф С. Р. Воронцов сообщал в Петербург о возможном заключении мира между Англией и Францией, означавшим «союз между морем и сушей», что «было бы бедствием для Европы», окончательно разрушив баланс сил на континенте. «По словам Воронцова, Питт обратился к нему со словами: «... Нет человека в мире, который бы более моего был противником мира с Францией при том положении, в каком она теперь; но если мы будем продолжать биться одни, то нашему народу это наскучит ...»²³. Брат «графа Семена», канцлер А. Р. Воронцов, со своей стороны выражал опасения, что «Англия, получа себе в добычу разные французские селения вне Европы [т. е. колонии], может легко особенный свой мир с Францией заключить и при возвращении части своих завоеваний выговорить себе некоторые выгоды ...»²⁴.

²¹ Соловьев С. М. Император Александр I... С. 59.

²² Там же. С. 62.

²³ Там же. С. 71.

²⁴ Там же. С. 70.

К концу XIX столетия под воздействием внешнеполитических факторов в трудах большинства историков произошло значительное изменение в объяснении «воинственному обороту, принятому русской политикой». Например, Н. К. Шильдер²⁵ видел главную причину участия России в антинаполеоновской коалиции в постороннем влиянии на императора Александра: «Князь Чарторыйский желал провести Александра по Европе со знаменем принципов справедливости и законности как избавителя народов и противника Наполеона, поправшего по своему произволу династические законы и независимость народов». По мнению историка, Александр вообще «сочувствовал каждому идеальному порыву»²⁶. Но именно Шильдер обратил внимание на ту роль, которую сыграл в формировании отношения к Наполеону Ф. С. Лагарп, бывший воспитатель российского императора, мнением которого Александр особенно дорожил. В бытность членом Директории Гельветической республики (1798–1802) Лагарп дорого заплатил за «идеальные порывы», обратившись к Франции за поддержкой в «борьбе с тиранами»: Гельвеция оказалась сначала под настойчивой опекой сильного соседа, а «актом 1803 года присоединена была федеративно к Франции»²⁷. Еще 17 февраля 1802 года Лагарп откровенно писал Александру I: «Наш Бонапарт ничуть не исправился. Думает о себе, только о себе самом... Фортуна ему улыбается., сделался наг и несносен... Имею основания думать, что сообщаю Вам известия достоверные... Он хочет сделаться императором галлов. Согласитесь, что главное уже сделано; он уже царит по обе стороны Альп; осталось только прибавить клочок нашей земли [Гельветическую республику], да еще имя...»²⁸. Из письма следует, что намерение стать императором созрело в голове первого консула задолго до покушения на его жизнь, в кото-

²⁵ Шильдер Н. К. Император Александр I. Его жизнь и царствование : в 4 т. СПб., 1897–1898. Далее цит.: Шильдер Н. К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. М., 2008.

²⁶ Шильдер Н. К. Император Александр I. С. 163.

²⁷ Император Александр I и Фредерик-Сезар Лагарп: Письма. Документы : в 3 т. Т. 1. М., 2014. С. 626.

²⁸ Император Александр I и Фредерик-Сезар Лагарп. Т. 1. С. 706.

ром он будто бы подозревал Бурбонов и конкретно герцога Энгийенского. В апреле 1804 г. Лагарп снова предупредил своего воспитанника: «Правительство сие [то есть Бонапарта. — Л. И.] будет туркам, Австрии, Пруссии, Швеции, Персии, полякам делать самые разные предложения соблазнительные. Желает оно Вас из Европы вытеснить... В сем случае, умоляю Вас, никаких нот не вручайте, разве что в сопровождении пушек и штыков»²⁹. Шильдер пришел к выводу, упускаемому из виду исследователями: «... В этом вопросе между бывшим наставником и его царственным учеником существовало полное единомыслие»³⁰, сложившееся гораздо раньше, чем Россия вступила в Третью коалицию.

На рубеже XIX–XX столетий со страниц «историоописаний» полностью исчезает прагматический элемент в определении причин военного конфликта: его экономическая составляющая вообще не принималась в расчет. В центре внимания историков оказались субъективные переживания российского монарха: в историографии тех лет Александр I предстает то восторженным, то циничным, но неизменно оторванным от государственных интересов, которых он не мог постигнуть в силу своей «классовой» ограниченности. В числе побудительных мотивов вступить в войну с Францией впервые были названы зависть и ревность к успехам Наполеона. Уже тогда в историографии намечилось явление, которое в наши дни стало поистине бедствием: «Теоретизирование без знания фактов становится все более популярным»³¹.

Примерно в этом ключе выдержано историческое повествование, вышедшее из-под пера великого князя Николая Михайловича³². Мнение «августейшего историка», использовавшего

²⁹ Император Александр I и Фредерик-Сезар Лагарп. Т. 2. С. 311.

³⁰ Шильдер Н. К. Император Александр I. С. 183.

³¹ Айрапетов О. Р. История внешней политики Российской империи. 1801–1914 : в 4 т. Т. 1. Внешняя политика императора Александра I. 1801–1825. М., 2017. С. 11.

³² Великий князь Николай Михайлович. Император Александр I: опыт исторического исследования. Пг., 1914. Далее цит.: Великий князь Николай Михайлович. Император Александр I. М., 1999.

значительное число прежде неизвестных источников, придавало особый вес его труду. Он разделял взгляды Н. К. Шильдера, полагавшего, что Александр решился вмешаться в европейский конфликт под влиянием А. Чарторыйского. Протест, заявленный по поводу казни герцога Энгиенского, историк назвал «излияниями сентиментальности». Он также полагал, что в основе противостояния двух держав не последнюю роль сыграл личностный фактор: «Бонапарт, в свою очередь возмущился некоторыми выражениями ноты и приказал ответить в том же тоне... В ответ было прямо сказано, что, когда в Петербурге был умерщвлен Император Павел по проискам Англии, никто из заговорщиков не был наказан. Этот намек Наполеона никогда не был ему прощен...»³³. Окончательный исход этого инцидента великий князь прокомментировал в русле историографии той поры, обретавшей статус традиции: «6 / 18 мая 1804 г. Бонапарт был провозглашен императором... Взоры всего Мира сосредоточились на замечательном корсиканце, в несколько лет достигшем престола Франции. Это событие стало логическим эпилогом великой французской революции!»³⁴

Восторженным почитателем талантов французского императора был А. К. Дживелегов (член ЦК партии кадетов), сочетавший ремесло историка с активной политической деятельностью в канун революционных событий в России 1916–1917 гг. Его труд³⁵, отличавшийся острой публицистичностью, содержал в себе бескомпромиссные оценки деятельности Александра I и Наполеона как антагонистов, представителей двух миров. О Наполеоне Дживелегов отзывался восторженно: «Именно эта печать действующего гения, несокрушимой воли, направленной огромным умом, которую окружающие видели на его челе, составляла источник власти Бонапарта над людьми»³⁶. Автор

³³ Великий князь Николай Михайлович. Император Александр I. С. 47–48.

³⁴ Там же. С. 48.

³⁵ Дживелегов А. К. Александр I и Наполеон. Пг., 1915. Далее цит.: Дживелегов А. К. Александр I и Наполеон. М., 2018.

³⁶ Дживелегов А. К. Александр I и Наполеон. С. 96–98.

был уверен в том, что агрессия Наполеона была спровоцирована «старорежимными» силами. Не сдерживая эмоций, он восторгался Бонапартом: «Он срывает с их [королей] голов короны и бросает своим маршалам в награду за удачную кавалерийскую атаку... Он расстреливает французского принца без всякого повода, без необходимости, только для того, чтобы показать, что это ему ничего не стоит...»³⁷. И тут же на контрасте, посреди этого захватывающего действия, вдруг предстает «бесцветный» русский император Александр — «вялый», «капризный», конечно же «завидующий гению Наполеона»...

В 1911 г. в Москве вышло в свет юбилейное семитомное издание «Отечественная война и русское общество. 1812–1912», где нашли отражение взгляды как А. К. Дживелегова, так и других редакторов — С. П. Мельгунова и В. И. Пичеты, объединенных общностью методологического подхода к изучению истории. В их предисловии говорилось: «Недалеко, вероятно, то время, когда старая литература будет иметь только историографическое значение»³⁸; у «старой же литературы» авторами был выявлен существенный недостаток: «Как разительно это противоречит тем просветительным идеям, которые внедрялись в Россию из Франции»³⁹. Соответственно, все войны с Наполеоном являлись, «с одной стороны, борьбой с революцией, а с другой — борьбой с Францией [откуда «внедрялись просветительные идеи»]. То, что Наполеон был «исчадием революции», поднимало против него все руководящие группы русского общества...»⁴⁰ По мнению С. П. Мельгунова, «вся политика Александра основывалась исключительно на самолюбии и на жажде личной славы»⁴¹. В. И. Пичета, автор статьи «Международная политика России в начале царствования Александра I (до 1807 года)», сот

³⁷ Дживелегов А. К. Александр I и Наполеон. С. 117.

³⁸ Отечественная война и русское общество. 1812–1912. Юбилейное издание : в 7 т. М., 1911. Т. 1. С. V.

³⁹ Там же. С. VIII.

⁴⁰ Там же. С. III.

⁴¹ Мельгунов С. П. Александр I. Сфинкс на троне. С. 40.

лидаризировался с мнением своих коллег в том, что именно России принадлежала ведущая роль в Третьей коалиции; именно она «побуждала Австрию к решительным действиям против Франции», а главными аргументами в выборе союзников «являлись для царя английские интересы и английское золото»⁴².

«Неизбывность» наполеоновской тематики вполне естественно проявилась и после 1917 г. Именно историография советского периода ознаменовалась выходом в свет монографий Е. В. Тарле и А. З. Манфреда, получивших мировое признание, не говоря уже о многотысячных тиражах в СССР. «Не прошло и двадцати лет после прихода к власти большевиков, — констатировал С. С. Секиринский, — как в 1935 г. историк Евгений Тарле приступил к выполнению важного сталинского заказа — написанию книги о Наполеоне для серии «Жизнь замечательных людей»⁴³. Исследователь, безусловно, «конструировал» в русле государственной идеологии образ Наполеона и его врагов, которым в событиях 1805 г. традиционно отводилась роль реакционеров-ретроградов. По словам Е. В. Тарле, император Александр «знал, до какой степени дворянство, сбывающее в Англию сельскохозяйственное сырье и хлеб, заинтересовано в дружбе с Англией. Царь также видел, до какой степени для русского дворянства страшен Наполеон, отменяющий крепостное право и уничтожающий дворянские преимущества всюду, куда проникают его армии; именно в этом наиболее важном вопросе его нужно считать наследником революции»⁴⁴. Касательно причин, побудивших Россию примкнуть к Третьей коалиции, исследователь придерживался мнения своих предшественников: «Так как к концу 1804 года была создана коалиция, куда вошли Англия, Австрия, Неаполитанское королевство, Пруссия., лучшего случая для вступления России в войну нельзя было ожидать»⁴⁵. По поводу «Эттенгеймского дела» Е. В. Тарле высказался так:

⁴² Отечественная война и русское общество. 1812–1912. Т. 1. С. 162.

⁴³ Секиринский С. С. Наполеоновский миф в России XIX–XX вв. С. 405.

⁴⁴ Тарле Е. В. Наполеон. М., 1940. С. 143.

⁴⁵ Там же. С. 145.

«Перед Первым консулом ... возникло два затруднения: во-первых, герцог жил не во Франции, а в Бадене; во-вторых, он решительно никак не был связан с открывавшимся заговором. Но первое препятствие для Наполеона существенным не было: он распоряжался уже тогда в западной и южной Германии, как у себя дома, а второе препятствие тоже значения не имело, так как он уже наперед решил судить герцога военным судом, который за доказательствами гнаться особенно не будет»⁴⁶. Казнь королей, царей, принцев в советское время преступлением, как известно, не считалась, поэтому академик Е. В. Тарле иронизировал и на эту тему: «Другие монархи... ограничивались негодованием вполголоса, в узком семейном кругу. Вообще храбрость их выступлений по этому поводу неминуемо должна была оказаться прямо пропорциональной расстоянию, отделявшему границы их государств от Наполеона. Вот почему наибольшую решительность должен был проявить именно русский император»⁴⁷. В отношении французского ответа на ноту протеста Е. В. Тарле также не сомневался, что русского монарха «более жестоко ... за всю жизнь никто никогда не оскорблял»⁴⁸.

Следующая после книги Е. В. Тарле биография Наполеона была заказана историку А. З. Манфреду издательством «Мысль» в конце 1960-х гг. «... Новое наполеоновское жизнеописание воплотило уже не поиски власти, а скорее склад мысли интеллигентов-шестидесятников. Если “в изображении Тарле десятилетний Наполеон предстал уменьшенной копией будущего императора”⁴⁹, то Манфред, принадлежавший к поколению “романтиков революции”, создал далеко не статичный образ, который меняется вместе со своим временем... Поскольку восприятие образа французского императора в нашей стране

⁴⁶ Тарле Е. В. Наполеон. С. 134.

⁴⁷ Там же. С. 144.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Автор ссылается на статью: Кен О. Н. Между Цезарем и Чингис-ханом. «Наполеон» Е. В. Тарле как литературный памятник общественно-политической борьбы 1930-х годов // Клио. 1998. № 3. С. 67–83.

зависело и от международной политической конъюнктуры, постольку и герой Манфреда, сфокусировав в себе драмы революций, сотрясавшей с разницей более чем в сто лет две отныне дружественные страны, приобрел еще и, безусловно, положительные черты пионера русско-французского сближения»⁵⁰.

А. З. Манфред интерпретировал историческую драму, связанную с расстрелом герцога Энгиенского, как «революционную необходимость», но признавал, что «в отличие от первой и второй коалиций, выступавших под знаменами реставрации как открыто контрреволюционная сила, третья коалиция сняла реставраторские лозунги. Александр I был руководителем антинаполеоновского блока, созданного с целью положить конец завоеваниям Наполеона в Европе»⁵¹. Вместе с тем Манфред отдавал должное конструктивной политике Александра I в отношении Франции: «Позиция царя была в целом благоприятной. Смогла ли противостоять такому союзу Англия? Не близится ли время, когда заносчивые и гордые англичане должны будут поднять руки вверх? Но для того, чтобы претворить возможность в действительность, нужны были настойчивые усилия, терпение. Многое могло бы сложиться иначе. Бонапарт своевременно это не оценил»⁵². Однако, по мнению историка, даже в битве при Аустерлице, положившей конец Третьей коалиции, «современники видели... не испытание сил трех монархов на поле боя, а неизмеримо более значительное — решающий поединок нового и старого миров; то было сражение разных общественных систем. За спиной Бонапарта стояло недавнее прошлое — герои Вальми и Флерюса, волонтеры 1793 года, Декларация прав человека и гражданина 1789 года»⁵³.

В период между появлениями монографий Е. В. Тарле и А. З. Манфреда была опубликована работа В. Г. Сироткина «Дуэль двух дипломатий», где автор последовательно просле-

⁵⁰ Секиринский С. С. Наполеоновский миф в России XIX–XX вв. С. 406.

⁵¹ Манфред А. З. Наполеон Бонапарт. М., 1980. С. 466.

⁵² Там же. С. 427.

⁵³ Там же. С. 479.

дил за тем, как изживала себя в российской дипломатической тактике политика «свободы рук», которой император Александр I намерен был придерживаться в начале своего царствования. Советский исследователь уделял особое внимание русско-французским соглашениям от 26 сентября (8 октября) и 28 сентября (10 октября) 1801 г., когда «царское правительство “де-юре” признавало внутренние изменения в буржуазной Франции»⁵⁴. Автор отмечал, что, вопреки всем договоренностям, «Франция уже в 1802 г. начала дипломатическое наступление на Балканах, а затем и в германских государствах»⁵⁵. В. Г. Сироткин полагал, что Первый консул явно провоцировал конфликт между Россией и Францией, заключив 25 июня 1802 г. в Париже с Турцией отдельно мирный договор, игнорируя российское посредничество. Вслед за этим Бонапарт стал концентрировать войска на восточном побережье Италии, готовясь к высадке десанта в западных балканских провинциях Оттоманской Порты — «традиционной сфере интересов российской дипломатии». По итогам договоров с Турцией 1792 и 1799 гг. «южнорусские помещики и купцы только-только получили, наконец, свободный выход в Средиземное море, как вновь над проливами нависла угроза: наполеоновская дипломатия, играя на еще не заживших ранах турецких пашей или шантажируя их угрозой войны, подбирала ключи к воротам из Черного моря»⁵⁶. В. Г. Сироткин полагал, что для России речь шла не об умозрительных стремлениях к защите легитимизма, а непосредственных интересах «правлящих классов».

Пожалуй, в наиболее радикальном виде концепция о защите интересов «правлящих классов» была выражена в работах известного исследователя Н. А. Троицкого: «... Если по-марксистски подойти к оценке войн 1805–1807 гг. со стороны антинаполеоновских коалиций, то легко понять, что “разбойничьи государства”, составлявшие эти коалиции, вели с Наполеоном “от-

⁵⁴ Сироткин В. Г. Дуэль двух дипломатий. М., 1966. С. 11.

⁵⁵ Там же. С. 17.

⁵⁶ Там же. С. 17.

нюдь не освободительную, а империалистскую войну” в экспансионистских целях феодалов-крепостников; более того, и в 1805, и в 1807 гг. они вели “антиякобинскую войну”, ибо шли тогда походом “на воплощенную в лице Наполеона французскую революцию”»⁵⁷. Ученый был весьма последователен в своем отношении к причинам возникновения Третьей коалиции: «... Царизм, выполняя социальный заказ русских феодалов-помещиков (и отчасти купцов), боролся с Наполеоном в коалиционных войнах 1805–1807 гг. (как и другие участники 3-й и 4-й коалиций) не за “свободу” и “безопасность” европейских народов, а за “верховенство” над ними, грабеж и раздел чужих стран... Никогда, ни раньше, ни позже, царизм не был так воинствен, как в 1805–1812 гг.»⁵⁸. Н. А. Троицкий настаивал на том, что «ни русскому, ни французскому, ни другим народам Европы войны 1805–1807 гг. не были нужны. Эти войны вели правительства...»⁵⁹. Историк не сомневался в том, что, «вторгаясь в чужие страны, разоряя их контрибуциями, Наполеон уничтожал в них и феодальную рухлядь...»⁶⁰. Невольные сомнения по этому поводу вызывает историографический факт, на который указывает А. В. Чудинов: «Даже в новейших изданиях учебной литературы... сегодня констатируется, что к началу Французской революции “феодальные отношения давно канули в Лету”... Дискуссия о применимости понятия “феодализм” переместилась в сферу медиэвистики. Теперь уже специалисты по истории Средних веков высказывают аргументированные сомнения в правомерности использования его в качестве обобщающего понятия для обозначения системы общественных отношений даже в средневековой Европе»⁶¹.

⁵⁷ Троицкий Н. А. 1812. Великий год России. М., 1988. С. 17–18.

⁵⁸ Там же. С. 19–20.

⁵⁹ Там же. С. 20.

⁶⁰ Троицкий Н. А. Антинаполеоновские коалиции 1813–1815 гг.: смысл, цели, характер // Доклады Академии военных наук. Военная история. №12. 2004. С. 72–73.

⁶¹ Чудинов А. В. Геополитические баталии на «плацдарме» 1812 года // Российская история. 2012. № 6. С. 178.

Примерно те же претензии к императору Александру, «втянувшему» Россию в Третью коалицию, высказанные историками на рубеже XIX–XX вв., присутствуют в работе О. В. Соколов, опубликованной в 2012 году: «Почему же Александр так резко развернул российскую внешнюю политику? Не будучи англофилом, он готов был исполнять повеления из Лондона, не будучи закоренелым консерватором — сражаться против либеральных ценностей. Понимая, что Франция не только не угрожает России, но и ищет с ней союза, Александр действовал так, будто завтра неизбежно должна была начаться война с французами. Единственным объяснением подобного поведения может служить только одно — личная неприязнь к Наполеону Бонапарту... В самые первые месяцы правления Александра супруга маркграфа Баденского, мать императрицы Елизаветы (или, проще говоря, теща царя), приехала в Санкт-Петербург, чтобы увидеться со своей дочерью. Супруга маркграфа решила на великих примерах показать своему молодому зятю, как надо управлять государством. В качестве основного примера она выбрала первого консула Французской республики... Быть может, именно эти речи незадачливой немецкой родственницы вызвали в сердце Александра жгучую зависть и раздражение по отношению к Бонапарту» и т. д.⁶² Думается, что после захвата герцога Энгиенского и его расстрела баденская теща в полной мере осознала свою «незадачливость». В весьма экспрессивной манере автор анализирует поведение царя: «... Александр не просто с конца 1803 г. думал об организации коалиции против Франции, не только делал в этом направлении конкретные шаги, но уже тогда был буквально одержим идеей войны с Наполеоном. Он навязывал ее всем: прусскому королю, австрийскому императору, он требовал ее... Он жаждал ее любой ценой, не обращая внимания на то, послужит она интересам России или нет...»⁶³

Аргументированные возражения на вышеприведенные довольно субъективные заключения содержатся в монографии В. М. Безотосного: «У России... существовали свои предпо-

⁶² Соколов О. В. Битва двух империй. 1805–1812. М. ; СПб., 2012. С. 76–77.

⁶³ Там же. С. 100–101.

чтения и имелись свои серьезные интересы на Балтике, в Польше и Германии, на Балканах и в Восточном Средиземноморье... Отказ от защиты своих государственных интересов означал потерю немалого влияния в Европе и статуса великой державы. Также важно признать, что к этому времени антиреволюционный идеологический бульон... уже выкипел. Разыгрывалась другая антифранцузская карта — борьба с агрессивным курсом Наполеона, представлявшим реальную угрозу многим европейским странам... Существование такого крупного государства, как Россия, уже было немыслимо вдали от общеевропейских интересов...»⁶⁴. При этом автор указал и на другое немаловажное обстоятельство: «Только полные идеалисты могли считать, что царь повелевал Россией в одиночку... Русское дворянство бы-стро лишало его этой возможности...»⁶⁵.

Непривычный для отечественной историографии взгляд высказал Д. Ливен: «Империя самодержавного царя и крепостного строя, нанеся поражение Наполеону, была очень далека от идеала... Однако бессмысленно рассматривать всю историю любого отдельно взятого народа как череду явных провалов, несчастий или проявлений политической безнравственности. Альтернативы империи [Наполеона] вовсе необязательно были так уж хороши»⁶⁶. Историк пишет: «... Ошибочным представляется мнение о внешней политике Александра I как об “имперской”, не отстаивающей интересов России, какой бы смысл мы ни вкладывали в понятие “Россия”»⁶⁷. Историк отмечает: «... В 1804 г. русско-французские отношения стали сползать к войне. Главная причина этого заключалась в том, что геополитические соображения, сподвигшие Россию примкнуть ко Второй коалиции [1798 г.], вновь стали актуальными, только в еще более острой форме»⁶⁸. Экономические и политические выгоды России от

⁶⁴ Безотосный В. М. Россия в наполеоновских войнах. С. 72–73.

⁶⁵ Там же. С. 75.

⁶⁶ Ливен Д. Россия против Наполеона. С. 11.

⁶⁷ Там же. С. 48.

⁶⁸ Там же. С. 77.

союза с Наполеоном представляются Ливену также весьма сомнительными. В подтверждение своих взглядов он приводит суждение первого посла России в США графа Ф. П. Палена, безусловно разделяемое правящими кругами в Европе: «Несмотря на триумфы Франции и ее нынешнее преобладание, не пройдет и полвека, как у нее останется лишь тщеславное сознание того, что она потрясла Европу и угнетала ее, но не извлекала из этого никакой реальной выгоды, ибо истощение ее людских и денежных ресурсов скажется сразу же, как только она будет не в состоянии получать контрибуцию с соседней»⁶⁹.

Справедливое замечание содержится и в словах А. В. Чудинова, указавшего на то, что внешнеэкономический контекст в войнах России с Францией в трудах отечественных исследователей остается по-прежнему второстепенным по сравнению с идеологическим и социальным. «... Сколько-нибудь прочный русско-французский союз в начале XIX в. был столь же невозможен по геополитическим причинам, как и в силу оппозиции элит. Экономика России имела ярко выраженную сырьевую направленность. Основу российского экспорта составляли, в частности, корабельный лес, парусина, пенька. Главным торговым партнером российской империи была Великобритания. В силу своего геополитического положения «владычица морей» жизненно нуждалась в содержании самого большого флота в мире и потому представляла собой наиболее емкий рынок материалов, использовавшихся при строительстве кораблей и поставлявшихся Россией. Британия имела и наибольшие возможности для транспортировки таких товаров, поскольку из-за тяжести и объема их было рентабельно перевозить только по воде... Новый же союзник — Франция — не мог заменить Британию на российском рынке: у французов не было возможностей для вывоза российских товаров по воде, поскольку на море господствовал английский флот, не такой же, как у Британии, потребности в этих товарах, при Наполеоне французский флот прозябал... Союз с Францией... был губителен для российской экономики и соот-

⁶⁹ Ливен Д. Россия против Наполеона. С. 154.

ветственно невозможен на более или менее продолжительную перспективу именно из-за геополитических причин»⁷⁰.

Научно сбалансированный взгляд на причины, которые последовательно, шаг за шагом, не только привели императора Александра I к вступлению в состав Третьей коалиции, но и побуждали его к активным действиям по ее созданию, изложен в первом томе обобщающего труда современного исследователя О. Р. Айрапетова⁷¹. Опираясь на обширную источниковую базу, автор подробно проследил за развитием конфликта, начавшегося с дипломатических трений по поводу несоблюдения секретной конвенции, прилагавшейся к Парижскому мирному договору 26 сентября (8 октября) 1801 г. и завершившейся военным противостоянием, явно спровоцированным главой французского правительства.

В своем исследовании автору удалось преодолеть методологический барьер, за который долго не могла пробиться традиция отечественной историографии: «... Оставаться в рамках старой традиции считаю более нецелесообразным. Тем паче что эта традиция имела и идеологическую компоненту, а именно инфернализацию самого слова “империя” вообще и словосочетания “Русская империя” в частности. Результатом было отрицание права Русского государства на собственные внешнеполитические интересы и терминологическое манихейство в границах понятий “русское” и “царское”, где одно противопоставлялось другому»⁷².

⁷⁰ Чудинов А. В. Геополитические баталии на «пiazza» 1812 года С. 176.

⁷¹ Айрапетов О. Р. История внешней политики Российской империи. 1801–1914 : в 4 т. Т. 1. Внешняя политика императора Александра I. 1801–1825. М., 2017.

⁷² Там же. С. 10–11.

МУХАДЖИРСТВО С СЕВЕРНОГО КАВКАЗА НА ТЕРРИТОРИЮ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ ТУРЦИИ¹

Введение

После того, как Османская империя потеряла Крым и постепенно теряла свое влияние на Кавказе, Россия имела целью распространять свою власть на юге, то есть на территорию Кавказа.

Завоевание Кавказа Россией продолжалось в период с 1800 по 1864 год. В это время многие местные жители Северного Кавказа переселились на территорию Османской империи. Переселение достигло своего пика в 1860-х годах. Это движение называется мухаджерет (мухаджирство) в турецкой литературе. По сути, этот термин имеет религиозное значение².

Архивные материалы о мухаджирстве с Северного Кавказа можно разделить на два этапа по темам, касающимся мухаджиров. Это до и после их прибытия на территорию Османской им-

¹ Статья подготовлена при поддержке проекта Научного и технологического исследовательского совета Турции (Тубитак) № 121К984.

² Слово «хиджрет» означает переселение по разным причинам. Позже это слово приобрело религиозное значение и стало термином для описания переселения пророка Мухаммеда с мусульманами из Мекке в Медину. Мухаджирами назывались те мусульмане, которые переселились с пророком Мухаммедом. В широком значении это слово начало означать переселение из немусульманской территории (*darü'l-harp*) в мусульманскую территорию (*darü'l-islam*). Для подробной информации о хиджрете смотрите: Ahmet Önkal, "Hicret", *Türkiye Diyanet Vakfı İslam Ansiklopedisi* No: 17. S. 458–462.

перии. Эти материалы предоставляют нам различную информацию в соответствии с процессами мухаджирства.

Мухаджирство происходило с разрешения обоих государств. В процессе получения разрешения от Российского правительства и после него продолжалась связь между мухаджирами и Османским правительством. Однако упорядоченное выполнение процесса переселения было довольно сложным.

Получение разрешения и начало мухаджирства могли происходить независимо друг от друга и к тому же довольно беспорядочно. Нерегулярность массовых переселений создавала большие проблемы для Османского правительства. Оно не могло вовремя принимать необходимые меры. В связи с этим Османские чиновники жаловались на то, что Российское правительство разрешило выезд в Османскую империю разным семьям, и поэтому не успевали контролировать число мухаджиров³. Учет мужского населения также создавал препятствия для определения числа мухаджиров.

За процессом мухаджирства внимательно следила как Османская империя, так и Россия и западные государства. Переселение мухаджиров с Северного Кавказа на территорию Османской империи продолжалось в течение многих лет, и постоянная миграционная повестка дня нашла свое место в отношениях двух сторон. В этой работе будет рассматриваться процесс мухаджирства, отраженный в документах Османского архива.

1. Причина мухаджирства

Главная причина мухаджирства была связана с нежеланием жить под управлением Российской империи, которая воспринималась прежде всего как христианское государство, и мусульмане Северного Кавказа хотели жить в своем независимом го-

³ Türkiye Cumhuriyeti Cumhurbaşkanlığı Devlet Arşivleri Başkanlığı Osmanlı Arşivi (BOA) — Османский архив при кабинете президента Турецкой республики (далее — BOA) BOA, DH. MKT. 1403/94.

сударстве. Это нашло отражение в османских архивных материалах. В 1862 году некто по имени Осман из черкесов в своем ходатайстве написал, что их долговременное противостояние с русскими уже пришло к концу и у них только два выбора: либо остаться под управлением России, либо переселиться. Он выбрал второй⁴.

Мухаджеры, оказавшиеся на территории Османской империи, писали письма с обращением за помощью Оттоманской порте и в этих письмах выражали свое мнение о причинах и условиях переселения в Турцию. В них они больше всего писали о важности свободы вероисповедания и культуры. Для них единственным желанием являлось сохранить свою религию⁵. В одном письме, которое было отправлено черкесами Кубанской области в Османское правительство 19 сентября 1894 г. они объясняли свою причину уехать из своей родины следующими словами: *«Прежде всего мы оказались в сложном положении. Каждый мусульманин должен читать молитву в честь султана; но вместо этого требуют от нас читать молитву в честь императора России, отправить своих детей в русские школы, со временем лишить нас от своей религии и заставить поступать как русский человек. В этом случае либо мы должны согласиться на все; либо уехать»*⁶.

Из этих слов мы понимаем, что главная проблема мухаджиров была связана с религиозным и культурным чувствами. Особую роль играла политика в отношении местного населения власти Российской империи на Кавказе⁷. В своем отчете великий князь Михаил Николаевич писал: *«Предместник Мой, Генерал-Фельдмаршал Князь Барятинский покорив Восточный Кавказ силою оружия, вместе с тем, правильным решением вопроса об организации и характер деятельности управления новопокоренными и во-*

⁴ ВOA, А. МКТ. DV. 221/81.

⁵ ВOA, І. ДН. 1043 / 82014.

⁶ ВOA, І. ДН. 1317 / 9.

⁷ ВOA, НР. ТО. 581/40.

обще горскими племенами, положил одно из главнейших оснований и к нравственному его покорению»⁸.

2. Политика Османской империи в отношении переселения мухаджиров Северного Кавказа

Османское правительство разрабатывало миграционную политику с учетом политического, демографического, экономического и социально-культурного состава своей страны.

В XIX веке начались интенсивные миграционные движения с Кавказа на территорию Османской империи. Поток мухаджиров именно после окончания Кавказской войны сильно беспокоил Османское правительство. Первый вопрос был в том, как найти свободные места для расселения. Второй — как использовать мухаджиров в качестве вспомогательной силы. И третий — как предотвратить будущие демографические проблемы империи.

Правительство Османской империи интересовалось кавказскими переселенцами и внимательно следило за новостями из региона⁹. В зависимости от этого оно попыталось определить количество прибывающих переселенцев и планировало разместить их в определенных местах, которые оно считало подходящими, до прибытия переселенцев¹⁰. Правительство приказывало полномочным властям вилайета, в которых переселенцы будут жить, принимать необходимые меры для заселения¹¹.

Султан и правительство Османской империи, с одной стороны, считали своим долгом помогать всем переселенцам, с другой стороны, заботились о материальной и духовной выгоде государства в процессе переселения.

⁸ Всеподданнейший отчет главнокомандующего Кавказскою Армиею по военно-народному управлению за 1863–1869 гг. СПб., 1870, стр. 3.

⁹ ВОА, І. ММС. 16/649 (8 сентября 1859 г.).

¹⁰ ВОА, І. ДН. 448/29616 (30 ноября 1859 г.).

¹¹ ВОА, А. МКТ. МНМ. 380/57 (11 апреля 1867 г.).

Переселенческая политика Османской империи заключалась в том, чтобы заселять мухаджиров в различные места, удовлетворять потребности в жилье и земле и решать разные их проблемы¹². Кроме того, существовала политика в отношении переселенцев, которой государство придерживалось в стратегическом, экономическом, демографическом и религиозном планах¹³. Исходя из этого, правительство намеревалось уравновесить немусульманское население на окраинах империи, использовать мухаджиров в качестве полицейской и военной силы, подчинить племена, которые не ведут оседлую жизнь, посредством мухаджиров¹⁴. Османская империя применяла все эти принципы при переселении и следила за тем, чтобы государство не испытывало политических и социальных трудностей с христианами на Балканах и арабами на Ближнем Востоке.

Правительство оказывало помощь переселенцам сельскохозяйственными орудиями и семенами и направляло их в сельскую местность, расселяя мухаджиров в малонаселенные или этнические смешанные регионы в соответствии со стратегическими соображениями¹⁵. Однако здесь соблюдался баланс из-за густонаселенности, чтобы не мешать сельскому хозяйству местных жителей¹⁶. Несмотря на то, что правительство и часть народа помогали переселенцам, стоит отметить, что большинство местных жителей были против прибытия мухаджиров с Кавказа¹⁷.

¹² Для примера смотрите: BOA, A. MKT. 180/77 (12 марта 1849 г.); С. DH. 83/4135 (13 августа 1836 г.).

¹³ Şemsettin Seyhan, Kırım'dan Bursa'ya Göç eden muhacirler ve yerleşme problemleri (1853-1914), Bursa 2014, s. 67.

¹⁴ Seyhan, Kırım'dan Bursa'ya Göç., s. 67.

¹⁵ Hayati Bice, Kafkasya'dan Anadolu'ya Göçler, Ankara 1991, s. 53, Kemal H. Karpat, Osmanlı Nüfusu 1830-1914, Çev: Bahar Tırnakçı, İstanbul 2010, s. 158. BOA, A. MKT. 112/31 (27 марта 1848 г.). BOA, С. DH. 201/10027 (8 января 1863).

¹⁶ BOA, A. MKT. МНМ. 319/62 (29 ноября 1864 г.).

¹⁷ BOA, HR. TO. 260/29 (23 ноября 1881 г.).

Дорожные расходы переселенцев покрывались правительством¹⁸. Также оно либо освобождало¹⁹, либо списывало налоговые обязательства в течение определенного периода,²⁰ поскольку знало, что положение переселенцев неудовлетворительно. Назначались опытные и волевые чиновники, которые проверяли любые расходы для мухаджиров и не допускали коррупции и злоупотребления местной администрации из-за потери контроля на местах²¹. В этом процессе важно было создать статистические данные для дальнейших действий, поэтому было дано распоряжение подготовить особые списки и готовили тетради (мухаджир дефтеры)²², где можно найти информацию о мухаджирах.

Мухаджиры нуждались не только в хлебе, но и в медицинской помощи. Правительство опасалось возможности возникновения эпидемий и поэтому открывало больницы для мухаджиров²³, также были приняты меры для обеспечения безопасности мухаджиров в местах их временного размещения местными полицейскими силами²⁴. Вместе с этим правительство создало комиссию представителей Главного штаба армии (Сераскерлик), которые получили особые полномочия для принятия решений на местах²⁵. Следует отметить, что османское правительство определило своей основной политикой расселять вождей племен отдельно от их людей²⁶. Не всегда получилось удовлетворить просьбы мухаджиров. Их жалобы усиливались из-за климатических условий²⁷.

Правительство переселило мухаджиров, которых хотело использовать в качестве военной силы, в пограничных вилайетах

¹⁸ BOA, A. MKT. DV. 154/75 (13 марта 1860 г.).

¹⁹ BOA, C. DH. №. 216/10776.

²⁰ BOA, İ. MVL. 577/25919.

²¹ BOA, İ. DH. 524/36128.

²² BOA, Y. PRK. KOM. 1/26.

²³ BOA, Y. PRK. KOM. 4/95.

²⁴ BOA, DH. MKT. 1576/103.

²⁵ BOA, İ. MMS. 38/1590.

²⁶ BOA, A. MKT. 17/14.

²⁷ BOA, İ. DH. 839/67490.

близ Черного моря. 12 февраля 1888 г. приняли указ о вербовке крымских мухаджиров, которым исполнилось двадцать лет, а потом мухаджиры с Кавказа по истечении 10 лет после переселения²⁸. Уже до этого указа, в русско-турецкой войне 1877–1878 гг., на Кавказском фронте из числа кавказцев, которые переселились в Трабзон, были созданы отряды иррегулярной конницы в составе Анатолийской армии. Еще 30 000 кавказцев-добровольцев из того же вилайета были призваны в ряды регулярной армии²⁹. Помимо военной службы, некоторые черкесы были приняты на должность городской полиции³⁰.

Особое внимание при создании мухаджирских деревень уделялось строительству и планировке зданий, в первую очередь — ширине улиц и дорог, идущих из городов. Площадь деревень должна была быть широкой, ширина дорог достигала двадцати метров³¹. Кроме того, мухаджиры не расселялись близ лесов: правительство опасалось разорения лесных массивов³².

Приток мухаджиров усложнял внутреннее положение Османской империи, которое в 1860-е годы было и без того непростым. В результате было принято решение создать особую комиссию для организации переселения. Проект комиссии был представлен султану 1 января 1860 года и утвержден через 4 дня³³. Новый орган власти должен был помогать мухаджирам добираться до назначенного для поселения места и потом продолжать поддержку по обстоятельствам. Для контроля над процессом создавались подкомиссии³⁴.

После русско-турецкой войны 1877–1878 годов число мухаджиров увеличилось. В результате были приняты новые законы,

²⁸ Düşür, Birinci Tertip, C. 5, Başvekalet Matbası, Ankara 1937, No. 254, s. 1013–1015.

²⁹ Bice, Kafkasya'dan Anadolu'ya Göçler., s. 50.

³⁰ Karpat, Osmanlı Nüfusu., s. 87.

³¹ BOA, DH. MKT. 1833/109.

³² BOA, DH. MKT. 2587/22.

³³ Для подробности о комиссии смотрите: Ufuk Erdem, “Osmanlı'dan Cumhuriyet'e Muhacir Komisyonları (1860-1923)”, Atatürk Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü, Erzurum 2014. S. 69–93.

³⁴ BOA, Y. PRK. DH. 2/93.

которые должны были регулировать переселение³⁵. Со временем выяснилось, что действующие законы не помогли справиться с этим вопросом. В связи с этим в Стамбуле было принято решение изучить опыт европейских стран и Российской империи. Т. к. мухаджеры приходили из России, особое внимание уделялось последнему государству. В результате 5 декабря 1901 года был принят новый закон о переселенцах в Османскую империю³⁶. Вслед за этим 22 декабря 1905 года был принят закон о наделении мухаджиров землей. Для справедливого выполнения закона необходимо было провести предварительную работу по сбору статистических данных (определить число переселенцев, состав семей), создать земельный кадастр (определить ценность земли, ее качество и удобство для расселения и ведения хозяйства)³⁷. Для обсуждения возникающих проблем раз в неделю при султанском дворе собиралась особая комиссия³⁸.

В деле помощи мухаджерам приняли участие и некоторые из европейских Держав. Австро-Венгрия создала «международный комитет помощи мухаджерам», Англия — «османский фонд сострадания»³⁹.

3. Социальный и этнический состав кавказских мухаджиров в свете османских архивных документов

Народы Северного Кавказа высоко ценили свою свободу, большая часть их жила в предгосударственном обществе, владе-

³⁵ BOA, A. DVN. MKL. 86/6. В 1899 г. снова оформили. BOA, İ. HUS. 73/120.

³⁶ BOA, MV. 103/27.

³⁷ Nejla Günay, “Tanzimat Fermanı’nın İlan Edilmesinden Sonra Müslümanların Durumu ve Dış göçler”, *Osmanlı Toplum yapısı ve Millet Sistemi*, Ed: Nejla Günay, Ankara 2020, s. 151–152. Duştür, Birinci Tertip, C. 8, Başvekalet matbası, Ankara 1943, No. 84, s. 309–313.

³⁸ BOA, DH. UMVM. 70/40.

³⁹ Julide Akyüz Orat-Nebahat Oran Arslan-Muştafa Tanrıverdi, *Osmanlı’dan Cumhuriyet’e Kafkas Göçleri (1828–1943)*, Kars 2011. S. 29–30.

ние земель и имуществом регулировалось обычным правом — адатами. Кодексы эти, различаясь в деталях, в целом соотносились друг с другом по основным положениям. Значительная часть народов традиционно жила в труднодоступных высокогорных областях Кавказа.

В начале XIX века ни Османская, ни Российская империи, несмотря на долгий, многовековой опыт соседства с Кавказом, не обладали глубокими знаниями об этом регионе, этническом составе и социальной структуре кавказских общин. Несмотря на то что в регионе было довольно сложно обеспечить безопасность жизни и имущества, многие ученые и путешественники были привлечены научной перспективой изучения географии Кавказа и этнографии его народов. Нехватка информации о кавказских общинах также прослеживается во время мухаджирства на территорию Османской империи.

Это незнание просматривается и в документах архивных материалов Турции. Оно проявилось даже в статистических отчетах. Например, во многих документах указывалась только численность мужского населения переселенцев, а в остальных использовалась формула «со своими семьями»⁴⁰. Таким образом, даже информация о количестве будущих поселенцев на начальном этапе была довольно условна. Число мухаджиров, которые могли попасть на территорию Османской империи, поначалу было приблизительным.

В архивных документах переселенцы чаще всего классифицировались не по этнической принадлежности и не по регионам, в которых они проживали в Российской империи, а только как жители Кавказа⁴¹. В некоторых документах можно найти названия племен и их территорию⁴². Разумеется, в процессе мухаджирства большее значение для Османской империи имела религиозная, а не этническая принадлежность или культурные различия мухаджиров. Мухаджирство понималось как принятие

⁴⁰ BOA, MV. 50/51.

⁴¹ BOA, DH. MKT. 1443/31.

⁴² BOA, Y.. PRK. ASK. 67/19.

под покровительство султана-халифа мусульман, бежавших от российского владычества.

Мусульмане Северного Кавказа жили племенами, племенами они уходили в мухаджирство и их заселение в Османской империи также осуществлялось племенами, за исключением тех случаев, когда их специально расселяли в разных местах. Старейшины и князья играли важную роль в жизни племен, они также выступали посредниками в общении с представителями правительства. Даже при выборе территории для заселения мухаджиров мнение племенной верхушки учитывалось, и им в определенной степени разрешалось выбирать. Османское правительство старалось заселять племена мухаджиров в разных местах, чтобы иметь возможность создавать более контролируемые поселения. Эта политика воспринималась в основном сопротивлением со стороны мухаджиров. Родоплеменные связи переселенцев явно играли не меньшую роль, чем принадлежность к исламу. Османское правительство испытывало трудности с временным расселением племен до тех пор, пока не были определены пункты их постоянного проживания⁴³.

После переселения мухаджиры, помимо экономической помощи, потребовали также учредить школы для своих детей. Во многих поселениях мухаджиров нужно было построить мечети и медресе. Они обращались к правительству с просьбами оказать помощь в строительстве⁴⁴. Вместе с этим привычки мухаджиров осложняли процесс их интеграции в общество. Вооруженные грабежи, угон лошадей и т. д. — все это вызывало недовольство местных жителей и сопротивление властей. Были приняты дополнительные меры предосторожности на транспортных путях рядом с местами их размещения⁴⁵.

В османских документах значительная часть кавказских мухаджиров классифицируется как черкесы, чеченцы, дагестанцы, ногайцы и татары. Среди них черкесы составляли большин-

⁴³ BOA, MVL 713/46.

⁴⁴ BOA, İ. DH. 1043/82 014.

⁴⁵ BOA, İ. DH. 1300/46.

ство. В османских документах черкесские мухаджеры в основном были разделены на различные племена: абадзехи, бжедуги, хатукайцы, кабардинцы, натухайцы, шапсуги, убыхи, махашевцы, алтыкесеки и хакурине хабле. Помимо этого в документах можно найти разные имена больших и малых семей и племен. Следует отметить, что слово «черкес» используется в некоторых документах не только для обозначения черкесских мухаджеров, но и для обозначения других этнических групп⁴⁶.

«Черкес» в ряде случаев становится собирательным понятием для переселенцев с Кавказа. Это, в свою очередь, может вызвать у исследователей сомнение в определении этнической принадлежности мухаджеров. Существовали и исключения. Тех, кто переселился из Дагестанской области, чаще называли дагестанцы или дагестанские мухаджеры. Среди ногайских мухаджеров было больше всего представителей племен джанбойлук и йедисан. Численность чеченских мухаджеров была меньше. Во многих документах они упоминаются просто как чеченское племя без указания названия⁴⁷. Ингушей указывали в документах как одну из ветвей чеченского племени⁴⁸. Кроме того, встречается множество документов о мухаджирстве карачаевцев⁴⁹.

Следует отметить, что мухаджеры Северного Кавказа перенесли в новую Родину образ жизни, который существовал на старой. Однако в регионах, где расселяли мухаджеров, возникли конфликты между пришельцами и аборигенами. Османская империя имела огромную государственную традицию, а переселенцы были представителями догосударственного общества. Власти пытались поставить под контроль общины мухаджеров, были предприняты попытки их интеграции с помощью мер, облегчающих соблюдение ими османских законов. Поэтому в процессе их переселения, помимо социальных характери-

⁴⁶ Berber, Ferhat, "19. yüzyılda Kafkasya'dan Anadolu'ya Yapılan Göçler.", *Karadeniz Araştırmaları*, Sayı 31, 2011, s. 33.

⁴⁷ BOA, DH. MKT. 2800/44; BOA, İ. DH. 1389/1319.

⁴⁸ BOA, DH. MKT. 1544/100.

⁴⁹ BOA, HR. TO. 336/48. BOA, Y. A. RES., 29/41.

стик, все большее значение приобретало определение их этнической и племенной принадлежности.

4. Заселение мухаджиров на территории Османской империи

Несмотря на то что мухаджиров расселяли близ границы с Россией, по просьбе российских властей в Стамбуле приняли решение не расселять их непосредственно близ границы с Российской империей. Например, чеченцев отправили в Эрзинджан и Дийарбэкир вместо того, что они требовали жить около русско-турецкой границы⁵⁰. Из-за нежелания испортить отношения с Россией правительство направило мухаджиров в Кастамону, Анкару, Коню, Элазыг, Сивас и другие вилаеты⁵¹.

Территории расселения мухаджиров по этнической принадлежности можно классифицировать следующим образом:

А) Места заселения черкесов; Территория Кушмара (сельский округ) Йыланкыркан и Чифтелер в окрестностях Кютахе Сейидгази⁵², Дюздже в Болу⁵³, дукакин в Гелиболу⁵⁴, Мэнтэшэ⁵⁵, деревня Чэпни в Измите⁵⁶, ферма Саферие (под Измит и Болу⁵⁷, деревни Джеббул и Хусейние в Сирии⁵⁸, пастбище Михалич/Экмэчки и Акчасыгырлык⁵⁹, Фатса⁶⁰, Аксарай и Кочхисар⁶¹, Акшехир и под него деревня Хамидие⁶², Бингази⁶³, Бига и Ялова⁶⁴, Килис и Бингази⁶⁵,

⁵⁰ ВOA, НР. ТО. 289/16 (26 августа 1865 года).

⁵¹ ВOA, ДН. МКТ. 1371/43; ВOA, НР. ТО. 6/90.

⁵² ВOA, А. МКТ. UM, 363/23.

⁵³ ВOA, А. МКТ. UM. №. 405/31.

⁵⁴ ВOA, І. ДН. 463/30903.

⁵⁵ ВOA, А. МКТ. NZD. 345/99.

⁵⁶ ВOA, А. МКТ. МНМ. 230/16.

⁵⁷ ВOA, МКТ. DV. 202/41.

⁵⁸ ВOA, НН. THR. 465/19.

⁵⁹ ВOA, НН. THR. 465/89–7.

⁶⁰ ВOA, А. МКТ. №. 223/1.

⁶¹ ВOA, І. ДН. 1375/12.

⁶² ВOA, І. ДН. 1300/46.

⁶³ ВOA, І. ДН. 1244/97479.

⁶⁴ ВOA, І. ДН. 1295–3/102145.

⁶⁵ ВOA, І. ДН. 953/75394.

Антакя⁶⁶, Софя⁶⁷, Адана⁶⁸, Измит⁶⁹, Кареси⁷⁰, Кютахя⁷¹, балат/Измит⁷², Кунейтире/Сирия⁷³, Фатих/Стамбул⁷⁴, Адапазары, Акязы/Измит, деревня Хармантепе и Хендек⁷⁵, Лофча и Плевна⁷⁶, Нигде, Ургюп и Невшехир⁷⁷, деревня Карбаки при участке Меджиди в санджаке Тулджа⁷⁸, Анкара⁷⁹, Кастамону и Халеп⁸⁰, Айдын/Бергама/Кынык⁸¹, Эскишехир⁸², деревня Дедебали/Меджидие⁸³, Хавза/Мерзифон/Чорум и кадыкёю⁸⁴, Ниш

и Белград⁸⁵, Самсун и Айдын⁸⁶, Трабзон и Эрзерум⁸⁷, Меджидёзю/Амасыя⁸⁸, Ислиме и Бергос⁸⁹, Чаршамба⁹⁰, Ладик/Амасыя⁹¹, Кёстендже⁹², Манастыр/Егрибычак⁹³, Хаккари⁹⁴, Едирне⁹⁵, Болгария и Румения⁹⁶, Ермие⁹⁷, Траблус⁹⁸, Бурса⁹⁹, Ван/Адилжеваз, Карс/Шурагел/Карахан¹⁰⁰, Эрзерум/Пасинлер¹⁰¹.

Б) Места заселения ногайцев; Адана, Добруджа и Стамбул¹⁰², Адана/Чукурмесджит и Каялыбаг¹⁰³ Текфурдагы/Бюриджек¹⁰⁴, Виран-

⁶⁶ ВOA, I. DH. 900/71 553.

⁶⁷ ВOA, I. DH. 474/31 827.

⁶⁸ ВOA, C. DH. 58/2899; HR. TO. 336/15.

⁶⁹ ВOA, I. DH. 453/29979.

⁷⁰ ВOA, I. DH. 912/72403.

⁷¹ ВOA, I. DH. 452/29956.

⁷² ВOA, I. DH. 448/29616.

⁷³ ВOA, I. DH. 760/61966.

⁷⁴ ВOA, I. DH. 437/28882.

⁷⁵ ВOA, I. DH. 1043/82014.

⁷⁶ ВOA, I. DH. 567/39470.

⁷⁷ ВOA, I. DH. 790/64146.

⁷⁸ ВOA, C. DH. 288/14352.

⁷⁹ ВOA, A. MKT. NZD. 308/4; C. DH. 24/1175.

⁸⁰ ВOA, I. DH. 1317/9.

⁸¹ ВOA, I. DH. 1322/17.

⁸² ВOA, A. MKT. DV. 216/63.

⁸³ ВOA, C. DH. 157/743.

⁸⁴ ВOA, C. DH. 165/8210.

⁸⁵ ВOA, C. DH. 12/579.

⁸⁶ ВOA, C. DH. 115/5748; HR. TO. 327/69.

⁸⁷ ВOA, C. DH. 201/10016.

⁸⁸ ВOA, C. DH. 201/10027.

⁸⁹ ВOA, C. DH. 163/8123.

⁹⁰ ВOA, C. DH. 83/4150.

⁹¹ ВOA, C. DH. 175/8709.

⁹² ВOA, HR. TO. 86/46.

⁹³ ВOA, I. DH. 604/42090.

⁹⁴ ВOA, HR. TO. 91/87.

⁹⁵ ВOA, HR. TO. 246/3.

⁹⁶ ВOA, HR. TO. 364/22.

⁹⁷ ВOA, HR. TO. 311/24.

⁹⁸ ВOA, HR. TO. 527/53.

⁹⁹ ВOA, HR. TO. 335/64.

¹⁰⁰ ВOA, BEO. 830, s. 17, 37, 66.

¹⁰¹ ВOA, BEO, AYN. d. 830, s. 116.

¹⁰² ВOA, Y. EE. 34/53.

¹⁰³ ВOA, C. DH. 163/8125.

¹⁰⁴ ВOA, I. DH. 463/30903.

шэхир¹⁰⁵, Болу¹⁰⁶, Акшэхир¹⁰⁷, Амася/Зейтун¹⁰⁸, Анкара¹⁰⁹, Кыршэхир¹¹⁰, Аксарай¹¹¹, Араб-сун¹¹².

В) Места заселения дагестанцев; Адана¹¹³, Урфа¹¹⁴, Битлис, Сирут, Муш и около горы Немрут¹¹⁵, Муш/Варто и деревня Чалбухур¹¹⁶, Бига¹¹⁷, Сирия¹¹⁸, Сивас¹¹⁹, Бурса/Пазаркёй¹²⁰, Карс¹²¹ и деревня Алисофу¹²², Эрзерум/Кошакилисе¹²³, Эрзерум/Пасинлер¹²⁴,

Токат¹²⁵, Шам¹²⁶, Кастамону¹²⁷, Багдат/Сулеймание¹²⁸.

Г) Места заселения чеченцев; Сарухан¹²⁹, Джаник¹³⁰, Сивас¹³¹, Сивас/Кочгири и Хафик¹³², Ресулайн¹³³, Муш¹³⁴, Багдад¹³⁵, Эрзинджан¹³⁶.

Д) Места заселения других мухаджиров с Кавказа; Эскишехир/Каракамыш¹³⁷, Хавран¹³⁸, Карахисар/Болвадин¹³⁹, Текфурдагы/Буриджек¹⁴⁰, Коня¹⁴¹, Измир/равнина Балат¹⁴², Эрзерум¹⁴³, окрестности Нигболу¹⁴⁴, Карс/Заруша¹⁴⁵.

¹⁰⁵ ВOA, А. МКТ. DV. 190/86.

¹⁰⁶ ВOA, А. МКТ. DV. 190/87.

¹⁰⁷ ВOA, С. ДН. 241/12028.

¹⁰⁸ ВOA, С. ДН. 202/10069.

¹⁰⁹ ВOA, С. ДН. 24/1170.

¹¹⁰ ВOA, С. ДН. 172/8597.

¹¹¹ ВOA, С. ДН. 172/8596.

¹¹² ВOA, С. ДН. 54/2690.

¹¹³ ВOA, А. МКТ. МНМ. 191/13.

¹¹⁴ ВOA, А. МКТ. NZD. 369/2.

¹¹⁵ ВOA, Y. A. RES. 114/7.

¹¹⁶ ВOA, ВЕО. АYN. d. 832, s. 35;
Y. A. RES. 121/67.

¹¹⁷ ВOA, İ. ДН. 630/43788.

¹¹⁸ ВOA, İ. ДН. 760/61966.

¹¹⁹ ВOA, İ. ДН. 1387/43.

¹²⁰ ВOA, İ. ДН. 1385/46.

¹²¹ ВOA, ВЕО. АYN. d. 832, s. 20.

¹²² ВOA, ВЕО. АYN. d. 832, s. 48.

¹²³ ВOA, ВЕО. АYN. d. 832, s. 30.

¹²⁴ ВOA, ВЕО. АYN. d. 832, s. 51.

¹²⁵ ВOA, ВЕО. АYN. d. 832, s. 72.

¹²⁶ ВOA, А. МКТ. 126/87.

¹²⁷ ВOA, А. МКТ. DV. 24/45.

¹²⁸ ВOA, А. МКТ. DV. 221/99.

¹²⁹ ВOA, İ. ДН. 475/31 935.

¹³⁰ ВOA, А. МКТ. МНМ. 201/42.

¹³¹ ВOA, А. МКТ. МНМ. 206/60.

¹³² ВOA, А. МКТ. МНМ. 341/94.

¹³³ ВOA, НН. THR. 465/3.

¹³⁴ ВOA, İ. ДН. 1389/33.

¹³⁵ ВOA, İ. ДН. 1216/95 242.

¹³⁶ ВOA, ВЕО. АYN. d. 829, s. 20.

¹³⁷ ВOA, ДН. МКТ. 1573/17.

¹³⁸ ВOA, ДН. МКТ. 1814/86.

¹³⁹ ВOA, ДН. МКТ. 1162/48.

¹⁴⁰ ВOA, İ. ДН. 463/30 903.

¹⁴¹ ВOA, İ. ДН. 478/32142.

¹⁴² ВOA, İ. ДН. 448/29616.

¹⁴³ ВOA, ВЕО. АYN. d. 830, s. 3.

¹⁴⁴ ВOA, С. ДН. 44/2159.

¹⁴⁵ ВOA, С. ДН. 137/6831.

По этим данным можем сказать, что в основном мухаджеры были заселены в центральной Анатолии. Их число в 1860-х годах оценивается от 700 000 до 1 000 000 человек¹⁴⁶. По подсчетам современных исследователей, до 1867 года численность «черкесов» составляла 1 008 000 человек, из которых 595 000 были переселены в европейские провинции империи, а 413 000 — в Анатолию¹⁴⁷. На Балканах в период с 1876 по 1878 год численность переселенцев с Кавказа предположительно колебалась в пределах от 144 000 до 200 000 человек¹⁴⁸. В период с 1860 по 1878 год из 4 384 500 мусульман, проживавших на европейской территории Османской империи, «черкесы» составляли 400 000 человек¹⁴⁹.

В конечном итоге можно предположить, что с 1862 по 1877 год из Российской империи в Османскую переселились 2 625 000 мухаджиров¹⁵⁰.

Заключение

Массовое переселение горцев Кавказа создало огромную проблему для Османской империи, которая никогда еще не сталкивалась с такой масштабной иммиграцией. С одной стороны, переселенцы были единоверцами, сам процесс миграции имел религиозную мотивацию, мухаджеры были потенциальными налогоплательщиками и солдатами, Стамбул был вправе считать их потенциально лояльными подданными. С другой стороны, это было иноэтническое, преимущественно нетюркское население, организованное по родоплеменному принципу,

¹⁴⁶ Bice, *Kafkasya'dan Anadolu'ya Göçler..*, s. 51.

¹⁴⁷ Kemal H. Karpat, *Osmanlı Nüfusu 1830–1914*, Çev: Bahar Tırnakçı, Timaş Yayınları, İstanbul 2010, s. 87.

¹⁴⁸ Karpat, *Osmanlı Nüfus..*, s. 123–124.

¹⁴⁹ Karpat, *Osmanlı Nüfus..*, s. 156.

¹⁵⁰ Karpat, *Osmanlı Modernleşmesi Toplum, Kuramsal Değişim ve Nüfus*, Çev: Akile Zorlu Durukan-Kaan Durukan, İmge Kitapevi, Ankara 2002, s. 130.

общины горцев тяготели к замкнутости и не признавали законов, кроме собственных обычаев, что приводило к возникновению проблем и могло создать дополнительные сложности для Османской империи, в которой и без того возникали конфликты в слабо контролируемых администрацией районах на Балканах и Ближнем Востоке. В связи с этим правительство предпочитало размещать переселенцев преимущественно в Анатолии и не селить племена и роды мухаджиров компактно в одном и том же районе.

21 мая (2 июня) 1864 г. наместник Кавказа великий князь Михаил Николаевич телеграфировал императору: «Имею счастье поздравить Ваше Величество с окончанием Кавказской войны — отныне не осталось более на Кавказе ни одного непокорного племени»¹⁵¹. Окончание длительной и кровопролитной войны ускорило процесс, начатый еще ранее (переселение горцев началось уже весной 1862 года). Часть горцев — это прежде всего касалось Западного Кавказа — выселялась насильственно, часть уходила добровольно, не желая оставаться под властью христиан, частично из опасений того, что на них будет распространена рекрутская повинность, частично из-за нежелания платить налоги и разоружаться. Миграция продолжалась несколько лет и охватила практически весь Кавказ от Черного до Каспийского морей. Основной мотивацией мухаджирства была религиозная, что отразилось и на названии миграции горцев.

Документы Османского архива Турецкой республики, которые по ряду причин не используются российскими и западными историками, позволяют значительно расширить источниковую базу данной проблемы и дать новый взгляд на эти трагические события.

¹⁵¹ 25-го мая, от Его Императорского Высочества Главнокомандующего Кавказскою армиею, из лагеря в Ачапскоу, получено следующее телеграфическое донесение Государю Императору, от 21-го мая // Кавказ, Тифлис. 7/19 июня 1864. №43. С. 461.

Библиография

Архивы

Türkiye Cumhuriyeti Cumhurbaşkanlığı Devlet Arşivleri Başkanlığı Osmanlı Arşivi (BOA) — Османский архив при кабинете президента Турецкой республики.

BOA, Saderet (A), Mektubi Kalemî (MKT).

BOA, A. MKT. Deavi Evrakı (DV).

BOA, A. MKT. Mühimme (MHM).

BOA, A. MKT. Nezaret ve Deavi Evrakı (NZD).

BOA, A. MKT. Umum Vilayat (UM).

BOA, Bab-ı Ali Evrak Odası Ayniyat Defterleri (BEO. AYN. d).

BOA, Cevdet (C), Dahiliye (DH).

BOA, DH. MKT. (Dahiliye Mektubi Kalemî).

BOA, Hariciye (HR), Siyasi (SYS) — Tercüme Odası (TO).

BOA, Hazine-i Hassa (HH), Tahrirat Kalemî (THR).

BOA, İrade (İ), DH. (Dahiliye).

BOA, Yıldız (Y), Esas Evrakı (EE).

BOA, Y. Hususi Maruzat (A), Resmi Maruzat (RES).

Государственные публикации

Düştur, Birinci Tertip, C. 5, Başvekalet Matbası, Ankara 1937.

Düştur, Birinci Tertip, C. 8, Başvekalet matbası, Ankara 1943.

Книги и статьи

BERBER, Ferhat, “19. yüzyılda Kafkasya’dan Anadolu’ya Yapılan Göçler”, Karadeniz Araştırmaları, Sayı 31, 2011, s. 17–49.

BİÇE, Hayati, **Kafkasya’dan Anadolu’ya Göçler**, Türkiye Diyanet Vakfı, Ankara 1991.

BROXUP, Marie Benningsen (ed.), **The North Caucasus Barrier: The Russian Advance towards the Muslim World**, New York, St. Martin’s Press, 1992.

ERDEM, Ufuk, “Osmanlı’dan Cumhuriyet’e Muhacir Komisyonları (1860–1923)”, **Atatürk Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü**, Erzurum 2014.

GÜNAY, Nejla, “Tanzimat Fermanı’nın İlan Edilmesinden Sonra Müslümanların Durumu ve Dış Göçler”, **Osmanlı Toplum yapısı ve Millet Sistemi**, Ed: Nejla Günay, Ankara 2020.

KARPAT, Kemal H, **Osmanlı Nüfusu 1830–1914**, Çev: Bahar Tırnakçı, Timaş Yayınları, İstanbul 2010.

KARPAT, Kemal H, **Osmanlı Modernleşmesi Toplum, Kuramsal Değişim ve Nüfus**, Çev: Akile Zorlu Durukan-Kaan Durukan, İmge Kitapevi, Ankara 2002.

KİNG, Charles, **The Ghost of Freedom: A History of the Caucasus**, Oxford University Press, 2008.

ORAT, Julide Akyüz-ARSLAN, Nebahat Oran-TANRIVERDİ, Mustafa, **Osmanlı’dan Cumhuriyet’e Kafkas Göçleri (1828–1943)**, Kars 2011.

SAYDAM, Abdullah, **Kırım ve Kafkas Göçleri (1856–1876)**, Türk Tarih Kurumu Basımevi, Ankara 2010.

SEYHAN, Şemsettin, **Kırım’dan Bursa’ya Göç eden muhacirler ve yerleşme problemleri (1853–1914)**, Bursa 2014.

TAŞKESENLİOĞLU, M. Yasin,, “Kırım ve Kafkasya Göçmenlerinin İskanında Meclis-i Tanzimat’ın Faaliyetleri”, **Yeni Türkiye Kafkaslar Özel Sayısı**, Sa. 75, C. IV, ss. 554–569.

ВОПРОС ОКАЗАНИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ «ОБЕДНЕВШЕМУ» ГРУЗИНСКОМУ ДВОРЯНСТВУ ВО ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ в 1870–1890-х гг.

С окончанием Кавказской войны в 1864 г. на первый план в политике правительства в крае вышла задача «слияния края с общим организмом государства». Прокладка телеграфных линий, строительство железных дорог, проведение административных и социально-экономических реформ — все это способствовало постепенному размыванию во второй половине XIX в. автономного положения Кавказского края в составе Российской империи.

Характерной чертой деятельности кавказской администрации в этот период стало проецирование на регион целей и задач общеимперской внутренней политики. В 1860–1870-е гг. наместник, вел. кн. Михаил Николаевич, пытался реализовать на Кавказе свой вариант «великих реформ». Проведенные им в 1860–1870-х гг. крестьянская, судебная и городская реформы имели очевидную связь с аналогичными преобразованиями, реализованными во внутренних российских губерниях.

Смена общеимперского внутриполитического курса при Александре III предположительно должна была также отразиться на деятельности кавказской администрации. После упразднения в ноябре 1881 г. института наместничества кавказская администрация была подчинена напрямую центральным министерствам, что сделало ее деятельность еще более согласованной

с целями и задачами нового консервативного внутриполитического курса. Постановка вопроса о том, каким образом политика «контрреформ» проецировалась на Кавказ, позволяет под новым углом посмотреть на деятельность в 1880–1890-х гг. главных начальников края.

Известно, что одним из главных направлений внутриполитического курса Александра III стала поддержка российского поместного дворянства. Этот аспект внутренней политики императора хорошо исследован в работах отечественных и зарубежных историков¹. Известно, также, что кавказская администрация в это время выступила с ходатайством перед Александром III об оказании помощи грузинскому дворянству. Но являлись ли меры по его поддержке частью общеимперской политики? В данной статье детально исследуются обстоятельства постановки, обсуждения и решения правительственными верхами в 1870–1890-х гг. вопроса о материальной помощи грузинскому дворянству.

Ходатайство Кавказского наместника, вел. кн. Михаила Николаевича о помощи грузинскому дворянству

Вопрос об оказании помощи грузинским дворянам был поднят ещё вел. кн. Михаилом Николаевичем. Данный вопрос имел для наместника исключительно политическое значение. Необ-

¹ Исторический обзор деятельности Комитета министров. Том 4. Комитет министров в царствование императора Александра III (1881 г. 2 марта — 1894 г. 20 октября) / Сост. И. И. Тхоржевский. СПб. 1902; *Зайончковский П. А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х — начала 90-х годов). М., 1970; *Соловьев Ю. Б.* Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л., 1973; *Корелин А. П.* Дворянство в пореформенной России. 1861–1904 гг. Состав, численность, корпоративная организация. М. : Наука, 1979; *Беккер С.* Миф о русском дворянстве: Дворянство и привилегии последнего периода императорской России. М. : Новое литературное обозрение, 2004.

ходимо было остановить процесс обезземеливания и разорения сословия, на которое привыкло опираться на Кавказе правительство. В 1878 г. он передал министру финансов ходатайство, составленное от имени всего грузинского дворянства, о сложении с него долгов перед Закавказским приказом общественного призрения. К 1 января 1879 г. грузинские дворяне должны были приказу около 3 млн рублей².

Существовавший с 1815 г. под разными названиями и преобразованный в последний раз в 1848 г., приказ пользовался особым покровительством кавказской администрации, поскольку использовался как инструмент материального стимулирования лояльности местной элиты, прежде всего грузинского дворянства³. Большая часть ссуд грузинским дворянам была выдана приказом еще до крестьянской реформы 1864 г. под залог имений, населенных крестьянами. Ссуды по таким имениям выдавались долгосрочные, но вполнину назначенной оценочной суммы⁴. В ходатайстве наместника указывалось на множество негативных факторов, которые объективно мешали грузинским дворянам вовремя расплачиваться по взятым в приказе ссудам: набеги и восстания горцев, «бедствия» русско-турецких войн, градобития, неурожаи и болезни виноградников, саранча, падежи скота. Особое внимание в ходатайстве обращалось на пагубное влияние проведенной в 1864 г. крестьянской реформы, заставшей дворянские имения уже расстроеными и обремененными долгами⁵.

² Исторический обзор деятельности Комитета министров. Том 4. Комитет министров в царствование императора Александра III (1881 г. 2 марта — 1894 г. 20 октября) / Сост. И. И. Тхоржевский. СПб. 1902. С. 209; РГИА Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4381. Л. 67.

³ РГИА Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4390. Л. 77–80 об.

⁴ Эсадзе Семен. Историческая записка об управлении Кавказом. Том I. Тиофлис, 1907. С. 433.

⁵ Исторический обзор деятельности Комитета министров. Том 4. Комитет министров в царствование императора Александра III (1881 г. 2 марта — 1894 г. 20 октября) / Сост. И. И. Тхоржевский. СПб., 1902. С. 209; РГИА Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4381. Л. 67.

Министр финансов М. Х. Рейтерн, ознакомившись с содержанием ходатайства, предложил не торопиться с решением. Он рекомендовал, приостановив взыскание долгов, создать на месте комиссию с участием чиновников Министерства финансов, чтобы оценить задолженность дворян Закавказскому приказу. Получив 19 мая 1878 г. одобрение императора, министр направил в Тифлис чиновника для особых поручений В. Н. Хитрово, который должен был войти в число членов комиссии под председательством члена Совета Кавказского наместника М. К. Ломизе⁶.

Комиссия пришла к выводу, что заложенные в приказе имущества большинства грузинских дворян находятся в «стесненном экономическом положении». Комиссия также признала факт негативного воздействия на имущества различного рода политических, экономических и природных факторов. В то же время члены комиссии обратили особое внимание на характер действий самих заемщиков, которые, как правило, тратили взятые в приказе ссуды «непроизводительно для хозяйства»⁷.

Данный факт получил яркое описание в кавказской публицистике того времени. Так, в очерке «Причины экономического упадка в Грузии» указывалось: «Грузинское дворянство, очутившись в водовороте соблазнительной европейской жизни, с ее разорительной роскошью и комфортом, совсем закружилось, потеряло голову. ... Роскошные поместья, потерпевшие во время неприятельского разгрома, не приводились в порядок, а разорялись окончательно самими владельцами для удовлетворения дорого стоящих прихотей и превращались в совершенно бездоходные. ... Доходов с имущества не хватало, приходилось прибегнуть к займам. Сначала закладывались фамильные драгоценности, припрятанные в укромных местах дедами и прадедами, а потом и уцелевшими от захвата врагом, а там пошло в ход и недвижимое имущество»⁸.

⁶ РГИА Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4381. Л. 67 об.

⁷ Там же.

⁸ Весь Кавказ : Иллюстрированный справочно-литературный сборник. Посвященный детальному и всестороннему исследованию Кавказского края

Другой причиной, обусловившей неспособность грузинских дворян выплачивать проценты по ссудам Закавказского приказа, по мнению комиссии, стала «слишком высокая оценка заложенных имений»⁹. Тем самым дворяне-заемщики попадали в финансовую ловушку, когда реальные доходы имений не могли покрыть расходы на уплату процентов по ссудам, взятым в приказе по значительно завышенным оценкам закладываемых имений.

Комиссия пришла к выводу, что экономический упадок имений, а также рост задолженности перед приказом грузинские дворяне вызвали прежде всего своими непродуманными действиями. С учетом этого факта, ни о каком полном списании долгов не могло идти речи. Было предложено только уменьшить размер долга, путем аннулирования процентов за просрочку платежей в размере около 1 млн руб., а оставшиеся 2 млн руб. рассрочить на 47 лет под 3%¹⁰.

Зная о выводах комиссии, губернский предводитель дворянства кн. Д. А. Сумбатов решил напомнить наместнику, что дворяне ожидают не сложения процентов за просрочку платежей, а полного сложения их долгов Закавказскому приказу. В записке, переданной наместнику, Сумбатов возложил всю ответственность за бедственное положение дворян на русские власти. «Так, например, — говорилось в записке, — в 1807 году дарована была свобода грузинскому духовенству от зависимости помещиков, коим оно отбывало немаловажные повинности; затем, в 1833 году, были изъяты из зависимости князей дворяне с своими крестьянами, и наконец, в 1864 г., совершилось освобождение самих крестьян, с наделением их земельными угодьями. Все эти реформы поколебали экономический быт дворянства»¹¹.

во всех отношениях. № 1. Тифлис, 1903. Часть II. VI. Социально-экономический отдел. С. 3.

⁹ РГИА Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4381. Л. 68.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Л. 68 об.

Действительно, проводимые кавказской администрацией преобразования, кардинально менявшие социально-экономические отношения в грузинском обществе, не могли не отразиться негативно на материальном положении местного дворянства. Особенно сильно по нему ударила крестьянская реформа 1864 г., которая мало затронула дворянское землевладение (в непосредственном распоряжении помещиков осталась большая часть их земель)¹², но изменила условия ведения хозяйства в имениях. Не имея уже даровой рабочей силы в лице зависимых крестьян, дворяне вынуждены были теперь нанимать сельскохозяйственных рабочих, что требовало дополнительных денежных средств. При этом они обязаны были продолжать платить проценты по ссудам в Закавказский приказ. В итоге грузинские дворяне оказались перед дилеммой: либо отложить до времени взносы процентов по ссудам и пустить имевшиеся средства на поддержание хозяйства имений, либо уплачивать вовремя проценты, оставаясь при этом фактически без средств к жизни. Большая часть дворян выбрала первый вариант, рассчитывая после завершения процесса наделения крестьян землями, а затем выкупа наделов, посредством выкупных сумм рассчитаться по долгам с приказом¹³. Однако реализация выкупной операции затянулась на долгие десятилетия. К 1904 г. временнообязанные составляли около 48% всех грузинских крестьян. К этому времени только 60% наделного фонда было выкуплено¹⁴. Имения под влиянием субъективных (неумение или нежелание многих дворян вести хозяйство), а также объективных (болезни винограда, неурожай, падеж скота, саранча, военные действия против горцев и против турецких войск в 1877–1878 гг.) факторов давали все меньше дохода. Как следствие, долги продолжали расти.

¹² Антелава И. Г., Орджоникидзе Э. А., Хоштария Э. В. К вопросу о генезисе и развитии капитализма в сельском хозяйстве и промышленности Грузии. Тбилиси, 1967. С. 36.

¹³ Эсадзе С. Указ соч. 433.

¹⁴ Анжелава И. Г., Орджоникидзе Э. А., Хоштария Э. В. Указ. соч. С. 64; Бендиашвили А. С. Развитие капиталистических отношений в грузинской деревне в 1865–1917 гг. Тбилиси, 1965. С. 46–48.

Записка предводителя дворянства побудила вел. кн. Михаила Николаевича обратиться 18 февраля 1880 г. напрямую к императору Александру II. Поддерживая ходатайство Сумбатова, наместник снова повторил, что прощение долгов «избавило бы правительство, во все времена относившееся с особенным благоволением к заслугам и преданности грузинского дворянства, от тяжелой необходимости подвергать весьма значительную часть его разорению»¹⁵. Понимая, что ссылки на верность и доблесть грузинских дворян не являются весомым аргументом для министра финансов, он привел также экономические доводы. По его мнению, в случае принятия в Петербурге решения о взыскании с дворян всех долгов путем продажи их имений, удалось бы погасить не более одной пятой долга, поскольку одновременная продажа большого количества имений их обесценило. В итоге правительство, получив очень небольшую часть суммы долга, окончательно разорило бы большинство грузинских дворянских фамилий¹⁶.

В Петербурге не решились удовлетворить просьбу наместника, в силу решительных возражений нового министра финансов. В отзыве от 6 апреля 1880 г. С. А. Грейг указал: во-первых, на факт оказания правительством большой финансовой помощи грузинским дворянам в 1864–1871 гг. во время проведения крестьянской реформы (2 млн руб. в вознаграждение помещиков Грузии за потерю доходов от выполнения крестьянами повинностей); во-вторых, на выводы комиссии о том, что главной причиной роста долгов дворян является завышенная оценка заложенных ими имений, а также «непроизводительное» расходование ссуд; в-третьих, что взятые в приказе ссуды не являются долгом всего грузинского дворянства, а только небольшой его части. В заключении было подчеркнуто, что русское поместное дворянство испытывает те же трудности, а, следовательно, оказание помощи исключительно грузинским дворянам может вызвать справедливые «сетования со стороны русских дворян»¹⁷.

¹⁵ РГИА Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4381. Л. 69.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. Л. 70–71.

Действительно, на фоне довольно равнодушного отношения правящих верхов в период правления Александра II к «дворянскому вопросу»¹⁸ постоянные требования кавказской администрации предоставить грузинским дворянам особые льготы выглядели странно и неоправданно. Тем более в Петербурге не могли не учитывать то катастрофическое положение, в котором оказались финансы империи после Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Но петербургская высшая бюрократия должна была принимать во внимание фактор вел. кн. Михаила Николаевича, родного брата Александра II, имевшего особое влияние на императора. Неслучайно Грейг в том же отзыве указывал, что согласен предоставить некоторые льготы, только «ввиду особого участия, принимаемого в сём деле его императорским высочеством»¹⁹. Министр предложил компромиссный вариант: 1. Сложить с грузинских дворян проценты за просрочку платежей по ссудам и прекратить по ним дальнейшее начисление процентов; 2. Предоставить неисправным заемщикам «трехлетний срок для приведения их займов в порядок»; Собрать подробные сведения о каждом займе и доходности заложенных в Закавказском приказе имений. Одобренные Кавказским комитетом предложения министра финансов 23 апреля 1880 г. были утверждены императором²⁰. Это всё, на что готовы были пойти в Петербурге.

Деятельность Тифлисской комиссии кн. Г. Д. Орбелиани. Май–июнь 1882 г.

Ситуация изменилась с началом правления Александра III. Объявленная императором политика поддержки первого сосло-

¹⁸ См. подробнее: Беккер С. Миф о русском дворянстве: Дворянство и привилегии последнего периода императорской России. М. : Новое литературное обозрение. 2004. С. 89–105.

¹⁹ РГИА Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4381. Л. 71 об.

²⁰ Там же. Л. 71–73.

вия Российской империи давала возможность кавказской администрации быстро и положительно решить вопрос о долгах грузинских дворян. Неслучайно первые действия нового главного начальника Кавказа кн. А. М. Дондукова-Корсакова были направлены на решение именно этой проблемы. Так же, как вел. кн. Михаил Николаевич, новый главный начальник края считал, что грузинское дворянство всегда являлось надежной опорой русской власти в крае²¹. Во время приема 14 марта 1882 г. дворян Тифлисской губернии Дондуков заявил: «Несмотря на то, что я прибыл в край при изменившихся условиях, я уверяю вас, что все мои силы и способности, всю мою энергию я употребляю на вашу общую пользу. С ранних лет сроднился я с Кавказом, привык любить и уважать доблестное грузинское дворянство, самоотвержения которого был так часто свидетелем в походах и экспедициях моего времени. Нет уже более среди этого дворянства многих лиц, которых я знал, моих товарищей и дорогих друзей, но я вижу их детей и внуков, и им-то я счастлив буду принести посильную пользу, в память их отцов»²².

Занявшись практической стороной вопроса, Дондуков с удивлением узнал, что предписание Кавказского комитета от 23 апреля 1880 г. о проведении губернскими и уездными дворянскими комитетами подробного изучения положения каждого из заложенных в приказе имений так и не было выполнено. Князю объяснили, что данное обследование «оказалось дворянству решительно не по силам», поскольку оно потребовало значительных денежных средств на переезды дворян. Кроме того, большая часть имений никогда не подвергалась межеванию, что привело к путанице в правах собственности²³.

Но чтобы возбудить новое ходатайство о прощении долгов, следовало подать в Петербург сведения о состоянии заложен-

²¹ РГИА Ф. 932. Оп. 1. Д. 296. Л. 2.

²² Сборник статей и сообщений газеты «Кавказ», касающихся деятельности на Кавказе генерал-адъютанта князя Александра Михайловича Дондукова-Корсакова. Выпуски I, II, III, IV. Тифлис, 1890. С. 17.

²³ ЦГИАГ Ф. 7. Оп. 1. Д. 2172. Л. 31–32.

ных имений. В итоге Дондуков придумал собрать комиссию из наиболее авторитетных грузинских дворян, которая могла бы собрать нужную информацию путем опросов. Расчет делался на то, что дворяне прекрасно знали о реальном положении имений друг друга. Возглавить комиссию Дондуков в письме от 11 апреля 1882 г. предложил «патриарху Грузии» кн. Г. Д. Орбелиани. В письме главный начальник указал, что комиссия должна беспристрастно и справедливо определить степень состоятельности каждого дворянина-заемщика, заложившего свое сельское имение в Закавказском приказе. Понимая, что в Петербурге не согласятся на полное сложение долгов, Дондуков предложил выявить из общей массы дворян тех заемщиков, кто был в состоянии самостоятельно расплатиться с приказом, а затем тех, кто находился на грани разорения. Распределив заемщиков по группам, можно было для каждой из них разработать особую систему льгот²⁴.

В комиссию Орбелиани пригласил: члена Совета главначальствующего, т. с. Дмитрия Джорджадзе; председателя Департамента Судебной палаты, кн. Иессея Андроникова; состоящего при Главном управлении д. с. с. Василия Сараджева; делопроизводителя Тифлисского губернского по крестьянским делам присутствия д. с. с. кн. Яссе Чавчавадзе; исправляющего должность управляющего Закавказским приказом с. с. Петра Веселоворова; делопроизводителя Департамента Главного управления н. с. Александра Алымова. Кроме того, Орбелиани по мере необходимости приглашал на заседания комиссии губернских и уездных предводителей дворянства, а также тех помещиков, которые были лично известны князю «своим знакомством с материальным положением дворян-заемщиков приказа»²⁵.

Предложенный Дондуковым способ сбора сведений на первый взгляд казался вроде бы эффективным. В записке о работе комиссии от 2 июля 1882 г. Орбелиани писал главному начальнику: «Составленные этим способом по моему поручению от-

²⁴ Там же. Л. 1–1 об.

²⁵ Там же. Л. 26–27.

дельно по каждому уезду особыми лицами списки имений были затем самым тщательным образом проверены и исправлены мною по соображении с известными мне лично сведениями об этих имениях, с добытыми мною, путем новых расспросов данных, и, наконец, со сведениями, извлечёнными из дел приказа»²⁶.

В итоге комиссия разделила всех заемщиков на пять категорий. К первой отнесли тех владельцев, которые имели возможность без всяких льгот расплатиться с долгами, а также тех, кто купил уже заложенные имения. В последнюю, пятую категорию включили неимущих владельцев, не способных выплатить даже малую часть долга. Ко второй, третьей и четвертой категории отнесли тех, кто в случае дарования им льгот мог постепенно погасить свои долги. Каждой из категорий определили свой тип льготы: 1-я категория оставалась без льгот; 2-я категория — рассрочка всего долга на 37 лет; 3-я категория — сложение половины всего долга с рассрочкой оставшейся части на 37 лет; 4-я категория — сложение две трети с рассрочкой оставшейся части долга на 37 лет; 5-я категория — сложение всей суммы долга²⁷.

В октябре 1882 г. проект комиссии передали в Министерство финансов, где он подвергся жесткой критике. В отзыве от 18 декабря Н. Х. Бунге по пунктам изложил свои возражения: 1. Высочайшим повелением 23 апреля 1880 г. с имений грузинских дворян уже сложены проценты за просрочку платежей в размере 435 тыс. руб.; 2. Грузинское дворянство не воспользовалось дарованным им трехлетним сроком для приведения займов в порядок (т. е. дворяне-заемщики по-прежнему игнорировали уплату процентов по ссудам); 3. Разделение комиссией Орбелиани всех дворян-заемщиков на пять категорий основано «не на подробном описании заложенных имений, а на мнении комиссии»²⁸.

²⁶ ЦГИАГ Ф. 7. Оп. 1. Д. 2172. Л. 32 об. — 33 об.

²⁷ Там же. Л. 32 об. — 37.

²⁸ РГИА Ф. 1263 Оп. 1. Д. 4381. Л. 75 об. — 76.

Кроме того, министр язвительно указал на известные ему факты транжирства грузинскими дворянами денег, занятых в Закавказском приказе. «Но нельзя не обратить внимания на то, — писал Бунге, — что, например, один из заемщиков, князь Давыд Александрович Чавчавадзе, заняв в приказе: в 1851 г. 15 000 р., в 1861 г. 116 000 р., 1863 г. 40 000 р. и в 1870 г. 170 000 руб., с помощью всех сих займов, составивших весьма значительную в 341 000 р., не успел не только поправить свое хозяйство, но привел оное в такое расстройство, что из остающихся на пяти его имениях 262 000 руб. долга ныне предполагается сложить со счетов две трети, а остальную треть рассрочить на 37 лет, понизив притом проценты. Подобных примеров можно извлечь из представленных ведомостей не мало»²⁹.

Поэтому Бунге предложил не предоставлять грузинским дворянам «чрезвычайных льгот», а немедленно приступить к выкупу крестьянских наделов во всех заложенных в Закавказском приказе дворянских имениях. Выкупная операция позволила бы избежать обезземеливания и разорения дворян, которого так боялась кавказская администрация. Сохранив за собой после выкупной операции «занадельные земли», помещик в то же время смог бы погасить свои долги приказу за счет выкупной суммы³⁰. Предложенный министром план был экономически более целесообразным, но не отвечал политическим целям кавказской администрации.

В итоге более опытный в придворных интригах Дондуков смог переиграть Бунге, оппозицию которого он явно предвидел. В декабре 1882 г. в то время, когда министр составлял свой отрицательный отзыв, главный начальник направил Александру III свой первый всеподданнейший отчет об управлении Кавказским краем. В нем на первых же страницах Дондуков обрисовал свое видение ситуации с долгами грузинского дворянства. Он не стал перегружать отчет экономическими расчетами, а изложил свой главный политический аргумент.

²⁹ Там же. Л. 76 об.

³⁰ Там же. Л. 76 об. — 77.

«Силою неотвратимых обстоятельств, — писал Дондуков, — перед правительством восстает вопрос: согласуется ли с его интересами поддержать и сохранить доблестное и вполне преданное престолу и государству дворянство Грузии, или же лучше предоставить течению времени осуществить переход всего земельного достояния этого дворянства в руки усиливающихся армян, далеко не представляющих политически благонадежного элемента?» Перед угрозой социально-политического переворота в Закавказье, по мнению Дондукова, оставался только один выход — в виде монаршей милости полностью простить долги грузинских дворян³¹. Расчет Дондукова полностью оправдался. Александр III напротив предложения сложить с грузинских дворян долги поставил резолюцию: «Мне кажется, что это можно бы сделать»³².

Положение Комитета министров 6 марта 1884 г. «Об оказании грузинским дворянам льгот ...»

Высочайшая отметка придала делу новое направление. Рассмотрев составленную министром финансов справку по данному вопросу, 18 февраля 1883 г. Александр III повелел приостановить взыскание долгов с грузинских дворян, а министру финансов на основе предложений комиссии Орбелиани представить в Комитет министров проект о сложении целиком или только части суммы долга грузинского дворянства Закавказскому приказу³³.

Но министр финансов не собирался сдаваться. Весной 1883 г. Н. Х. Бунге командировал на Кавказ тайного советника К. А. Буха с поручением собрать сведения о работе комиссии Орбелиани, а также о материальном положении должников приказа. К своему удивлению, петербургский чиновник не смог най-

³¹ РГИА Ф. 932. Оп. 1. Д. 296. Л. 2 об. — 3.

³² РГИА Ф. 1263 Оп. 1. Д. 4381. Л. 77.

³³ Там же. Л. 77 об.

ти журналов комиссии (их просто не вели во время заседаний), а в списках дворян заемщиков, разделенных на пять категорий, обнаружил невероятную путаницу. Для некоторых имений неправильно были указаны владельцы, а некоторые заемщики оказались одновременно включены в разные категории. Но особенно К. А. Буха поразило, что в пятую категорию заемщиков, долги которых предполагалось полностью сложить, комиссия Орбелиани включила грузинских аристократов, крупных землевладельцев (например, ген.-л. кн. Давыда Чавчавадзе, ген.-м. кн. Ивана Орбелиани и др.). Продолжив расследование, он пришел к выводу, что получить достоверные сведения об экономическом положении дворян, а также заложенных ими в приказе имениях, не представляется возможным, а предложенная система льгот для пяти категорий заемщиков является несостоятельной в силу своей необъективности³⁴.

Тогда Буха решил предложить свой проект. Он пришел к выводу, что только две причины обусловили рост долгов дворян: военные действия против горцев и крестьянская реформа. Издержки последней правительство уже щедро оплатило, выдав грузинским дворянам более 7 млн руб. Оставалось возместить потери, понесенные землевладельцами в ходе Кавказской войны. Поэтому Буха предложил разделить всех заемщиков Закавказского приказа на две категории — тех, кто взял ссуды до 1864 г. (года окончания Кавказской войны), и тех, кто после. Первым он предложил сложить половину долга, а вторым — только четвертую часть, с рассрочкой оставшихся частей на 37 лет³⁵.

Осенью 1883 г. проект Буха поступил на рассмотрение главного начальника Кавказа и министра финансов. Реакция Дондукова была двойственной. Он еще продолжал отстаивать предложения комиссии Орбелиани, особо подчеркнув в ответной записке, «что наиболее отвечающим мысли правительства и удовлетворяющим принципу справедливости, в определении степени состоятельности заложенных имений и их владельцев

³⁴ Там же. Л. 77 об. — 78.

³⁵ Там же. Л. 78 об. — 79.

остается способ, принятый покойным князем Орбелиани»³⁶. Но, понимая, что деятельность комиссии в глазах петербургских правящих верхов дискредитирована, он также представил свой компромиссный проект. Дондуков предложил, не делить заемщиков на категории, а сложить половину долга со всех дворян, с рассрочкой оставшейся части на 37 лет³⁷.

В то же время главный начальник настаивал, чтобы шести грузинским аристократическим фамилиям, список которых он представил, долги были прощены в полном объеме. Очевидно, что включение кн. Г. Д. Орбелиани заемщиков, принадлежавших к знатнейшим и богатейшим фамилиям Грузии, в пятую категорию, предусматривавшую сложение всей суммы долгов, было сделано не без прямого указания главного начальника. Объясняя свою просьбу, Дондуков подчеркивал, что руководствуется прежде всего соображениями политического свойства, а именно «необходимостью не только поддержать, но и поднять в крае падающий престиж дворянства и особенно главных его представителей, всегда служивших оплотом консервативных начал»³⁸. Кроме того, главный начальник указал на выполнение грузинской знатью социально полезных функций. «Высокое положение, занимаемое представителями этих родов, — писал Дондуков, — обязывало их, в особенности при прежнем складе жизни в стране, содержать на свой счет не только многочисленных своих однофамильцев, но и массу других беднейших дворян, группировавшихся вокруг более зажиточных и влиятельных семей. Последствием такого порядка вещей явилось неизбежное расстройство материального состояния»³⁹.

Министр финансов Н. Х. Бунге, ознакомившись с отзывами тайного советника К. А. Буха и кн. А. М. Дондукова-Корсакова, в отзыве Комитету министров от 16 февраля 1884 г. полностью поддержал первого. Проект тайного советника ему понравил-

³⁶ РГИА Ф. 1263 Оп. 1. Д. 4381. Л. 80.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. Л. 80 об.

³⁹ Там же.

ся тем, что не лишал льгот тех дворян, которые добросовестно и своевременно выплачивали приказу проценты по взятым ссудам. Но министр настаивал на снижении размера льгот: для первой категории он предлагал сложить $\frac{1}{3}$ всех долгов, а по займам второй категории — $\frac{1}{5}$, с рассрочкой для обеих категорий оставшегося долга на 37 лет. Всего со счетов Закавказского приказа должны были сложить 871 221 руб. (по первой категории 782 302 руб., а по второй 88 919 руб.), а оставшуюся сумму в размере 1 920 286 руб. — рассрочить⁴⁰.

Предложение Дондукова дать особые льготы «шести главным родовым фамилиям Грузии» министр категорически отверг, особо подчеркнув, что члены этих фамилий являются состоятельными людьми и могут обойтись без помощи правительства. В частности, он указал: «1) что генерал-лейтенант Давыд Александрович Чавчавадзе получил 5 дес. нефтяной земли и жена его (дочь царевича грузинского Ильи) получает пожизненную пенсию в 600 р. в год, 2) что генерал-майор князь Иван Давидович Орбелиани, состоя помощником Дагестанского военного губернатора, имеет в г. Тифлисе доходный дом и получает: а) пожизненное негласное пособие в 1 960 р. в год и б) из местных доходов, пока будет состоять на службе, 470 р. 3) что вдова князя Ивана Макаровича Орбелиани имеет в г. Тифлисе доходный дом, получает пенсию в 2 500 р. ежегодно и ей тоже пожаловано 3 десятины нефтяной земли». В отношении других лиц, именованных Дондуковым, министр отметил, что все они принадлежат к числу крупных землевладельцев Закавказского края. В заключение Бунге подчеркнул, что предоставление особых льгот отдельным дворянским фамилиям только дискредитирует предлагаемую систему сложения долгов грузинских и спровоцирует волну других ходатайств о новых льготах⁴¹.

Более благосклонно министр финансов отнесся к предложению даровать льготы грузинским дворянам, заложившим в Закавказском приказе свои городские дома в Тифлисе. В январе

⁴⁰ Там же. Л. 86 об. — 87.

⁴¹ Там же. Л. 88–88 об.

1884 г. в Министерство финансов поступило ходатайство Тифлисской городской думы об оказании льгот вообще всем городским заемщикам приказа. Министр готов был согласиться отсрочить платежи процентов по этим займам на два года, а также рассрочить все долги на продолжительное время. Более того, 27 января того же года Бунге направил по телеграфу Закавказскому приказу распоряжение «приостановиться с продажей заложенных приказу строений в г. Тифлисе, впредь до особого распоряжения»⁴².

То ли аргументация Бунге, то ли понимание того, что затягивание обсуждения принципов сложения долгов грузинского дворянства не даст ничего нового, поскольку в Петербурге уже пришли к окончательному решению, убедили Дондукова согласиться с мнением министра. В отзыве Комитету министров 23 февраля 1884 г. он писал: «Действительно нельзя не признать, что непроизводительное расходование займов, сделанных грузинскими заемщиками еще во время, предшествовавшее введению в Тифлисской и Кутаисской губерниях крестьянской реформы, объясняемое прежними условиями их хозяйства и жизни, может найти себе большее оправдание, нежели такая же непроизводительная затрата капиталов, полученных заемщиками после упомянутой реформы, когда местным помещикам нельзя было уже скрывать от себя необходимость коренного изменения всех существовавших прежде условий из обстановки. Ввиду этого соображения я не настаиваю более на одинаковых льготах для всех безразлично дворян-заемщиков и соглашаюсь с основной мыслью министра финансов установить размер льгот смотря по времени заключения займов. В этом отношении я не встречаю также препятствий к принятию 1865 года за отдельную черту между проектируемыми тайным советником Бунге двумя категориями займов»⁴³.

Однако, соглашаясь относительно общего порядка установления льгот, Дондуков высказался против предложенной мини-

⁴² РГИА Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4381. Л. 88 об.

⁴³ Там же. Л. 91 об. — 92.

стром суммы сложения долгов. Главный начальник считал более адекватным с политической точки зрения предложение тайного советника Буха — для первой категории заемщиков сложить половину долга, а для второй — одну четвертую часть. «Хотя с финансовой точки зрения предположение министра финансов представляется несомненно более выгодным для казны, — писал Дондуков, — но я полагаю, что такое важное дело, где идет речь о милости, даруемой государем императором высшему сословию одной из частей его империи, не следовало бы руководствоваться одними финансовыми соображениями». Главный начальник прямо указал, что проект министра может подорвать авторитет кавказской администрации в глазах грузинского дворянства, уже шесть лет ожидающего прощения хотя бы половины своих долгов. «Принятие же в конце концов размера сложения долгов по проекту министра финансов, — подчеркивал Дондуков, — было бы слишком резким отступлением от первоначального взгляда на это дело кавказского начальства, хорошо известного грузинскому дворянству, и конечно умалило бы значение ожидаемого акта высочайшего благодеяния»⁴⁴.

Что касается дарования отдельных особых льгот членам шести грузинских аристократических фамилий, то Дондуков согласился с министром, что на фоне задуманного общего сложения долгов грузинского дворянства данная мера могла выглядеть несправедливой и неуместной. Однако главный начальник просил, чтобы Комитет министров все же признал в принципе за этими фамилиями право на оказание им особой милости со стороны императора. Дондуков рассчитывал позже войти с отдельным ходатайством по этому вопросу⁴⁵.

6 марта 1884 г. Комитет министров рассмотрел дело «Об оказании грузинским дворянам льгот в платеже долгов по займам из Закавказского приказа общественного призрения». Поскольку Бунге и Дондуков заранее пришли к соглашению в отношении общего принципа предоставления льгот, то комитету остава-

⁴⁴ Там же. Л. 92 об.

⁴⁵ Там же. Л. 94 об.

лось рассмотреть только вопрос об их размере. Главный начальник предлагал для первой категории сложить половину долгов, а для второй — четвертую часть (всего 1 284 604 руб.). Министр финансов считал, что достаточно списать для первой категории заемщиков одну треть суммы долга, а для второй — одну пятую (всего 871 221 руб.)⁴⁶. С отдельным мнением выступил государственный контролер, статс-секретарь Д. М. Сольский, предложив ограничить сложение долга только первой категорией заемщиков, поскольку грузинские дворяне не выполнили требование положения Комитета министров от 23 апреля 1880 г. привести в порядок долги. В итоге сумма списанных долгов должна была, по его мнению, составить 782 302 руб.⁴⁷

Отстаивая свой вариант, Дондуков убеждал членов комитета в том, что в данном случае решающее значение имеют только политические соображения. Он снова напомнил о заслугах грузинских дворян в период Кавказской войны⁴⁸, а затем обратил внимание на угрозу перехода имений грузинского дворянства в руки «неблагонадежной» армянской торгово-финансовой элиты. «Едва ли может подлежать сомнению, — указывал главный начальник, — что сохранение значительных на Кавказе земельных владений в руках грузинского дворянства, неоднократно заявляющего свою преданность русскому престолу и обнаруживающего полную солидарность с нравственными религиозными и политическими интересами коренного населения империи, представляется более желательным, нежели переход этих земель, в случае продажи их за долги с публичных торгов, в руки армян»⁴⁹. Кроме того, Дондуков подчеркивал, что в финансовом отношении разница между предлагаемыми размерами льгот не столь велика, чтобы без существенной пользы для казны уменьшить политическое значение оказываемой императором грузинскому дворянству милости.

⁴⁶ РГИА Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4380. Л. 56 об. — 57.

⁴⁷ Там же. Л. 56–60.

⁴⁸ Там же. Л. 61–64 об.

⁴⁹ Там же. Л. 65–66.

Главным аргументом Бунге были цифры. Министр отметил, что в 1880 г. правительство уже простило просроченные платежи по процентам, а также прекратило их начисление, что составило 700 тыс. руб. Если к этой сумме, указывал он, прибавить 871 221 руб., то сумма прощенного долга составит 1 500 000 руб.⁵⁰ Впрочем, Бунге привел также один политический аргумент, подчеркнув, что сложение долга с грузинских дворян придется возмещать за счет русского населения империи. «Подобная льгота, — заявил министр финансов, — вызовет значительные со стороны казны пожертвования. Между тем при настоящем положении государственного казначейства часть этих пожертвований должна будет неминуемо лечь на все население империи, в том числе и на коренное русское, интересы коего заслуживают также полного внимания правительства»⁵¹. Министр явно апеллировал к популярной в правительственных кругах точке зрения, что русское население не должно в одиночку нести «бремя империи».

Тем не менее члены Комитета министров не только поддержали Дондукова, но даже пошли гораздо дальше его предложений. Возможно, на их мнение оказала влияние та поддержка, которую главному начальнику оказал бывший Кавказский наместник, вел. кн. Михаил Николаевич. Придя к заключению, что после 1864 г. имения грузинских дворян продолжали испытывать негативное влияние последствий Кавказской войны, комитет решил не делить заемщиков на категории в зависимости от того, когда они брали ссуду. Члены комитета также пришли к выводу, что, во-первых, продажа имений не вернет даже малой части долга; во-вторых, для казны будет более выгодным создать для заемщиков такие условия, при которых они могли выплатить хотя бы половину долга; в-третьих, разница между сложением $\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{2}$ долга, с учетом политических обстоятельств, не имеет особого значения. Поэтому комитет постановил сложить со всех дворян половину долга, с рассрочкой на 37 лет оставшейся части. льго-

⁵⁰ Там же. Л. 72–73.

⁵¹ Там же. Л. 73 об. — 74 об.

та не распространялась на владельцев, которые приобрели уже заложенные в приказе имения. 16 марта 1884 г. император Александр III утвердил это положение⁵².

Через несколько месяцев, в июне 1884 г., высочайше утвержденным положением Комитета министров был упразднен Закавказский приказ общественного призрения. Все его дела, счета и документы были переданы в Тифлисское отделение Государственного банка, который должен был произвести ликвидацию кредитных операций приказа⁵³. Согласно утвержденным министром финансов 28 июля 1884 г. особым правилам на отделение была возложена обязанность возврата вкладов по билетам Закавказского приказа, а также получение платежей по ссудам выданных им под залог недвижимых сельских и городских имуществ⁵⁴.

Учреждение в Тифлисе отделения Дворянского земельного банка. 16 марта 1890 г.

Сложение половины долга грузинского дворянства не принесло тех результатов, на которые в Петербурге рассчитывали. Дворяне-землевладельцы Тифлисской и Кутаисской губерний не смогли поправить свое экономическое положение. Несмотря на предоставленную льготу, сельские заемщики по-прежнему оставались неисправными плательщиками по своим долгам казне. При этом применять к ним санкции в виде продажи заложенных имений с публичных торгов можно было только в единичных случаях, поскольку в большинстве случаев невозможно было составить оценочную опись имения ввиду запутанности земельных отношений и отсутствия межевания. В итоге за период с 1881 по 1894 г. в казну от погашения старых долгов гру-

⁵² Там же. Л. 71–71 об., 80–83 об.

⁵³ РГИА Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4387. Л. 394–417.

⁵⁴ Обзор деятельности Министерства финансов в царствование императора Александра III (1881–1894). СПб., 1902. С. 246–247.

зинских дворян поступило только около 900 тыс. руб. Большая часть этой суммы была получена за счет удержания денег из причитавшихся помещикам выкупных ссуд⁵⁵.

В сентябре 1888 г. кн. А. М. Дондуков-Корсаков подал императору записку «О нуждах грузинского дворянства», в которой писал: «Монаршая милость, принятая грузинским дворянством с благоговейной признательностью, несомненно облегчила его положение, но она не могла вывести дворян из задолженности приказу и частным лицам и только для весьма немногих послужила некоторую пользу. Для большей же части лишь отсрочила неминуемый со временем кризис, влекущий за собой обезземливание местного дворянского сословия»⁵⁶.

Время для подачи всеподданнейшей записки была выбрано не случайно. Осенью 1888 г. император Александр III с семьей прин был на Кавказ. Торжественный прием, оказанный грузинским дворянством августейшей семье 28–30 сентября в Тифлисе⁵⁷, давал главному начальнику края надежду, что новое ходатайство будет принято императором благосклонно. Опытный царедворец Дондуков решил усилить эффект от торжественного приема, особо продемонстрировав «бескорыстие» верноподданных чувств грузинского дворянства. «Грузинское дворянство Тифлисской и Кутаисской [губерний] восторженно ожидая прибытия в край вашего императорского величества, — писал главный начальник в записке, — и не желая утруждать государя императора просьбами о своих нуждах, особым постановлением своим определило не возбуждать вопроса о материальном положении этого сословия, памятуя недавнюю милость»⁵⁸.

Поднимая перед императором вопрос о помощи грузинскому дворянству, Дондуков в то же время отказался от идеи про-

⁵⁵ Там же. С. 250.

⁵⁶ РГИА Ф. 932. Оп. 1. Д. 337. Л. 5.

⁵⁷ Царская семья на Кавказе 18 сентября — 14 октября 1888 года / Составлено по поручению Главноначальствующего генерал-адъютанта князя Дондукова-Корсакова полковником Потто. Тифлис, 1889. С. 109–158.

⁵⁸ РГИА Ф. 932. Оп. 1. Д. 337. Л. 2.

силь о сложении оставшейся части его долгов перед казной, опасаясь, что такая мера будет только способствовать переходу поместий грузинских дворян в руки армянской буржуазии. «Я совершенно отвергаю, — писал он в той же записке, — дальнейшее сложение, в путях монаршего милосердия, остающихся на дворянстве долгов приказу, так как это устранило бы права казны на заложенные имения и ускорило бы переход их в руки армян, у коих большинство дворян состоит в долгу по различным частным сделкам»⁵⁹.

Новый способ оказать материальную помощь грузинским дворянам Дондукову подсказала политика правительства по поддержке русского поместного дворянства. 3 июня 1885 г. Александр III утвердил мнение Государственного совета об учреждении Государственного Дворянского банка, основной задачей которого являлась выдача кредитов потомственным дворянам под залог земельной собственности. Зная, что действия банка распространяются только на губернии Европейской России (за исключением Финляндии, Царства Польского и прибалтийских губерний), Дондуков ходатайствовал перед императором о включении в сферу его деятельности Тифлисской и Кутаисской губерний. В итоге грузинские дворяне получили бы право перезалога в банке своих имений под льготные 5–6% на 54 года. Однако данное право должно было распространяться только на владельцев, чьи имения были полностью обмежеваны. Чтобы ускорить процесс межевания, Дондуков предлагал, во-первых, создать особую правительственную комиссию, с участием сословных представителей, для проведения новой оценки и описи дворянских имений, а во-вторых, преобразовать межевую часть на Кавказе, с целью упрощения самого процесса размежевания земель. Дондуков рассчитывал, что открытие отделения Дворянского банка в Тифлисе позволит грузинским дворянам также перезаложить те имения, которые были заложены под 8% в Тифлисском дворянском земельном банке. Такой перезалог имений в государственном банке

⁵⁹ РГИА Ф. 932. Оп. 1. Д. 337. Л. 5 об.

под 6%, по подсчетам Дондукова, должен был сберечь грузинскому дворянству за один только год 32 тыс. руб., а за 54 года — более 1 700 000 руб.⁶⁰

Доводы Дондукова убедили Александра III, который на записке оставил резолюцию: «Очень желал бы помочь грузинскому дворянству». Исполняя высочайшую волю, в 1890 г. министр финансов И. А. Вышнеградский отправил в Закавказье чиновника «для ближайшего ознакомления с местными условиями и для скорейшего получения наиболее необходимых материалов». 16 марта 1890 г. император утвердил доклад министра об открытии в Тифлисе отделения Дворянского земельного банка⁶¹.

Однако его деятельность в Закавказье так же, как и других банков только ускорило обезземеливание дворянства. В «Обзоре Кутаисской губернии за 1892 г.» подчеркивалось: «К сожалению, местное население, особенно дворянское, прибегает к займам в банке под залог сельских имений весьма часто не для удовлетворения необходимых нужд и введения улучшений в своем хозяйстве, а для целей сторонних, почему много имений, обремененных банковскими долгами, остаются за банком и переходят затем в собственность к др. лицам, через что увеличивается контингент и без того многочисленного в губернии малоземельного и безземельного дворянства...»⁶². Так, с 1875 по 1902 г. грузинские дворяне заложили в банках 1 004 имения площадью в 350 275 дес. удобной земли (30,53% всей площади дворянского землевладения), при этом в период с 1890 по 1902 г. грузинские дворяне заложили 924 имения (326 040 дес.)⁶³.

⁶⁰ Там же. Л. 6.

⁶¹ Обзор деятельности Министерства финансов в царствование императора Александра III (1881–1894). СПб., 1902. С. 34; Всеподданнейшая записка Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе. 1882–1890 гг. Тифлис, 1890. С. 8.

⁶² Обзор Кутаисской губернии за 1892 г. Тифлис : Тип. Канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1894. С. 16.

⁶³ Адамия В. И. Социально-экономическое развитие грузинской деревни в пореформенный период (1870–1900). Тбилиси : Сабчата Сакартвело, 1976. С. 29.

Вопрос оказания помощи грузинскому дворянству при императоре Николае II

Последний раз вопрос о помощи «обедневшему» грузинскому дворянству поднял в конце 1895 г. во всеподданнейшей записке новый главный начальник Кавказа С. А. Шереметев, который писал: «Обращает на себя внимание крайняя задолженность грузинского землевладения и обеднение высшего дворянского класса...». Относительно результатов, предпринятых ранее правительством, мер главный начальник указывал: «Учреждение, по ходатайству моего предместника по должности главноначальствующего, генерал-адъютанта князя Дондукова-Корсакова, отделения Дворянского государственного поземельного банка в Тифлисе, хотя и содействовало в известной степени облегчению затруднительного в материальном отношении положения дворян, но восстановить их экономическое положение не могло»⁶⁴.

Чтобы помочь «подъему и оживлению экономического состояния грузинских поместий» Шереметев предложил: а) разрешить построить на казенные деньги Кахетинскую ветку Закавказской железной дороги и б) открыть в крае сельскохозяйственное училище, в котором в качестве казенных стипендиатов будут обучаться дети местных дворян. Железная дорога должна была облегчить вывоз сельскохозяйственной продукции из имений. Дети дворян, изучившие в училище различные отрасли сельского хозяйства, в дальнейшем могли бы применить свои знания для эффективного управления имениями и улучшить свое благосостояние⁶⁵.

Упомянув в своей записке о необходимости строительства кахетинской ветки Закавказской железной дороги, Шереметев тем самым попробовал поддержать поданное ранее в 1894 г. грузинскими дворянами ходатайство о получении гарантий казны на ее строительство. Но им было отказано. Только в 1910 г. после ря-

⁶⁴ РГИА Ф. 1263. Оп. 2. Д. 5187. Л. 330–330 об.

⁶⁵ Там же.

да неудачных попыток грузинским дворянам удалось учредить акционерное Общество Кахетинской железной дороги, которое в период с 1912 по 1915 г. смогло построить эту железнодорожную линию⁶⁶. Несмотря на отметку Николая II «обратить внимание», другие предложения С. А. Шереметева также остались нереализованными. В целом во второй половине 1890-х гг. вопрос о материальной поддержке грузинского дворянства был закрыт.

* * *

Поднятый в 1878 г. вел. кн. Михаилом Николаевичем вопрос об оказании материальной помощи грузинскому дворянству имел только политический характер. Необходимо было остановить процесс обезземеливания сословия, которое, по его мнению, являлось опорой русской власти в крае. Но ходатайство о сложении долгов грузинского дворянства перед Закавказским приказом общественного призрения не встретила поддержки в правительственных верхах, поскольку в Петербурге при Александре II равнодушно относились к «дворянскому вопросу», но жестко защищали интересы казны, ввиду плачевного состояния финансов империи.

Только смена общеимперского политического курса при Александре III позволила новому главному начальнику края кн. А. М. Дондукову-Корсакову снова поднять вопрос и добиться сначала сложения половины задолженности грузинских дворян, а затем открытия в Тифлисе отделения Дворянского земельного банка. Дондуков смог убедить императора и правительственные верхи в том, что оказание материальной помощи грузинским дворянам является органичной частью общей политики поддержки поместного дворянства империи. Таким образом, успешность реализации кавказской администрацией тех или иных мер в крае с начала 1880-х гг. стала все больше зависеть от того, насколько они согласовывались с целями и задачами общеимперской внутренней политики.

⁶⁶ Хундадзе Г. Г. Очерки по истории строительства закавказских железных дорог (1865–1915). Тбилиси : Техника და შრომა, 1937. С. 99–104.

Список литературы

Адамия В. И. Социально-экономическое развитие грузинской деревни в пореформенный период (1870–1900). Тбилиси : Сабчата Сакартвело, 1976. 274 с.

Антелава И. Г., Орджоникидзе Э. А., Хоштария Э. В. К вопросу о генезисе и развитии капитализма в сельском хозяйстве и промышленности Грузии. Тбилиси : [Б. и.], 1967. 128 с.

Беккер С. Миф о русском дворянстве: Дворянство и привилегии последнего периода императорской России / пер. с англ. Б. Пинскера. М. : Новое лит. обозрение, 2004. 346 с.

Берг. Причины экономического упадка в Грузии // Весь Кавказ : иллюстрир. справ.-лит. сб. : № 1, ч. 2. Отдел 6. Социально-экономический. Тифлис : Электротечатня Грузин. изд. т-ва, 1903. С. 3–4.

Весь Кавказ. Иллюстрированный справочно-литературный сборник. Часть II. Отдел VI. Социально-экономический. Тифлис, 1903. 686 с.

Дондуков-Корсаков А. М. Всеподданнейшая записка Главногоначальствующего гражданской частью на Кавказе. 1882–1890 гг. Тифлис : [Б. и.], 1890. 115 с.

Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия : (политическая реакция 80-х — начала 90-х годов). М. : Мысль, 1970. 442 с.

Корелин А. П. Дворянство в пореформенной России. 1861–1904 гг.: Состав, численность, корпоративная организация. М. : Наука, 1979. 304 с.

Обзор деятельности Министерства финансов в царствование императора Александра III (1881–1894). СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1902. 673 с.

Обзор Кутаисской губернии за 1892 г. Тифлис : Тип. канцелярии Главногоначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1894. 110 с.

Потто В. А. Царская семья на Кавказе. 18 сентября — 14 октября 1888 года. Тифлис : Тип. Окружного штаба Кавказ. воен. округа, 1889. 228 с.

РГИА. Ф. 932 (Дондуков-Корсаков). Оп. 1. Д. 296, 337; Ф. 1263 (Комитет министров). Оп. 1. Д. 4380, 4381, 4390, 5187.

Сборник статей и сообщений газеты «Кавказ», касающихся деятельности на Кавказе генерал-адъютанта князя Александра Михайловича Дондукова-Корсакова. Выпуски I–IV. Тифлис, 1890. 181 с.

Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л. : Наука, 1973. 383 с.

Тхоржевский И. И. Исторический обзор деятельности Комитета министров : в 5 т. СПб. : Гос. тип., 1902. Т. 4. Комитет министров в царствование императора Александра III (1881 г. 2 марта — 1894 г. 20 октября). 472 с.

Хундадзе Г. Г. Очерки по истории строительства закавказских железных дорог (1865–1915). Тбилиси : Техника да шрома, 1937. 158 с.

ЦИАГ. Ф. 7 (Департамент Главного управления Главного начальствующего гражданской частью на Кавказе). Оп. 1. Д. 2172.

Эсадзе С. С. Историческая записка об управлении Кавказом : в 2 т. Тифлис : Тип. «Гуттенберг», 1907. Т. 1. 616 с.

ИДЕИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВООРУЖЕННЫХ ПАРОХОДОВ ДЛЯ КРЕЙСЕРСКИХ ОПЕРАЦИЙ В РОССИЙСКОМ ВОЕННО-МОРСКОМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ СООБЩЕСТВЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.

Военно-морское дело во второй половине XIX века динамично развивалось и претерпевало сильные изменения. Многие из идей, которые в те времена разрабатывались в теории и реализовывались на практике, либо оказались преждевременными (как это показал исторический опыт), либо представляли собой тупиковые ветви эволюции. В первом случае, примером может служить т. н. «Молодая школа»¹. Что же касается второго, то здесь можно указать на попытку возрождения таранной тактики в морском бою, вызванную временным бессилием артиллерии перед броней².

¹ Направление в военно-морской мысли, существовавшее во 2-й половине XIX — начале XX в. и активно агитировавшее за приоритетное развитие носителей минного оружия (минных катеров, миноносков, миноносцев).

² Подробнее об этом смотри в: Болтрукевич В. А. Таран как попытка альтернативы артиллерийскому вооружению // Мультикультурная и многонациональная Россия. Материалы III Международной междисциплинарной конференции, посвященной памяти заслуженного деятеля науки, почетного профессора РУДН, академика МАН ВШ Тамары Васильевны Батаевой. Ч. 1. Актуальные проблемы отечественной истории и исторической науки: 2-я половина XIX — начало XXI века. (Москва, 27 ноября 2010). М. : Российский университет дружбы народов (РУДН), 2010. С. 153–169.

К середине XIX в. коммерческое судостроение достигло больших успехов, прежде всего в области создания надежных силовых установок, что способствовало увеличению скорости торговых пароходов и их размеров. Это вынудило военных моряков обратить свое внимание на них. С одной стороны, разные технические ноу-хау, использовавшиеся для гражданских судов, перенимались и в военном кораблестроении. Как в свое время заметил авторитетный американский морской журнал «*Army and Navy Gazette*», общим правилом было то, что «флот военный идет по следам торгового флота»³. В свою очередь, современный английский историк флота Л. Пейн писал: «Тем временем военно-морской флот следовал за коммерческими интересами. Несмотря на катастрофическое сокращение военно-морских бюджетов в 1850-х годах, разработчики следили за достижениями в области морской инженерии и с готовностью внедряли те, что подходили для военных нужд и вписывались в жесткие финансовые рамки»⁴. С другой стороны, обычной практикой стало то, что правительства морских держав давали субсидии пароходствам при условии, что они будут строить свои суда согласно требованиям, разработанным Морским министерством⁵.

С точки зрения военно-морского профессионального сообщества и близких к нему общественно-политических сфер, круг возможного применения коммерческих судов (как пассажирских, так и товарных) был достаточно широк. Так, например, в докладе сэра Д. Кэрри⁶ (март 1880 г.) была представлена

³ Вспомогательные крейсера флотов американского и английского // Морской сборник. 1892. № 7. Морская хроника. С. 28.

⁴ Пейн Л. Море и цивилизация. Мировая история в свете развития мореходства / Пер. с англ. И. В. Майгуровой. М. : АСТ, 2017. С. 621.

⁵ А. М. [Рец. на кн.:] «Всероссийская Промышленно-Художественная Выставка 1882 года в Москве и русский торговый флот». (СПб. : Шерер, Набгольц и К°, 1882) // Русский Вестник. 1882. № 11. Новости литературы. С. 461.

⁶ Сэр Дональд Кэрри (1825–1909) — шотландский судовладелец, политик и общественный деятель; управляющий и один из пайщиков английской пароходной компании Union-Castle Line.

стройная система использования быстроходных пароходов в военное время: предполагалось, что они смогут выполнять функции крейсеров различного назначения, посыльных судов, транспортов, канонерских лодок или «складочных магазинов разных запасов»⁷.

В российском военно-морском профессиональном сообществе мысль о возможности использования коммерческих судов в качестве военных кораблей впервые была высказана еще до официального окончания Крымской войны, в докладе генерал-адмирала Великого князя Константина Николаевича, Высочайше одобренном 6 февраля 1856 г.⁸ В нем содержалось предложение «учредить в Черном море, в самых больших размерах, частное пароходное общество на акциях, которое содержало бы постоянно, по возможности, большое число самых больших пароходов, построенных с таким расчетом, чтобы, в случае надобности, правительство могло нанять или купить их для перевозки десанта и обращения в боевые суда»⁹. В дальнейшем эти намерения были реализованы в 1878 г., когда была создана особая пароходная компания «Добровольный флот». Ее суда в военное время должны были выполнять роль крейсеров, а в мирное — работать на благо русской коммерции. Уже в 1880-м г. в России был произведен первый опыт вооружения парохода¹⁰, а спустя тридцать лет, в 1908–1909 гг., для этого пароходства была построена целая серия крейсеров-купцов¹¹. В свою очередь, за рубежом пер-

⁷ Применение океанских пароходов к военным целям // Морской Сборник. 1880. № 6. Морская хроника. С. 27.

⁸ Здесь и далее даты приводятся по старому стилю.

⁹ Кази М. И. Добровольный флот и Русское Общество пароходства и торговли перед Государством. СПб.: типография Р. Голике, 1888. Курсив М. И. Кази.

¹⁰ Поггенполь М. Очерк возникновения и деятельности Добровольного флота за время XXV-летнего его существования. По поручению Комитета Добровольного флота составил М.; Поггенполь. СПб.: типография А. Бенке, 1903. С. 83.

¹¹ Трифонов Ю. Н., Волков А. Е. Добровольный флот России // Морская коллекция. 2007. № 6 (96). С. 19.

вые коммерческие корабли, специально спроектированные по требованиям морских министерств, появились только в конце 1880-х — начале 1890-х гг.: английский «Теутоник»¹² и американские «Сити оф Парис» и «Сити оф Нью-Йорк»¹³. Однако они являлись, прежде всего, пакетботами, предназначенными для перевозки людей и товаров.

Нам бы хотелось подробнее остановиться на такой форме деятельности мобилизованных «купцов», как крейсерская служба, прежде всего в виде операций на коммуникациях потенциального противника. Здесь следует оговориться, что стремление применять вооруженные пароходы в качестве крейсеров стало к началу 1880-х гг. массовым явлением и было характерно даже для таких богатых стран, как Великобритания и США. В отечественной и зарубежной прессе шло активное обсуждение тех критериев, которым должны были соответствовать будущие вспомогательные крейсера. В силу ограниченного объема статьи мы не можем подробно останавливаться на данной дискуссии¹⁴.

В российских архивах сохранились интересные документы, содержащие в себе примеры того, как некоторые из представителей российских военно-морских кругов видели варианты использования «крейсеров-купцов» против коммуникаций основного геополитического противника России — Великобритании. Первым из подобных источников, который мы бы хотели рассмотреть, это анонимная записка с подписью «Не моряк»¹⁵. Хо-

¹² Почтовый пароход-крейсер «Teutonic» // Морской сборник. 1889. № 3. Морская хроника. С. 43.

¹³ Вспомогательные крейсера флотов американского и английского // Морской сборник. 1892. № 7. Морская хроника. С. 25, 26.

¹⁴ Подробнее о критериях, которым должен был соответствовать потенциальный «крейсер-купец», см.: Болтрукевич В. А. Развитие Императорского Российского флота во второй половине XIX века в восприятии военно-морских кругов. Дисс. ... к. и. н. М., 2014. С. 183–189.

¹⁵ Анонимная записка с подписью «Не моряк» о целесообразности организации общества для строительства крейсерского флота и перспективах использования его в мирное время [Б. д.] // ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 1872. Л. 1–2 об.

тя сам документ не датирован, однако по ряду косвенных признаков мы можем предполагать, что он был написан в ходе Восточного кризиса 1875–1877 гг. и последовавшей за ней Русско-турецкой войной 1877–1878 гг.

Автор записки указывал, что точное количество крейсеров невозможно рассчитать: «Не правда ли, что чем их будет больше, тем лучше! Сколько бы ни настроили, ни одного не будет лишнего». Тем более, если с этими кораблями Россия связывала «идею о будущем торговом флоте; когда прекратится война... предположено обратить крейсерские суда в торговые; тем большее уж число последних никогда не будет лишнее»¹⁶. Отсюда становилось понятным, что вопрос о денежных средствах должен был стать основным. «Никто не сомневается, что русское общество с[о] свойственным ему патриотизмом широко откликнется на обращенное к нему приглашение принести посильные жертвы на создание крейсерского флота», — констатировал «Не моряк». Однако он считал, что «для гарантии достаточности собранных сумм надо заинтересовать жертвователей «возможностью извлечь из пожертвования и существенные выгоды»¹⁷. В связи с этим он предлагал превратить их в акционеров своеобразной частной компании крейсерства, поскольку удачные действия крейсеров дадут не просто истребление неприятельского флота, «но и огромные барыши от продажи захваченных призов, следовательно, жертвователи могут ожидать не только процентов с потраченного капитала, но даже возвращения с избытком!»¹⁸.

Конечно, автор записки не предполагал, чтобы «могла создаться настоящая частная компания крейсерства» поскольку он четко понимал, что оной «должно орудовать правительство»¹⁹. Он считал, что будет достаточно, если частные лица из числа жертвователей будут допущены к отчетности, а также

¹⁶ ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 1872. Л. 1.

¹⁷ Там же. Л. 1 об.

¹⁸ Там же. Л. 1 об., 2.

¹⁹ Там же Л. 2.

если будет присутствовать «широкая гласность в оценке действий как крейсерской команды, так и главных распорядителей»²⁰.

Затем в своей записке «Не моряк» переходит к более частным вопросам. С его точки зрения, определенные перспективы для пополнения команд будущих крейсеров-купцов может иметь использование представителей Восточной Азии (Японии, Кореи и особенно Китая), у которых «приморские жители всегда отличались отвагой нападать на торговые суда», или жителей островов Сулу, известных аналогичным образом²¹.

В конце своей записки он обращает внимание на то, что «Восточный [Тихий] океан всегда может представить верную стоянку и убежище крейсерам»²².

Перейдем к следующему источнику, а именно «Записке не установленного лица о противоречиях Англии и России на Балканах и о необходимости усиления русского флота»²³. Она датируется концом 1877 г., и по одной из версий ее авторство принадлежит капитан-лейтенанту Н. М. Баранову²⁴.

Этот документ содержит ряд мер, которые его автор считал необходимым принять в случае начала войны с Англией. Нам бы хотелось подробнее остановиться на одном из его предложений, а именно создании в России особого пароходного общества, двойного назначения. Итак, первоначально правительство России должно было избрать надежных и независимых от Морского ведомства лиц, «на патриотизм которых оно может рассчитывать». Они должны будут составить «Правление отечественного мореходного общества», которое должно будет иметь в своем составе специалистов по различным отраслям: по мор-

²⁰ Там же. Л. 2.

²¹ Там же. Л. 2 об.

²² Там же.

²³ Записка не установленного лица о противоречиях Англии и России на Балканах и о необходимости усиления русского флота [1877 г.] // ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 460. Л. 1–13.

²⁴ Астанков В. «Свинство, да и только...». Цесаревич Александр Александрович и Морское министерство // Родина. 2014. № 6. С. 61.

скому делу, «по производительности государства», по финансам, международному праву и торговле, а также представителей русского капитала. Главной целью этого Общества, по задумке автора записки, должна стать «постройка наилучших современных типов наибоыстрейших морских судов, которые должны бороздить моря всего мира между Кронштадтом, Владивостоком и Николаевом на Черном море». Для того, чтобы облегчить взаимные контакты Общества и соответствующих ведомств и для ближайшего наблюдения «за сохранением Обществом его главной цели», во главе его ставится «покровитель развития русского мореходства, кто-нибудь из высокопоставленных лиц, сочувствующих названному делу»²⁵.

Автором источника особо оговаривается такой момент: суда Общества должны быть «всякий момент готовы к выкидке из трюмов коммерческого груза и наполнению их машинным топливом, к вооружению своих палуб артиллерией и к приспособлению себя к действию минами»²⁶.

По поводу комплектования будущих крейсеров-купцов, в записке указывается, что они должны состоять из «служащих коронного флота, которым сохраняются все преимущества службы в линии». В частности, командиры подобных кораблей должны назначаться по особому выбору; а впоследствии — из числа старших помощников, служащих на пароходах Общества. Кандидат в командиры корабля должен в течение полугода прослужить на минном и артиллерийском отрядах, чтобы ознакомиться «с новейшим развитием техники названных частей»²⁷.

Выгодность торговых рейсов, согласно проекту, должна обеспечиваться Правлением Общества при содействии Министерства финансов и Морского министерства. В рассматриваемом нами документе особо оговаривалось, чтобы будущие крей-

²⁵ Записка неустановленного лица о противоречиях Англии и России на Балканах... Л. 8 об. — 12.

²⁶ Там же. Л. 9.

²⁷ Там же. Л. 9, 9 об.

серы ходили под торговым флагом в тех районах, где они будут действовать в военное время. В этом случае нам станут «известны все условия, необходимые для успешной торговли в мирное время и наибоыстрейшего уничтожения неприятельского торгoвли в военное», крейсeры должны ходить под торговым флагом в тех районах, где они будут действовать в военное время. Благодаря этому Россия через посредство «купцов-крейсеров» приобретет «целую сеть преданных людей в виде коммерческих агентов и маклеров в тех именно иностранных портах, сведения из которых без подготовки во время войны не купить никакими деньгами»²⁸.

Своей деятельностью подобное Общество должно будет способствовать не только повышению обороноспособности страны: «не надо упускать из виду, что при всей громадности политической и стратегической пользы, которую России принесут крейсeры, они же будут приносить и экономические выгоды», так как хотя бы часть торговых судов будет ходить под российским флагом, и некоторая часть торговли России будет без монополий иностранцев. Следует учитывать также и тот факт, что «если не все расходы на суда — крейсeры, то значительная часть их будет в мирное время покрываться плаваниями тех же крейсеров»²⁹.

Итак, подведем итоги. Оба рассмотренных нами архивных документа имеют ряд общих черт. Во-первых, они анонимны. Во-вторых, авторы обоих источников предлагают использовать в качестве крейсеров вооруженные пароходы. В-третьих, для увеличения эффективности действий будущих «корсаров» в обеих записках предлагается создание пароходных обществ, двойного, военно-коммерческого назначения, чьи суда вооружаются в военное время для действий против коммуникаций потенциального противника, в мирное же — должны развивать морскую торговлю России.

²⁸ Записка неустановленного лица о противоречиях Англии и России на Балканах... Л. 9, 10 об.

²⁹ Там же. Л. 11, 11 об.

При этом необходимо отметить, что второй проект представляется нам более проработанным, чем первый. Более того, он очень походит на реально созданный «Добровольный флот». Совпадает многое, вплоть до кадровой политики: так, например, в одном из нормативных документов указывалось, что «командиры, офицеры, механики, врачи на пароходы “Добровольного флота” назначаются: из людей тех же специальностей, состоящих на действительной службе Морского ведомства... и других лиц из русских подданных, специально подготовленных к морскому делу и управлению паровыми машинами, и вольно-практикующими врачами»³⁰.

Следует отметить, что среди представителей российских военно-морских кругов существовало понимание, что вооруженные пароходы (пускай и построенные с учетом пожеланий моряков) не являются полноценными боевыми кораблями, а только лишь дополняют их. Так, например, капитан 2-го ранга А. М. Доможиров писал, что хотя вспомогательные крейсера — это «огромный добавочный ресурс для защиты торговых путей», однако они уже сейчас не могут успешно действовать на коммуникациях³¹. Одна из самых важных причин — это то, что военные корабли «строятся совершенно иначе, чем суда, предназначенные для торговых целей»³².

В качестве своеобразного доказательства этого можно привести историю крейсера «Ярославль» (впоследствии «Память Меркурия»), построенного во Франции специально для «Добровольного флота» как «образцовый, так сказать идеальный военный крейсер». Однако он, «построенный в первую очередь для военных целей, оказался нерентабельным из-за доволь-

³⁰ Временное положение о Добровольном флоте. СПб.: типография М. Д. Ломковского, 1896. С. 6.

³¹ Доможиров А. М. О значении крейсерского флота для России // РГА ВМФ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1538. Л. 14, 28 об.

³² Хребтов А. Бой «Весты». Чтение для народа. Читано в С[анкт]-Петербурге, в аудитории соляного городка, в Москве, в народных читальнях комиссии по устройству народных чтений. М.: типография А. Торлецкого и К°, 1878. С. 14.

но громоздкой силовой установки и ограниченной вместимости трюма»³³.

Итак, на протяжении долгого времени, начиная с середины XIX столетия и заканчивая серединой XX века, в военно-морских кругах многих морских держав обсуждалась идея о возможности использования коммерческих пароходов в военных целях. При этом рассматривались варианты применения как в качестве вспомогательных судов (транспортов снабжения, угольщиков, госпитальных судов и др.), так и боевых единиц. В последнем случае речь шла о них как о крейсерах различного назначения, назначением которых являлась бы разведка, дозорная служба и т. д. Однако существовали отдельные мнения о возможности превращения коммерческих судов в полноценные боевые корабли, в том числе и в качестве «крейсеров-купцов», предназначенных для действий на коммуникациях потенциального противника.

Однако ход истории показал, что идея использования пароходов в «крейсерской войне» имела свою логику, но до определенного времени. Уже к концу XIX века, после появления скорострельной артиллерии и фугасных снарядов, стало понятно, что при встрече «крейсера-купца» со своим «одноклассником» шанс благополучной развязки оценивался примерно как 50 на 50. Здесь все зависело от подготовки экипажа, везения, случайности и т. п. вещей. В случае же встречи с боевым кораблем возможности уцелеть у вспомогательного крейсера практически не было. Единственным средством спастись могла стать попытка уйти от преследования, воспользовавшись большей скоростью, так как на протяжении достаточно длительного периода коммерческие суда были быстрее военных. Однако к рубежу столетий это преимущество стало постепенно сходить на нет, а к началу Второй мировой войны почти полностью оказалось на стороне специально построенных военных кораблей.

Тем не менее мы можем констатировать, что оба рассмотренных нами источника были написаны в конкретных исторических

³³ Поггенполь М. Очерк возникновения и деятельности Добровольного флота... С. 65, 66.

и политических условиях, когда существовала необходимость в кратчайшие сроки усилить действующий флот Российской империи. На момент их написания (конец 1870-х гг.) содержащиеся в них замыслы при том уровне развития военно-морской техники имели все шансы на успех. Все это делает оба документа ценными памятниками военно-морской мысли второй половины XIX в.

АФГАНИСТАН ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ В 1885–1907 гг.

18 (31) августа 1907 года в Петербурге между министром иностранных дел С. Д. Сазоновым и послом Великобритании А. Никольсоном было подписано соглашение, включавшее в себя три конвенции: по Персии, Тибету и Афганистану. Обе державы, «обязавшись уважать целость и независимость Персии», разделили её на две зоны влияния, Тибет сделали «ничейной зоной», признав над ним сюзеренитет Китая, то в отношении Афганистана первым же пунктом, Лондон обязался не принимать никаких мер, угрожающих России¹.

Это соглашение не только расчертило сферы влияния, но и явилось большим шагом вперёд навстречу друг другу, по сравнению с предыдущими десятилетиями политической борьбы. С 1881 по 1919 г. Афганистан был под протекторатом Великобритании, поэтому все отношения с Кабулом можно было вести только через Лондон. Поэтому русско-афганские отношения неизменно были неотъемлемой частью русско-британских. О том, что эти связи замыкались на британские страхи перед «русской угрозой» Индии, в литературе было проговорено не раз и не два, как и о планах Петербурга в отношении «жемчужины британской короны». Эти исследования, опираясь на дело-

¹ Сборник договоров России с другими государствами (1856–1917). М., 1952. С. 386–394.

производственные бумаги из Главного штаба, Военно-учёного комитета и штаба Туркестанского военного округа, убедительно показали, что возможность русско-афганских отношений до провозглашения Афганистаном независимости ограничивались только подготовкой к возможной войне².

В основном литература рассматривала вопрос оперативного планирования в событиях 1878, 1885 и 1904–1905 гг. Однако между 1885 и 1904 годами в литературе лежит своего рода «мёртвая зона», в которой ничего не происходит. В это время в Афганистане на протяжении всех 1880-х годов бушует война эмира Абдур-Рахман-хана (далее — Абдурахман) с остальными претендентами на трон, идут бесконечные восстания. Такая ситуация не могла не влиять на беспокойство Петербурга и Лондона за судьбу своих афганских границ. Однако следует понимать, что возможность такой войны зависела исключительно от международной обстановки в Европе, повлиявшей на отношения между Британской и Российской империями. Поэтому рассматривать русско-англо-афганские перипетии желательно в контексте международной политики Российской империи 1880–1900-х годов.

Второй момент заключается в том, что даже самый блестящий военный план не значит ничего без должного знания противника и без должной подготовки театра войны и войска. Поэтому вопрос о роли, которую играла военная разведка в оперативном планировании и в принятии решений по внешней политике за рассматриваемый период всё ещё остаётся важным и актуальным для изучения как и русско-англо-афганских отношений, так и внешней политики страны вообще.

² Алеев О. Е. «Священный огонь» русского генерального штаба. Планирование «похода в Индию» военным ведомством России в 1885–1914 // Русский Сборник. Т. 26. М., 2019. С. 325–326; Арбеков А. Б. Генерал Н. Н. Обручев и подготовка России к войне в Афганистане в 1885 году // Гуманитарный научный вестник. 2022. № 6. С. 1–11; Карамов Я. А. Граница с Афганистаном в конце XIX — начале XX в. в военно-стратегических планах России // Вестник Московского университета. Серия 8, История. 1999. № 5. С. 50–59.

Оперативное планирование, годы 1880-е

Начало царствования Александра III ознаменовалось не только изъятием императора о желании вести миролюбивую политику, но и попыткой сократить расходы военного ведомства. В 1885 году, в связи с Мервским кризисом, ситуация начала меняться в сторону увеличения дотаций в военный бюджет. Если в 1886 году бюджет составлял 224 200 млн рублей, то с 1889 года наблюдается его неуклонный рост с 221 600 000 млн, до 270 300 000 млн в 1894 году³.

Этот рост сопровождался ростом числа самой армии. В 1885 году войско насчитывало 810 084 человек⁴, увеличившись до 855 417 в 1886 году⁵, и с 1890-х годов, неуклонно увеличиваясь за счёт призыва по 230–240 тыс. новобранцев в год⁶, достигло численности в 1 063 406 человек в 1900 году⁷.

Назначение этих штыков было определено в докладной записке начальника Главного штаба, генерал-адъютанта, генерала от инфантерии Н. Н. Обручева от октября 1885 года: «Только за Босфор и Карпатскую Русь безусловно и стоит лить русскую кровь»⁸. Общий план войны в Европе базировался на обороне Царства Польского от Германии и наступлении против Австрии в Галиции. Как комментировал этот план управляющий Морским министерством адмирал И. А. Шестаков, «война с Австри-

³ Айрапетов О. Р. История внешней политики Российской империи. 1801–1914. Царствование императоров Александра II и Александра III. 1855–1894. М., 2018. С. 636.

⁴ Всеподданнейший отчёт о действиях военного министерства за 1885 год. СПб., 1887. С. 1.

⁵ Там же.

⁶ Подсчитано по «Всеподданнейшим отчётам о действиях военного министерства» за 1886–1894 гг.

⁷ Всеподданнейший отчёт о действиях военного министерства за 1900 год. СПб., 1902. С. 3. Несмотря на проведённую мобилизацию, в связи с Боксёрским восстанием в Китае, тенденция увеличения численности армии с 1880-х по 1900-е оставалась неизменной.

⁸ Первая наша забота — стоять твёрдо в Европе // Источник, 1994. № 6. С. 10–11.

ей значит война с Европой, а это возможно только защитив Юг босфорскою позицией»⁹.

Это прекрасно понимал и сам Обручев, указывая в вышеупомянутой записке, что России важнее Босфор, как позиция оборонительная¹⁰. К этой идее он пришёл ещё 9 лет назад. В докладной записке Обручева о плане войны с Турцией от 1 октября 1876 года он писал о том, что это приведёт к столкновению с Англией: «*Нам во всяком случае не избежать столкновения с Англией, и лучше встретить её в Константинополе, чем биться с нею у наших берегов. Если счастье поблагоприятствует нам взять Константинополь, то раз навсегда отделаемся и от Турции и от Англии*»¹¹. В феврале–марте 1878 года он составляет новую докладную записку, в которой, ввиду нехватки сил для штурма Константинополя и угрозы прибытия британских войск, предлагал занять форты на Босфоре и тем самым «запереть» вход в Чёрное море¹². Важно отметить, что ещё военный министр, генерал-адъютант, генерал от инфантерии Д. А. Милютин, в записке от 27 февраля 1878 года на имя Великого князя Николая Николаевича отмечал: «*Утверждение наше на Босфоре сделает нас неуязвимыми для Англии...*»¹³.

Поэтому Обручев в октябре 1885 года писал: «*Владея Босфором мы становимся неуязвимыми на Чёрном море, обуздываем Англию, сосредотачиваем все сухопутные силы наши на западной границе, и решив Польский вопрос, навеки, незыблемо обеспечиваем положение России в Европе, как достигаем вместе с тем спокойствия и на Кавказе, и в Азии*»¹⁴. Таким образом, Обручев полагал, что занятие Босфора суть занятие оборонительной позиции, защи-

⁹ Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. М., 1966. Т. 2. С. 136.

¹⁰ Первая наша забота — стоять твёрдо в Европе. С. 11.

¹¹ Газенкамф М. Мой дневник 1877–1878. СПб., 1908. Приложение 1. С. 2.

¹² Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. Выпуск II. Очерк политических событий с 28 декабря 1877 по 15 апреля 1878 г. СПб., 1900. С. 103–106.

¹³ РГВИА Ф. 846 ВУА. Д. 7447. Л. 2 об.

¹⁴ Первая наша забота — стоять твёрдо в Европе. С. 16.

щающей русские берега Чёрного моря от Англии. Тем более, что антибританские взгляды генерала приводили его к мысли о союзе с Германией — против Англии¹⁵.

Возглавлявший с 1881 по 1897 г. военное министерство генерал от инфантерии, генерал-адъютант П. С. Ванновский, вполне доверял Обручеву по вопросам стратегического характера¹⁶. Адмирал Шестаков писал в дневнике, что император, ознакомившись с вышеупомянутой запиской Обручева, начертал на ней резолюцию «Согласен»¹⁷. Это давало Обручеву большую свободу в оперативном планировании, тем более его взгляды на внешнюю политику совпадали со взглядами его помощников — начальника военно-учёного комитета, генерального штаба генерал-лейтенанта Ф. А. Фельдмана и состоявшего по Главному штабу, генерального штаба генерал-лейтенанта А. Н. Куропаткина.

Про Фельдмана Куропаткин писал, что тот сделался только исполнителем приказаний Обручева¹⁸. Свои же взгляды он выпукло изложил в докладной записке 1879 года «Восточный вопрос и зависимость его от Среднеазиатского». Он подчёркивал, что *«английский флот продолжает стоять в виду Константинополя и в два дня может быть у наших портов в Чёрном море»*¹⁹. Поэтому он резюмировал: *«Владея Босфором, мы сделаемся неуязвимыми для Англии и будем иметь более других шансы владеть и всем Балканским полуостровом как в политическом, так и в экономическом отношениях, отсюда вывод не труден: пока у нас есть стремление завладеть Босфором — Англия наш враг»*²⁰.

¹⁵ Ламздорф В. Н. Дневник. 1886–1890. М., 1926. С. 28.

¹⁶ Куропаткин А. Н. 70 лет моей жизни. — Челябинск, 2023. Т. 2. С. 564. Более того, желание Обручева «сокрушить галицко-польский вертеп» вполне совпадало с желанием министра «раскатать Австрию». (Ламздорф В. Н. Дневник. 1886–1890. С. 44.)

¹⁷ Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. Т. 2. С. 136.

¹⁸ Куропаткин А. Н. 70 лет моей жизни. Т. 2. С. 559.

¹⁹ РГВИА Ф. 165. Оп. 1. Д. 242. Л. 2.

²⁰ Там же. Л. 9.

В этой же записке генерал указывал на связь между Босфором и Средней Азией: «*Быть может, последние события сложились так, что отныне наши азиатские интересы не связаны с нашими же интересами в Европе и занятие Мерва не грозит уже разрывом с Англиею, разрывом которого мы все так опасаемся в Европе и где для избежание его сделали несколько уступок. Или наконец, мы можем вести войну с Англией на азиатском материке, а английский флот будет спокойно стоять в Мраморном море?*»²¹ Таким образом, генерал ставил вопрос об одинаковой важности для англичан как Босфора, так и среднеазиатских Мерва и Герата как «ворот в Индию». О том, как оценивали в 1878 году, в момент опасности разрыва с Англией, это положение русские политики, описал Куропаткин в своих воспоминаниях: «*По отношению к Англии Россия была бессильна со стороны своих европейских владений. Признавалось, что наиболее уязвимое место Англии — Индия. Угрозой Индии со стороны Средней Азии предполагалось возможным заставить англичан уважать интересы России в Европе, уважать её положение среди других великих держав... Предполагалось желательным и возможным привлечь на нашу сторону Афганистан*»²².

Идея была не нова. Ещё в 1863 году Милютин считал, что демонстрации в Средней Азии могут отвлечь внимание Лондона от помощи мятежной Польше²³. Когда в связи с военной тревогой 1878 года возникла необходимость такой демонстрации, Милютин получил одновременно письмо от туркестанского генерал-губернатора, инженер-генерала К. П. фон Кауфмана и докладную записку от военного губернатора Карса, генерал-лейтенанта В. А. Франкини. Оба генерала предлагали угрожать Англии путём выставления отряда в Афганистан. В оценке возможностей такого похода Кауфман и Франкини сходились на том,

²¹ РГВИА Ф. 165. Оп. 1. Д. 242. Л. 9.

²² Куропаткин А. Н. 70 лет моей жизни. Т. 2. С. 223.

²³ Киняпина Н. С. Дипломаты и военные. Генерал Д. А. Милютин и присоединение Средней Азии // Киняпина Н. С. Избранные труды по истории России XIX века. М., 2015. С. 313.

что необходимо заключить с Афганистаном военный союз, и только благодаря этому «русская угроза» Индии станет вполне возможной²⁴.

Попытка претворить в жизнь эту идею окончилась неудачей. Русско-афганский договор о дружбе от 9/21 августа 1878 года, предусматривавший военную помощь, подписанный Генеральным штаба генерал-майором Н. Г. Столетовым, вызвал резкую реакцию Лондона. Дело закончилось отзывом миссии генерала Столетова, сворачиванием деятельности в Афганистане и вторжением туда англичан.

Значение Афганистана начинало только расти. В 1879 году начальник Азиатской части Главного штаба, Генерального штаба генерал-лейтенант Л. Н. Соболев писал: «*Правильное устройство нашего среднеазиатского театра военных действий необходимо особливо в настоящее время, когда Великобританское правительство напрягает все свои силы к созданию могущественного военно-стратегического положения в Южной Азии, начиная от западной части Малой Азии и до восточных пределов Ост-Индии, для чего, между прочим, оно и ведет современную нам афганскую войну*»²⁵. Особые совещания 11 и 25 февраля 1880 года, с подачи Обручева признали, что России нельзя отступать в Туркестане, иначе это приведёт к усилению Англии²⁶.

В 1881 году генерал-лейтенант М. Д. Скобелев штурмом взял цитадель туркмен-текинцев — Геок-Тепе. Западная часть современной Туркмении была присоединена к России. Однако, как и писал Куропаткин, это порождало проблему новой границы с Афганистаном. Она усугубилась после того, как старейшины мервских туркмен в 1884 году были приведены начальником Закаспийской области генерал-лейтенантом А. В. Комаровым

²⁴ Большая игра в Центральной Азии. Индийский поход русской армии. Сборник архивных документов. М., 2010. С. 46–47.

²⁵ ОПИ ГИМ Ф. 307. Оп. 1. Д. 24. Л. 7 об. — 8. Цит. по.: Сергеев Е. Ю. Большая игра. Мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М., 2012. С. 168.

²⁶ Милютин Д. А. Дневник 1879–1881. М., 2010. С. 159–160, 166–167.

к присяге на верность императору Александру²⁷. Проблема заключалась в том, что до того они платили дань афганскому эмиру²⁸. Двойное подданство мервских туркмен обострило вопрос о границе с Афганистаном, который необходимо было решать с Лондоном.

Пограничная комиссия 1884 года обозначила основные пункты, но вопрос их территориальной принадлежности горячо оспаривался и в Лондоне, и в Петербурге. Отсутствие желания идти на компромисс привело к тому, что в Мерве появились афганские отряды под командованием Тимур-шейха. 18 марта они были разбиты силами генерала Комарова в сражении у моста Таш-Кепри, что на реке Кушка. Это сильно обострило отношения Петербурга и Лондона.

Как вспоминал туркестанский генерал-губернатор, ген.-адъютант, генерал-лейтенант Н. О. фон Розенбах, *«после сражения на Кушке отношения наши к Англии и Афганистану приняли самый острый характер. Можно было ожидать каждый день начала боевых действий... Его величество сказал мне, что было время, когда война с Англией сделалась неизбежной»*²⁹. Главнокомандующий англо-индийской армией генерал-лейтенант, лорд Робертс-Кандагарский вспоминал, что в марте пришлось начать мобилизацию двух корпусов в Индии на случай возможной войны. На встрече вице-короля Индии, лорда Дафферина и Абдуррахмана, последний уверял, что, если русские войдут в Герат, он немедленно объявит им войну³⁰.

1 апреля 1885 года военным министром, при помощи Обручева и Куропаткина, была составлена докладная записка о мерах на случай войны с Англией. Планировалось в течение 40 дней,

²⁷ Чарыков Н. В. Беглый взгляд на высокую политику. М., 2016. С. 361–363.

²⁸ Лессар П. М. Юго-западная Туркмения. (Земли сарыков и салоров) // Известия Императорского Русского географического общества. Т. XXI. 1885. СПб, 1886. С. 20–21.

²⁹ Записки Н. А. фон Розенбаха // Русская старина. Т. 166. Апрель–июнь 1916. С. 177.

³⁰ *Roberts of Kandahar R.-F. Forty-one years in India: from Subaltern to Commander-in-chief.* London, 1897. Vol. 2. P. 392–393.

за счёт мобилизации запасных в Казанском и Омском округах, увеличить войска Туркестанского округа до 45 батальонов, 51 сотни при 94 орудиях, с резервом в виде отмобилизованных двух дивизий³¹. К 8 июля была готова докладная записка Куропаткина по тому же вопросу. Опасаясь, что англичане, заняв Герат и Кабул, двинутся на Асхабад и Самарканд, он планировал предупредить их в развёртывании выставлением на угрожаемых направлениях двух отрядов³².

Основной — в Закаспийской области, под командованием генерал-лейтенанта А. В. Комарова, числом в 36 батальонов, 24 эскадрона и сотни при 104 орудиях и на Аму-Дарье, командование которым прочили генерал-майору Н. И. Гродекову, числом в 12 батальонов, 9 сотен и 38 орудий, при поддержке Промежуточного отряда, числом в 4 батальона, 6 сотен и 8 орудий. Целью отряда Комарова ставились Герат и Кандагар, Амударьинскому отряду предписывалось захватить столицу афганского Туркестана — Мазар-и-Шериф и двинуться на Кабул. После оккупации Афганистана Куропаткин предлагал двигаться в Индию, относя этот вопрос к проблемам будущего³³. Обручев относился к такому плану более скептически, считая, что вторжение свяжет России руки, отнимая силы на борьбу с горцами, и для него было предпочтительнее вести «активную оборону» на границах³⁴. К лету сам Куропаткин охладел к идее «индийского похода», считая, как и Обручев, что России важнее занять Босфор, чем Герат³⁵. При этом генерал считал, что: «*мне гораздо более было бы приятно быть начальником штаба войск, направляемых из Туркестана, по просьбе Англии для усмирения афганцев или индусов*»³⁶.

Таким образом, Афганистан, с которым у России не было никаких дипломатических сношений, занял позицию средства, ко-

³¹ Алеев О. Е. Указ. соч. С. 327.

³² Куропаткин А. Н. 70 лет моей жизни. Т. 2. С. 448.

³³ Алеев О. Е. Указ. соч. С. 329–330.

³⁴ Арбеков А. Б. Указ. соч. С. 4.

³⁵ Там же. С. 9.

³⁶ Куропаткин А. Н. 70 лет моей жизни. Т. 2. С. 449.

торым можно было решать ближневосточные проблемы в отношениях с Англией. Однако оставшийся открытым вопрос о проведении границы превращал афганскую проблему из составной части Восточного вопроса в самостоятельную, ставя Россию и Англию лицом к лицу с разных сторон гор Афганистана.

**«Ясный и верный отчёт об оборонительной
и наступательной способности государства»:
военная разведка об Афганистане
и англо-индийской армии**

Занимавший пост военного агента в Лондоне в 1873–1882 гг., генерал-майор Свиты А. П. Горлов пришёл к выводу, что главная забота Англии состояла в охране Индии и путей ведущих к ней и сохранения своего устойчивого положения в Азии на случай серьёзных затруднений с Россией³⁷. Ввиду этой задачи, *«Колониальная и Индийская служба английской армии составляет её главную характеристику, отражающуюся как на её организации, так и на многие подобности её существования»*³⁸. Поэтому, ввиду возможного столкновения двух стран, главной задачей становился сбор точных сведений как об англо-индийской и афганской армиях, так и о театре будущей войны. Эта задача ложилась на плечи командированного при русском посольстве в Лондоне офицера на должность военного агента.

Генерал Фельдман писал в 1885 году о задачах военного агента в Лондоне: *«Он должен крайне внимательно следить за действиями англичан в Азии, где их интересы встречаются с нашими»*³⁹. То же самое повторял в 1905 году начальник Главного штаба, Генерального штаба генерал-лейтенант Ф. Ф. Палицын: *«Задача военной агентуры в Лондоне сводится прежде всего к из-*

³⁷ РГВИА Ф. 431. Д. 47. Л. 47.

³⁸ Там же. Л. 7.

³⁹ РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1884). Д. 2. Л. 209.

учению военных явлений в Англии, к выявлению их особенностей как в метрополии, так и в колониях, особенно на важном ныне Средне-Азиатском театре»⁴⁰. Поэтому главная задача военной разведки в Англии заключалась в изучении англо-индийской армии.

В 1885–1905 годах пост военного агента в Лондоне занимали: Генерального штаба подполковник (с 1885 — полковник, с 1890 — генерал-майор) С. С. Бутурлин (1884–1891) и Генерального штаба подполковник (с 1892 — полковник) Н. С. Ермолов (1891–1905). Прежде чем перейти к деятельности этих лиц, стоит понять, по какой причине выбор кандидатуры остановился именно на них, помимо того, что при назначении на должность военного агента преимущество имели офицеры Генерального штаба, коими они и являлись⁴¹.

При назначении Бутурлина генерал Фельдман подчеркивал, что он знаком с Востоком, так как служил с 1870-х годов на Кавказе и владеет английским языком⁴². В отношении Ермолова никаких характеристик обнаружить не удалось, однако ввиду того, что он в 1881–1883 годах прошёл курс обучения в Академии Генерального штаба, окончив её по I разряду⁴³, даёт возможность предположить, что он мог изучить английский язык в академии, на который с 1867 года отводилось по 4 лекции в неделю⁴⁴. Бутурлин также мог овладеть этим языком в Академии, где он прошёл курс в 1871–1873 гг., окончив её по II разряду⁴⁵.

С первых дней своего пребывания на посту Бутурлин, в письме от 31 декабря / 12 января писал, что английское обществен-

⁴⁰ РГВИА Ф. 2000. Оп. 1. Д. 970. Л. 122. Цит. по.: *Сергеев Е. Ю., Улуян А. А.* Не подлежит оглашению: Военные агенты Российской империи в Европе и на Балканах, 1900–1914 гг. М., 1999. С. 57.

⁴¹ *Газенкамф М. А.* Устройство и служба русского Генерального штаба. СПб., 1888. С. 3.

⁴² РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1884). Д. 2. Л. 209.

⁴³ РГВИА Ф. 409. Оп. 1. Д. 11 417. Л. 65.

⁴⁴ *Глиноецкий Н. П.* Исторический очерк Николаевской академии Генерального штаба. СПб., 1882. С. 286.

⁴⁵ РГВИА Ф. 409. Оп. 1. Д. 129 672. Л. 2.

ное мнение, включая самого премьер-министра Гладстона, до того спокойно, что, если бы русские захватили Герат, оно бы восприняло бы эту новость с равнодушием, ввиду чего предлагал занять Герат, считая нынешнее время самым подходящим моментом. На донесении стояло примечание: «Для России Герат не нужен, а если его займут англичане, то они только ухудшат своё положение»⁴⁶.

В дни Мервского кризиса он исправно писал о том, что англичане собирают в Индии войска в лагерь Равал-Пинди, недалеко от афганских границ, что в метрополии готовят склады с военными припасами и предполагается отправка в Европу двух корпусов⁴⁷. В целом за январь–июнь 1885 года полковником Бутурлиным было отправлено 16 донесений, касающихся вероятности войны. Пик активности Бутурлина пришёлся на март, когда было отправлено 7 донесений, которые все были посвящены военной угрозе Англии и состоянию англо-индийской армии. Это стало хорошей школой для начинающего военного разведчика.

Со второй половины 1880-х годов Бутурлин фиксировал рост активности строительства железных дорог в Индии по направлению к Афганистану и строительство укреплений на случай войны с Россией⁴⁸. Верность его наблюдений подтверждается воспоминаниями лорда Робертса. Он вспоминал: чтобы англичане получили возможность как можно скорее сосредоточить англо-индийские войска в едином кулаке и перебросить их к границам Афганистана, Робертс с 1886 года способствовал железнодорожному строительству в направлении Северо-Западной границы. Также признавалось необходимым строить в Афганистане фортификационные укрепления с целью «защиты от нашего беспокойного соседа»⁴⁹. Бутурлиным активно вёлся сбор статистических данных и британской аналити-

⁴⁶ РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1885). Д. 4. Л. 40 об.

⁴⁷ Там же. Л. 136, 138.

⁴⁸ РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1888). Д. 7. Л. 56–57.

⁴⁹ *Roberts of Kandahar R.-F. Op. cit. Vol. 2. P. 404.*

ки, к примеру, к рапорту от 5/17 февраля 1886 года приложил книгу о состоянии Индии, в которой содержалось 12 географических карт⁵⁰.

В отношении перспектив войны, Бутурлин излагал, что, по его сведениям, англичане могут сразу выставить армию из 20–30 тыс. европейских войск и 60 тыс. туземных, при общей численности войск в Индии в 74 тыс. европейцев и 152 тыс. туземцев⁵¹. О необходимости увеличения числа войска писал и Робертс, считая что ухудшение отношений Англии с Францией из-за Египта и Индокитая и с Россией из-за Афганистана вынуждало держать в Индии не менее 70 000 войска⁵². В русских ежегодниках «Сборник новейших сведений» численность англо-индийской армии на 1886 год насчитывала 192 795 человек⁵³, в 1887 году — 215 268 человек⁵⁴, в 1888 — 226 482⁵⁵, в 1889 — 226 616⁵⁶, в 1890 — 226 533⁵⁷, в 1891 — 225 713⁵⁸, в 1892 — 226 450⁵⁹, в 1893 — 226 770⁶⁰, в 1894 — 227 226⁶¹, в 1902 — 232 71⁶², в 1903 — 234 046⁶³. Эта статистика показывает стабильное число в 226 тыс. войска на протяжении второй половины 1880-х — первой половины 1890-х годов, при малом, но регулярном приросте в 200–300 человек в год, и резкий рост в начале XX века.

⁵⁰ РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1886). Д. 4. Л. 29.

⁵¹ РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1888). Д. 7. Л. 57.

⁵² *Roberts of Kandahar R.-F.* Op. cit. Vol. 2. P. 390.

⁵³ Сборник новейших сведений о вооруженных силах европейских и азиатских государств. — СПб., 1886. С. 237.

⁵⁴ Сборник новейших сведений... 1887. С. 235.

⁵⁵ Сборник новейших сведений... 1888. С. 233.

⁵⁶ Сборник новейших сведений... 1889. С. 377.

⁵⁷ Сборник новейших сведений... 1890. С. 580.

⁵⁸ Сборник новейших сведений... 1891. С. 442.

⁵⁹ Сборник новейших сведений... 1892. С. 355.

⁶⁰ Сборник новейших сведений... 1893. С. 74.

⁶¹ Сборник новейших сведений... 1894. С. 549.

⁶² Сборник новейших сведений... 1902. С. 86.

⁶³ Сборник новейших сведений... 1903. С. 87.

Касаемо увеличения числа войска, Бутурлин писал, что с 1888 года был принят закон о введении учёта резервистов в англо-индийской армии, что позволяло увеличить её численность и качество за счёт отслуживших кадров⁶⁴. Важно сказать, что это не был всеобщий воинский призыв, так как комплектование войск в англо-индийской армии обладало своей особенностью. С 1860-х годов среди командования англо-индийской армии стала популярной теория «marital rase» — воинственных рас. Считая, что одни народы являются прирожденными воинами, англо-индийское командование предпочитало комплектовать военные части именно из представителей этих народов и слоёв населения. Это были представители индуистской касты кшатриев — воинов, мусульмане и сикхи, чья религия предписывала каждому мужчине быть воином, а также гималайского племени гуркхов. С 1880-х годов, было признано, что отличным солдатом является крестьянин из областей Северной Индии, ввиду своего арийского происхождения и неиспорченности городской жизнью⁶⁵.

В 1891 году Бутурлина сменил военный агент Ермолов. На его пребывание в должности выпали значительные события. В рапорте от 10/22 января 1894 года он писал, что в англо-индийской армии идут масштабные преобразования, и суть их заключалась в том, чтобы сосредоточить командование в одних руках и сделать управление более отвечающим потребностям обороны Индии и создание специальной группировки для обороны Северо-Западной границы. В эту группировку намеревались включить наиболее боеспособные элементы, сильные части. Менее надёжные подразделения, которые были слабы в боевом отношении, предполагалось отправить в глубь Индии⁶⁶.

В рамках объединения упразднялись Мадраасские и Бомбейские президентства, гражданской администрации запрещалось

⁶⁴ РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1888). Д. 4. Л. 8.

⁶⁵ *Omissi D.* The Sepoy and the Raj. Indian army, 1860–1940. London, 1994. P. 23–29.

⁶⁶ РГВИА Ф. 401. Оп. 5/929 (1894). Д. 7. Л. 20–21.

вмешиваться в военные дела. Учреждался Главный штаб главнокомандующего, личный штаб (секретарь, адъютант, переводчик и врач), строевой Штаб с управлениями: управление начальника Штаба армии, которому подчинялись инспектора армии, управления генерал-квартирмейстера (разведка и мобилизация), департаментский штаб (медицина, ветеринары, военные суды и военно-учебные заведения). Армия делилась на следующие части: Армия Пенджаба (Северная), Армия Ганга (Восточная), Мадрасская армия (Южная), Бомбейская армия (Западная), Бирманская армия⁶⁷.

При столь изобильной информации об англо-индийской армии и более-менее регулярных сообщениях о политике афганского эмира, сведения об афганской армии всё ещё оставались недоступными. Начало разведкам в Афганистане было положено в марте 1885 года: Обручев запросил по Главному штабу о желательности произведения туркестанским генерал-губернатором разведок относительно Афганистана силами лазутчиков⁶⁸.

Генерал Розенбах, получив такие указания, запросил Петербург о сумме в 10 000 рублей на организации разведок⁶⁹. Получив разрешение на испрошенные деньги, он выслал Генерального штаба капитана Карцева и артиллерийского штабс-капитана М. Михайлова для сбора сведений о местности вдоль Аму-Дарьи и об афганской армии⁷⁰ и несколько лазутчиков из местного населения непосредственно в сам Афганистан. Обязанность послать своих лазутчиков легла на плечи и начальника Зеравшанского округа, и на военного губернатора Сыр-Дарьинской области, генерала Гродекова⁷¹.

Данные этих разведок оказались точны и полезны в деле составления карт местности. Однако факт единовременного выде-

⁶⁷ Там же. Л. 24–25.

⁶⁸ РГВИА Ф. 445. Оп. 1. Д. 26. Л. 1.

⁶⁹ Там же. Л. 5.

⁷⁰ Там же. Л. 8, 15, 56–73 об., 78.

⁷¹ Там же. Л. 78, 96.

ления денег на несколько разовых поездок показывает, что постоянной разведки у округа на 1885 год не имелось.

Разведка округа в Афганистане велась слабо и эпизодически, ввиду закрытости страны. Европейские путешественники туда не допускались, а за всеми приезжающими в Афганистан мусульманами из соседних ханств вёлся тщательный надзор, все приезжающие обыскивались, что исключало возможность составления письменных инструкций разведчику.

Как доносил русский политический агент в Бухаре в письме от 14 апреля 1895 года, *«при большом риске обнаружения цели поездки и беспощадной строгости наказаний при этом сколько-нибудь дельный и развитой человек, который мог бы действительно доставить полезные сведения, поедет в Афганистан в качестве разведчика разве за несоразмерно высокое вознаграждение. Приходится ограничиваться посылкою людей необразованных и неопытных, которые не могут доставить сведений лучшего качества, как ныне полученные (выделено мной. — Т. А.)»*⁷². Такая же жалоба содержалась в письме от генерала-губернатора Иванова на имя Ламздорфа, что разведки в Афганистане затруднены ввиду закрытости границ, сведения собираются на основании данных лазутчиков, и эта смутность данных заставляла его опасаться, что это может обернуться неожиданными проблемами в случае войны⁷³.

Разумеется, нанятые из местных жителей разведчики не желали рисковать своими жизнями за спасибо и требовали оплаты своих услуг, на что консулам, агентам и окружным штабам выделялись специальные суммы денег. Так по смете на 1906 год, в Туркестанском округе за год штабами было израсходовано около 20 000 рублей, из них непосредственно окружной штаб располагал 4 500 рублями⁷⁴. В указанном донесении политического агента говорилось о том, что выделяемые суммы не всегда способны доставить нужную информацию. Как отме-

⁷² РГВИА Ф. 400. Оп. 4. Д. 277. Л. 2–3.

⁷³ РГВИА Ф. 400. Оп. 4. Д. 49. Л. 16.

⁷⁴ Звонарёв К. К. Агентурная разведка. Киев, 2005. С. 202.

чал генерального штаба генерал-лейтенант В. Н. Клембовский, «такие шпионы сулят золотые горы, и вместе с тем выпрашивают себе денег вперёд под предлогом покупки одежды, на путевые расходы и т. п. Затем они возвращаются без всякого результата, красноречиво описывают лишения и опасности, которым подвергались, и в конце концов просят себе вознаграждения, вызываясь вторично отправиться на поиски»⁷⁵.

В отчёте командующего войсками Туркестанского округа за 1904 год указывались источники получения сведений: это посыл лазутчиков, считавшийся ненадёжным, и рекогносцировочные поездки офицеров вдоль границ⁷⁶. Эти поездки и рекогносцировки являлись важным источником информации о местности и вооружённых силах. К примеру, в отчёте Куропаткина о состоянии Закаспийской области за 1881–1895 гг., с 1890 по 1895 год, было совершено 11 рекогносцировочных поездок офицеров для съёмок местности и составления карт пограничных территорий. Однако все эти съёмки давали карту только со стороны русской границы, территория за ней была уже недоступна⁷⁷.

Поэтому был найден новый способ разведки территорий Афганистана, соединивший в себе два предыдущих — тайных поездок офицеров. Самой известной из них была вылазка Л. Г. Корнилова, будущего Верховного главнокомандующего, а пока — Генерального штаба капитана, по Афганистану в январе 1899 года. На афганской границе русские войска занимают важный стратегический пункт на правом берегу Аму-Дарьи — город Термез. Прямо напротив Термеза на другом берегу реки находился Мазари-Шариф, столица «афганско-го Туркестана». Здесь, у выхода из ущелья Гинду-Куш, для

⁷⁵ Клембовский В. Н. Тайные разведки (военное шпионство). СПб., 1892. С. 49.

⁷⁶ Звонарёв К. К. Указ. соч. С. 200.

⁷⁷ Отчёт о состоянии войск Закаспийской области со времени окончания Ахал-Текинской экспедиции по 1895 год включительно. Асхабад, 1897. С. 114.

прикрытия путей и перевалов через Бамьян в Кабул, афганцы соорудили крепость Дейдади⁷⁸. Начальник отряда, генерал М. Е. Ионов вспоминал: «Мне страстно хотелось выяснить характер работ, предпринятых афганцами, и по возможности воздвигнутых ими укреплений. Однако крепость стояла в пятидесяти верстах от берега, афганцы были бдительны и неумолимы к нашим разведчикам, и сведений об укреплении мы не имели»⁷⁹. Причём инициатива о тайной поездке в крепость, прикрывавшей афганский Туркестан, исходила от самого капитана Корнилова. Для перехода на афганский берег Аму-Дарьи он воспользовался услугами знакомых ему контрабандистов, и история сохранила их имена — Мулла-Рузы из кишлака Чушка-Гузара и Худай-Назар из кишлака Шор-Тепе⁸⁰.

14 января он со своими спутниками достиг кишлака Дедади, у которого располагалась крепость, и, прикинувшись вольнонаёмными аскерами на службе у эмира, они беспрепятственно ходили по кишлаку и крепости⁸¹. Пользуясь моментом, Корнилов старался фотографировать всё, что представляло интерес: казармы, крепостные укрепления, дороги и местность, но, ввиду подхода возвращавшихся в крепость туркмен, западная сторона осталась нефотографированной⁸².

Вернулся он со своими спутниками через местность с зыбучими песками и был принят у Аму-Дарьи разведчиками 13-го батальона капитана Кастальского⁸³. По результатам поездки был составлен отчёт, к которому прилагался фотографический материал. В отчёте капитан Корнилов сделал выводы, что в случае боевых действий сложность положения российских войск состоит в том, что они будут оперировать в практически

⁷⁸ Ушаков А. И., Федюк В. П. Корнилов. М., 2013. С. 28.

⁷⁹ Плетнев В. Д. Первый народный главнокомандующий генерал-лейтенант Лавр Георгиевич Корнилов. Пг., 1917. С. 11.

⁸⁰ Ушаков А. И., Федюк В. П. Указ. соч. С. 28.

⁸¹ Хренков А. Туркестанская молодость генерала Корнилова // Восточная коллекция. 2005. Лето. С. 125.

⁸² Там же.

⁸³ Там же. С. 126.

не освоенных и слабо укреплённых районах. Здесь же он предостерегал русское командование, в случае наступления на Афганистан, от втягивания войск в глубокие и узкие ущелья Гиндукушских гор⁸⁴. Летом того же года Корнилов проводил рекогносцировки в районе Кушки, исследуя пути из Туркестана в Герат⁸⁵. Корнилову эти поездки удалось благодаря прекрасному знанию восточных языков и его азиатской внешности: *«маленький, сухой, смуглый и загорелый, с небольшой бородкой и жёсткими чёрными усами, с лицом заметно выраженного монгольского типа»*⁸⁶.

Теперь можно поставить основной вопрос — что же было в тех самых донесениях, которые с таким трудом добывали офицеры округа? К примеру, в «Обзоре событий в Персии, Афганистане, Западном Китае и на границах их с Туркестанским краем и его сведениям, поступившим с 1 июня по 31 декабря 1900 года» прямо указывалось на то, что же поставляли разведчики: *«Разведчиками сообщается о приказании эмира отстроить оружейный завод в Гуриане. Во главе завода предположительно поставят европейца. Машины будут приводиться в движение водою при помощи отводимого канала из гутруда»*⁸⁷. В целом, в отчёте содержатся сведения о политическом положении Афганистана, самого эмира и его связи с Османской Империей, сведения из британской прессы об Афганистане, и главным образом — о его военных мероприятиях: вооружение, организация армии, рода войск, сроки службы и её нынешнее количество.

В «Сборнике новейших сведений о вооруженных силах Европейских и азиатских государств» регулярно присутствовала глава об Афганистане. Однако она была крайне мала, в сравнении с главами о Персии или Японии, и из года в год эта глава публиковалась без изменений. Это хорошо указывает на скудность поступающих непосредственно из Афганистана сведений.

⁸⁴ Ушаков А. И., Федюк В. П. Указ. соч. С. 30.

⁸⁵ Там же. С. 31.

⁸⁶ Врангель П. Н. Записки. М., 1991. Т. 1. С. 18.

⁸⁷ РГВИА Ф. 400. Оп. 4. Д. 97. Л. 33.

Готовясь к возможной схватке

Подготовка похода в Афганистан 1878 года выявила, что посылка даже 15-тысячной отряда сопряжена с большими трудностями. Отряд вместе с обозом, в условиях отсутствия дорог и разведанных путей через пустыни и горы, становился крайне уязвим перед любым ударом. Как точно отмечал генерал Н. Гродеков, что не трудно было представить судьбу русского отряда, «когда он, отрезанный от всякого сообщения с Аму-Дарьёй в течение 5 месяцев, очутился бы лицом к лицу с английскими войсками, сравнительно свежими и могущими выставить могущественную артиллерию»⁸⁸.

В определённой степени, планирование характеризуется словами Куропаткина, что в XIX столетии задачи России по отношению к Кавказу и Средней Азии можно считать выполненными и установленная граница не нуждается в изменении. В противном случае «такое изменение потребовало бы серьёзной борьбы с Турцией, Персией, Афганистаном и, вероятно, Англией»⁸⁹. Говоря о планировании, важно оценивать мобилизационный потенциал Туркестанского округа. Куропаткин точно отмечал, что во время боевых действий в Туркестане за 1847–1881 гг. русские могли выставить не более 15 000 человек одновременно⁹⁰. Для сравнения, в походе на Хиву 1873 года участвовали 5,5 тыс. человек, включая резервы⁹¹. Во время «военной тревоги» 1878 года для похода к Индии округ выставил 12 500 полевых войск при скромном резерве в 2,5 тыс. человек⁹². В том же

⁸⁸ Записка Ген[ерального] шт[аба] генерал-майора Гродекова о путях из Закаспийского края в Герат // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 5. СПб., 1883. С. 108–109.

⁸⁹ Куропаткин А. Н. Записки генерала Куропаткина о русско-японской войне. Итоги войны. Berlin, 1909. С. 38.

⁹⁰ Там же. С. 37.

⁹¹ Большая игра в Центральной Азии. Индийский поход русской армии. Сборник архивных документов. М., 2010. С. 149–150.

⁹² Там же. С. 109, 111.

1878 году для отражения «русского вторжения» англичане собрали отряд числом в 37 тыс. человек⁹³.

Поэтому мобилизационный потенциал округа находился в прямой зависимости от развития железнодорожной сети в Туркестане. С 1886 года началась постройка Мервско-Самаркандской линии Закаспийской железной дороги, через Бухару. До того любой проход войск требовал личного разрешения бухарского эмира⁹⁴. С постройкой этой ветки Туркестанский округ получал возможность быстро и без волокиты перебрасывать войска на афганскую границу. В воспоминаниях Куропаткина за 1890-е годы он часто пишет о совещаниях с высокими сановниками по вопросам строительства железных дорог в Закаспийской области и Туркестане⁹⁵. Итог этой деятельности он, отчасти, подвёл на аудиенции у императора Николая II, в августе 1897 года, заявив, что с окончанием этой линии Россия становится хозяином в северном Афганистане⁹⁶.

Служивший при управлении генерал-губернатора офицер вспоминал, что благодаря доверию, которым Куропаткин пользовался у Ванновского, ему удалось добиться отпуска денег на строительство железных дорог в крае, проведя ветки от Мерва к Кушке и от Мерва до Ташкента: *«Благодаря этому, мы имеем на самой границе Афганистана твёрдый опорный пункт и в случае надобности можем перебросить туда значительный дополнительный отряд»*⁹⁷. В целом, к 1902 году на участке Красноводск — Мерв — Кушка могли следовать 4 пары поездов разом, увеличившись до 9 пар к 1907 году⁹⁸.

⁹³ The Second Afghan War 1878–1880. Abridged Official Account. London, 1908. P. 18.

⁹⁴ Записки Н. А. фон Розенбаха. С. 184–185.

⁹⁵ Куропаткин А. Н. 70 лет моей жизни. Т. 3. С. 309, 315, 320.

⁹⁶ Николай Второй. Воспоминания, дневники, письма. СПб., 1994. С. 58.

⁹⁷ Фёдоров Г. П. Моя служба в Туркестанском крае (1870–1910) // Исторический вестник. 1913. Т. 134. С. 465.

⁹⁸ Алеев О. Е. Указ. соч. С. 334.

На 1886 год в войсках округа насчитывалось 22 батальона, 24 сотни при 68 орудиях, числом в 24 443 нижних чина⁹⁹. К 1899 году силы округа выросли до 42 батальонов, 48 сотен, 124 полевых орудия, 5 рот крепостной артиллерии, численностью в 72 000 человек¹⁰⁰. Предполагалось, что в военное время эти силы будут развёрнуты до 78 батальонов, 66 сотен, 134 орудий и 7 рот крепостной артиллерии, численностью около 93 тыс. человек¹⁰¹.

Согласно докладной записке командующего Туркестанским округом генерал-адъютанта, генерала от инфантерии С. М. Духовского на имя императора за 1899 год, в случае войны с Афганистаном и Англией, из этих сил предполагалось сформировать следующие отряды. На Герат должна была действовать Ак-Рабатская колонна в составе 1 бат. пехоты и 1 сотни казаков и Мервская колонна в составе 20 бат. пехоты, 17 сотен казаков и 58 орудий. Для Маразр-и-Шерифского направления формировался Керкинский отряд в составе 2 бат. пехоты, 1 сотни пограничной стражи и 8 орудий. Отдельно формировались Аму-Дарьинский отряд для действий от Термеза в составе 14 бат. пехоты, 4 сотен казаков и 34 орудий и Памирский отряд в составе 1 бат. пехоты, 1 сотни казаков и 2 конно-горных орудий. Общий резерв армии базировался в Ташкенте и насчитывал 1 бат. пехоты, 10 сотен казаков и 8 орудий. В итоге для похода в Афганистан выделялось 35 бат. пехоты, 34 сотни и 104 орудия. В то же время внутри края для обеспечения спокойствия в тылу оставляется: 24 бат., 32 сотни, 22 орудия, 5 рот крепостной артиллерии, 14 местных и 10 конвойных команд¹⁰².

Противостоять им должны были: англичане, числом 70 тыс., не считая подкреплений из Англии, афганцы до 60–70 тыс., всего около 130–140 тыс. человек. По расчётам, передовой английский отряд мог занять Герат на 70 день, а его авангард мог там

⁹⁹ Всеподданнейший отчёт... 1886 год. Отчёт по Главному штабу. С. 27, 29.

¹⁰⁰ РГВИА Ф. 400. Оп. 4. Д. 26. Л. 8.

¹⁰¹ РГВИА Ф. 400. Оп. 4. Д. 26. Л. 9.

¹⁰² Там же.

оказаться и вовсе на 40–50 день. От 7 до 10 000 неприятельского войска на 70 день могли достигнуть со стороны Кабула берегов Аму-Дарьи, а головные части Читральского отряда уже через месяц могут быть на памирском посту или в Хороге.

Таким образом, 42 тысячи русских солдат должны были обороняться против 130–140 тыс. англо-афганских войск. Ввиду недостаточности войск в Туркестанском округе, в Главном штабе было предложено в случае открытия военных действий против Афганистана двинуть на подкрепление войск округа из Европейской России и с Кавказа два армейских корпуса к Кушке или Самарканду, в зависимости от обстоятельств¹⁰³.

При провозоспособности Средне-Азиатской железной дороги, по 4 пары поездов в сутки, эти корпуса могли быть сосредоточены к Кушке на 214 день и к Самарканду на 364 день, то есть через год! С проведением железной дороги от Оренбурга к Ташкенту и с увеличением провозоспособности до 12 пар поездов в сутки, по расчётам Главного штаба, корпус к Кушке сосредоточится на 65-й, а к Самарканду на 66-й день¹⁰⁴.

В 1886 году Обручев предложил Розенбаху для контроля границы присоединить бухарскую полосу берега Аму-Дарьи. Розенбах возразил, что это приведёт к потере доверия бухарского эмира и придётся занимать эмират целиком. Однако, чтобы контролировать берег Аму-Дарьи, был предложен вариант учреждения русских гарнизонов в городах Чарджуй и Керки на бухарском берегу реки¹⁰⁵. Оттого, как писалось в отчёте о деятельности военного министерства за 1886 год, было испрашено 4 ноября позволение «для прикрытия Закаспийской железной дороги и свободного движения по Аму-Дарье» занять пункты Чарджуй и Керки по Аму-Дарье, что было высочайше одобрено¹⁰⁶. Весной 1887 года в Чарджуй вошёл 3 туркестанский линейный батальон, а в Керки — 17-й туркестанский ли-

¹⁰³ Там же. Л. 9–10.

¹⁰⁴ Там же. Л. 10.

¹⁰⁵ Записки Н. А. фон Розенбаха. С. 186.

¹⁰⁶ Всеподданнейший отчёт... 1886 год. Отчёт по Главному штабу. С. 54.

нейный, 4-я батарея и 2 сотни 1-го полка Астраханского казачьего войска, и из этих сил была образована 4-я Туркестанская бригада¹⁰⁷. Розенбах оценивал этот шаг как имеющий громадное политическое значение¹⁰⁸.

Эти меры по усилению Туркестанского округа проходили на фоне новых осложнений в отношениях с Англией по вопросу Афганистана.

Восстание Исхак-Хана. 1888 год

Генерал-губернатор Туркестана Н. О. Розенбах вспоминал, что в конце июля 1888 года он получил от командира 4-й бригады, квартировавшей в Керки, генерал-майора В. В. Христиани, телеграмму, в которой посланец афганского принца Исхак-Хана просил русских о помощи в деле восстания против эмира Абдурахмана. Генерал Розенбах отказался помочь афганскому восстанию и немедленно уведомил об этом Гирса и Ванновского. Вскоре из Петербурга Розенбах получил телеграмму Гирса, что император одобряет принятое им решение¹⁰⁹.

Несмотря на свою критику со стороны кашгарского консула, Н. Ф. Петровского, что он хуже Черняева, генерал уверял, что он не вмешивался ввиду опасения, что неуспех подорвёт престиж России на Востоке. Однако этот момент обозначен постфактум. Рефреном в его мемуарах идут похвалы самому себе о соблюдаемой им осторожности, которая, скорее всего, и руководила генералом в логике принятия им решений.

Розенбах приводит и конкретные причины отказа во вмешательстве в афганские дела, главным из которых была неуверенность в успехе восстания. Даже в случае воцарения Исхак-Хана в Кабуле, Розенбах считал, что он будет вести ту же внешнюю политику, что и Абдурахман, следовательно, из этого не могло

¹⁰⁷ Всеподданнейший отчёт... 1887 год, С. 10.

¹⁰⁸ Записки Н. А. фон Розенбаха. С. 194–195.

¹⁰⁹ Записки Н. А. фон Розенбаха. С. 208.

выйти никакой пользы для России. Даже «приз» в виде Афганского Туркестана его не прельщал ввиду возможных больших финансовых затрат на содержание, фактически, отрезанного от Туркестана края¹¹⁰.

Говорить об этом восстании, послужившем началом для активизации Британии и России на афганском направлении, стоит начать с фигуры главы восстания. Мухаммад-Исхак-Хан, родившись в 1851 году, был сыном Мухаммад-Азам-Хана — родного дяди Абдурахмана. Он помог своему двоюродному брату прийти к власти в 1880 году и в награду получил в своё управление Афганский Туркестан — Чар-Вилайет. Исхак-Хан периодически слал своему брату в Кабул ценные подарки, вроде породистых коней в драгоценной сбруе¹¹¹. Однако Исхак-Хан, считал себя несправедливо обойдённым в более значимых должностях, как близкий родственник эмира¹¹². В 1884 году Исхак-Хан попросил себе Чар-Вилайет в пожизненное управление, что настоятельно Абдурахмана. Подозрения эмира были не напрасны: Исхак-Хан действительно хотел власти в Чар-Вилайете. Местное население состояло из таджиков, узбеков и туркмен, и хан играл на их религиозных настроениях, показывая себя ревностным мусульманином, хранителем обычаев веры¹¹³, что не могло не понравиться самому эмиру, который точно так же завоёвывал себе популярность в народе¹¹⁴.

С 1880-х он находился в изгнании, в России. История его появления в Афганистане известна со слов генерал-лейтенанта, а тогда штабс-капитана Б. Л. Громбчевского. В своих воспоминаниях он писал, что император Александр очень хотел «болезненно уязвить англичан», и, озадаченный этим вопро-

¹¹⁰ Там же. С. 209.

¹¹¹ Ромодин А. В. Афганистан во второй половине XIX — начале XX века. М., 1990. С. 100.

¹¹² РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1882). Д. 4. Л. 9.

¹¹³ Ромодин А. В. Указ. соч. С. 100.

¹¹⁴ РГВИА Ф. 400, Оп. 4. Д. 97. Л. 29. «Эмир напоминает своим подданным, что он не щадит своих сил и, насколько возможно, старается поддерживать священную мусульманскую веру».

сом, военный министр обратился к «туркестанцу» Куропаткину с вопросом о том, как можно это сделать. В свою очередь, Куропаткин вызвал к себе Громбчевского, который и предложил план организации в Афганистане восстания в пользу Исхак-Хана.

По словам Громбчевского, хан и его свита в 200 человек из влиятельных родов составляли такую компанию, которая, будучи снабжённой деньгами и оружием, «могла бы “наварить горячего пива” англичанам... Изложив вышеперечисленные сведения, я добавил, что, согласно моему разумению, для начала достаточно будет дать Исхак-Хану 1000 карабинов Бердана, 100 000 патронов, 10 000 рублей серебром, а также, на первое время, охрану из небольшого отряда казаков»¹¹⁵.

Получив согласие министра, Громбчевский выехал в Самарканд, где при «нейтралитете» Розенбаха, «не любившего нечётких инструкций», смог организовать «побег» Исхак-Хана через Аму-Дарью в Афганистан, где вскоре он захватил Чар-Вилайет и отделился от эмирата Абдуррахмана, начав высылать гонцов к русским с просьбами о помощи¹¹⁶. Несмотря на сомнения в достоверности рассказа Громбчевского, важно обратить внимание на реакцию Петербурга и последствия, к которым привело воцарение Исхак-Хана в Чар-Вилайте.

Как писал Розенбах, мнения о восстании разделились. Гирс был против, Ванновский настаивал на помощи восставшим¹¹⁷, а император был скорее за Ванновского¹¹⁸, но оставил последнее слово за Розенбахом, который, как было выше сказано, высказался против. Ввиду разделения мнений, было созвано совещание по данному вопросу, которое не привело ни к чему, так как и Гирс, и Ванновский оставались при своём мнении. Результатом стала августейшая резолюция: «Так как единогласие не было достигнуто, то предоставить генерал-губернатору Розенбаху

¹¹⁵ Громбчевский Б. А. Указ. соч. С. 31.

¹¹⁶ Там же. С. 34.

¹¹⁷ Записки Н. А. фон Розенбаха. С. 208.

¹¹⁸ Петровский Н. Ф. Туркестанские письма. М., 2010. С. 211.

и начальнику Закаспийской области Комарову действовать по собственному усмотрению»¹¹⁹.

Несмотря на такое снятие ответственности с центра на местные органы власти, восстание Исхак-Хана, в определённом смысле, столкнуло руководство России с проблемой возможного раздела Афганистана. Ещё в 1878 году Кауфман предлагал установить протекторат над страной¹²⁰, Гродеков предлагал разделить страну по хребту Сулеймановых гор на британский юг и русский север¹²¹. Причину такого разделения он находил в том, что население северного Афганистана, состоявшее из таджиков, узбеков и жителей Кафирстана, смотрит на афганцев как на угнетателей. Эти настроения происходили не только от непомерных поборов, но и от того, что афганцы считали узбеков *«женоподобными и вообще людьми низшей породы»*, при этом афганские солдаты развлекались побоями узбеков на улицах городов. Поэтому, по мнению Гродекова, население Чар-Вилайета было готово оказать поддержку русским¹²². Создание Исхак-Ханом независимого, населённого таджиками и узбеками Чар-Вилайета, которые питали ненависть к афганцам-захватчикам, ясно подтверждало верность мысли Гродекова.

Голосом против такого решения звучало письмо военного агента Бутурлина Фельдману от 14/26 июля 1888 года, что для России будет нежелательно соглашаться на вариант присоединения к себе какой-либо части Афганистана в случае его распада. Это означало присоединение части Афганистана к Англии с определёнными последствиями: *«Допустив их утвердиться по сю сторону Гиндукуша, мы не только должны будем отказаться надолго от возможности угрожать Индии, то есть единственного средства сдерживать козни противу нас Англии,.. но и кроме того, мы дадим ей могущественный оплот в виде названного горного хребта, под защитой которого она может делать нам всякие неприятно-*

¹¹⁹ Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. Т. 2. С. 106–107.

¹²⁰ Большая игра... С. 159.

¹²¹ Гродеков Н. И. Через Афганистан. Путевые записки. СПб., 1880. С. 68.

¹²² Там же. С. 35–36, 63–64.

сти... Следовательно, прекращение независимости, или нарушение неприкосновенности территории Афганистана, влечёт за собой прекращение законной силы и других условий наших с Англией среднеазиатских договоров»¹²³. Целый и независимый Афганистан как средство давления в глазах Бутурлина был ценнее, чем возможная Чар-вилайетская губерния. Вполне возможно предположить, что и в Главном штабе могли склоняться к согласию с этим тезисом.

В том же году Бутурлин писал, что под предлогом геологической экспедиции англичане ведут съёмку местности на севере Афганистана, с целью дальнейшего строительства там укреплений¹²⁴. Одновременно англичане держали в Пешаваре, на всякий случай, вызванного из Персии Айюб-Хана, который в 1880 году претендовал на афганский трон¹²⁵, и при болевшем эмире находился английский советник М. Дюранд¹²⁶. Это демонстрировало серьёзные намерения Англии на случай неудачи Абдурахмана и развала Афганистана.

Однако первые сведения о восстании в британской прессе, появились только осенью. Бутурлин писал 30 августа, что британская пресса отнеслась к сообщениям об этом восстании скептически, но когда появились подробные сообщения в индийской прессе — поверила этому. Бутурлин писал, что англичане были готовы к такому исходу событий, поэтому, пользуясь смутой в Афганистане и болезнью эмира, выставила на границе мощный отряд в 2 700 англичан, 5 600 туземцев и резервом в 2 000 человек, под предлогом подготовки экспедиции против горцев¹²⁷. На основании писем Бутурлина, Фельдман отправил в Главный штаб письмо с выдержками о положении в Афганистане и мерах, принимаемых англичанами¹²⁸.

¹²³ РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1888). Д. 7. Л. 45.

¹²⁴ РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1888). Д. 7. Л. 56–57.

¹²⁵ Халфин Н. А. Провал английской агрессии в Афганистане. (XIX — начало XX в.) М., 1959. С. 143.

¹²⁶ Sykes P. History of Afghanistan. London, 1920. Vol. II. P. 178.

¹²⁷ РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1888). Д. 7. Л. 63.

¹²⁸ Там же. Л. 64–65.

Что же делал в это время инициатор и организатор? В июле 1888 года Громбчевский отправился в экспедицию по горам Гиндукуш и Каракорум, что находятся на границе Китая, Афганистана и Индии. Через год, с июля 1889 года, он снова путешествует по Каракоруму, Тибету и Памиру¹²⁹. Это заставляет задаваться вопросом о его личности, о которой кашгарский консул Петровский писал что его «всякая собака на границе знает, что он офицер и губернаторский советник»¹³⁰.

Бронислав Людвигович Громбчевский происходил из польских дворян. Несмотря на то, что его отец и дядя участвовали в антирусском восстании 1863 года и были отправлены в ссылку¹³¹, это не помешало сыну мятежника поступить вольноопределяющимся в Кексгольмский гренадерский императора австрийского полка¹³². Отучившись в Варшавском пехотном юнкерском училище, он вышел в полк прапорщиком, но в 1876 году переводится в 14 Туркестанский линейный батальон. Мотивацией этого он называл нежелание, в случае чего, воевать против соплеменников¹³³. В рядах этого подразделения он участвовал в походе на Коканд. В чине поручика из строя он перешёл на административные должности в военно-народное управление, заняв к 1885 году пост старшего чиновника для особых поручений при военном губернаторе Ферганской области и совершив в том же году экспедицию в Кашгарию¹³⁴. Его польское происхождение дало повод Перовскому обвинять Громбчевского в карьеризме и авантюризме¹³⁵. Однако сам Громбчевский писал о том, что «свободу бродяги-охотника

¹²⁹ Басханов М. К. Русские военные востоковеды. Биобиблиографический словарь. М., 2005. С. 69.

¹³⁰ Петровский Н. Ф. Указ. соч. С. 211.

¹³¹ Громбчевский Б. Л. На службе Российской. Фрагменты воспоминаний. М., 2016. С. 19.

¹³² С 1894 года — Лейб-гвардии Кексгольмский полк.

¹³³ Громбчевский Б. Л. Указ. соч. С. 16.

¹³⁴ Басханов М. К. Указ. соч. С. 69.

¹³⁵ Петровский Н. Ф. Указ. соч. С. 226.

в наипрекраснейшем Божьем мире ценил больше, чем всякие звания и продвижения по службе»¹³⁶.

К осени Абдурахман собрал войска и разбил Исхак-Хана, который снова бежал в Россию. Последствия восстания непосредственно проявились в том, что вторжение эмира в Чар-Вилайет в 1888–1889 гг. позволило большому количеству афганских войск оказаться у русских границ, что создало напряжённость.

Как писал в своём дневнике директор канцелярии Министерства иностранных дел В. Н. Ламздорф 30 января 1889 года, «Греч присылает мне телеграммы по поводу передвижений эмира Абдурахмана, и я спрашиваю у министра, не следует их изъять или опровергнуть? Ввиду нежелательности осведомления публики с истинным положением дел на афганской границе, г. Гирс решается дать Северному агентству телеграмму, которая могла бы значиться как идущая из Чарджуя, и заменить собой те, которые мы изымаем. Зиновьев приносит мне её текст, который я привожу ниже; телеграмма эта и была сообщена Гречу после четырёхчасового чая»¹³⁷. Рядом с этой записью в дневнике находилась газетная заметка, в которой сообщались сведения о принятых эмиром мерах о прекращении торговли с Россией и угрозы войны. Бутурлин писал из Лондона в секретном донесении от 14/28 февраля 1889 года № 10, что англичане, читая из русских газет сведения об афганских войсках, всё ещё не верят происходящему. Самое важное для Бутурлина было то, что из Афганистана приходили сведения, что эмир призывает население к джихаду против русских¹³⁸.

Ламздорф записал 4 февраля 1889 года: «В смысле политическом эта телеграмма дала превосходные результаты: в Англии взволновались, и будет сделано всё возможное, чтобы остановить попытки эмира и предупредить осложнения. В силу старой привычки ставить все действия России в центральной Азии в зависимость от предварительного соглашения, английское правитель-

¹³⁶ Громбчевский Б. А. Указ. соч. С. 27.

¹³⁷ Ламздорф В. Н. Дневник 1886–1890. С. 114.

¹³⁸ РГВИА Ф. 431. Оп. 1. Д. 56. Л. 50.

ство попробовало и теперь сделать то же. Сэр Р. Мопер сделал попытку обратиться к министру с чем-то вроде запроса, но г. Гирс ответил, что он не считает этот вопрос подлежащим обсуждению; мы, конечно, не имеем никаких враждебных или агрессивных намерений по отношению к Абдуррахман-хану, но если бы он позволил себе хоть малейшую провокацию по отношению к России, то, безо всякого сомнения, последовало бы возмездие и возмездие чувствительное; это было бы вполне заслужено, и нам не было бы надобности давать кому бы то ни было объяснений касательно столь естественных последствий. Военный министр, которого государь конфиденциально ознакомил со своей точкой зрения, горячо его благодарил, государь также вполне его одобрил»¹³⁹.

Ламздорф смог со своей стороны нейтрализовать опасность наличия афганцев у русской границы. Однако появление войск Абдуррахмана на севере страны позволило ему продолжить эпопею с покорением любых земель, что когда-то изъявили покорность Кабулу. В своём докладе, прочитанном в академии Генштаба, Громбчевский утверждал, что Англия, осознавая непрочность Афганистана, стремится утвердиться к северу от хребта Гиндукуш, и ввиду этого горы на северо-востоке страны наводнены английскими разведчиками, а афганцы вторглись в горные княжества, устроив там резню¹⁴⁰. Однако самое важное: в этом докладе он писал, что путь через Памиры неудобен в военном отношении, но присылка 3000–4000 человек через это направление «отвлечёт громадные силы у англичан»¹⁴¹. Окончательным выводом звучало то, что необходимо как можно скорее провести разграничение на Памирах с Афганистаном, чтобы не отдавать этот путь в руки англичан¹⁴². Таким образом, эта неудачная авантюра Исхак-Хана прямым образом оказала влияние на возникновение памирского вопроса.

¹³⁹ Ламздорф В. Н. Дневник 1886–1890. С. 115–116.

¹⁴⁰ Громбчевский Б. А. Наши интересы на Памире. Военно-политический очерк. Новый Маргелан, 1891. С. 12–13.

¹⁴¹ Там же. С. 24.

¹⁴² Там же. С. 28.

Памирские походы. 1891–1895 гг.

Положение Памирского нагорья определялось англо-русским соглашением от 1873 года, по которому памирские княжества признавались вассалами Кокандского ханства. После аннексии ханства Россией Памир стал русским владением, но у администрации Туркестана не было ни времени, ни сил для утверждения русской власти в этом регионе. В 1884 году афганцы заняли княжества Шуган и Рошан, но возможности выгнать их оттуда не было¹⁴³. Эти действия эмира вполне поощрялось англичанами, так как они ставили цель «заткнуть дыру между Афганистаном и Китаем»¹⁴⁴.

Несмотря на то, что вслед за великим князем Владимиром Александровичем можно недоумевать: «Зачем нам эта пустыня?»¹⁴⁵, значение Памира в глазах России выросло за счёт его важности в глазах англичан. Полковник А. Дюранд писал, что Памир находится в сотнях миль от железных дорог и представляет собой вершины, по полгода занесённые снегом: «С военной точки зрения, это, конечно, плохая позиция для расположения частей. Но военные соображения сами по себе не могут влиять на решения правительства»¹⁴⁶.

В июне–августе 1891 года на Памир был послан отряд полковника М. Е. Ионова, в составе охотничьих команд из 2, 4, 15, 18 и 20 туркестанских линейных батальонов и казаков б оренбургского казачьего полка с целью «объехать большую часть путей на Памирах и появлением своим указать, что мы считаем эту территорию входящую в пределы наших владений»¹⁴⁷. Результатом этого похода была своевременная остановка попыток англичан поделить Памир между Афганистаном и Китаем.

¹⁴³ Туркестан в имперской политике России. Монография в документах. М., 2016. С. 816.

¹⁴⁴ Sykes P. Op. cit. Vol. II. P. 179.

¹⁴⁵ Куропаткин А. Н. 70 лет моей жизни. Т. 3. С. 105.

¹⁴⁶ Durand A. The making of a Frontier. Five years experiences and adventures in Gilgit, Hunza, Nagar, Chitral, and the Eastern Hindu-Kush. London, 1899. P. 2.

¹⁴⁷ Туркестан в имперской политике России. С. 817.

После ухода отряда Ионова в Фергану, на Памир вернулись китайцы и афганцы, устроив резню среди местного населения, что восстановило положение, бывшее до прихода Ионова. Сменивший в 1889 году Розенбаха новый генерал-губернатор Туркестана генерал от инфантерии, барон А. Б. Вревский в феврале–марте 1892 года немедленно направил на Памир команду поручика И. А. Бржезицкого на разведку. Однако маленький отряд не мог изменить ситуацию.

В Петербурге 15/29 апреля 1892 года, было созвано Особое совещание, которое постановило вернуть на Памир отряд Ионова, произведённого по такому случаю в генерал-майоры. В Лондон были отправлены инструкции на имя посла барона Е. Е. фон Стааля, дабы держать его в курсе дела и на имя туркестанского генерал-губернатора. Одним из важных пунктов этих инструкций Стаалю и Вревскому было то, что войскам ни при каких обстоятельствах нельзя переходить пограничную реку Мургаб¹⁴⁸. Контроль над Памиром и чёткая граница в этих горах с Китаем и Афганистаном были важны, так как это упрочило бы положение России в Ферганской области, которую часто наводняли афганские эмиссары и лазутчики, что создавало угрозу русскому владычеству в этой части Туркестана¹⁴⁹.

2 июня отряд полковника Ионова выступил из Ферганы с батальоном пехоты, тремя казачьими сотнями при 4 горных орудиях, сапёрной и гелиографной командами. За лето 1892 года на Памире, вдоль рек Мургаб и Сарыколы, были зачищены все китайские и афганские посты и был заложен «Пост Памирский», превращённый в небольшое укрепление¹⁵⁰. С этого времени пост работал на постоянной основе за счёт сменных воинских отрядов. Сидеть войскам без дела не пришлось, так как афганцы ходили в набеги на Рошан и Шуган¹⁵¹. Таким образом, занятие Памира стало свершившимся фактом, но ещё не признанным на бумаге.

¹⁴⁸ Ламздорф В. Н. Дневник 1891–1892. Минск, 2003. С. 380–381.

¹⁴⁹ Туркестан в имперской политике России. С. 818.

¹⁵⁰ История русской армии и флота. М., 1913. Вып. XII. С. 189.

¹⁵¹ Там же. С. 190.

Как сообщал из Лондона Ермолов в письме от 28 июля/9 августа 1892 года, пресса отнеслась спокойно к появлению русских на Памире, ибо не видели в этом никакой угрозы Индии или Афганистану¹⁵². Однако он прибавлял, что индийская пресса, оказалась более пугливой, с тревогой писавшей об очищении афганцами Памира до реки Мургаб¹⁵³. Вне зависимости от реакции прессы англичане начали предпринимать меры на случай осложнений. Ермолов сообщал, что лорд Робертс отправился в Джелалабад для встречи с Абдурахманом, для переговоров о возможном присутствии британских войск в Афганистане¹⁵⁴. В рапорте от 7/19 августа сообщалось, что эмир отклонил предложение лорда Робертса о свидании в Джелалабаде, и в результате англичане не могли рассчитывать ни на ввод войск в Афганистан, ни постройку железной дороги до Кандагара¹⁵⁵. В целом ситуация для Англии в начале 1890-х годов в отношениях с Афганистаном складывалась неблагоприятно. Несмотря на визит вежливости в Индию в 1892 году, Абдурахман отказался идти на уступки англичанам в вопросе англо-афганской границы, постройки железных дорог, и более того, начал натравливать на англичан пограничные племена горцев. Вышеупомянутая встреча Абдурахмана и Робертса не состоялась под предлогом отказа эмира пускать на территорию Афганистана большой вооружённый эскорт генерала¹⁵⁶.

Ввиду этого усиление русских со стороны Памира, который рассматривался как «дыра» в обороне Индии, не могло не пугать англичан. Как уже писал вышеупомянутый полковник Дюранд о России, *«её щупальца ползут к нашим индийским границам. Сегодня — Памир, а завтра это китайский Туркестан или часть Персии, которую тихо проглотят. Любая захваченная точка идёт ей на пользу, и каждый из наших людей должен запе-*

¹⁵² РГВИА Ф. 401. Оп. 5/929 (1892). Д. 7. Л. 326.

¹⁵³ Там же. Л. 356.

¹⁵⁴ РГВИА Ф. 401. Оп. 5/929 (1892). Д. 7. Л. 326.

¹⁵⁵ Там же. Л. 394.

¹⁵⁶ Sykes P. Op. cit. Vol. II. P. 170–172.

реть Индию, и защищать наши границы, когда грядёт этот Армагеддон на шахматной доске. Это, на мой взгляд, самый важный момент»¹⁵⁷.

В этой ситуации Ермолов обращал внимание на военный опыт англо-индийской армии, полученный ею в ходе кампаний против мятежников-горцев на Северо-Западной границе. Например, письмо от 11/23 января содержало в себе сведения о военной экспедиции против племён Канджута, в ходе которых британские войска вышли к перевалам, ведущим с гор Гиндукуша на Памир¹⁵⁸.

Тем временем русско-афганское противостояние на Памире свелось лишь к перестрелкам и стычкам сторожевых отрядов, что снизило градус напряжения и позволило начать переговоры по вопросу разграничения. В дневнике Ламздорфа, в записи от 2 марта 1894 года, говорилось, что посол в Китае, А. П. Кассини, предложил урегулировать с Китаем вопрос о Памире, поставив китайцев перед свершившимся фактом занятия этой территории, на что император ответил одобрением. Важно отметить, что Кассини в составлении ноты китайскому императору консультировался с Обручевым¹⁵⁹. После обмена нотами, 4 и 5 апреля 1894 года, было достигнуто временное соглашение по Памиру¹⁶⁰. Успех русско-китайского соглашения по Памиру ободрил императора Александра, который счёл, что можно будет договориться также и с англичанами по Памиру, не делая им никаких уступок¹⁶¹.

Лето 1894 года на Памире, прошло в перманентных стычках между русскими и афганцами, которые отражали отряды капитанов Секерского и Н. Н. Юденича, будущего главнокомандующего Северо-западной добровольческой армией¹⁶². Поэтому

¹⁵⁷ Durand A. Op. cit. P. 2.

¹⁵⁸ РГВИА Ф. 401. Оп. 5/929 (1892). Д. 7. Л. 83.

¹⁵⁹ Ламздорф В. Н. Дневник 1894–1896. М., 1991. С. 45.

¹⁶⁰ Туркестан в имперской политике России. С. 819.

¹⁶¹ Там же. С. 61.

¹⁶² Туркестан в имперской политике России. С. 819–820.

в августе афганцы ушли за р. Пяндж, смирившись с невозможностью занять Шуган и Рошан.

27 февраля/11 марта русский посол в Лондоне, барон Е. Е. Стааль, направил британскому министру иностранных дел графу Кимберли ноту, содержащую проект соглашения по Памиру. Стааль предлагал организовать русско-британскую комиссию по разграничению, и отдельным пунктом следовало то, что на территориях отходящих к Афганистану не будет содержаться ни укреплений, ни войска. Обмен нотами между послом и министром и заключительный акт о проведении границы фиксировали соглашение России и Англии по памирскому вопросу¹⁶³.

Таким образом, в 1885 и 1895 годах был окончательно решён вопрос о проведении границы между Россией и Афганистаном. Однако изменения в мировой политике снова возвращали взоры политиков в Петербурге к карте Центральной Азии.

Квантун и Герат

Мервский кризис 1885 года, показал не только взаимосвязь Босфора и Афганистана, но и возрастающую роль Дальнего Востока. Бутурлин сообщил в рапорте от 23 апреля / 5 мая о том, что английский флот занял остров Гамильтон в Корейском проливе и цель его занятия составляет приготовление нанесения удара по дальневосточным окраинам России¹⁶⁴. Попытки до-

¹⁶³ Мартенс Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключённых Россией с иностранными державами. СПб., 1898. Т. XII. Трактаты с Англией. 1832–1895. С. 501.

¹⁶⁴ РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1885). Д. 4. Л. 141. Интерес японского секретаря к вопросу о Гамильтоне мог быть вызван ещё и тем, что Россия использовала японский порт Нагасаки в качестве зимней базы для кораблей Тихоокеанского флота, поэтому возможно было действовать совместно с Россией по вопросу о Гамильтоне, который, как и вся Корея, был предметом японского интереса. См.: Айранетов О. Р. На пути к краху. Русско-японская война 1904–1905 гг. Военно-политическая история. М., 2015. С. 54.

биться от правительства каких-либо справок в отношении острова не имели успеха, так как ответ был один: у России с Англией нет договорённостей касаясь острова Гамильтон¹⁶⁵. Однако, ввиду твёрдости России по афганскому вопросу, англичане не смогли решиться на удар по Дальнему Востоку. 15/27 февраля 1887 года англичане вывели свои корабли с острова.

Весной 1886 года Бутурлин указывал, что англичане опасаются проникновения русских в Корею, и поэтому было решено иметь операционную базу в северной части Тихого океана, на роль которой, был выбран порт Галифакс на тихоокеанском побережье Канады. По словам Бутурлина, на нем теперь завязывались морские пути из Гонконга, Австралии и Новой Зеландии. Для быстрой связи с Галифаксом, решено было начать строительство железных дорог в Канаде, соединяющих Атлантический океан с Тихим¹⁶⁶. Путь, который потребовался бы войскам из Галифакса в Калькутту, составил бы 38–39 дней.

26 апреля/8 мая 1888 года в Петербурге состоялось заседание Особого совещания по вопросу о русской политике в Корее. Оно пришло к заключению, что ввиду невыгоды вмешательства в корейские дела, но при влиянии на неё со стороны Китая и Англии необходимо устранять любые враждебные России влияния в Сеуле¹⁶⁷. Бывший в 1899–1903 гг. послом в Токио А. П. Извольский высказался, что «Корея должна оставаться нашей Бухарой»¹⁶⁸. Это явно обозначало курс на усиление русского присутствия на Дальнем Востоке.

В январе 1889 года Бутурлиным была отправлена вырезка из английской газеты Pall Mall об укреплениях крепости Владивосток¹⁶⁹. Сам факт публикации в английской прессе сведений о русских укреплениях на Дальнем Востоке был дополнитель-

¹⁶⁵ РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1885). Д. 4. Л. 146.

¹⁶⁶ РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1886). Д. 4. Л. 59.

¹⁶⁷ Первые шаги русского империализма на Дальнем Востоке (1888–1903) // Красный архив, 1932. № 52. С. 59.

¹⁶⁸ Поливанов А. А. Из дневников и воспоминаний. Пг., 1924. Т. 1. С. 87.

¹⁶⁹ РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1889). Д. 7. Л. 5.

ным свидетельством пристального интереса англичан к этому региону. Это подтверждается депешей барона Стаала от 13/25 февраля 1891 года, что Англию больше всего в данный момент заботят Юг Африки и Канада, так как от коммуникаций через весь свет зависит будущее Британской Империи¹⁷⁰.

Этот экскурс в дальневосточную проблему показывает, как выросла роль Дальнего Востока в глазах британских политиков. Одновременно в Петербурге произошли два важных для определения внешнеполитического курса события.

30 марта 1895 года состоялось заседание Особого совещания, на котором было принято решение сохранять *status quo ante bellum* в Маньчжурии, и прозвучало мнение, что России следует приобрести незамерзающий порт на Дальнем Востоке¹⁷¹. Особое совещание 23 ноября 1896 года, в присутствии императора, на обсуждении записки посла в Константинополе А. И. Нелидова, пришло к выводу, что в настоящее время занятие Босфора невозможно и стоит приложить усилия «для упорядочения и поддержания Османской империи»¹⁷². По сути, на совещании произошёл отказ от занятия Босфора. Таким образом, для русской внешней политики был обозначен приоритетным направлением Дальний Восток.

В 1896 году на коронацию Николая II прибыл китайский посыл Ли-Хун-Чжан. В Москве между ним и министром финансов С. Ю. Витте 22 мая был подписан русско-китайский договор, согласно которому Россия обязалась оказать помощь Китаю в случае угрозы¹⁷³. Повод представился в следующем же году. Воспользовавшись инцидентом в провинции Шандунь, где китайцы убили двух немецких миссионеров, Вильгельм II ввёл германскую эскадру в бухту Киао-Чао. Пекин требовал немедленной

¹⁷⁰ Ламздорф В. Н. Дневник 1891–1892. С. 50.

¹⁷¹ Первые шаги русского империализма... С. 78–83.

¹⁷² Проект захвата Босфора в 1896 году // Красный архив. 1931. № 4. С. 64–67.

¹⁷³ Русско-китайские отношения. 1689–1916. Официальные документы. М., 1958. С. 73–74.

реакции от Петербурга. Однако ни средств, ни желания у Петербурга не было, но этот случай вызвал к жизни озвученную пару лет назад идею о незамерзающем порте.

1 декабря 1897 года корабли Тихоокеанской эскадры, в составе 2 крейсеров и канонерки, появились на рейде Порт-Артура, крепости на Квантунском полуострове в Жёлтом море. Об отправке эскадры тут же стало известно в Англии¹⁷⁴. 11 декабря из Красноводска был вызван генерал Куропаткин.

Вот что генерал писал в своём дневнике от 20 декабря по прибытии в Петербург. Эта запись заслуживает того, чтобы быть приведённой целиком: «Затем поехал к Обручеву и спросил: зачем меня вызвали. Обручев ответил, в общем, следующее: мы забрались в Порт-Артур. В ответ англичане и японцы могут занять Корею. Надо остановить англичан. Ванновский предложил Государю поугаждать их в Азии, на что Государь согласился... Надо пригрозить Англии. Наделать шума. Я ответил Обручеву правдивым изложением неготовности нашей в Средней Азии. На 35 день на гератском направлении можем собрать всего 16 бат-в. Указывал на силу афганцев, их воинственность, трудность горной войны, народную войну. Обручев согласился, что с афганцами считаться придётся, но заявил, что англичане из Индии помочь им не могут. Войска их плохи. Даже английские солдаты (наёмники) плохи. Офицеры хороши. Россия, начав угрозы, должна привести их в действие. Надо ограничиться Гератом. Я заявил, что надо идти на все уступки, но дело до драки не доводить, что главный наш противник на Востоке — Япония... П. С. Ванновский мог уделить мне сегодня лишь несколько минут. Он назначил на завтра в 10 1.2. ч. утра [10:30.— А. Т.]. Объявил, что Государь будет говорить со мною об угрозе Англии. Со стороны Средней Азии и чтобы я приготовился к ответу. Обручев говорил также, что пока надо ограничиваться демонстрацией с моим именем, напечатать в немецких газетах, что я вызван в Петербург, дабы обсудить, какие меры надлежит принять в Средней Азии в случае, если Англия сделает нам затрудне-

¹⁷⁴ Айрапетов О. Р. На пути к краху. С. 135.

ния на крайнем востоке, а через несколько дней послать опровержение этому»¹⁷⁵.

Эта запись очень ярко показывает, как Обручев и Куропаткин, после почти 12 лет подготовки к столкновению с Англией и Афганистаном, оценили своего возможного противника. Оба генерала высоко оценивали сопротивляемость афганцев в случае «набега на Герат». Горная страна, населённая воинственным мусульманским народом, представляла собой смертельную угрозу для любого, кто попытался бы вторгнуться туда. При этом англо-индийская армия оценивалась как заведомо более слабый в качественном отношении противник. Поэтому, оценив Афганистан как более сильного противника, было решено «дело до драки не доводить». При всей скудности сведений о самом театре военных действий, в Главном штабе имели хорошее представление о самом противнике и, при отсутствии точных данных, могли представить себе трудности, с которыми можно было столкнуться в случае начала войны.

При всей логичности аргументов Обручева и Куропаткина, насколько император Николай был готов с ними согласиться? Д. А. Милютин, посетив коронацию Николая II, записал в своём дневнике 8 мая 1896 года: «Государь после нескольких слов по поводу предстоящих торжеств повёл разговор о современных военно-политических вопросах, как-то: об отношениях наших к Китаю и Японии, о видах в будущем на Дальнем Востоке; причём [(мы) он, так же как и я, без стеснения высказывал (и) (наши) мнения о наглой политике англичан] выражался совершенно откровенно касательно нахальства англичан в политике. [Как кажется, Государь усвоил себе довольно верный взгляд на восточные дела и вообще на современное политическое положение.]»¹⁷⁶. Император, по англофобским убеждениям, оказался сыном своего отца. При этом, как свидетельствует запись из дневника Куропаткина от

¹⁷⁵ Сапрыкин Р. В. Из дневников генерала Куропаткина: назначение на пост военного министра // Проблемы российской цивилизации. Выпуск II. Саратов, 2005. С. 194–195.

¹⁷⁶ Милютин Д. А. Дневник 1890–1899. М., 2013. С. 387.

6 августа 1897 года, император был готов прислушаться к мнениям о цене вопроса «уязвления англичан»: «Что нам делать в Афганистане? Там тоже становится весьма тревожно. Я выразил прежде всего сомнение, что нам не надо брать ни пяди афганской земли. Государь выразил своё согласие на это, после моих разъяснений... Я объяснил условия физические и этнографические. Неизбежность борьбы с горским населением. Несовпадение границ топографических с этнографическими. Будем, как и англичане, всё искать более надёжной границы. Масса денег, дорог, администрация, войска. На доходы рассчитывать, на покрытие всех этих расходов, трудно. Государь: — Значит, должен будет платить за всё тот же русский мужик»¹⁷⁷.

Несмотря на то, что в Петербурге, фактически, отказались от захвата Босфора и оставили Афганистан, для Лондона активизация России на дальневосточном направлении выглядела не только угрозой английским интересам в Китае, но и очередным «покушением на Индию». В 1899 году на пост вице-короля Индии был назначен Джордж Натаниель Керзон. Потомок нормандских рыцарей, воспитанник Итона, большой любитель путешествий давно проявлял живой интерес к азиатским вопросам в британской политике¹⁷⁸. Его статья о будущем Афганистана, в которой он признавал за русскими шанс на «дальнейшее продвижение», в своё время привела в восторг военного агента Бутурлина, связывавшего с появлением таких мнений надежды на потепление в русско-британских отношениях¹⁷⁹.

Прибыв к месту службы, он определил основные направления своей внешней политики: Персия, Тибет и Афганистан. В отношении Афганистана, Керзон намеревался превратить его в буферное государство между британской Индией и русским Туркестаном. Его миссия облегчалась тем, что в 1901 году умер эмир Абдурахман, и трон унаследовал его старший сын Хаби-

¹⁷⁷ Николай Второй. Воспоминания, дневники, письма. С. 56–57.

¹⁷⁸ Сергеев Е. Ю. Джордж Натаниель Керзон — последний рыцарь Британской империи. М., 2015. С. 17, 19, 31–84.

¹⁷⁹ РГВИА Ф. 431. Оп. 1. Д. 56. Л. 50.

булла-хан¹⁸⁰. В 1902 году Главнокомандующим англо-индийской армией был назначен победитель буров генерал-лейтенант Г. Г. Китченер, энергично взявшийся за продолжение преобразований в англо-индийской армии¹⁸¹.

Куропаткин с 1 января 1898 года становился военным министром. Внешнеполитическое кредо генерала, в частности вопрос об Афганистане, был изложено им в высочайшем докладе по военному министерству за 1900 год. Основной задачей он по-прежнему считал подготовку к войне с Германией и Австрией и занятие Босфора. В отношении Афганистана, он сравнивал положение России и Англии, признал, что, «*установив пограничную черту по указанным естественным линиям*» (хребту Гиндукуш и реке Аму-Дарье), положение России гораздо более прочное, чем англичан¹⁸².

Ввиду этого, затрагивая вопрос о возможном присоединении Герата и Чар-Вилайета, генерал сам разбивал этот проект в докладе, указывая на то, что от этого был бы побочный эффект в виде границы, проходящей в горах, и местные племена доставили бы много хлопот: «*На новой нашей границе постоянно происходило бы волнение, горцы с афганской стороны начали бы нападать на нашу границу, как нападают на английскую. Потребовались бы новые экспедиции*»¹⁸³. Важно отметить, что ещё весной 1885 года Петровский в письме Ф. Р. Остен-Сакену указывал, что Англия легко может сделать из региона новый Кавказ для России¹⁸⁴. Из этого доклада Куропаткин делал вывод, что нельзя менять уже имеющееся удобное положение на границе¹⁸⁵. Таким образом, Куропаткин ещё раз подтвердил свой взгляд на Афганистан перед императором, который выразил своё согласие. Идейный сын Обручева и Скобелева, он

¹⁸⁰ Caldwell L. H. Lord Curzon in India. 1898–1903. London, 1903. P. 12–18.

¹⁸¹ Arthur G. Life of lord Kitchener. London, 1920. Vol. 2. P. 122.

¹⁸² Куропаткин А. Н. Записки... С. 70–71.

¹⁸³ Куропаткин А. Н. Записки... С. 71.

¹⁸⁴ Петровский Н. Ф. Указ. соч. С. 168.

¹⁸⁵ Куропаткин А. Н. Записки... С. 73.

принялся сохранять и усиливать то, что досталось ему в наследство.

30 января 1902 года в Лондоне между министром иностранных дел маркизом Ленсдауном и японским послом Хаяши был заключён оборонительный союз сроком на 5 лет. Согласно договору, обе стороны признавали независимость Китая и Кореи, а также взаимные интересы в этих странах, защищать их вместе, а в случае войны одной стороны другая сторона обязалась соблюдать строгий нейтралитет и предотвратить вступление других держав в войну. Вступление союзника в войну предусматривалось лишь в том случае, если на помощь агрессору приходила другая держава, и в таком случае полагалось не заключать сепаратного мира¹⁸⁶.

Так как договор предусматривал совместное ведение войны, то ещё в ходе переговоров англичане предлагали включить в зону договора Британскую Индию. Это отвечало английским планам вероятной войны с Россией, согласно которым предусматривалось или война в Туркестане силами объединённых англо-индийской и афганской армий, или же атака на русский Дальний Восток. Ввиду немногочисленности англо-индийской армии — всего 75 030 человек и резерв в 16 000, японская армия могла рассматриваться как серьёзный резерв¹⁸⁷. По оценкам английских военных от 25 марта 1902 года, Япония могла выставить 182 000 человек для войны на азиатском материке, оставив для обороны Японских островов 170 000 резерва. Эти войска оценивались весьма высоко по своим боевым качествам. Однако морской транспорт Японии мог обеспечить лишь переброску 3-х дивизий: 42 000 солдат и офицеров, 16 830 лошадей, 17 000 резерва и нестроевых. Сами японцы оценивали свою будущую полевую армию в 300 000 человек¹⁸⁸. Англичане полагали

¹⁸⁶ Documents of origin the war of 1914. London, 1927. Vol. 2. P. 114–118.

¹⁸⁷ Айранетов О. Р. История внешней политики Российской империи 1801–1914. Внешняя политика императора Николая II, 1894–1914. М., 2018. С. 120–122.

¹⁸⁸ Там же. С. 124.

целями японцев Порт-Артур, Харбин и Владивосток. Примечательно, что русский морской агент в Токио, капитан 1-го ранга Русин, оценил этот союз как право Японии командовать морем, что могло вызвать более энергичные действия в случае войны, а именно — высадка десанта в 30 000–40 000 человек, вероятнее всего — для захвата Порт-Артура. Однако текущая война Англии в Африке служила для Японии тормозом для активизации на Дальнем Востоке¹⁸⁹.

Как сообщал 10/23 января 1904 года Ермолов Целебровскому, *«есть полное основание полагать, что если возгорится война на Крайнем Востоке, то Англия не останется, так или иначе, нейтральной»*¹⁹⁰. Одним из главных тезисов Ермолова было то, что англичане *«не преминут воспользоваться нашими затруднениями»* и активизируются на Юге Персии и в Тибете, доведя Россию до объявления войны или сосредоточения войск на афганской границе¹⁹¹. В такой ситуации, предлагал он, Россия ни в коем случае не должна первой сосредотачивать войска у Афганистана, ибо тогда можно было получить войну и с Англией и с Японией¹⁹².

Ермолов предполагал, что в случае войны Англия за 10–12 дней сможет перебросить к нужному театру 45 000 человек. Однако сбор этого отряда и мобилизация резервистов займут достаточно много времени, не считая мобилизации остальных войск, поэтому эти 45 тыс. человек будут пределом британских сил¹⁹³. Поэтому Англия будет лишена возможности вести широкомасштабные боевые действия на Балтийском или Чёрном морях, и главным театром войны становится Афганистан. Интересно заметить, что для Ермолова факт возможной войны с Япони-

¹⁸⁹ Из предыстории русско-японской войны: донесения морского агента в Японии А. И. Русина (1902–1904 гг.) // Русское прошлое. СПб., 1996. Кн. 5. С. 59–60.

¹⁹⁰ РГВИА Ф. 400. Оп. 4. Д. 283. Л. 10.

¹⁹¹ Там же. Л. 12.

¹⁹² РГВИА Ф. 400. Оп. 4. Д. 283. Л. 15 об.

¹⁹³ Там же. Л. 13 об. — 14.

ей был несомненен, вопрос стоял лишь во времени¹⁹⁴. В целом, он предполагал, что *«англичане будут действовать наступательно флотом и оборонительно армией в Средней Азии»*¹⁹⁵.

Донесения Ермолова за лето 1904 года сообщали об общем плане боевых действий англичан, на случай разрыва с Россией. Предлагалось нанести удар по портам Балтики и использовать в Европе экспедиционную армию, состоящую из 3-х армейских корпусов и 1 кавалерийской дивизии, общим числом в 135 000 человек, одновременно готовился совместный поход англо-индийской армии в Афганистан, с целью занятия Герата и закрытия северной границы страны от возможного «русского вторжения»¹⁹⁶. Ввиду того, что с 1903 года все донесения военных агентов из столиц Великих держав должны были посылаться в подлинниках самому императору, а военно-статистический отдел Главного штаба готовил всеподданнейшую записку на основе наиболее интересных сведений из переписки с агентами, Николай II в 1904 году был в курсе военных приготовлений англичан в Индии и Афганистане. Например, на выдержке из письма Ермолова Целебровскому, приготовленной Сахаровым, стояла помета: *«Его величество изволили читать»*¹⁹⁷.

В связи с этим опять актуализировался вопрос о наличии сведений об Афганистане. Несмотря на уже упоминавшуюся активность разведки Туркестанского округа, выпущенная в 1904 году книга о вооружённых силах Афганистана представляла собой брошюру на 4 листах! Главный штаб оценивал число афганской армии в 51 090 человек при 240 орудиях, из которых 7 136 человек при 18 орудиях защищали Герат¹⁹⁸. Он характеризовался как *«типичнейшая азиатская крепость»*, без укреплений и фортов, сильная за счёт толщины стен и многочисленности артиллерии. Гораздо большую угрозу представляла крепость Дейдади, под городом

¹⁹⁴ РГВИА Ф. 400. Оп. 4. Д. 283. Л. 15.

¹⁹⁵ Там же. Л. 27.

¹⁹⁶ Там же. Л. 50.

¹⁹⁷ Там же. Л. 16.

¹⁹⁸ Сборник новейших сведений... Афганистан. СПб., 1904. С. 3.

Мазар-и-Шериф, с фортами, рвами и оборудованными позициями для войска, гарнизон которой насчитывал 3 833 человека¹⁹⁹.

Одновременно императора бомбардировал своими письмами «Кузен Вилли», где рефреном звучала мысль о том, что Англия вредит России и только Германия является искренним другом. В этих же письмах весьма настойчиво предлагалась идея оборонительного союза континентальных держав против Англии²⁰⁰. В частности, в телеграмме Вильгельма от 2 (15) ноября 1904 года сообщалось, что англичане готовят военную экспедицию против Афганистана²⁰¹. В письме от 17 ноября Вильгельм намекал Николаю на возможность вступления Англии в войну на стороне Японии и делал тонкий намёк, что *«граница Индии и Афганистана — это единственная часть земного шара, где весь британский флот ничего не может поделать и где пушки его бессильны отразить вторжение неприятеля. Потеря Индии — смертельный удар для Великобритании»*²⁰². В связи с поражениями на Дальнем Востоке и угрозой со стороны Англии, можно считать, что Николай согласился на такие предложения Вильгельма, подписав 11 июля 1905 года на борту яхты «Полярная звезда» военный союз с Германией. Однако не столько соображения сохранения союза с Францией, сколько подписание мира с Японией и готовность Лондона идти на диалог отменили это соглашение, подписанное ввиду сиюминутных интересов.

Как справедливо отмечают исследователи истории русской внешней политики, дороговизна военного противостояния, усталость от политической напряжённости и германская угроза позволили Лондону пойти на переговоры и компромисс с Петербургом по Афганистану²⁰³, который проявился в вышеупомя-

¹⁹⁹ Там же. С. 7–8.

²⁰⁰ Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1894–1914. М., 2007. С. 339–340, 342–346, 353–357.

²⁰¹ Там же. С. 346.

²⁰² Там же. С. 350.

²⁰³ Сергеев Е. Ю. Указ. соч. С. 261–299; Лунеева Ю. В. Босфор и Дарданеллы. Тайные провокации накануне Первой Мировой войны (1907–1914). М., 2010. С. 12–22.

нумом соглашения Сазонова—Никольсона 1907 года, поставившем точку в афганском вопросе для России.

Заключение

Возглавлявший Азиатскую часть Главного штаба генерал от инфантерии Л. Н. Соболев в своей книге про англо-афганскую войну 1878–1881 гг. писал, что Восток делится на три части: правый фланг — Китай и Япония, Центр — Индия и Афганистан и левый фланг — Персия и Турция²⁰⁴. Из всех перечисленных стран Великобритания владела лишь Индией, поэтому в стратегию охранения Индии входил и политический контроль восточных государств, отчего Англия ревностно охраняла от России Турцию, Персию и Афганистан²⁰⁵. События 1878 года подтвердили его правоту — едва не начав войну с Англией из-за Константинополя, Россия вынуждена была пробовать давить на неё, путём угрозы Индии. Эта «стратегия непрямых действий» превратила Афганистан в самостоятельное направление русской внешней политики.

Парадокс: не имея никаких дипломатических сношений, и даже возможности русским подданным пересекать афганские границы, Афганистан рассматривался как потенциальный театр военных действий с Англией. Одновременно возникла проблема русско-афганской границы, которую пришлось решать всё той же Англии. Соглашения 1885, 1887 и 1895 гг., казалось, вполне достигли этой цели. Как упоминалось выше, в 1900 году Куропаткин с удовлетворением отмечал, что русское положение на афганской границе спокойнее, чем британское. Его роль в разработке оперативного планирования на афганском направлении — трудно переоценить, как и вклад в это же дело военных агентов, Бутурлина и Ермолова.

²⁰⁴ Соболев Л. Н. Англо-Афганская распря : (очерк войны 1879–1880 гг.): Страница из истории восточного вопроса. СПб., 1880–1885. С. 6.

²⁰⁵ Там же.

Однако внутреннее положение Афганистана то и дело обостряло отношения между Россией и Англией. Восстание Исхак-Хана в 1888 году не только поставило точку на каких-либо проектах установления русской власти над Афганистаном, но и вызвало обострение англо-афганских отношений в последующем.

Выдвижение России на Дальний Восток привело к появлению восточного фланга русско-британской борьбы, где Афганистан сохранял свою роль средства давления на Лондон. «Вооружённый нейтралитет» Англии и угроза появления второго фронта со стороны Афганистана стали одними из тех пружин, что привели Николая II к одному из самых, казалось, странных решений во внешней политике — заключению военного договора с Германией. Окончание японской войны сняло с повестки дня войну с Англией, а подписание соглашения о разделе сфер влияния позволило забыть об этой проблеме до самого конца существования русской монархии.

МИРНОЕ ПРОНИКНОВЕНИЕ С. Ю. ВИТТЕ В КИТАЙ: РЕАЛЬНОСТЬ, ПЛАНЫ И ПРАКТИКА

«Первым человеком у власти, который понимал, в какой тупик заводят Самодержавие его слепые сторонники, который сделал попытку вернуть Самодержавие к его историческому долгу перед Россией, но вместо успеха ускорил развязку, был С. Ю. Витте, — вспоминал В. А. Маклаков. — Витте был одной из самых замечательных фигур последнего времени; ее можно назвать и трагической. Даже его враги признавали его исключительные государственные дарования. О нем вспоминали всегда, когда ждали чуда; его одного считали на него способным»¹.

Эти слова, сказанные о внутренней политике Витте, с тем же успехом могут быть применены и к его вкладу в дальневосточную политику России конца XIX века. Историография этой темы весьма велика, от ставших уже классическими работ Б. А. Романова² до трудов современных историков³. Мне также прихо-

¹ Маклаков В. А. Власть и общественность на закате старой России (Воспоминания современника). Париж, 1936. Ч. 2. С. 248.

² Романов Б. А. Россия в Маньчжурии (1892–1906). Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. Л., 1928.; *Он же*. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. М.; Л., 1955.

³ Среди наиболее интересных можно назвать: *Wolf D.* To the Harbin station. The liberal alternative in Russian Manchuria, 1898–1914. Stanford University Press. Stanford. California., 1999; *Борзунов В. Ф.* Транссибирская магистраль в мировой политике Великих Держав. М., 2001. Ч. 2; М., 2002. Ч. 1; *Лукоянов И. В.* «Не отстать от держав». Россия на Дальнем Востоке в кон-

дилось обращаться к теме внешней политики последнего царствования⁴ и к проблемам экономического проникновения России в Китай⁵. Данная статья является развитием этих исследований.

Сам Витте любил называть свою политику в Китае на французский лад — *penetration pacifique* и потом, в своих воспоминаниях, подчеркивал, что был сторонником экономического проникновения в соседнюю империю. Предполагалось, что инструментом проникновения станет Сибирская железная дорога, а методом — рост русского экспорта в Китай, которому дорога предоставляла «важные преимущества перед всеми другими государствами Европы»⁶. Это была весьма претенциозная программа. Традиционно товарообмен по европейским границам России кратно превосходил таковой же по азиатским.

В 1868 году вывоз из Империи по европейским границам (включая Великое Княжество Финляндское) составил 226 595 873 руб., в 1876 году он вырос до 400 700 449 руб., в 1877 г. — до 527 935 826 руб., а ввоз, соответственно, 260 923 532 и 321 036 987 руб. Вывоз по азиатским границам в 1868 году составил 8 909 843, в 1876 г. — 9 414 905 и в 1877 году — 6 901 535 руб., а ввоз, соответственно, 16 498 329, 24 464 377 и 20 545 943 руб.⁷ На Китай приходилось примерно $\frac{2}{3}$ этих сумм⁸.

це XIX — начале XX в. СПб., 2008; *Дацзышен В. Г.* История российско-китайских отношений в конце XIX — начале XX в. М., 2014.

⁴ *Айрапетов О. Р.* История внешней политики Российской империи. 1801–1914 : в 4 т. М., 2018. Т. 4. Внешняя политика императора Николая II. 1894–1914. С. 83–126.

⁵ *Айрапетов О. Р.* На пути к краху. Русско-японская война 1904–1905 гг. Военно-политическая история. М., 2015. С. 134–156; *Айрапетов О. Р.* Русский флот на Тихом океане с XVIII века до 1904 года // История. Научное обозрение OSTKRAFT. М., 2018. № 5. С. 82–85, 99–112.

⁶ *Романов Б. А.* Россия в Маньчжурии (1892–1906). С. 57–58.

⁷ Краткий обзор внешней торговли России по европейской и азиатским границам // Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границам за 1877 год. СПб., 1878. С. II.

⁸ Перечень главнейшим товарам, вывезенных из России // Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границам за 1877 год. С. XX.

В 1890 году импорт в Россию составил 361 398 286 руб., а экспорт из нее — 610 450 187 руб. Объем русского ввоза в Китай, не считая Кяхты и Туркестана, составил всего 16 630 руб. (из них жизненные припасы — на 308 руб. и изделия — на 16 322 руб.), а вывоза из Поднебесной — 13 736 020 руб.⁹ Экспорт через Кяхту и Туркестан составил сумму, чуть меньшую 2,8 млн руб.¹⁰

Сибирская железная дорога должна была коренным образом изменить баланс внешней торговли России. На строительстве сэкономили: легкие рельсы, сокращение станционных строений и путей, большие перегоны — все это делало возможность ее модернизации весьма призрачной¹¹. И тем не менее проект был вполне тяжелым бременем для финансов государства. Проект Транссиба был рассчитан на выполнение в течение 12 лет и оценивался в 350 млн рублей. На этот срок в бюджете был забронирован расход в среднем около 30 млн рублей — ежегодный бюджет МПС, составлявший до этого около 56 млн рублей, был увеличен таким образом на 60%. На деле строительство Транссиба обошлось казне приблизительно в 1 млрд рублей¹².

Одним из первых на экономические возможности, которые может создать ветка Транссиба в Китай, обратил внимание П. А. Бадмаев, который изложил в записках императору¹³ и Вит-

⁹ Приложение Б. Распределение ценности вывоза и ввоза, во внешней торговле товарами, по главнейшим иностранным государствам (в рублях) // Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границам за 1890 год. СПб., 1891.

¹⁰ Вывоз за-границу Российских товаров. В. По отдельным государствам, куда товары вывезены, с показанием главнейших предметов вывоза // Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границам за 1890 год. С. 5.

¹¹ *Мертенс* [О.] Тридцать лет (1882–1911 гг.) русской железнодорожной политики и ее экономическое значение. М., [1919]. С. 42.

¹² *Романов* Б. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. С. 19.

¹³ Записка Бадмаева Александру III о задачах русской политики на Азиатском Востоке. 13 февраля 1893 г. // Бадмаев [П. А.] За кулисами царизма: (архив тибетского врача Бадмаева). Л., 1925. С. 51–52.

те¹⁴ от 13 (25) февраля 1893 г. Кроме того, Бадмаев убеждал императора в том, что китайцам безразлично, кто ими управляет и что «они могут усвоить христианскую культуру».¹⁵ Позицию Бадмаева энергично поддержал Витте. Ввиду затратности Транссиба он предложил Александру III «приложить все усилия к изысканию возможных способов для привлечения на Сибирскую железную дорогу грузов из богатых стран Востока, в особенности грузов китайских, почему вопрос о питательных ветвях в китайские пределы заслуживает полного внимания...»¹⁶. Император скептически отнесся к предложениям. Его резолюция была однозначна: «Все это так ново, необыкновенно и фантастично, что с трудом верится в возможность успеха»¹⁷.

Сергей Юльевич не отказался от этих планов. Через 10 лет он писал о них так: «Проведение сибирского пути открывает Европе ворота в этот доселе замкнутый мир, ставит её лицом к лицу с многочисленными племенами монгольской расы... Кроме своего мирового значения, сибирская железная дорога, как местный путь, принесет многочисленные выгоды России: для русской промышленности создастся новый обширный внутренний рынок; избытки населения Европейской России найдут себе выход на новые обширные пространства Сибири, удобные для колонизации; разработка естественных богатств Сибири, возрастание её населения и развитие промышленности увеличат производительные силы нашей Родины, а сама Сибирь станет активной участницей культурной жизни»¹⁸. Эти в целом верные оценки перспектив Сибири Витте по-прежнему связывал с не-

¹⁴ Докладная записка Бадмаева министру финансов Витте. 13 февраля 1893 г. // Бадмаев [П. А.] За кулисами царизма... С. 75–77.

¹⁵ Записка Бадмаева Александру III о задачах русской политики на Азиатском Востоке. 13 февраля 1893 г. // Бадмаев [П. А.] За кулисами царизма... С. 55.

¹⁶ Доклад министра финансов Витте Александру III относительно записки Бадмаева // Бадмаев [П. А.] За кулисами царизма... С. 79.

¹⁷ Там же. С. 81.

¹⁸ Извлечение из всеподданнейшего доклада о поездке министра финансов на Д. Восток // Владивосток. 16 марта 1903 г. №11. С. 1.

обходимостью направить на Транссиб внешнюю торговлю Японии, Кореи и Китая с Европой, которую он оценивал в сумме между 500 и 600 млн руб.¹⁹ В новое правление активизировался и Бадмаев, который убеждал Николая II в правоте выбранного им курса на вмешательство в японо-китайский конфликт: «Какие бы миллионы не получила языческая Япония, она не может быть опасна для православной России, когда во главе ее стоит государь, имеющий самолично выработанный взгляд о значении Востока для России»²⁰.

Между тем до 65% внешней торговли Китая в конце XIX века контролировала Англия. Важнейшие центры китайского экспорта — Шанхай и Ханькоу — находились под британским контролем²¹. Основными статьями вывоза из Поднебесной (в 1894 г. — на сумму в 128 104 522 лан) были разные виды чая (черный — 22 945 997 лан; зеленый — 5 809 078 лан; плиточный — 1 099 500 лан), шелка (22 927 894 лан) и изделий из него (10 671 688 лан)²². В 1898 году в порты Китая пришло 43 тыс. пароходов и 9 тыс. парусников. Каботажные перевозки осуществляла 21 тыс. китайских судов²³. К концу XIX века наблюдался рост импорта в Поднебесную хлопчатобумажной ткани и пряжи из британской Индии и Японии. Британия была основным поставщиком угля, спичек, мыла, машин²⁴.

Что касается Японии, то немецкий путешественник в конце XIX века отмечал: она «превращается постепенно в небольшую восточно-азиатскую Вестфалию»²⁵. Еще в 1870 году эта остров-

¹⁹ Извлечение из всеподданнейшего доклада о поездке министра финансов на Д. Восток. С. 1.

²⁰ Письмо Бадмаева к Николаю II. 1895 год, 2 марта // Бадмаев [П. А.] За курлисами царизма... С. 96.

²¹ фон Гессе-Вартег Э. Китай и китайцы. Жизнь, нравы и обычаи современного Китая. СПб., 1900. С. 100, 104, 112.

²² Коростовец И. [Я.]. Китайцы и их цивилизация. СПб., 1896. С. 222.

²³ Фон Гессе-Вартег Э. Китай и китайцы... С. 375.

²⁴ Коростовец И. [Я.]. Китайцы и их цивилизация. С. 222.

²⁵ Фон Гессе-Вартег Э. Япония и японцы. Жизнь, нравы и обычаи современной Японии. СПб., 1902. С. 212.

ная империя практически ничего не экспортировала, в 1872 г. вывоз оценивался всего в несколько миллионов рублей. В 1883 г. в Японии было только 84 фабрики с двигателями в 1 700 л. с., в 1893 г. — уже 1 163 фабрики с двигателями в 35 000 л. с., из них 31 165 л. с. приходилась на паровые. Начав в 1871 г. с нескольких шерстопрядильных машин с несколькими десятков веретен, в 1899 году японская легкая промышленность подошла уже с 1 125 000 веретенами. В 1899 г. уже 38% всей японской продукции шло на экспорт, сумма которого составила 90 млн рублей. Японские товары шли не только в Китай, но и в Австралию²⁶. Некоторые города Японии стали за несколько десятилетий важнейшими центрами экономики и не только островной империи: «Осака — это японский Бирмингам; это молодая гордость молодой же японской промышленности и главный фабричный пункт восточной Азии»²⁷.

С англичанами и японцами все активнее и успешнее конкурировали немцы. Позиции России были довольно скромными. В 1894 г. импорт в Китай составил сумму в 162 102 911 лан, на первом месте были хлопчатобумажные ткани — 52 105 448 лан, на втором опиум — 33 336 067 лан. Здесь первые позиции занимали Британская империя, США, Голландия (с колониями) и Япония. Первые позиции русского импорта в Китай занимал керосин (1 100 086 лан). Эти цифры считались довольно успешными, но при этом США в то же время ввезли керосина на 5 905 228 лан²⁸.

Транссиб, конечно, сыграл значительную роль в торговле на Дальнем Востоке, но далеко не ту, на которую рассчитывал Витте. Перевозки по железной дороге в Сибири были достаточно велики: количество грузов местного значения в 1897–1902 годах колебалось в пределах между 12 и 16 млн пудов; если ввоз в Сибирь за это же время вырос с 2,5 млн пудов до 26 млн, а вывоз с 16 до 20 млн пудов, то транзит вырос приблизительно

²⁶ *Фон Гессе-Вартег Э.* Япония и японцы... С. 267–269.

²⁷ Там же. С. 213.

²⁸ *Коростовец И. [Я.]* Китайцы и их цивилизация. С. 223–224, 231–232.

с 2,25 до 5 млн пудов.²⁹ Более точные цифры дают такую картину начала: транзитный груз по Транссибирской магистрали в 1897 г. составил всего 1,74 млн пудов, в 1898 — 2,23 млн пудов. Главной статьей перевозок был чай³⁰. Цены на него были устойчиво высокими. В 1877 году они колебались от 70 копеек до 10 руб. за фунт в зависимости от сорта и времени года. В Одессе они были в среднем дешевле, чем в Петербурге и Риге³¹.

До начала движения по Транссибу чай для России вывозился по морю и по суше. Последний путь был традиционным — из Тяньцзиня в Кяхту, уездный город Иркутской губернии, через который Россия и Китай с XVIII века вели торговлю. Товары доставлялись караванами верблюдов, показатели торговли почти не менялись. Импорт из Китая всегда превалировал над экспортом из России. В 1868 г. из России было вывезено товаров на 3 529 718 руб. и драгоценных металлов в монетах и слитках на 1 556 605 руб., а ввезено товаров на 6 265 346 руб. В 1876 году показатели русского вывоза составили 2 524 441 руб. в товарах и 986 125 руб. в драгоценных металлах и монете, а ввоза из Китая 14 099 537 руб. В 1877 г. эти показатели составили, соответственно, 3 043 726, 763 958 и 14 842 816 руб.³²

В 1881 году общий вывоз товаров через Кяхту достиг суммы 5 558 тыс. рублей, в 1886 году — 7 867, в 1887 году достигли пика — 8 785 тыс. рублей, затем начали снижаться — в 1888 уже 6 955 тыс. рублей, и в 1892 году вновь вернулись к начальным показателям — 5 566 тыс. рублей³³. Из них чай составил

²⁹ Сибирская железная дорога в ее прошлом и настоящем. Исторический очерк. Составлен С. В. Саблером и И. В. Сосновским. Под главной редакцией статс-секретаря Куломзина. СПб., 1903. С. 401.

³⁰ Великая Сибирская железная дорога. СПб., 1890. С. 10.

³¹ №20. Биржевой прейс-курант на главнейшие товары за 1877 год // Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границам за 1877 год. СПб., 1878. С. 497.

³² Перечень главнейших товаров, вывезенных из России // Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границам за 1877 год. С. XX.

³³ Ведомость общей ценности товаров, вывезенных русскими купцами из Тянь-цзиня на Калган и Кяхту в тысячах руб. металл. // Китайские пор-

в 1881 году — 648 тыс. пудов, в 1886 году — 1225, в 1887 — 1090, в 1889 — 948, в 1890 — 975 и в 1892 г. — 967 тыс. пудов³⁴. После завоевания Средней Азии ввоз в Империю чая проходил через Туркестан (цветочный, зеленый и желтый), Кяхту и по Амуру (кирпичный), Одессу и Петербург (в основном черный)³⁵.

В 1888 году вывоз чая из Китая в Россию (через Кяхту, Приморскую область и Одессу) почти сравнился с показателями экспорта этой культуры в Англию (2 497 и 2 545 тыс. пудов). В 1893 году русские показатели резко изменились в пользу России — 2 531 против 1 358 тыс. пудов³⁶. Показатели морской торговли постоянно росли. Например, из Ханькоу в Россию в 1881 году было вывезено 25 364 тыс. пудов, в 1886 году — 109 806 тыс. пудов, в 1888 году — 400 456 тыс. пудов. После этого начался уверенный рост вывоза, который достиг в 1898 году 998 879 тыс. пудов³⁷.

Чай постоянно занимал весьма значительную долю в морских перевозках из Тихого и Индийского океанов в Одессу, тем не менее уступая показателям кяхтинской торговли. Например, в 1881 году из Ханькоу в Кяхту было вывезено 8 013 тыс. фунтов байхового чая, в то время как во Владивосток — 13 тыс. фунтов и в Одессу — 4 171 тыс. фунтов. Кирпичный черный чай поставлялся почти исключительно в Кяхту — 10 107 тыс. фун-

ты имеющие значение для русской торговли на Дальнем Востоке. Составлено Д. Д. Покотиловым под редакцией Д. Ф. Кобеко и П. М. Романова. СПб., 1895. Ч. 2. Статистические таблицы. С. 24.

³⁴ Ведомость о полученных русскими купцами в Тянь-цзине и переотправленных ими сухим путем через Монголию и Кяхту в Россию чаях (в тысячах пудов) // Китайские порты, имеющие значение для русской торговли... СПб. 1895. Ч. 2. Статистические таблицы. С. 24.

³⁵ III. Привоз из за-границы иностранных товаров // Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границам за 1884 год. СПб., 1888. С. 26.

³⁶ Китайские порты имеющие значение для русской торговли... СПб. 1895. Ч. 1. Текст. С. 143.

³⁷ Перевезено грузов по линии Владивосток—Одесса за 1879–1912 годах (в пудах) // Добровольный флот. Правление. Отдел коммерческий. Статистика движения грузов и пассажиров. 1912. Пгр., 1914.

тов³⁸. Рост чайного вывоза в Россию сказался на биржевых ценах — они стали падать. Цены на черный чай, который был наиболее востребован в России (за исключением Туркестана, где предпочитали кирпичный), в 1884 году колебались от 90 коп. до 2,35 руб. за фунт³⁹.

В 1888 году показатели по байховому чаю, вывезенному в Кяхту (12 805 тыс. фунтов) и в Одессу (11 155 тыс. фунтов), почти сравнялись, но кирпичный черный чай, который вывозился только в Кяхту, составил 18 202 тыс. фунтов. С 1889 года вывоз в Одессу черного чая уже превалирует (10 987 против 8 740 тыс. фунтов), но кирпичного черного чая в Кяхту вывезли 16 630 тыс. фунтов. В 1890 году соотношение этих цифр осталось без изменений⁴⁰. Вывоз через Кяхту в Китай был незначителен. В 1890 г. вывозились бумажные ткани (на 540 197 руб.), разного рода меха (на 228 735 руб.), рога и копыта (на 138 370 руб.)⁴¹. В 1895 году оборот кяхтинской торговли составил 19 601 000 рублей, при этом на русский экспорт пришлось 2 136 481, а на китайский импорт — 17 464 967 руб.⁴²

Крупнейшим китайским торговым портом был, без сомнения, Шанхай. И здесь позиции русской морской торговли были относительно невелики. В вывозе превалировал чай, но показатели экспорта в Россию существенно уступали британским. В 1881 г. отсюда в Одессу было вывезено 17 и в Приморскую

³⁸ Сведения о вывозе чая русскими фирмами из Ханькоу за 1881–1890 г. (в тысячах русских фунтов и рублей) // Китайские порты, имеющие значение для русской торговли... СПб., 1895. Ч. 2. Статистические таблицы. С. 62.

³⁹ VIII. Биржевые цены главнейших товаров // Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границам за 1884 год. СПб., 1888. С. 25.

⁴⁰ Сведения о вывозе чая русскими фирмами из Ханькоу за 1881–1890 г. (в тысячах русских фунтов и рублей) // Китайские порты имеющие значение для русской торговли... СПб., 1895. Ч. 2. Статистические таблицы. С. 63.

⁴¹ Вывоз за-границу Российских товаров. В. По отдельным государствам, куда товары вывезены, с показанием главнейших предметов вывоза // Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границам за 1890 год. С. 5.

⁴² Коростовец И. [Я.]. Китайцы и их цивилизация. С. 266.

область 18 тыс. пудов черного чая (поставки зеленого чая были мизерными). Только в Англию в этом году было вывезено 1 130 тыс. пудов черного и 217 тыс. пудов зеленого чая⁴³. В 1886 году в Одессу было вывезено 55 тыс. пудов байхового и 173 тыс. пудов кирпичного черного чая (в Приморскую область вывоза не было); в Англию — 648 тыс. пудов черного и 209 тыс. пудов черного кирпичного чая⁴⁴. В стоимостном выражении ввоз чая по европейским границам в 1890 г. составил 649 430 руб., а по азиатским — 791 095 через Туркестан и 14 505 218 через Сибирь⁴⁵.

В 1892 году в Англию из Шанхая экспортировали 390 тыс. пудов черного байхового и 174 тыс. пудов зеленого чая. В Одессу в этом году поставок не было, но во Владивосток вывезли 8,76 тыс. пудов черного и 169 тыс. пудов черного кирпичного чая (в 1891 году в Одессу вывезли 14 и в Приморье 53 тыс. пудов чая)⁴⁶. Всего же в 1892 по линии Владивосток — Одесса было перевезено 570 220 пудов, в 1893 — 716 726 и в 1898 — уже около 1,3 млн пудов чая⁴⁷. К концу XIX века наметилась тенденция сокращения объемов вывоза этого товара из Китая. Это было связано с увеличивающейся конкуренцией на мировом рынке со стороны британской Индии и Цейлона. Чай начали развозить и на русском Кавказе⁴⁸.

⁴³ Шанхай. Вывоз чая. В тысячах пудов // Китайские порты имеющие значение для русской торговли... СПб., 1895. Ч. 2. Статистические таблицы. С. 140.

⁴⁴ Там же. С. 141.

⁴⁵ Привоз из за-границы иностранных товаров. В. По отдельным государствам, откуда товары привезены, с показанием главнейших предметов привоза // Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границам за 1890 год. С. 12.

⁴⁶ Шанхай. Вывоз чая. В тысячах пудов // Китайские порты имеющие значение для русской торговли... СПб., 1895. Ч. 2. Статистические таблицы. С. 143.

⁴⁷ Сведения о количестве грузов (в пудах), перевезенных по Восточной линии по направлению Владивосток-Одесса с 1892 по 1912 включительно // Добровольный флот. Правление. Отдел коммерческий. Статистика движения грузов и пассажиров. 1912. Пг., 1914.

⁴⁸ Коростовец И. [Я.] Китайцы и их цивилизация. С. 239.

Русский импорт в крупнейшие китайские порты также был невелик. Самой значительной статьёй ввоза в Ханькоу был сахар. В 1887 г. в порт ввезли 2069 тыс. пудов сахара на 2 992 тыс. рублей. Это был китайский и завозной сахар, попытки ввозить русский не привели к успеху. Он был дорог и, кроме того, ввозился в бочках по 5 и 10 пудов, неудобных для торговли. Бочками его покупали редко, а при открытии товар портился в сыром климате. Западные поставщики завозили сахар в жестяных упаковках не более 20 фунтов весом⁴⁹. В Шанхай в 1881 году ввоз иностранных товаров составил 117 827 тыс. руб., из них из Приморской области ввезли на 45 тыс. руб. В то же время ввоз из Англии составил 40 925 тыс. руб., из Индии — 46 907 тыс. руб., Сингапура 1 267 тыс. руб., Австралии — 719 тыс. руб., Британских владений в Америке — 394 тыс., США — 5 575 и Японии — 6 090 тыс. руб.⁵⁰

Ввоз из Одессы начался в 1882 году, объем его составил 270 рублей. В 1891 году общий импорт иностранных товаров в Шанхай составил 107 619 тыс. руб. Из них из Англии было ввезено товаров на 38 741 тыс. руб., из Индии — на 18 790, Сингапура — на 1 569, британских владений в Америке — на 952 и Австралии — на 438 тыс. руб. Из Приморской области товаров поступило на 41 и из Одессы — на 471 тыс. руб.⁵¹ С вывозом из Шанхая наблюдалась та же закономерность. Позиции России были слабыми. В 1881 году в Европу (кроме России) было вывезено товаров на сумму в 17 118 тыс. руб., в Англию на 22 172 тыс. руб., в США на 13 139 тыс. руб., в Японию на 1 972 тыс. руб., в Индию на 847 тыс. руб., в Приморскую область на 551 тыс. руб. (вывоза в Одессу не было)⁵². В 1892 году в Европу (кроме России) было

⁴⁹ Китайские порты имеющие значение для русской торговли... СПб., 1895. Ч. 1. Текст. С. 40–41.

⁵⁰ Шанхай. Распределение иностранного ввоза в тысячах рублях металлических // Китайские порты имеющие значение для русской торговли... СПб., 1895. Ч. 2. Статистические таблицы. С. 120.

⁵¹ Там же. С. 121.

⁵² Шанхай. Распределение вывоза. В тысячах рублей металлических // Китайские порты имеющие значение для русской торговли... СПб., 1895. Ч. 2. Статистические таблицы. С. 144.

вывезено товаров на 23 322 тыс. руб., в Англию на 9 942 тыс. руб., в США на 9 965 тыс. руб., в Японию на 8 561 тыс. руб., в Индию на 1 8910 тыс. руб., в Приморскую область на 1 141 тыс. рублей и в Одессу на 301 рубль. В 1891 году экспорт в Одессу составил 45 и в Приморскую область 13,3 тыс. руб.⁵³

Главной статьёй грузоперевозок по линии Владивосток — Одесса оставался чай. Кроме Ханькоу и Шанхая, им загружались в Гонконге, также в Коломбо. За чаем по объёму морских перевозок следовала копра. В 1897 году было перевезено 1 453 952 пуда грузов, из них 7 128 пудов цейлонского, 743 428 пудов индийского, 181 188 пудов байхового и 9 049 пудов зеленого чая и 468 224 пуда копры. В 1902 году по линии был перевезен 1 702 481 пуда грузов, из них 237 912 пудов цейлонского, 377 916 пудов байхового и 423 237 пудов зеленого чая (индийский в этом году не перевозили) и 439 727 пудов копры. Шелк-сырец и японские товары уступали этому вывозу многократно. Наивысшие показатели поставок шелка с 1879 года до начала войны с Японией выпали на 1897 год (9 049 пудов, в 1902 году — 2 427 пудов), японских изделий — на 1900 год (56 812 пудов, в 1897 году — 620 и в 1902 году — 16 380 пудов)⁵⁴.

Это были скромные цифры. Для сравнения можно обратиться к данным вывоза шелка только из Шанхая. Тут безусловным лидером оставался законодатель женской моды — Франция. В 1881 году в эту страну были вывезены 92 тыс. пудов шелка, в Англию — 33 и в США 29 тыс. пудов⁵⁵. В 1892 году во Францию было ввезено 147 тыс. пудов шелка, в Англию и Италию — по 11 тыс. пудов и в США — 26 тыс. пудов⁵⁶. Обзор торговли

⁵³ Китайские порты имеющие значение для русской торговли... СПб., 1895. Ч. 2. Статистические таблицы. С. 145.

⁵⁴ Перевезено грузов по линии Владивосток—Одесса за 1879–1912 годах (в пудах) // Добровольный флот. Правление. Отдел коммерческий. Статистика движения грузов и пассажиров. 1912. Пг., 1914.

⁵⁵ Шанхай. Вывоз шелка // Китайские порты имеющие значение для русской торговли... СПб. 1895. Ч. 2. Статистические таблицы. С. 138.

⁵⁶ Там же. С. 139.

с Китаем, совершенный по распоряжению Витте в 1895 году, рисовал заманчивые перспективы: «Первенствующая ныне в торговле нация может уступить свое место другой, могут измениться пути, по которым идут товары, и вообще вся внешняя обстановка торговли...»⁵⁷. КВЖД и ЮМЖД и были такими изменениями. Особые надежды возлагались, конечно, на Дальний. Он должен был стать терминалом Транссиба и КВЖД. Витте надеялся сделать порт главными торговыми воротами северо-восточного Китая: «Будущее Дальнего как торгового города во многом будет зависеть от количества грузов, которые удастся направить к нему по Китайской Восточной железной дороге из Маньчжурии»⁵⁸.

На общий баланс русско-китайской торговли КВЖД почти не повлияла. В 1901 г. общий экспорт Российской империи достиг суммы в 761 582 501 руб., из них ввоз в Китай составил 6 218 185 руб. (не считая вывоза через Владивосток на сумму в 789 300 руб.). Общий объем импорта России в 1901 году равнялся 593 425 456 руб. Вывоз из Китая равнялся 19 281 483 руб. (из них на Кяхту приходилось 12 353 324 руб.). Кроме того, через Владивосток и Приморскую область было ввезено товаров на сумму 6 470 536 руб.⁵⁹ В 1902 экспорт из России вырос до 860 321 932 руб. В Китай было вывезено товаров на сумму 7 787 846 руб. (не считая вывоза через Владивосток — 1 270 336 руб.). Импорт в этом году сократился до 559 150 594 руб., а вывоз из Китая упал до 18 549 156 руб. (Кяхта и Иркутские таможи уже не выделялись в отдельную строку, но все же через сибирские таможи проходили товары приблизительно на $\frac{2}{3}$ 18,5 млн руб.). Кроме того, уверенно рос импорт через Владивосток и Николаевск, в 1902 году

⁵⁷ Китайские порты имеющие значение для русской торговли... СПб., 1895. Ч. 1. Текст. С. 135.

⁵⁸ Нилус Е. Х. Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги. Харбин, 1923. Т. 1. 1896–1923. С. 165.

⁵⁹ Табл. 1. Обороты внешней торговли по участкам государственной границы // Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границам за 1901 год. СПб., 1903.

19 949 004 руб.⁶⁰ При этом по уровню капиталовложений в Китай в 1902 г. Россия занимала второе место после Великобритании — 246,1 млн долларов против 260,3 млн. На третьем месте шла Германия (164,3 млн), затем Франция (91,1 млн), США (19,7 млн). Япония еще имела только 1 млн долларов капиталовложений⁶¹.

Русские деловые круги на Дальнем Востоке ждали окончания строительства КВЖД, но при этом отдавали себе отчет — Россия в основном вывозит продукцию сельского хозяйства, основными статьями ее экспорта в Китай были сахар, табак, керосин и водка. «Торговля мануфактурными товарами (имелись в виду русские товары. — А. О.) в Маньчжурии не имеет под собой солидной почвы. Трудно представить ее широкое развитие»⁶². Собственная промышленность на Дальнем Востоке находилась в зачаточном состоянии, что не могло не сказаться на экспорте⁶³.

В 1903 году русский импорт достиг 1 001 179 194 руб. Вывоз в Китай резко увеличился, но в целом оставался небольшой частью русского экспорта — 20 391 737 руб. (не считая вывоза через Владивосток на сумму 1 512 619 руб.). Импорт в Россию составил 681 670 137 руб., из них по границе с Китаем было ввезено товаров на сумму в 30 967 146 руб. (не считая ввоза через порты Приморской области — 25 869 313 руб.). При этом вывоз через границу с Маньчжурией составил 13 711 022, а ввоз — 22 927 226 руб.⁶⁴

⁶⁰ Табл. 1. Обороты внешней торговли по участкам государственной границы // Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границам за 1902 год. СПб., 1904.

⁶¹ *Вэй Цзы-чу*. Капиталовложения империалистов в Китае (1902–1945). М., 1956. С. 5.

⁶² Наблюдатель. Дальний и Китайская Восточная Дорога // Новый край. Газета, издающаяся в Порт-Артуре. 23 марта 1903 г. №35. С. 2.

⁶³ Сибирский торгово-промышленный календарь на 1905 год. Томск., 1905. С. 153.

⁶⁴ Табл. 1. Обороты внешней торговли по участкам государственной границы // Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границам за 1903 год. СПб., 1905.

Таким образом, с 1898 по 1903 гг. положительное сальдо русской торговли на Дальнем Востоке при росте объема товарооборота так и не было достигнуто. В будущем ничего не изменилось. На Китай в 1901 г. приходилось от 1,3% русского экспорта, в 1903 г. эта цифра выросла до 2,2% и далее почти не росла вплоть до 1908 г., когда она составила 2,3%. Исключение составляет 1906 г. с ростом до 5,3%. Главными потребителями русских товаров оставались Германия — 23,5% экспорта в 1901 г. и 27,9% в 1908 г. и Соединенное Королевство Великобритании и Ирландии — 20,6% в 1901 г. и 22,1% в 1908 г.⁶⁵

На деле «мирное проникновение» только чудом могло не закончиться войной, а экономические успехи курса Витте были весьма сомнительными. КВЖД (вместе с ЮМЖД) была сдана в эксплуатацию 30 июня (11 июля) 1903 г. Это вызвало весьма радостную реакцию в «русской» Маньчжурии⁶⁶. Длина дороги, включая ветку до Порт-Артура, составила 2 400 верст, стоимость проведенных работ — 374 955 598 руб. 12 коп., при недоделках в 57 569 255 руб.⁶⁷ Стоимость версты дороги превысила 150 тыс. руб., при том, что в России она не превышала 60 тыс. руб.⁶⁸ Дорогу пришлось строить в весьма сложных условиях — особо тяжелой задачей было строительство Хинганского туннеля длиной 1 442,25 сажени (3 077,18 метра). Его сооружение проводилось в весьма тяжелых условиях — граниты, сложности с организацией вентиляции, низкие температуры⁶⁹. Условия ра-

⁶⁵ Торнау Н. Н. Итоги внешней торговли России за 1901–1908 гг. по «Обзорам внешней торговли России по европейской и азиатской границам». СПб., 1910. С. 15.

⁶⁶ Порт-Артур, 13 июля 1903 г. // Новый край. Газета, издающаяся в Порт-Артуре. 13 июля 1903 г. №78. С. 1.

⁶⁷ Нилус Е. Х. Исторический обзор... Харбин, 1923. Т. 1. 1896–1923. С. 123.

⁶⁸ Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 310.

⁶⁹ Нилус Е. Х. Исторический обзор... Харбин. 1923. Т. 1. 1896–1923. С. 109–110, 113.

боты здесь были особо тяжелыми⁷⁰. Движение по КВЖД было открыто, но проблем было немало — строительство Хинганского туннеля не было окончено, так же как и строительство Кругобайкальской железной дороги⁷¹.

Изыскание технических возможностей строительства было начато еще в 1887 году по Высочайшему повелению. Строительство по северному обводу озера исключалось: это была зона вечной мерзлоты и безлюдная тайга. Холодные и бесснежные зимы и жаркое сухое лето усложняли строительство⁷². Оно велось через южный берег Байкала, который представлял собой скалистую гряду. Было построено 39 тоннелей, 40 предтоннельных галерей и 16 отдельно стоящих галерей для защиты от обвалов. Кроме того, пришлось строить водотоки, виадукки, лотки, трубы⁷³. Строители возвели 248 мостов и виадуков, 268 подпорок стен. Работы велись в исключительно тяжелых условиях⁷⁴.

Стоимость версты дороги, включая перевозку всего необходимого, была исчислена в 5,621 млн руб.⁷⁵ Строительство одной версты дороги обходилось в 219 717 руб. Временное движение по ЗБЖД планировалось открыть 1 (14) января 1905 г., и до этого поезда приходилось перевозить через озеро на ледокольных паромов. Крупные ледокольные паромы «Байкал» и «Ангара» делали по 2,5 рейса за сутки, перевоза по 28 груженых вагонов и 2 300 человек за рейс. Покупка пароходов

⁷⁰ Корреспонденции. С Манжурии. Письма с дороги, 4 января // Владивосток. 19 января 1903. № 3. С. 6.

⁷¹ *Наблюдатель*. Дальний и Китайская Восточная железная дорога // Новый край. Газета, издающаяся в Порт-Артуре. 1903. №. С. 3.

⁷² Сибирский торгово-промышленный календарь на 1899 год. Томск, 1899. С. 440–443.

⁷³ *Чертюков А.* Кругобайкальская железная дорога — рукотворное ожерелье священного моря. Иркутск, 2020. Т. 1. Краткая история создания. Культурный феномен. С. 21.

⁷⁴ *Филиппова Е.* Кругобайкальская железная дорога // Земля Иркутская. 1997. № 9. С. 64, 68.

⁷⁵ Сибирский торгово-промышленный календарь на 1899 год. С. 450.

(они были построены в Англии по американскому проекту по образцу паромов на Великих озерах, привезены в разобранном виде и собраны на Байкале), строительство специализированных пристаней обошлось в 6 744 340 руб. (сумма, сравнимая с годовыми расходами на нужды армии на Дальнем Востоке) при первоначально запланированной сумме в 3 млн руб. Навигация по озеру была возможной 7 месяцев в году, с середины апреля до середины, в лучшем случае, конца декабря. При нормальной погоде переход занимал 7 часов, но осенью, при сильных ветрах, навигация могла быть невозможной в течение 3–4 дней⁷⁶.

Инженерные проблемы не были самыми сложными задачами. Паровозам был необходим уголь, которого в Маньчжурии было еще недостаточно. Его завозили из французского Индокитая и Австралии, что сказывалось на цене. В Правлении КВЖД надеялись на то, что эксплуатация местных ресурсов создаст возможность предлагать дешевый уголь, что сделает Дальний привлекательной точкой для морского торгового судоходства⁷⁷. На русском Дальнем Востоке месторождения угля были многочисленными, но, как отмечалось в экономическом обзоре, «пласты сравнительно тонки и мало выгодны для разработки»⁷⁸. Только для дороги требовалось до 1 тыс. тонн угля в день, а знаменитые Янтайские копи, в разработку которых к 1903 году

⁷⁶ Путеводитель по Великой Сибирской железной дороге. 1903–1904. СПб., 1904. С. 248–250.; Сибирский торгово-промышленный календарь на 1899 год. С. 449.; История русско-японской войны. СПб., 1909. Т. V. С. 1200, 1203, 1206; Русско-японская война 1904–1905 гг. ... СПб., 1910. Т. I. События на Дальнем Востоке, предшествовавшие войне, и подготовка к этой войне. С. 690–694; Грулев М. Забайкалье (Материалы для военно-статистического обозрения) // Военный сборник. 1898. №10. С. 458.

⁷⁷ №200. Доклад правления КВЖД министру финансов «О торговом и экономическом значении, которое может приобрести г. Дальний, и об условиях, которым надо для сего удовлетворить» // Порт-Артур и Дальний, 1894–1904 гг.: последний колониальный проект Российской империи. Сборник документов. М. ; СПб., 2018. С. 434.

⁷⁸ Сибирский торгово-промышленный календарь на 1905 год. С. 153.

Общество КВЖД уже вложило около 750 тыс. руб., давали около 100–1 225 тонн в день, большая часть добываемого угля шла на местные нужды⁷⁹.

Существовали и другие проблемы. У Мукдена пришлось сделать крюк в 13 верст, чтобы не раздражать местное население, так как здесь находились императорские могилы. Возникли проблемы и с паровозами, так как среди китайцев и маньчжур пошел слух о том, что они движутся после того, как машины смазывают трупным жиром⁸⁰. Все это в немалой степени способствовало успехам пропаганды «боксеров» во время восстания И Хэ-цюань и испортило отношения между русскими и китайцами.

«Китайские события 1900 г., — отмечал Б. А. Романов, — застали Россию в Маньчжурии на полном ходу колоссальных предпринятых ею там строительных работ»⁸¹. Многие из них были разрушены. Охранные части, даже усиленные 5 железнодорожными батальонами, не смогли справиться с ситуацией. Финансовые потери только от разрушения уже построенных участков КВЖД составили 70,1 млн рублей. Контроль над большей частью КВЖД и ЮМЖД был потерян. Основные силы стражи под командованием генерал-майора А. А. Гернгросса и его заместителя полковника П. И. Мищенко были блокированы в Харбине в течение двух недель, с 1 по 15 (с 14 по 28 июля)⁸².

И после подавления восстания безопасность на железной дороге была весьма хрупкой. Нападения хунхузов стали обыч-

⁷⁹ Козлов В. Янтайские каменноугольные копи // Новый край. Газета, издающаяся в Порт-Артуре. 13 июля 1903 г. №78. С. 3.

⁸⁰ Демчинский Б. Россия в Маньчжурии (по неопубликованным документам). СПб., 1908. С. 104–105.

⁸¹ Романов Б. А. Россия в Маньчжурии (1892–1906). С. 240.

⁸² Суров А. Краткий исторический очерк образования Амурского казачьего войска и настоящее его состояние // Военный сборник. 1900. №10. С. 354; Соколова А. Воспоминания о погроме в Маньчжурии по линии Восточно-Китайской железной дороги в 1898 году // Исторический Вестник. 1906. №12. С. 817.

ным делом⁸³. Они действовали даже во Владивостоке⁸⁴. Город появился в 1860 году, когда здесь высадился первый небольшой десант с военного транспорта «Манджур» — команда из 40 солдат под командой прапорщика. В 1865 году сюда также на военном транспорте были доставлены первые 175 переселенцев. В 1868 году здесь было 35 частных и 22 казенных дома, 20 фанз, 516 жителей, из них 36 — китайцы⁸⁵. В 1883 г. население выросло до 9 167 чел., из них 3 678 были военными, 5 625 православными и 2 842 буддистами⁸⁶. В 1900 г. китайское население Владивостока составляло от 8 до 10 тыс. чел. и среди них было немало людей, готовых укрыть бандитов⁸⁷. Следует учесть, что во Владивостоке в 1900 г. проживали 32 тыс. чел. При этом всего в это время в Приморской области жили 210 тыс. русских подданных, 36 тыс. китайцев, 11 тыс. корейцев и 2 тыс. японцев⁸⁸. В 1902 г. во Владивостоке проживали уже 36 тыс. чел., из них буддистами, конфуцианцами и синтоистами были 10 800⁸⁹. Китайцы уверенно преобладали среди них — 6 тыс. мужчин и 200 женщин (корейцев было 1 800 мужчин и 400 женщин, японцев 1 200 мужчин и 1 100 женщин). В Хабаровске с его 15 тыс. жителей жили 1 500 китайцев и 10 китайнок, 200 корейцев и 40 кореянок, 100 японцев и 200 японок⁹⁰. Такая диспропорция среди японского населения связана с проституцией, которой занимались японки.

⁸³ Корреспонденции. С Манджурии. Письма с дороги, 4 января // Владивосток. 19 января 1903 г. № 3. С. 5.

⁸⁴ Владивосток, 16 февраля // Владивосток. 16 февраля 1903 г. № 7. С. 1.

⁸⁵ Справочная книга города Владивостока с дополнительными сведениями о Дальнем Востоке. Хабаровск, 1902. С. 3–4.

⁸⁶ Воробьева Е. И. Перепись населения г. Владивостока 13 марта 1883 года // Записки клуба «Родовед». Владивосток, 2001. Вып. 5. С. 16–17.

⁸⁷ Владивосток, 16 февраля // Владивосток. 16 февраля 1903 г. № 7. С. 1.

⁸⁸ Всеподданнейший отчет Приамурского генерал-губернатора генерала от инфантерии Гродекова. 1898–1900. Хабаровск, 1901. С. 1–2.

⁸⁹ Сибирский торгово-промышленный календарь на 1905 год. С. 146.

⁹⁰ Там же. С. 147.

Численность китайского населения Маньчжурии быстро росла. Опасность потери северо-восточных провинций привела к тому, что Цинское правительство стало допускать сюда ханьцев. В 1860 году китайцам разрешили селиться к северу от Харбина, в 1878 году в Маньчжурии разрешили проживать китайцам⁹¹. Рост китайского населения вскоре почувствовали на границе с Россией. В Южно-Уссурийском крае в 1890 г. проживало около 20 тыс. русского населения в сельской округе, из них 5 тыс. — старожилов⁹². Многие из них понимали: противопоставить наплыву китайцев нечем. Русский путешественник записал эти настроения: «Ничем его не остановить. Трудно расейскому человеку бороться с такою силою несметною...»⁹³. После занятия русскими Квантунской области процесс переселения китайцев в Маньчжурию резко активизировался. Пустующие земли активно распродавались правительством по низкой цене и заселялись крестьянами-переселенцами. Росло население городов⁹⁴. Уже в начале XX века в ряде провинций сформировалось устойчивое китайское большинство — до 2/3 населения⁹⁵.

Рентабельным предприятием, как этого хотел Витте, КВЖД так и не стала. В 1897 г. доходы из района концессии составили 9,6 млн рублей, а расходы, необходимые на строительство, эксплуатацию и обеспечение работы дороги, — 92,7 млн рублей, к 1900 г. эти показатели выросли соответственно до 21,9 и 263,6 млн рублей⁹⁶. При этом для акционеров Русско-Китайского банка предприятие было выгодным — дивиденды акций постоянно росли. В 1897 г. они составили 7 руб. 50 коп.,

⁹¹ Тягин Г. Перспективы колонизации Маньчжурии // Морской журнал. 1929. № 7. С. 75.

⁹² Елисеев А. В. Отчет о поездке на Дальний Восток. СПб., 1890. С. 15.

⁹³ Там же. С. 11.

⁹⁴ У. Колонизация Маньчжурии и Монголии // Новый край. Газета, издающаяся в Порт-Артуре. 13 апреля 1903 г. №41. С. 2–3.

⁹⁵ Демчинский Б. Россия в Маньчжурии... С. 166.

⁹⁶ McDonald D. United Government and foreign policy in Russia 1900–1914. Harvard University Press Cambridge, Massachusetts, London, 1992. P. 13.

в 1898 г. — 13 руб., в 1899–1900 гг. — 15 руб.⁹⁷ Провал гигантских планов Витте в отношении «мирного освоения» или «мирного проникновения» особенно очевиден на примере порта Дальний на Квантунском полуострове. Согласно статьям 99 и 100 главы 4 Высочайше утвержденного Временного Положения об управлении Квантунской области от 16 (28) августа 1899 г., устройство города Дальнего передавалось Обществу КВЖД, а сам город образовывал особое градоначальство, находившееся в ведении министра финансов⁹⁸. В Квантунской области в 1901 г. проживало 225 813 китайцев, из них 55 587 в городах и 170 226 в сельской округе. Русское гражданское население до 1900 года не превышало 1 тыс. чел., в ходе боксерского восстания оно увеличилось более чем в 10 раз и в 1901 году составило 10 326 чел.⁹⁹

План строительства Порт-Артура был Высочайше утвержден 19 мая 1901 года¹⁰⁰, указ о начале строительства нового торгового города, которому было дано имя Дальний, последовал 30 июля 1899 года. Город был объявлен свободным для торговли, с ним связывались большие надежды¹⁰¹. В недалеком будущем в Дальнем надеялись создать аналог Гонконга, Шанхая или Сан-Франциско. На градоначальство для начала было выделено сразу 92 кв. версты¹⁰². Решение сложных задач, (а Дальний по планам должен был перетянуть на себя грузы из близлежащих китайских портов, в том числе и из Инкоу), требовало быстрого

⁹⁷ Нилус Е. Х. Исторический обзор... Харбин, 1923. Т. 1. 1896–1923. С. 20.

⁹⁸ Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Собрание третье. СПб., 1902. Т. 19. 1899. №17 513. С. 956.

⁹⁹ №121. Из всеподданнейшего отчета Главного начальника Квантунской области генерал-адъютанта Е. И. Алексеева за 1900–1901 гг. // Порт-Артур и Дальний, 1894–1904 гг. ... С. 244.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Ежегодник Министерства иностранных дел 1900. СПб., 1900. С. 301–302.

¹⁰² Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны. СПб., 1912. Кн. 1. Действия флота на Южном театре от начала войны до перерыва сообщений с Порт-Артуром. С. 35.

решения вопросов. Современники сомневались, что, руководя городом, отдаленным от министерства на 10 тыс. верст, их можно было решить¹⁰³.

Между тем проблемы были многочисленными. Для города была выбрана «прекрасная здоровая местность, вдали от укреплений». Для строительства порта по первоначальным планам весной 1898 г. предполагалось потратить около 11 млн рублей¹⁰⁴. Через год эта сумма выросла до 13 млн рублей¹⁰⁵. Расходы, вложенные в город, глава министерства планировал вернуть в ближайшее время от выручки с продажи земли в частные руки¹⁰⁶. 27 марта (9 апреля) 1902 г. он подписал правила об организации этих торгов¹⁰⁷. Бума не последовало. «Был в Дальнем, — писал инженер-генерал А. П. Вернандер Куропаткину 16 апреля 1901 г., — видел место, куда широкой волной текут миллионы для выполнения затей, польза от которых еще очень сомнительна»¹⁰⁸. Порт планировали на прием грузов в размере до 190 млн пудов¹⁰⁹. В 1901 году во Владивосток пришло 439 судов, которые привезли 20 954 000 пудов груза, а ушло 430 судов с 4 043 000 пудов груза. В Николаевск пришло 89 судов с 1 907 000 пудов груза, и ушло 89 судов с 470 500 пудов груза¹¹⁰.

5 (17) февраля 1899 года было Высочайше утверждено первое дополнение к Уставу Общества КВЖД — создавалось

¹⁰³ *Наблюдатель*. Дальний и Китайская Восточная железная дорога // Новый край. Газета, издающаяся в Порт-Артуре. 1903. №. С. 3–4.

¹⁰⁴ №184. Телеграмма Кербедза и Юговича в Министерство финансов. Порт-Артур, 23 мая/4 июля 1898 г. // Порт-Артур и Дальний, 1894–1904 гг. ... С. 394.

¹⁰⁵ №205. Записка Витте в Комитет Сибирской железной дороги о предполагаемых расходах на сооружение Дальнего. 25 мая/7 июня 1902 г. №294. Секретно // Порт-Артур и Дальний, 1894–1904 гг. ... С. 459.

¹⁰⁶ *Нилус Е. Х.* Исторический обзор ... Харбин, 1923. Т. 1. 1896–1923. С. 166.

¹⁰⁷ Временные правила о продаже и отдаче в аренду с торгов участков в гор. Дальнем // Правительственный вестник. 11 (24) мая 1902 г. №104. С. 1–2.

¹⁰⁸ №198. Из письма Вернандера Куропаткину. Порт-Артур, 16/29 апреля 1901 г. // Порт-Артур и Дальний, 1894–1904 гг./ ... С. 427.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Сибирский торгово-промышленный календарь на 1905 год. С. 153.

морское пароходство КВЖД, которое должно было обеспечить рейсы между портами Дальнего Востока, Китая, Японии, Кореи, Западной Европы и европейской России. «Ближайшее определение линий, по коим должны совершаться рейсы, предоставляется Правлению Общества, которое устанавливает их с одобрения Министра Финансов». (§ 3)¹¹¹. Реально оно было создано еще 12 (24) июня 1898 года, пароходство установило регулярные рейсы (3 раза в месяц) между Владивостоком и Порт-Артуром (часть из них с заходом в корейские порты Гензан, Фузан и Инчхон)¹¹². Только с 1 (13) апреля 1898 по 1 (13) января 1900 года оно перевезло в Дальний 36 тыс. чел. и 1 275 000 пудов грузов¹¹³. До планируемых 190 млн пудов было весьма далеко. В 1898 г. грузооборот самого крупного в России Петербургско-Кронштадтского порта составил 164 млн пудов, Рижского в 1896 г. — около 72 млн пудов. Вывод Вернандера был достаточно трезв: «Работы Дальнего скороспелы, недостаточно обдуманы. Тратят миллионы, не стесняясь величиной расходов»¹¹⁴.

Ведомство, возглавляемое С. Ю. Витте, так и не опубликовало свои расходы по созданию этого города. Только лишь один раз в 1903 г. была названа цифра 18,85 млн рублей — как «общая стоимость работ первой очереди по сооружению города и порта в Дальнем». Были и другие расчеты, включавшие общую стоимость работ. К их окончанию они должны были обойтись в 57 млн рублей, а так как в 1904 г. объем был

¹¹¹ Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Собрание третье. СПб. 1902. Т. 19. 1899. №16459. С. 109.

¹¹² Справочная книга города Владивостока с дополнительными сведениями о Дальнем Востоке. Хабаровск, 1902. С. 299–300.

¹¹³ Витте С. Ю. Министерство финансов. Канцелярия. 2 июня 1900 года. №136. О положении работ по сооружению Китайской Восточной железной дороги и по постройке коммерческого порта и города Дальнего, а также о положении морского пароходства названной дороги в водах Тихого океана. [СПб., 1900.] С. 46.

¹¹⁴ №198. Из письма Вернандера Куропаткину. Порт-Артур, 16/29 апреля 1901 г. // Порт-Артур и Дальний, 1894–1904 гг. ... С. 427.

выполнен на $\frac{3}{4}$, то реальная сумма затрат в Дальнем приблизительно равнялась 43 млн рублей, т. е. более чем в 2 раза более заявленной Министерством финансов суммы. По самым оптимальным расчетам население этого города, возникшего на абсолютно пустом месте, должно было вскоре составить 400 тыс. человек. Любимое детище С. Ю. Витте начали создавать с порта и административного городка, постройки которого представляли собой некую помпезную смесь «готически-китайского стиля». Порт-Артурская газета «Новый Край» имела все основания отозваться о Дальнем следующим образом: «полет фантазии русского чиновника в область романтизма»¹¹⁵.

К 1903 году в городе не было ни одного готового частного дома и действовало всего 15 русских и 75 японских торговых заведения. При этом в городе, очевидно для оживления торговли, планировалось открыть католическую кафедру, не подчиненную русскому католическому управлению, в нем решили поселиться еврейам¹¹⁶. Ничего не помогало. Внимание к Дальнему отвлекало силы от Порт-Артура. Здесь тоже планировалось строительство дорог, театров, библиотеки, школ, водопровода, канализации и т. д. «Одной из причин, задерживающих развитие и устройство г. Порт-Артура, — отмечал в докладе за 1900–1901 гг. начальник Квантунской области ген.-ад. в.-адм. Е. И. Алексеев, — являлось отсутствие утвержденного плана нового города и проистекавший от сего крайний недо-

¹¹⁵ *Тиреер*. Порт-Артур и его интересы до учреждения наместничества. // Военный сборник. 1904. № 3. С. 191, 193; *Тимченко-Рубан Г. [И.]* Нечто о Порт-Артуре и вообще об организации крепостной обороны // Военный сборник. 1905. № 6. С. 113, 120, 125–126; Высочайше утвержденное положение Совета министров о производстве с Обществом Китайской Восточной железной дороги расчета по отошедшей к Японии части названной железной дороги, по морскому пароходству этого Общества и по устройству им гор. Дальнего и порта в этом городе // Известия МИД. СПб., 1912. № 2. С. 52.

¹¹⁶ *Тиреер*. Порт-Артур и его интересы... // Военный сборник. 1904. № 3. С. 196–197.

статок жилых помещений»¹¹⁷. Наличие такого плана мало что изменило. Обзор этого города за 1902 год гласил: «Надо сказать, что покамест настоящий Порт-Артур, который мы, главным образом, имели в виду при составлении предлагаемого обзора, существует лишь на плане, утвержденном Государем Императором»¹¹⁸.

В городе успели построить 2 больницы, одна из которых специализировалась на венерических больных — это были проститутки японки и китаянки. За 1902 год в больнице было 30 678 пациенток, по 84,2 в день¹¹⁹. При этом на начало 1904 года в Порт-Артуре проживали 42 465 человек (не считая военнослужащих), из них 4 297 женщин и 3 455 детей, 17 709 русских и 23 494 китаец. В отличие от Дальнего здесь развернулось не только казенное строительство, и к 1903 году в городе было 3 263 дома (из них 360 частных) с 5 186 квартирами. В Порт-Артуре к этому времени действовало 700 торговых домов и коммерческих фирм, даже извозчиков здесь было 160 (в Дальнем — 2).

Объяснение этому само простое — основным потребителем услуг и товаров на Квантунском полуострове оставался человек в погонах. «Мирное экономическое проникновение» в Китай, о котором мечтал Витте, было замкнутым кругом казенных трат. Доктринерское положение о том, что «коммерция не может ужиться рядом с серой шинелью», не уживалось с жизнью. Не только в далеком Квантуне, но и в России¹²⁰. Признать это, очевидно, не хотелось. Дальний был объявлен конечным пунктом ЮМЖД, но 90% пассажиров следовали далее, по участку Дальний — Порт-Артур, объявленному «веткой». Очевидно, и этого оказалось недостаточно, и в 1902 году все пароходы

¹¹⁷ №121. Из всеподданнейшего отчета Главного начальника Квантунской области генерал-адъютанта Е. И. Алексеева за 1900–1901 гг. // Порт-Артур и Дальний, 1894–1904 гг. ... С. 239.

¹¹⁸ Краткий обзор городских дел за 1902 год // Новый край. Газета, издающаяся в Порт-Артуре. 1 января 1903 г. № 1. С. 3.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Экономическое значение войск для городов // Разведчик. 1895. №221. С. 221.

общества КВЖД, обслуживавшие линии Квантун — Нагасаки и Квантун — Владивосток, получили распоряжение разгрузаться исключительно в Дальнем, не заходя в Порт-Артур¹²¹. Вместе с этим планировалось открыть в Дальнем китайскую таможенную, что окончательно оформило бы как центр экспорта и импорта в Квантун. Это решение вызвало тревогу у представителей фирм, действовавших в Порт-Артуре, т. к. приводило к необходимости переселяться в полупустой Дальний¹²². С 1 января по 1 декабря 1902 года таким образом город Порт-Артур вынужден был получить через Дальний 38 568 тонн и 66 904 места различных грузов. За перегрузку и использование «ветки» приходилось платить¹²³.

Доходная часть бюджета 1902 г. составила 1 809,2 млн руб., расходы — 1 793,7 млн руб.¹²⁴ В 1903 году наметилось чувствительное превышение расходов Империи над доходами: 1 892,2 млн руб. доходов и 1 897,8 млн руб. расходов. Доходы главным образом выросли за счет продажи путей и дохода от казенных железных дорог. Государственный Совет счел необходимым увеличить доходы на 4,3 млн руб. и сократить расходы на 17,4 млн руб.¹²⁵ В начале 1903 года наметилось и сокращение финансирования дальневосточного проекта. Результат был неизбежен. Порт-Артурская газета «Новый край» отметила это: «Наши центры — Артур, Дальний и Харбин — переживают какую-то весьма неприятную стадию своего развития:

¹²¹ *Тиреер*. Порт-Артур и его интересы до учреждения наместничества // Военный сборник. 1904. № 1. С. 188

¹²² Совещание представителей местной торговли по поводу открытия в Дальнем китайской таможни // Новый край. Газета, издающаяся в Порт-Артуре. 1 января 1903. № 1. С. 3.

¹²³ *Дессино*. Порт-Артур // Разведчик. 1900. №489. С. 200; *Тиреер*. Порт-Артур и его интересы до учреждения наместничества // Военный сборник. 1904. № 3. С. 196–199.

¹²⁴ Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1902 год. СПб., 1903. С. 1.

¹²⁵ Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1903 год. СПб., 1904. С. 1–2.

всюду чувствуется отсутствие денег, застой в делах»¹²⁶. Владивостокский биржевой комитет обратился к министру финансов с просьбой закрыть ветку КВЖД от Мукдена до Харбина для товарного движения для того, чтобы защитить Владивосток от конкуренции, так как порт явно начал хиреть ввиду падения грузооборота¹²⁷.

Пресловутое *penetracion pacifique* С. Ю. Витте так и не дало заметных результатов во внешнеторговых связях России. На Дальнем Востоке гораздо быстрее увеличивались армия и флот. С 1895 по 1903 годы русские силы здесь прошли путь от 20 до 168 батальонов с приданными им частями — в Сибирском и Приамурском округах к 1903 году находились уже 4 Сибирских корпусов и 2 отдельные дивизии¹²⁸.

¹²⁶ Порт-Артур, 30-го марта 1903 г. // Новый край. Газета, издающаяся в Порт-Артуре. 30 марта 1903 г. №37. С. 1.

¹²⁷ *Наблюдатель*. Горе Владивостока // Новый край. Газета, издающаяся в Порт-Артуре. 28 мая 1903 г. №58. С. 1.

¹²⁸ *Мышлаевский А. З.* 1900–1901 гг. Военные действия в Китае. СПб., 1905. Ч. 1. С. 16.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ КАВКАЗА XX ВЕКА

Геологическая судьба отвела Кавказу уникальную нишу, увековечив его в роли связующего звена между севером и югом, востоком и западом. На протяжении тысячелетий он был перекрестком миграционных дорог, хранителем целой мозаики археологических культур, местом встречи цивилизаций, полем их конфликтов и поиска согласия. Два моря, омывающие берега Кавказа, со временем превратили его в торгово-транспортную систему мирового значения.

Еще античные авторы, описывая Кавказ, никогда не считали его целостным понятием ни в природно-географическом, ни в этнокультурном плане. Не было этой целостности ни к северу, ни к югу от Большого Кавказского хребта. Долгая история формирования реального, логического единства Кавказа началась с того времени, когда он стал объектом соперничества между крупными державами: Грецией, Римом, Византией, Персией, Османской империей. То есть военно-геополитическим объектом.

В полной мере Кавказ достиг такой «объектности» внутри геополитического треугольника «Россия — Турция — Иран», образовавшегося в XVI столетии в рамках процесса, носившего скорее искусственный, чем естественный, характер. Соперничество этих государств сделало Кавказ частью системы международных отношений сначала регионального, затем европейского и, наконец, мирового масштаба. Образно выражаясь, именно заточение в этом «треугольнике» дало основания употреблять понятие «Кавказ» в собирательном политическом

смысле. Внешний геополитический контур помог внести определенность в категориальный аппарат, связанный с политической и цивилизационной идентификацией пространства между Черным морем и Каспием.

Остатки аморфности в понятии «Кавказ» окончательно исчезли с включением его в состав Российской империи, где он находился с 1829 по 1918 г. Однако даже этот законный статус не оградил Кавказ от османского реваншизма, время от времени провоцируя там опасные международные кризисы и войны. Пожалуй, их главным генератором была Великобритания, вынашивавшая обширные планы отторжения Кавказа от России под предлогом защиты Индии от «русской угрозы». Эти планы стали частью «большой игры» в Азии, в которой Лондон использовал целый ряд практических инструментов (военная, финансовая, дипломатическая помощь иранскому шаху и турецкому султану; поддержка горцев в Кавказской войне; агентурная деятельность; заявления о том, что в международно-правовом плане кавказский вопрос остается открытым; методичные усилия по созданию антирусских коалиций с намерением повторить Крымскую войну; прямая оккупация стратегически важных районов Кавказа)¹.

С подписанием русско-британского соглашения 1907 года о разграничении сфер влияния в Персии в «большой игре» наступила пауза, без которой невозможно было сформировать Антанту. Но союзнические отношения между Лондоном и Москвой не избавляли их от глубокого недоверия друг к другу.

К концу XIX века традиционное военно-стратегическое значение Кавказа дополняется его стремительно растущей ролью в европейской экономике. Не случайно в годы Первой миро-

¹ Дегоев В. В. Кавказ и великие державы 1829–1864 гг. Политика, война, дипломатия. М.: «Рубежи XXI», 2009; Дегоев В. В., Стамова И. И. Приз для победителя. Международное соперничество на Кавказе в первой трети XIX века. Под ред. А. В. Серегина. М.: «МГИМО-Университет», 2013; Seton-Watson R. W. Disraeli, Gladstone and the Eastern Question. A Study in Diplomacy and Party Politics. N. Y.: The Norton Library, 1972. P. 99, 193, 217–218, 240–243, 417–419, 423–426.

вой войны он занял важное место в планах как противников, так и союзников России.

Бурные события 1914–1921 гг. и распад Российской империи обернулись для Кавказа кровавым хаосом, иностранной интервенцией, провальными государственно-политическими экспериментами, устроенными местными националистическими силами и заведомо предполагавшими массовые этнические чистки². С выходом из войны в 1918 году Россия перестала быть союзником Англии по Антанте, что дало Лондону неожиданную возможность возобновить «большую игру». Но прежде русская армия, наголову разбив турок, овладела Эрзерумом, Трапезундом, Ваном, Эрзинджаном, Битлисом. Казалось, судьба войны предreshена. Уже даже началось хозяйственное освоение османских территорий, которые по соглашению с Антантой подлежали включению в состав Российской империи... Если бы Российская империя не стала разваливаться под влиянием революционных волнений в Петрограде и Москве, быстро охвативших всю страну и в конце концов приведших к заключению Брестского мира.

В покинутом русскими Закавказье поднялась смута. Имперские государственные институты прекратили свое существование. Разразились межэтнические конфликты, переплетавшиеся с социально-политическими. В первом случае подчас трудно было определить, кто против кого. Во втором — кто за что. Огрубляя ситуацию, можно сказать, что основная линия противостояния разделяла революционно-большевистские и революционно-националистические силы. А между ними — растерянные и дезориентированные массы, поддержку которых хотели завоевать и те и другие, применяя любые средства. Для преодоления хаоса обе стороны предпринимали лихорадочные усилия по воссозданию государственности, но в соответствии с диаметрально противоположными проектами. Большевики собирались строить тысячелетнее царство справедливости для трудящихся. Их оп-

² *Kazemzadeh, Firus. The Struggle for Transcaucasia (1917–1921). Westport : Hyperion Press, 1981.*

поненты — национально-буржуазные государства по далеко не беспорочному европейскому образцу. Идеологическое и пропагандистское преимущество было на стороне большевиков, которым нетрудно было объяснить народу, что они выступают против общества, разделенного на эксплуататоров и эксплуатируемых. Кроме того, по сравнению с только что утраченной сильной имперской властью, обеспечивавшей защиту, порядок и привычный уклад жизни, новорожденные закавказские буржуазные государства выглядели как кукольные, опереточные декорации. Они были не способны гарантировать ни внутреннюю, ни внешнюю безопасность. Своими авантюрическими боевыми операциями по перекройке этнических границ они лишь умножали хаос и панику.

Турки не могли поверить своему счастью. Перед ними, еще недавно стоявшими на краю гибели, открылось благодатное поприще для реванша. Турецкое вторжение в Закавказье не заставило себя ждать. Разгромив армянские и грузинские ополчения, османские войска в конце мая 1918 года подошли к Тифлису. Но тут вмешалась Германия, которая ясно дала понять, что не собирается предоставлять союзникам полную свободу действий. Регион был разделен на сферы влияния. Немцы взяли себе Грузию, установили там оккупационный режим и приступили к настоящему грабежу. До конца года они вывезли на 30 млн марок марганца, меди, продукции сельского хозяйства.

Туркам Германия позволила действовать в Восточном Закавказье. В середине сентября 1918 года они заняли Баку, а оттуда начали наступление на Дагестан, где были остановлены военными отрядами под руководством местных большевиков.

После капитуляции австро-германского блока в ноябре 1918 года Кавказ, по соглашению между Англией и Францией, попал под контроль англичан. В 1918–1920 гг. они оккупировали часть территорий Закавказья, Северного Кавказа, восточное побережье Черного моря, рассматривая все это как военно-стратегический, политический и экономический плацдарм для расчленения Российской империи, неважно — красной или белой. Дух «крестоносцев», избавляющих мир от большевистской

заразы, также не был чужд британским интервентам³. Большевизм был ненавистен англичанам не только потому, что он воспринимался как угроза западной цивилизации, но скорее потому, что вокруг этой идеологии спланивались массы. Их воля, энергия и воодушевление могли превратить Россию в одно из самых могущественных государств, способных влиять на весь мир и особенно Азию. Лондон был исполнен решимости предотвратить этот кошмарный сценарий. Не испытывал он симпатии и к идее Деникина о единой и неделимой России, поддерживая генерала лишь как орудие борьбы с большевизмом и наименьшее зло. Британские планы, похоже, были столь же банальны, как и бесчисленные прецеденты истории: руками Деникина избавиться от большевиков (включая физическое устранение их лидеров), а затем, неважно каким способом, заменить Деникина менее строптивым ставленником. Англии нужна была Россия, выведенная из хаотического состояния и возвращенная в традиционную систему международных отношений, но в ослабленном и, очень желательно, расчлененном виде. Какой бы патологичной ни была ненависть к большевикам таких политиков, как Черчилль, сама по себе она не могла служить горячим материалом для столь масштабной британской интервенции. Требовалась гораздо более веская мотивация, основанная не только на идеологии и эмоциях.

Большинство западных историков утверждают, что в 1917–1920 гг. внезапно возникшие обстоятельства заставили Лондон решать краткосрочные «тактические» (*ad hoc*) задачи — свержение новой кремлевской власти и, до капитуляции Германии и Турции, восстановление русско-германского и русско-турецкого фронтов. Обвинения в стремлении разделить Россию на сферы влияния — не более чем целенаправленная большевистская пропаганда, проникшая впоследствии в советские исторические труды.

Чтобы усомниться в этом, не нужны секретные документы Форин офис, многие из которых не обнародованы до сих

³ *Lauri Kopisto*. The British Intervention in South Russia 1918–1920. (Academic Dissertation). Helsinki, 2011. P. 28–29, 59–60, 128.

пор, что, естественно, наводит на определенные мысли. Официальный, никем не скрываемый раздел России между Англией и Францией в 1918 году — факт, не требующий раскритикования. Очевидно и другое. Влиятельные представители британской правящей элиты были убеждены, что контроль над Южной Россией и над стратегическими коммуникациями между Черным морем и Каспием нужно непременно держать в собственных руках как средство защиты Индии. Вопрос о ее безопасности нужно закрыть раз и навсегда независимо от того, существовала ли когда-либо «русская угроза» или нет. Это не означает, что в Лондонском кабинете не слышны были трезвые голоса, призывавшие осознать немыслимые масштабы задачи расчленения России. Однако исторические воспоминания (о той же Крымской войне) искушали Англию попытать свое счастье еще раз и одержать наконец победу в «большой игре».

Большие подозрения на этот счет испытывал Деникин, который охотно соглашался на получение британской военной помощи, но категорически противился распространению британского политического влияния на Кавказ. Его возмущению не было предела, когда ему стало известно об англо-французском соглашении о сферах влияния, как будто речь шла о колониальном разделе каких-то африканских территорий. Перед английским генералом Бриггсом, попытавшимся говорить с Деникиным в ультимативном тоне, напрямую был поставлен вопрос: «Кто приглашал англичан на Кавказ? Уж не нацелились ли вы, по примеру немцев, на бакинскую нефть?» На требования Бриггса прекратить боевые действия против грузинских меньшевиков-сепаратистов фактически последовал ответ: «Это не Ваше дело»⁴.

Намерения англичан в отношении Кавказа весьма символическим образом подтверждали послужные списки находившихся там военных. Многие из них имели богатый опыт административного управления Индией. Сквозь призму «колониально-го менталитета» они не видели никакой разницы между своей

⁴ Lauri Kopisto. The British Intervention in South Russia 1918–1920. P. 81.

прежней работой и тем, что им следовало делать на Кавказе. Их высокомерное поведение осложняло политические задачи Лондона⁵.

Стоит заметить, что сложность ситуации, запутаться в которой было немудрено, придавала британской политике на Кавказе изрядную долю противоречивости. С одной стороны, Лондон поддерживал отделение закавказских квазигосударств от России. С другой — помогал Деникину, непоколебимому приверженцу идеи единой державы. Впрочем, есть все основания предполагать, что после падения власти большевиков эта помощь прекратилась бы тотчас. «Мавру» пришлось бы уступить свое место лидеру, которого англичане, скорее всего, собирались наделить другой миссией — быть прилежным проводником их интересов на Кавказе. Деникин для этой роли не подходил никак. В Лондоне не сомневались: одолей он большевиков, следующим его шагом было бы возвращение закавказских государств в состав российского государства, и это сломало бы британские планы. Если англичане рассчитывали найти такого авторитетного лидера, который не помешает, а поможет им, то они заблуждались. Заблуждались еще и потому, что аналогичные примеры из истории европейского колониализма были к России неприменимы.

Британские планы на Кавказе потерпели крах не потому, что они были плохо продуманы (как считают многие западные историки), а помощь Деникину была недостаточной. Белое движение получило от Англии такое количество современного вооружения, которое превышало возможности пустить его в ход⁶. Дело в другом. Поток событий обретал такое русло, где материальное, моральное, социально-идейное преимущество постепенно переходило к большевикам, опиравшимся на растущую поддержку многонационального кавказского населения. Не было более фатального фактора, способного предрешить победу одних и поражение других. Если бы исход иностранной ин-

⁵ Ibid. P. 135–136.

⁶ Lauri Kopisto. The British Intervention in South Russia 1918–1920. P. 182.

тервенции на юге России определялся только военно-техническим превосходством англичан, совершенно безоговорочным, то Кавказ был бы потерян для кремлевского руководства за несколько месяцев или даже недель. Однако в том-то и проблема, что в таких войнах побеждают не новейшее оружие, а сложные исторические закономерности, которые в данном случае работали на большевиков. Среди этих закономерностей — фактор решительного неприятия британских колониальных замыслов и со стороны красных, и со стороны белых.

После окончания гражданской войны Советская власть видела свою задачу в восстановлении по сути имперской державы, но с иным политическим, социально-экономическим и идеологическим содержанием. На других основах осуществлялось и национально-государственное строительство, итоги которого были закреплены в уникальной мегаструктуре под названием СССР. Кавказские народы стали органичной частью советской сверхдержавы, движущей силой процесса ее становления и развития. Советская сверхдержавная идентичность, чувство полной причастности всех и каждого на своем месте к созданию исторически беспрецедентного общества долгое время служили могучей скрепой для народов нашей страны. Это неформальное, духовное, соборное единение на пути к великим целям ярко символизировали и «лица кавказской национальности», внесшие бесценный вклад в советскую науку, технику, экономику, культуру. Имя им легион.

Прочность политического фундамента СССР, помимо прочего, обеспечивалась многонациональной властно-управленческой элитой, организованной в форме почти идеально собранной вертикальной конструкции, опиравшейся на местные, низовые административные структуры в виде областных, городских, районных, поселковых Советов. Именно они являлись не только инструментами власти, но и представительными институтами гражданского общества, решавшими жизненно важные вопросы в совершенно конкретной социокультурной и этнической среде.

Западные «младосоветологи» 1920-х годов предрекали Советскому Союзу скорую гибель. От этих прогнозов не отказы-

вались и позже. Но поскольку «мертворожденный» гигант Евразии и не думал умирать, европейским и американским интеллектуалам пришлось взяться за более глубокое изучение этого феномена, а не выдавать желаемое за действительное.

Пока «советологи» анализировали постреволюционную ситуацию на Кавказе в прогностическом ключе, западные военные, разведчики, люди из высоких политических кругов работали над конкретными планами отторжения Кавказа от СССР, продолжая видеть в этом регионе самое слабое звено советской имперской системы. Планы рассчитывались на перспективу, близость или отдаленность которой пытались предугадать в контексте развития внутривнутриполитических и международных факторов. Все это осуществлялось в каком-то смысле впрок, в рамках рутинной работы, характерной для государств, не слишком дружелюбных друг к другу, но вынужденных придерживаться определенного уровня дипломатического прагматизма, коль скоро они не находятся в состоянии войны.

В 1930-е годы отношение Запада к СССР как к «выжившей империи» постепенно меняется. Невиданные темпы ее экономического роста, создавшего предпосылки для ускоренного военного строительства, вынудили западные правительства уже не формально (как в 20-е годы), а реально признать в СССР крупного геополитического игрока. Вопрос о том, как его использовать исключительно в собственных интересах, превращался, в условиях нарастания угрозы войны в Европе, в головную боль для всех. На европейской шахматной доске началась затяжная непредсказуемая партия со смертельными ставками.

Старозаветная идея «сдерживания» России (в виде ли Московии, Российской империи, Советской России или СССР) потенциально никогда не исчезала из геополитической философии Запада. Шведский барьер на севере, великопольский в Центральной Европе, «восточный барьер» под эгидой Франции, англо-французский «санитарный кордон», «Междуморье» Пилсудского, военно-политические блоки НАТО и СЕНТО (Организация Центрального Договора, *англ.* The Central Treaty Organization) — лишь исторические разновидности по сути оди

ной и той же идеи. Эти геополитические конструкции именовали благовидным термином «барьер», что вроде бы подразумевало защиту от СССР. Но объективно они являлись наступательными плацдармами, и история взаимоотношений с Западом давала Москве все основания для опасений и для противодействия «стратегии окружения». Далекое не оборонительный характер подобных «барьеров» со всей очевидностью выявился во время польско-шведской интервенции начала XVII века, в агрессии Карла XII, в нападении Наполеона на Россию в 1812 г. и англо-французской коалиции в 1854 г., в намерениях Лондона превратить восточный кризис 1875–1878 гг. в новую Крымскую войну. Советское руководство вынуждено было помнить скорее об этих, чем о более обнадеживающих, прецедентах в истории российско-западных отношений.

Из оборонительной логики приходилось исходить Москве также в отношениях с Турцией и Ираном⁷. С XVI по XVIII век они, как великие восточные державы с имперскими амбициями, представляли угрозу сами по себе, а впоследствии еще и как сателлиты Англии и Франции, которых к концу XIX века стала теснить Германия.

С приходом к власти Гитлера Западом все настойчивее овладевало стремление отвести от себя исходившую от него угрозу, перенаправив могучую реваншистскую энергию Третьего рейха в русло вековой борьбы с варварским, а теперь еще и с коммунистическим Востоком: нацистскими руками уничтожить «советскую империю» и разделить ее наследство. Обычно такие огромные «пироги», как сказал Бенджамин Франклин, «удобнее всего объесть с краев». Но по поводу кавказского «края» с его богатыми нефтяными и другими ресурсами могли возникнуть большие сложности. На них давно заглядывались Англия, США, Франция, Швеция, Бельгия, Голландия. И уж совершенно наивно было предполагать, что Германия откажется от этого приза. По крайней мере — от львиной доли в добыче. Не будем

⁷ Дегоев В. В. Северный Кавказ. С древнейших времен до воцарения Екатерины II. Т. 1. Отв. ред. А. В. Серегин. М. : «МГИМО-Университет», 2014.

забывать, что на участие в разделе кавказских богатств претендовали также Турция и Иран, ссылаясь на свои исторические права, узурпированные Россией. Общие очертания расклада сил в будущей битве за Кавказ обозначились еще в Первой мировой войне. Опираясь именно на этот опыт, Англия на рубеже 1930–1940-х годов разрабатывала стратегические планы удара по южному флангу СССР. (Об этом ниже.)

Идеология (в данном случае антибольшевизм, антисоветизм и русофобия) никогда не была главным побудительным мотивом в политике Запада. Но после 1917 года она стала неизменной составной частью целого комплекса императивов, определявших позиции европейских стран в «русском вопросе». Пожалуй, ту же всего эти императивы сплелись во внешнеполитических курсах Англии, Франции и, позже, Германии. Излишне говорить, что реализация любых антисоветских замыслов представлялась крайне проблематичной без привлечения Турции и Ирана в качестве военно-стратегического, политического, разведывательного, пропагандистского (и т. д.) подспорья. Столь же очевидна и далеко не всегда демонстрируемая готовность Стамбула и Тегерана делать вид, будто они согласны на роль ведомых, что было далеко не так. Для Турции и Ирана советский Кавказ являлся куда более близким сердцу и куда более, так сказать, экзистенциальным вопросом, чем для Европы. Он был одновременно источником и страха, и сильного искушения взять исторический реванш, используя сложные перипетии международной обстановки.

Точка схождения всех этих побуждений — отторжение Кавказа. Она же — точка расхождения, ибо тут же возникала проблема «справедливого» дележа, чреватая, как показали события 1914–1921 гг., военными столкновениями между бывшими партнерами и образованием совсем других фронтовых линий. Ни о каком консенсусе не могло быть и речи. Ни внутри молодых кавказских субъектов, ни между внешними игроками.

В турецком и иранском самосознании связь между идеологией и геополитикой присутствовала всегда, представляя собой классическое выражение имперского комплекса. На протяжении

нии истории этих государств он проявлялся с разной степенью отчетливости.

Идеологической подпиткой внешней политики Стамбула долгое время служили паносманизм и панисламизм. На смену им пришел кемализм — турецкий национализм, соединенный с идеей вестернизации и лишь формально отделенный от имперской идеи, открытую пропаганду которой Ататюрк не мог себе позволить по целому ряду веских соображений. Первый президент Турецкой республики строил сильное современное государство с прицелом на будущее. Свое правление он, скорее всего, рассматривал как стадию накопления потенциала для решения гораздо более амбициозных задач, публично высказываться о которых в тех международных условиях было рискованно.

Еще с конца XIX века на роль государственной доктрины стал претендовать пантуранизм (пантюркизм), набравший широкую популярность. Это была демонстративная апелляция не столько к великому имперскому прошлому (хотя и к нему тоже), сколько к великому имперскому будущему. Это означало соби­рание под эгидой Стамбула всех тюркоязычных народов Крыма, Кавказа, Поволжья, Средней Азии. Хотя Ататюрк подавлял наиболее оголтелые и несвоевременные манифестации пантуранистов, его глубокое духовное родство с ними существовало. Ататюрк отвергал не суть этой идеологии, а прямолинейность, радикализм и нетерпеливость ее сторонников. Практически все его приближенные были в душе пантуранистами, и, придя к власти в 1938 году (после смерти Ататюрка), они уже не столь усердно скрывали это.

Иранской версией имперской идеи являлся паниранизм, предполагавший объединение всех народов, говорящих на фарси и воспитанных в традициях древней персидской культуры. Эта доктрина была тесно связана с исторической памятью о великом прошлом Персии, об эпохах ее державного и культурного расцвета, плоды которого стали бесценным духовным достоянием всего человечества. Эта память была жива и в периоды глубокого упадка государства. Из нее нельзя было вытравить тот факт, что большая часть Закавказья долгое время находилась в соста-

ве Персидской империи, а Северо-Восточный Кавказ являлся сферой ее политического, экономического и культурного влияния. В ирредентистских планах Тегерана эти территории присутствовали сначала в гипотетическом смысле, а затем, под влиянием модернизации, вестернизации и растущего национального самосознания, уже и в практическом.

В русско-турецко-иранском «треугольнике» главным источником напряжения, кризисов и вооруженных столкновений был Кавказ, даже после того как он вошел в административно-политическую систему Российской империи. Инициаторами практически всех русско-турецких и русско-иранских войн на Кавказе были Стамбул и Тегеран, чаще явно, чем тайно, поддерживаемые Западом. Иными словами, история не давала Москве особых поводов к оптимизму на южном направлении. Обеспечение безопасности кавказских границ было неотделимо от общей внешнеполитической и военно-оборонной проблематики СССР на протяжении всего периода его существования.

С победой большевиков «барьерные» доктрины трансформировались в идею возведения вокруг Советской России и СССР «санитарно-карантинных» кордонов против проникновения на Запад коммунистической инфекции. Однако эта функция органично соединялась с потенциальными планами коалиционного удара по возрождающейся империи. Дополнительное идеологическое обоснование для него было, конечно, не лишним, но вовсе не обязательным.

Турции и Ирану, граничившим с Кавказом, отводилось в этой стратегии важное место. В 1930-е годы Анкара и Тегеран — каждый в меру своего понимания ситуации, дипломатической изворотливости и стратегических возможностей — лавировали между западноевропейскими державами, СССР и фашистской Германией. Высказываемая в историографии мысль об исключительно оборонительном характере этого лавирования вызывает большие сомнения.

Не лишне повторить, что имперские амбиции пустили глубокие корни в турецком массовом сознании, принимая разную идеологическую окраску: паносманизм и панисламизм, затем

пантюркизм (концепт «Великого Турана»). Радикальные реформы Ататюрка, казалось бы символизировавшие разрыв с имперским прошлым, на самом деле явились лишь его продолжением в форме светской модернизации, нацеленной на строительство сильной, современной, моноэтничной державы. Самоотверженную решительность во внешней политике младотурки, вдохновленные своим выдающимся лидером, показали в войне с Грецией, в аннексии Западной Армении (российской Карсской области), которую в Стамбуле считали возвращением исконных турецких земель. Сепаратистские попытки курдов были подавлены с беспримерной жестокостью.

Своими искусными дипломатическими шагами Ататюрк создал Турции репутацию «удовлетворенного государства», свободного от ирредентистских фантазий. Это значительно облегчило осуществление политики по трем уже указанным направлениям (Запад, Германия, СССР), чтобы в зависимости от ситуации вовремя перенести акцент на тот или иной вектор. В стремлении быть политическим субъектом, а не объектом Ататюрку иногда удавалось склонять внешние силы к мысли, что они нуждаются в нем больше, чем он в них.

Хотя преемникам Ататюрка такого таланта не хватало, они старались идти по его стопам, чтобы, маневрируя, играя на противоречиях между великими державами, не афишируя свои далеко идущие замыслы, реализовать идеалы пантюранизма, причем не только за счет Кавказа. Стамбул ждал своего часа. Надвигающаяся война давала шансы и на сказочный геополитический выигрыш, и на катастрофическое поражение. Главное — учесть горькие уроки Первой мировой войны и вовремя почувствовать тот момент, когда можно с наименьшим риском присоединиться к побеждающей стороне и получить «справедливую» долю из призового фонда.

Так в турецкой внешнеполитической стратегии 1930-х появились «три корзины» с насадками для высживания яиц. Расчет был на то, что хотя бы у какой-то из них должно получиться.

Турецко-западноевропейские отношения развивались весьма плодотворно. Лондон и Париж помогли Стамбулу решить

пограничные проблемы с Ираком и Сирией. Способствовали предоставлению Турции права военного контроля над Проливами в случае угрозы ее безопасности. Фактически поощрили несколько волн репрессий против курдов. Летом 1939 года Англия и Франция заключили с Турцией договоры о союзе, гарантировавшие ее безопасность. В Анкаре приободрились: если у Запада хватит сил сокрушить Германию, турки будут в числе победителей. На тот случай, если не хватит, Анкара решила сохранять дружественные отношения с Берлином, оказывая ему существенную торгово-экономическую помощь, прежде всего сырьевыми поставками стратегического назначения.

Распространенная в историографии идея о крайней осторожности, якобы характерной для турецкого правительства накануне и в период войны, плохо согласуется с реальностью, которая свидетельствует о готовности Анкары участвовать в англо-французских военных планах (1939–1940 гг.) вторжения на Кавказ после массированных авианалетов на Баку, Потти, Батуми, Тупапсе, Грозный, Майкоп с целью разрушения нефтедобывающих, нефтеперерабатывающих и нефтетранспортных предприятий. В результате воздушных разведок, осуществленных при активном содействии турок, было установлено точное количество нефтеперерабатывающих заводов в Закавказье и на Северном Кавказе. Видимо, в память о Крымской войне Англия, Франция и Турция собирались развернуть военные действия еще и на кавказском побережье Черного моря с применением авианосцев. На оперативных совещаниях разных уровней говорилось о необходимости «послать Россию в нокдаун» именно на Кавказе. Нигде она так не уязвима стратегически, экономически и политически. Согласно английским источникам, речь также шла о западной помощи в оснащении турецких войск на границах с Закавказьем и проведении там секретных операций по подготовке антисоветских выступлений. Более того, ставился вопрос о бомбардировке целей «глубоко внутри России»⁸.

⁸ Ситолс В. Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной. 1939–1941. М.: «Новина», 1997. С. 205–209, 212–213.

Все это происходило на фоне очень «странной» войны Англии и Франции против Германии. Между тем в отношении СССР полным ходом шла подготовка настоящей войны. Проблема ее морального оправдания не беспокоила западные правительства. В то, что они помогают «беззащитной» Финляндии, можно было бы поверить, если бы разработка планов удара по СССР с юга не продолжалась после окончания советско-финляндской войны (13 марта 1940 года) с еще большим усердием. На ближневосточных аэродромах шло размещение целых авиационных эскадрилий — дальних бомбардировщиков и истребителей английского и американского производства. Специально оборудованные самолеты-разведчики произвели подробную фотосъемку всех нефтедобывающих и нефтеперерабатывающих предприятий Баку и Батуми, наметив тем самым цели для бомбовых ударов⁹.

Согласно англо-французским источникам, 15 мая все было готово для массированных воздушных налетов на Баку и другие стратегически важные центры Закавказья. Западные специалисты не скрывали, что эти операции приведут к «значительным потерям среди мирного населения», но победа на Кавказе оправдывает все риски и издержки. Кавказская тема не снималась с военной повестки дня до нападения Гитлера на СССР. Правда, после позорной капитуляции Франции (22 июня 1940 г.) Лондону пришлось заниматься этой проблемой в одиночестве. Она по-прежнему навязчиво преследовала британское правительство, сохраняя его агрессивную настроенность. (Даже после начала советско-германской войны англичане не спешили отказываться от этих планов.)

Оперативные данные, приходившие к Сталину в 1939–1940 гг., склоняли его к убеждению, что Англия является главным врагом СССР, опирающимся на тайную и явную помощь Турции и Ирана. Отсюда растущее недоверие к южным соседям СССР, в том числе к их «мирным инициативам» и мнимому нейтралитету. С начала апреля 1940 г. Сталин стал перебрасы-

⁹ Там же. С. 211, 218.

вать с финского фронта в Закавказье и на Северный Кавказ войска, авиацию, зенитную артиллерию. Количество боевых соединений и тот факт, что они уже имели опыт ведения современной войны, говорили о серьезных опасениях Сталина относительно возможности возникновения южного фронта.

Трудно допустить, чтобы, вовлекая Анкару в столь рискованные авантюры, англичане и французы не понимали, что они играют на самых чувствительных струнах пантуранского имперского сознания, совершенно нетерпимого к самому факту пребывания тюркоязычных, тяготеющих к исламу народов в советском коммунистическом «застенке».

Иран уступал Турции в силе, влиянии, темпах модернизации. И в чувстве реализма. В 1919 году тегеранские представители поразили буйством своих внешнеполитических фантазий делегатов Версальской конференции, где были заявлены претензии на Кавказ, Среднюю Азию, Северный Ирак и всю акваторию Персидского залива¹⁰.

В 1920-х годах Тегеран перешел к выстраиванию более прагматической системы международных связей, стараясь, не всегда успешно, избегать обострения отношений с соседями и с великими державами. Следующее десятилетие — критическое в мировой политике — поставило Иран перед тяжелой проблемой выбора, в решении которой он последовал примеру Турции. Шах Реза Пехлеви, продолжая модернизацию страны, включая военно-техническую область, искал такие формы взаимодействия с внешним миром, которые позволяли бы ему находиться в относительно добрых отношениях, но на равном удалении от трех главных центров силы: Запада (в лице Англии и Франции), СССР и Германии. Это была стратегия выжидания того момента, когда окончательно сформировавшиеся коалиции схватятся между собой и четко обозначится перевес одной из них, чтобы примкнуть к ней с целью получения своей доли от трофеев победы.

¹⁰ *George Lenczowski. The Middle East in World Affairs. 4-th ed. Cornell University Press. Ithaca ; London, 1980. P. 174.*

Балансировать между великими державами было чрезвычайно сложно, ибо они сами хотели использовать Иран в своих интересах, а вовсе не превращаться в объекты его манипуляций. В этом смысле Тегеран и Стамбул находились почти в одинаковом положении, что вынуждало их и действовать соответственно.

То, что в западной историографии традиционно представляется как «оборонительная стратегия» Ирана, у Советского Союза, располагавшего хорошо осведомленной разведсетью на Ближнем Востоке, вызывало только подозрения, перераставшие в опасения. Реза Пехлеви, маневрируя в большом «силовом треугольнике» (СССР, западные державы, Германия), действовал в нескольких направлениях: политическом, дипломатическом, торгово-экономическом. Он пытался заставить крупных мировых игроков соперничать за его благорасположение, используя известный набор «аргументов слабейшего» (по выражению французского историка Антонена Дебидура). Такая стратегия, временно снимая напряжение в одних вопросах, накапливала его в других. Среди «других» постепенно стали доминировать советско-иранские отношения. Особенно после того, как шах под прикрытием фиктивного нейтралитета стал проявлять активный интерес к военно-техническому сотрудничеству с Англией и Францией, параллельно идя на сближение с Германией, то есть взаимодействуя с потенциальными противниками СССР в грядущей войне.

В 1920-е годы Тегеран, в нарушение договора с Советской Россией (1921 г.), вызывал согласие на предоставление британским и американским фирмам нефтяных концессий. От этой затеи пришлось отказаться из опасений, что Москва, в то время главный торговый партнер Ирана, предпримет серьезные ответные меры. В 1937 году Реза Пехлеви все же предоставил одной американской компании право на разработку нефтяных месторождений на севере страны, что являлось открытым вызовом Советскому Союзу. Эта сделка сорвалась лишь потому, что американцы по ряду причин передумали¹¹.

¹¹ Ситолс В. Указ. соч. С. 175–176.

В 1931 году шах ввел государственную монополию на внешнюю торговлю, что подорвало советское экономическое влияние в Иране и нанесло Москве финансовый ущерб. Напротив, Англия, успешно урегулировав два нефтяных конфликта с Тегераном (1927 и 1932 гг.), укрепила свои позиции в этой важной отрасли, к немалому неудовольствию СССР.

Новый повод для подозрений Иран дал в 1937 году, когда он стал участником Саадабадского пакта, или Ближневосточной Антанты (наряду с Турцией, Ираком и Афганистаном). Пакт был заключен при активном содействии и под покровительством Великобритании. Сталин не без основания усмотрел в этом враждебный по отношению к СССР акт и попытку создать против него южный санитарный кордон. В перспективе эти подозрения в полной мере подтвердились после войны, когда Ближневосточная Антанта нашла продолжение в антисоветском блоке СЕНТО.

Большую тревогу в Москве вызывало германское проникновение в Иран. С 1928 года этот процесс развивался впечатляющими темпами. За 10 лет доля Германии во внешней торговле Ирана достигла 41%, а количество немецких резидентов в стране (специалистов разных профилей, включая шпионов) составило — только по официальным данным, не включавшим большое количество «поклонников» восточных культур, — 2000 человек. В правящих иранских кругах были очень сильны пронацистские настроения, которые германская пропаганда возбуждала так же искусно, как и эксплуатировала, утверждая об общеарийском происхождении обоих народов и превознося Резу Пехлеви как «просвещенного правителя». Шах, не оставаясь в долгу, открыто восхищался Гитлером и установленным им политическим режимом, самым надежным барьером против коммунизма. Все это подняло волну паниранского национализма, на гребне которой тегеранское руководство обрело чувство самоуверенности в ущерб трезвому взгляду на вещи¹².

Первые наиболее очевидные симптомы расхождения с реальностью Тегеран продемонстрировал в конце 1939 — начале

¹² Ситолс В. Указ. соч. С. 176–178.

1940 г., дав Англии и Франции понять о своем намерении участвовать в осуществлении планов нападения на СССР с юга. Если бы Реза Пехлеви был уверен в недолговечности советско-германского пакта о ненападении, он, скорее всего, предложил бы свои союзнические услуги не Лондону и Парижу, а Берлину.

1 февраля 1940 года военный министр «нейтрального» Ирана А. Нахджаван поставил перед английскими представителями в Тегеране вопрос о закупке 60 бомбардировщиков и 35 истребителей для ведения боевых действий на Кавказе в соответствии с британскими планами. Начало Второй мировой войны вселило в шаха большие надежды на великодержавное возрождение с помощью нацистской Германии, с которой тегеранское правительство активно сотрудничало. В мае 1940 года оно открыто заявило, что границы Ирана с Советским Союзом (в Закавказье и Средней Азии) «не являются официальными», сопроводив этот демарш демонстративной картографической ревизией¹³.

Кроме тех факторов, благодаря которым в советско-турецких и советско-иранских отношениях накапливался взрывоопасный потенциал и усиливалась вероятность коалиционного нападения на южные районы СССР, отметим еще один. Он может показаться совершенно неожиданным, но лишь тем, кто не знает историю международных коллизий вокруг Кавказа. Напомним, что еще в период Кавказской войны, в 1830–1860-е годы, польская агентура поддерживала горцев против России всеми возможными средствами. Теперь, сто лет спустя, поляки вступают в тайные переговоры с Анкарой с предложением своей помощи в создании на турецко-советской границе военных arsenалов для вторжения в Закавказье. Хорошо информированные источники сообщали, что Турция приветствовала все политические силы и движения, направленные на борьбу с СССР¹⁴.

¹³ Гасанлы Дж. П. СССР — ИРАН: Азербайджанский кризис и начало холодной войны (1941–1946 гг.). М. : «Герои Отечества», 2006. С. 15–16.

¹⁴ Соцков А. Неизвестный сепаратизм: на службе СД и Абвера. М., 2003. С. 82, 104–105.

Особая тема — история возникновения геополитических планов Германии в отношении Кавказа. Как это ни покажется удивительным, кавказское направление германской экспансионистской политики выявилось еще в конце 1850-х годов. Причем сначала в области экономики и концессионной деятельности. Локомотивом этого процесса была немецкая (прусская) фирма «Сименс и Гальске», действовавшая на Кавказе в течение 57 лет (1860–1917 гг.). Начав с прокладки телеграфных линий, она затем включилась в нефтяное и медеплавильное дело, наладила производство и продажу электрооборудования, занялась электрификацией закавказских городов, включая строительство электрогенерирующих предприятий. Деятельность фирмы, несмотря на конкуренцию других иностранных компаний, способствовала быстрому росту политического и финансового влияния Германии на Кавказе. Потенциальные экономические возможности края стали для немецких специалистов предметом всестороннего изучения не только сами по себе, но и как базовые условия для дальнейшего продвижения на Ближний и Средний Восток. «Сименс и Гальске» сыграла важную роль в подготовке почвы для германской военной экспансии в черноморско-каспийский регион в годы Первой мировой войны¹⁵.

Как известно, к колониальному разделу мира, в основном завершившемуся к концу XIX века, Берлин опоздал. Доставшаяся Германии доля не соответствовала ни ее растущему военно-экономическому потенциалу, ни ее великодержавному самомнению. Мириться с этим Берлинский кабинет не собирался. Его имперская программа под названием «*Drang nach Osten*», как мы убедились выше, начала осуществляться еще до превращения Пруссии в Германию. Но с 1870-х годов она принимает все более системный и агрессивный характер. Германская экспансия на Восток развивалась по двум маршрутам: северному (Черное

¹⁵ *Наниташвили Н. А.* Германский капитал в Закавказье. Деятельность фирмы «Сименс и Гальске». 1860–1917. Тбилиси, 1982. С. 334–339; *Пиния Г. В.* Германский империализм в Закавказье в 1910–1918 гг. М. : «Наука», 1978. С. 29–34.

море — Кавказ — Каспий) и южному (Стамбул — Конья — Мосул — Багдад — Кувейт). Южное направление совпадало со схемой прокладки Багдадской железной дороги. В 1880-е годы Берлин заявил претензии на концессионное участие в ее строительстве с целью соединить Германию с Персидским заливом.

Этот проект на фоне германо-турецкого сближения сильно встревожил Петербург, не исключавший, что на участке от Коньи до Вана могут быть проложены северные ветки в направлении Кавказа, которые позволят быстро доставлять туда войска, и, возможно, не только османские.

С 1911–1912 гг. в Закавказье резко увеличивается число германских эмиссаров, ведущих сбор подробнейшей разведывательной информации на случай, если там развернутся военные действия между германо-турецким союзом и Россией. Немцы изучали местные политические, идеологические и религиозные настроения, создавали диверсионные группы из откровенных антироссийских элементов, в распоряжение которых предоставлялись большие партии оружия¹⁶.

С началом мировой войны Германия открыто участвует в военных действиях на Кавказе и в Черном море. Прикрываясь статусом союзников турок, немцы разрабатывают собственные планы завоевания ключевых стратегических и экономических районов края.¹⁷ Османские аппетиты вызывают у Берлина растущее раздражение. У него были свои планы, и Турция вписывалась в них лишь как сговорчивый помощник.

Реальную угрозу этим планам создала русская армия, нанеся туркам сокрушительные поражения и заняв к концу 1916 года обширные территории северо-восточной Анатолии, включая Трапезунд, Эрзерум, Баязет, Ван. Но две революции 1917 года в России в корне изменили ситуацию. Русские войска ушли из Закавказья, открыв Германии возможность осуществления своих далеко идущих замыслов. В июне 1918 года немецкие войска оккупировали Грузию, и если бы не общий ход мировой

¹⁶ Пития Г. В. Указ. соч. С. 34–40.

¹⁷ Там же. Главы 3–4.

войны, то можно было не сомневаться, что «Drang nach Osten» продолжится. О том, чем он обернулся бы для народов Востока, нетрудно судить по той же Грузии, где буквально с первых же дней иноземного присутствия началось нещадное разграбление ценнейших стратегических ресурсов.

Даже после разгрома Германии Кавказ не выпадал из ее поля зрения. Он присутствовала в различного рода военно-политических прожектах, разрабатывавшихся в квазиакадемических кругах при участии представителей «обиженной» советской властью кавказской эмиграции. К концу 1930-х годов прожекты стали постепенно преобразовываться в официальные проекты гитлеровских генералов и идеологов, пока, наконец, не материализовались на полях сражений.

Вторая мировая война внесла радикальные перемены в предвоенную расстановку сил и в предвоенные сценарии. Лондону пришлось отказаться от нападения на южные границы СССР и пойти на ненавистное для него союзничество с Москвой. Это был союз поневоле, не помешавший старым британским искушениям проявить себя в виде стремления предельно обескровить СССР, отсрочить открытие второго фронта, втайне прощупать почву для сепаратного договора с Берлином. Венцом этого «геополитического» цинизма стал разработанный в мае (!) 1945 года план «Немыслимое»¹⁸.

Оказывая помощь большевикам, Британия спасалась от смертельной опасности нацизма, будучи не вполне уверенной в том, что он есть наибольшее зло. Но, спасаясь, думала о будущем, о котором Черчилль точно знал одно: в случае победы над Германией советско-западные, в частности советско-британские, отношения обречены на резкое ухудшение из-за фундаментальных исторических противоречий, усугубленных появлением американской сверхдержавы и перекройкой политической карты мира.

¹⁸ Путь к Великой Победе: СССР в войне глазами западных современников. Документы и материалы. Под ред. акад. А. В. Торкунова. М.: «Аквариус», 2015. С. 830–838.

Германия сделала все, чтобы прорваться на Кавказ. Она стремилась скоординировать свое наступление на юг с встречным вторжением в Закавказье Турции и Ирана, «нейтралитет» которых носил явно прогерманский характер. Однако сталинградский разгром лишил Берлин перспективы обзаведения новыми союзниками.

Тем не менее пронацистские симпатии сохранялись в турецких правящих кругах на протяжении всей войны. Анкара последовательно отклоняла призывы присоединиться к антигитлеровской коалиции, закрывала глаза на деятельность германских спецслужб, осуществлявших в Турции пантуранскую и антисоветскую пропаганду, объектом которой были и кавказские народы.

Присоединение Турции к союзникам (23 февраля 1945 года) всего лишь за полтора месяца до капитуляции Германии позволяет предположить, что турецкое правительство выжидало до последнего момента, возможно не исключая перелома в ходе войны за счет сепаратного мира между германским военным руководством и западными державами (без участия СССР).

Меньше всего Анкару устраивала победа Советского Союза, чреватая пересмотром договора 1921 года, по которому Турция получила от Москвы воистину «царский» подарок в виде российской Карсской области и добровольного отказа от завоеванных русской армией в 1915–1916 гг. огромных территорий в северо-восточной Анатолии. Такая ревизия была бы вполне справедливым ответом на турецкие планы вторжения на Кавказ с юга в поддержку наступления вермахта с севера (1942 г.).

Опасался победы СССР и Тегеран. У Ирана, как и у Турции, были свои амбиции, реализовать которые он тоже стремился путем ускоренной модернизации страны, с одной стороны, и идеологического воспитания населения в великодержавно-религиозном духе — с другой. В программе достижения этих целей северный сосед значился как противник, Третий рейх — как союзник. Объявленный Ираном нейтралитет (сентябрь 1939 г.) не менял сути дела. В тегеранском руководстве доминировали германофилы. По всей стране открыто действовала нацистская

агентура, пропагандируя идею защиты ислама от иностранных порабощителей и готовность Великой Германии взять на себя эту миссию. Сначала имелась в виду Англия, а после 22 июня 1941 г. — Советский Союз.

В Тегеране с радостью воспринимали известия о молниеносном наступлении фашистских войск и особенно об их продвижении на Кавказ.

После советско-британской оккупации Ирана германская агентура ушла в подполье и занялась диверсионной работой, организацией саботажа поставок по ленд-лизу и подготовкой покушения на лидеров Большой тройки¹⁹.

Москва рассматривала позицию официального Ирана как откровенно враждебную и в ответ на нее проводила в своей оккупационной зоне, примыкавшей к Закавказью, политику создания собственной сферы военно-политического, экономического, идеологического и культурного влияния. Это была, с одной стороны, банальная политика воздаяния «по заслугам» за поддержку захватнических устремлений нацистской Германии, с другой — система мер, обеспечивающих безопасность южных границ Советского Союза в условиях непредсказуемого развития послевоенного мира.

Общим итогом Второй мировой войны применительно к Кавказу следует считать тот факт, что она разрушила застарелый миф о существовании исторически преемственной уязвимости этого региона как составной части Российской империи и СССР. Во второй половине 1930-х годов вера в этот миф объединяла Англию, Францию, Германию, Турцию, Иран, Польшу. Лишь Анкара и Тегеран (по понятным причинам) расходились в идеологических концепциях разрушения Советского Союза. Всем остальным были важны не средства, а цель — поднять против Москвы народы Кавказа, Поволжья, Средней Азии, чтобы обессилить страну и нанести по ней (повторим эту модную

¹⁹ *Оришев А.* Политика Германии в Иране в годы Второй мировой войны (по архивным материалам) // Иран и Вторая мировая война: сборник статей / РАН, Ин-т Востоковедения. М., 2011. С. 98–104.

в отношении СССР фразу) «нокаутирующий удар». Пропагандистская, разведывательная, диверсионно-вербовочная работа в этом направлении составляла неотъемлемую часть подготовки к войне против СССР, кто бы ее ни планировал. В английских, французских, германских военно-стратегических документах того времени мысль об уничтожении Советского государства изнутри звучит едва ли не лейтмотивом²⁰.

В условиях холодной войны, зарождавшейся уже на исходе горячей, к западным державам, теперь уже во главе с Соединенными Штатами, вернулось наваждение о «русской угрозе» их цивилизации. В Фултонской речи Черчилль заявил о наступлении новой эпохи, в которой политика станет продолжением войны другими средствами.

Это имело прямое отношение к Кавказу, где старая «большая игра», нацеленная на отторжение его от России, требовала «других средств»: системной, терпеливой, умной работы без надежды на быстрый результат. Необходимость внешнеполитической перестройки осознавала и Москва. Обе сверхдержавы учились жить в условиях новых, более сложных правил игры, которые постоянно заставляли искать относительно безопасный баланс между решительностью и осторожностью, между целью и средствами, между соблазнами и прагматизмом. Эта трудная учеба, испытывавшая СССР и США еще и на крепость нервов, началась с первых кризисов холодной войны (1946 г.): иранского и турецкого, ставших очередным напоминанием об историко-геополитическом значении Кавказа.

После благополучной развязки «кавказский вопрос» надолго утратил свой, так сказать, международно-правовой компонент. Но из поля зрения Запада не исчезал никогда. В чем только не проявлялось это непреходящее внимание. В США и Европе возникали академические и аналитические центры, изучавшие Кавказ в режиме «безотходного производства»: история, этнология, этногенетика, нравы, обычаи, ментальность, национальные комплексы, память о прошлом, отношение к советской

²⁰ Ситолс В. Указ. соч. С. 202–206, 210, 222–223.

власти, предрасположенность к национализму и сепаратизму, массовые и индивидуальные поведенческие особенности, потенциальные точки воспламенения на межэтнической почве. Существовали и более «специализированные» заведения, отправлявшие на Кавказ под видом туристов людей, интересовавшихся отнюдь не туристическими объектами. Западные радиостанции вещали на многих кавказских языках, вполне успешно пробиваясь сквозь эфирные помехи со своими прогнозами относительно проблематичных перспектив сохранения Советского Союза. (Автор этих строк тому свидетель.)

Все это имело, если вообще имело, крайне скромный эффект. Досуг кавказские люди проводили не за радиоприемниками и около заезжих иностранцев, по понятным причинам, не толпились. Местные КГБ скорее играли в шпионов за отсутствием настоящего фронта работы. Но эта работа все же велась и с той и с другой стороны. С этой самой «другой» стороны работали на будущее, без твердой уверенности в успехе. Многие западные аналитики подвергали сомнению идею о том, что Кавказ — вечная ахиллесова пята Российской и Советской империй. Его многоэтничность и культурная мозаичность не слабость, а сила имперской цивилизации. И это утверждал не кто-нибудь, а многие сотрудники ЦРУ в 1990 году накануне развала СССР.

Как произошла эта катастрофа — отдельный и загадочный вопрос, каких в истории немало. Найти математический ответ на него, заикливаясь на «проблеме имманентной обреченности СССР», получается все хуже и хуже и у российских, и у западных ученых, если, конечно, они настоящие ученые.

Тем, кто сочувствовал планам разрушения СССР и продолжает упиваться последствиями, нелишне на всякий случай напомнить, что, кроме «мягкой силы», была и остается другая (в более точном смысле этого слова) стратегия продолжения этой деструктивной политики. Уже в 1945–1946 годах на американских и натовских военно-штабных картах территории Советского Союза были усеяны зловещими точками, обозначающими объекты атомных бомбардировок. Тогда среди кандидатов на мгновенное уничтожение народам Кавказа отводилось далеко не по-

следнее место. С трудом верится, что с тех пор что-либо изменилось к лучшему.

Не стоит ли время от времени помнить об этом?

Постсоветские потрясения не обошли Кавказ. За политическую самостоятельность, о которой упоенно мечтали правящие и интеллектуальные элиты закавказских республик, не подозревая о последствиях, пришлось заплатить очень дорого. И никто не даст гарантии, что эта расплата закончилась. Вожде ленная свобода от Советского Союза обернулась огромной зависимостью от ближних и дальних соседей, от геополитических и экономических тяжеловесов, от их мироустроительных планов субрегиональных, региональных и планетарных масштабов. Сильные испокон веков уважают сильных. С игроками малых весовых категорий они говорят, когда говорят, на особом языке прозрачных намеков на тему, кто есть кто в международной табели о рангах. Публично Запад никогда не назовет Грузию, Азербайджан и Армению объектами своей политики, ибо не хочет без нужды задевать их самолюбие напоминанием об очевидном. Но никто и не подумает всерьез воспринимать их как влиятельных субъектов международных отношений и уж тем более наделять их правом хотя бы символического участия в принятии фундаментальных решений глобального уровня. Другого статуса для закавказских государств в обозримом будущем не предвидится.

Испытание независимостью будет продолжаться еще долго. Как долго, сказать трудно. И уж вовсе невозможно назвать цену, в которую может обойтись народам иллюзия свободы.

Библиографический список

1. Гасанлы Дж. П. СССР — ИРАН: Азербайджанский кризис и начало холодной войны (1941–1946 гг.). М. : «Герои Отечества», 2006.
2. Дегоев В. В. Кавказ и великие державы 1829–1864 гг. Политика, война, дипломатия. М. : «Рубежи XXI», 2009.
3. Дегоев В. В. Северный Кавказ. С древнейших времен до воцарения Екатерины II. Т. 1. Отв. ред. А. В. Серегин. М. : «МГИМО-Университет», 2014.

4. Дегоев В. В., Стамова И. И. Приз для победителя. Международное соперничество на Кавказе в первой трети XIX века. Под ред. А. В. Серегина. М. : «МГИМО-Университет», 2013.
5. Наниташвили Н. Л. Германский капитал в Закавказье. Деятельность фирмы «Сименс и Гальске». 1860–1917. Тбилиси, 1982.
6. Оришев А. Политика Германии в Иране в годы Второй мировой войны (по архивным материалам) // Иран и Вторая мировая война : сборник статей / РАН, Ин-т Востоковедения. М., 2011.
7. Пипия Г. В. Германский империализм в Закавказье в 1910–1918 гг. М. : «Наука», 1978.
8. Путь к Великой Победе: СССР в войне глазами западных современников. Документы и материалы. Под ред. акад. А. В. Торкунова. М. : «Аквариус», 2015.
9. Сиполс В. Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной. 1939–1941. М. : «Новина», 1997.
10. Соцков Л. Неизвестный сепаратизм: на службе СД и Абвера. М., 2003.
11. *Kazemzadeh, Firus*. The Struggle for Transcaucasia (1917–1921). Westport : Hyperion Press, 1981.
12. *Lauri Kopsiö*. The British Intervention in South Russia 1918–1920. (Academic Dissertation). Helsinki, 2011.
13. *George Lenczowski*. The Middle East in World Affairs. 4th ed. Cornell University Press. Ithaca ; London, 1980.
14. *Seton-Watson R. W.* *Disraeli, Gladstone and the Eastern Question*. A Study in Diplomacy and Party Politics. N. Y. : The Norton Library, 1972.

СТРАХ И НЕНАВИСТЬ В СЕВАСТОПОЛЕ: К ВОПРОСУ О ГИБЕЛИ ДРЕДНОУТА «ИМПЕРАТРИЦА МАРИЯ» (1916–1917)

«Очень рано я был разбужен моим денщиком, который ... делал уборку в соседней комнате; сквозь сон я слышал, как он с грохотом что-то уронил и шумно распахнул окно. Сквозь сон мне казалось, что это действительно тарыхтит денщик Михаил, но ... это были первые взрывы на “Марии”, от которых у меня в квартире, отстоявшей в девяти верстах от места взрыва, порывом воздуха растворило окна», — так вспоминал день трагической гибели флагмана Черноморского флота начальник штаба Севастопольской крепости Генерального штаба генерал-майор Ф. П. Рерберг¹.

Линкор-дредноут «Императрица Мария» прослужил чуть дольше года: он прибыл в Севастополь в июне 1915 года, а в октябре 1916 г. в результате взрыва порохового погреба затонул на севастопольском рейде, в полумиле от берега, унеся с собой жизни более двух сотен моряков, до конца пытавшихся бороться с пожаром.

Гибель дредноута и дальнейшие попытки расследования причин таковой со всей очевидностью обнажили впечатляющие картины межведомственной и межличностной розни, халатности и самодурства, процветавших в Севастополе. Главными проти-

¹ Рерберг Ф. П. Вице-адмирал Колчак на Черноморском флоте // Военно-исторический журнал. 2008. № 11. С. 53.

воборствующими лицами в разразившемся скандале были жандармы — начальник Севастопольского жандармского управления полковник Михаил Александрович Редров и его бывший подчиненный, возглавивший контрразведывательное отделение при Штабе командующего Черноморским флотом ротмистр Александр Петрович Автамонов².

Жандармские склоки в Российской империи не были чем-то необычным и являлись естественным следствием недостатков организации сыска и параллелизма функций различных учреждений³, однако им редко доводилось принимать столь масштабные и уродливые формы, как в этом случае.

По иронии судьбы, еще в годы своей армейской службы поручик 6-го уланского Волынского полка Автамонов дважды — в сентябре и ноябре 1906 г. — получал выговор за неверку караулов у порохового погреба⁴. Кроме того, при поступлении в Корпус жандармов он вызвал недоумение у экзаменаторов своими рассуждениями во вступительном сочинении, будто полиция возникла в России только с отменой крепостного права⁵. «Полиция — это вьющееся растение, которое обхватывает каждые отдельные ветви государственного организма», — витийствовал поручик. Редров же в свое время и вовсе принял лист оберточной бумаги за промокашку и перепачкал весь свой экзаменационный лист, в результате чего был вынужден просить о пересдаче⁶.

² Пасечников И. А. Деятельность органов политической полиции Таврической губернии в годы Первой мировой войны: по материалам Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ) и Государственного архива Республики Крым (ГАРК) // Архивы и архивное дело на Юге России: история, современность, перспективы развития: Материалы Всероссийской научной конференции / отв. ред. Д. В. Сень, Д. П. Исаев, М. Е. Шалак (Ростов-на-Дону, 16–17 октября 2015 г.). Ростов-на-Дону, 2015. С. 168.

³ Лаврёнова А. М. Тонкая синяя линия: жандармы и общество на закате империи. М.; Берлин, 2023. С. 49–55.

⁴ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 13 894. Л. 35.

⁵ Там же. Л. 12.

⁶ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 7078. Л. 13–13 об.

Разногласия между офицерами возникли еще до трагического инцидента и протекали по стандартной для чинов Отдельного корпуса жандармов схеме: молодой амбициозный офицер стремился выйти из-под опеки своего начальника, а тот писал жалобы в столицу⁷. Автамонову сопутствовал успех: возглавив контрразведывательное отделение, он не только получил в свое ведение все побережье Черного и Азовского морей от румынской до турецкой границы, но и сделался приближенным лицом флотского начальства, не желавшего, чтобы петроградский Департамент полиции совал свой нос в военные дела.

Принявший Черноморский флот в июле 1916 г. А. В. Колчак не просто оказался неспособен обуздать скандалистов, но, напротив, был вовлечен в дразги и вместо того, чтобы способствовать объединению сил для расследования причин трагедии, стал выяснять, кто же посмел сообщить об инциденте министру внутренних дел. Начальник жандармского управления, несмотря на прямой запрет Колчака, не желая нарушать свои должностные обязанности, доложил в Департамент полиции и о гибели «Марии», и о следующем инциденте, произошедшем с дредноутом «Императрица Екатерина», который всего спустя несколько дней после гибели флагмана запутался в собственных заградительных сетях. Редров всеми силами пытался усидеть на двух стульях, но его начальство оказалось бессильно против Колчака, который с помощью Автамонова припер начальника жандармского управления к стене, предъявив тому расшифровки его донесений в Департамент полиции. За такой проступок Редров был отрешен от должности и изгнан из Севастополя⁸. В дальнейшем он был прикомандирован к Тифлисскому губернскому жандармскому управлению, а директор Департамента полиции А. Т. Васильев, не сумевший спасти его от Колчака, все же позаботился о том, чтобы полковник не пострадал

⁷ См. документ № 1.

⁸ См. документ № 22.

финансово⁹. Должность Редрова временно занял начальник крепостной жандармской команды подполковник П. К. Полянский, однако генерал-лейтенант П. Г. Курлов и начальник Морского штаба Верховного главнокомандующего А. И. Русин прочили на пост начальника управления полковника И. В. Дукельского¹⁰. После такого предательства корпоративных интересов Автамонов в январе 1917 г. был переименован из жандармского ротмистра в лейтенанты.

Комиссия, созданная Колчаком для расследования инцидента, в качестве трех наиболее вероятных версий случившегося рассматривала самовозгорание пороха, халатность в обращении с огнём и диверсию, однако к однозначным выводам так и не пришла. По мнению исследователей, именно «межведомственные “разборки” свели к нулю попытки установить истину»¹¹.

Представленные в настоящей публикации документы хранятся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ). Большая их часть находится в двух делах фонда Департамента полиции (Ф. 102), озаглавленных «Переписка секретного характера, касающаяся войны России с Германией и Австрией»¹². Также в подборку вошли документы из двух дел Штаба Отдельного корпуса жандармов (Ф. 110) «О недостаточно корректном и дисциплинированном отношении ротмистра Автамонова со старшими чинами Севастопольского жандармского управления»¹³. Второе из этих дел составили документы в россыпи, которые не успели подшить к основному делу в текущем делопроизводстве.

⁹ ГА РФ. Ф. 102. Д-1. 1915 г. Оп. 35. Д. 355. Л. 74, 76.

¹⁰ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 19823. Л. 10, 25.

¹¹ В. С. Христофоров, А. П. Черепков, Д. Ю. Хохлов. Контрразведка ВМФ СССР. 1941–1945. М., 2015. С. 26.

¹² ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1915 г. Оп. 316. Д. 343. л. С.; Д. 343 л. С. прод.

¹³ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 19678, 19823.

№ 1.

31 июля 1916 г. Рапорт начальника Севастопольского жандармского управления полковника М. А. Редрова¹⁴ начальнику Штаба Отдельного корпуса жандармов В. П. Никольскому о поведении начальника контрразведывательного отделения при Штабе командующего Черноморским флотом ротмистра А. П. Автамонова

Лично
Секретно

31 июля 1916 г.

№23

г. Севастополь

Его Превосходительству В. П. Никольскому начальнику Штаба Отдельного корпуса жандармов

Ваше Превосходительство, милостивый государь Владимир Павлович,

Летом прошлого года, когда возник вопрос об учреждении при Штабе Командующего Черноморским флотом должности начальника контрразведывательного отделения и назначение на таковую подполковника графа Подгоричани-Петровича¹⁵ не состоялось, находившийся в то время в прикомандировании

¹⁴ Михаил Александрович Редров (1864–?), начальник Севастопольского жандармского управления; ранее — адъютант Самарского ЖПУЖд, начальник Армавирского, затем Тихорецкого, затем Екатеринодарского отделений Владикавказского ЖПУЖд, начальник Луганского отделения Воронежского ЖПУЖд, начальник Горийского отделения ЖПУ Закавказской железной дороги; помощник начальника Тифлисского ГЖУ в Тифлисском, Телавском и Сигнахском уездах; начальник Тамбовского ГЖУ, начальник Бессарабского ГЖУ.

¹⁵ Мануил Александрович Подгоричани-Петрович, граф (1867–?) — помощник начальника Севастопольского жандармского управления в Севастопольском градоначальстве и Евпаторийском уезде. Ранее — помощник начальника Курского ГЖУ в Белгородском, Гайворонском, Корочанском, Старо-Оскольском и Ново-Оскольском уездах; адъютант Одесского жандармского управления; в резерве при Киевском ГЖУ; помощник начальника Тобольского ГЖУ в Курганском и Ялуторовском уездах; помощник начальника Пермского ГЖУ в Екатеринбургском уезде; помощник начальника Могилевского ГЖУ в Гомельском, Рогачевском и Быховском уездах;

к вверенному мне управлению по розыску ротмистр Автамонов¹⁶ стал всячески подготавливать почву к назначению на эту должность его, в чем и успел, пользуясь посещениями Штаба командующего флотом, куда он неоднократно командировался мной за справками. В результате этого флаг-капитан оперативной части названного Штаба от 8 ноября прошлого года за № 1639 запросил меня, не встречается ли с моей стороны препятствий к назначению ротмистра Автамонова флаг-офицером, заведующим морской контрразведкой. На вопрос этот я от 14 того же ноября за №47 сообщил, что все назначения офицеров Корпуса жандармов зависят исключительно от командира Корпуса, к которому и рекомендовал обратиться по данному вопросу непосредственно. С 4 декабря по телеграмме Штаба Корпуса ротмистр Автамонов был командирован в Штаб командующего Черноморским флотом.

Состоя в моем подчинении с февраля по декабрь прошлого года, ротмистр Автамонов проявил себя как офицер, неспособный к самостоятельной и сосредоточенной работе, относился к своим служебным обязанностям небрежно и до невозможности запуская порученное ему специальное дело, особенно с то-

помощник начальника Таврического ГЖУ в Ятинском уезде; помощник начальника Харьковского ГЖУ в Изюмском и Старобельском уезде.

¹⁶ Александр Петрович Автамонов (1884–1929) — штаб-офицер контрразведывательного отделения штаба командующего Черноморским флотом (с 23 апреля 1916). С января 1917 г. — старший лейтенант (переименован из ротмистров Отдельного корпуса жандармов). Ранее — младший офицер ЖПУ Санкт-Петербургской железной дороги (1909–1911), адъютант Киевского ГЖУ, в прикомандировании к Киевскому ЖПУЖд, затем — к Киевскому ГЖУ. С 14 августа 1912 г. в прикомандировании к Севастопольскому жандармскому управлению. С мая 1917 в резерве чинов флота. Во ВСЮР с 18 апреля 1919, октябрь 1919 — помощник начальника Особого отделения Морского управления в Севастополе. С 29 марта 1920 капитан 2-го ранга, начальник Особого, затем Осведомительного отделений штаба флота. Капитан 1-го ранга по береговому составу (1 августа 1920). Эвакуировался с флотом в Бизерту (Тунис). На 25 марта 1921 г. в составе русской эскадры в Бизерте, в сентябре 1921 г. назначен на ответственный пост в районе расположения армии на Балканах и в марте 1922 убыл в Константинополь. В эмиграции в Югославии, Франции, состоял в отделе контрразведки штаба РОВС. Погиб, попав под поезд 21 января 1929 г. в пригороде Парижа Сен-Клу.

го времени, когда, задавшись целью получить морскую контрразведку, он сосредоточил все свое внимание на получаемые в управлении попутно с политическим розыском сведения по шпионажу, которые в личных интересах всячески старался раздуть в Штабе командующего флотом.

Наряду с этими отрицательными служебными качествами, ротмистр Автамонов также отличался крайним честолюбием, завистливостью и неуживчивостью с сослуживцами офицерами.

Обеспечив себе переход в Штаб командующего флотом, ротмистр Автамонов стал сразу и совершенно беспричинно интриговать против меня, начав с Севастопольского полицмейстера, которому стал передавать в извращенном виде все услышанные им в управлении частные беседы мои и прочих офицеров, о чем полицмейстер высказался мне лишь в мае текущего года, с какого времени отношения наши вновь урегулировались.

В ноябре прошлого года ротмистр Автамонов доложил мне, что находившийся в Севастополе агент контрразведывательного отделения Штаба Одесского военного округа, которого по соглашению моего предместника с начальником названного отделения вел он, представил ему полученные из Севастопольского градоначальства за деньги пропуски на въезд в Севастополь, о чем мной и было доведено до сведения г. Севастопольского градоначальника. При этом ротмистр Автамонов умолчал о способе получения названных пропусков и только после откомандирования его между бумагами, в беспорядке брошенными им в своем служебном письменном столе, был случайно найден доклад вышеупомянутого агента о выдаваемых из Севастопольского градоначальства за деньги пропусках, на каком-то докладе рукой ротмистра Автамонова была сделана надпись: «достать пропуск на имя Якова Ильича Павлова», при докладе находились и самые пропуски на имя Павлова и Скрябина.

Обнаружив совершенно случайно столь нечистый способ направления ротмистром Автамоновым секретной агентуры, я в присутствии офицеров управления спросил у него о способе приобретения пропуска на имя Павлова, а равно о том, где добытые пропуски ныне находятся, на что ротмистр Автамонов катего-

рически ответил, что ему доподлинно известно, что пропуска были добыты самим агентом и затем им же направлены начальнику контрразведывательного отделения Штаба Одесского военного округа. Подобный заведомо ложный в присутствии прочих офицеров ответ вынудил меня тут же предъявить ему указанные пропуска. Между тем столь нечистоплотный под моим прикрытием способ приобретения пропусков стал известен г. градоначальнику, который восстановил прежние свои отношения к управлению лишь по выяснении обстоятельств этого печального дела, которые, несомненно, все же оставили в нем нежелательный осадок по отношению чинов Корпуса жандармов вообще.

Интриги ротмистра Автамонова против остальных сослуживцев офицеров, не исключая и начальника местного железнодорожного отделения, создали такую атмосферу, что последние избегают с ним встречаться.

Перейдя в Штаб командующего флотом, но еще числясь в прикомандировании к управлению, ротмистр Автамонов, уже окончательно зазнавшийся, проявил полную свою недисциплинированность в письменных сношениях со мной, облекая их в форму предписаний: так, 19 мая сего года за № 567, препроводя мне «указания военным цензорам», он пишет: «прошу В[аше] В[ысокородие] ознакомить с таковым военных цензоров и принять в надлежащих случаях вышеупомянутые указания к руководству».

Независимо сего, опираясь на предложение мне Департамента полиции, разрешающее впредь до формирования морского контрразведывательного отделения пользоваться агентами и филерами управления, ротмистр Автамонов, совершенно игнорируя меня, как прямого начальника последних, однажды позволил себе без моего на то разрешения, вызвать в свою канцелярию писца с принадлежащей управлению пишущей машиной. Когда же об этом совершенно недопустимом проявлении самоуправства я сообщил его новому непосредственному начальнику капитану 2-го ранга Нищенкову¹⁷, то ротмистр Автамонов

¹⁷ Алексей Аркадьевич Нищенков (1882–1934) — военно-морской офицер, капитан 1-го ранга за отличие (09.01.1917). В Первую мировую войну

перенес свои интриги против меня и управления в Штаб командующего флотом, где они выразились в заведомо неточных его докладах начальнику Штаба, так: 17 марта сего года за №117 ротмистр Автамонов, сообщая мне полученные им агентурные сведения о том, что некий Кнодель в присутствии свидетелей Костича, Волковича и Юрхи перевозил немцев, пишет: «в целях проверки агентуры о вышеизложенном доношу В[ашему] В[ысокородию] на зависящее распоряжение и о последующем прошу меня уведомить». Приняв выражение о «проверке агентуры» буквально, а не в целях расследования самого случая, я предписал помощнику моему ротмистру Третьякову¹⁸ допросить лишь лиц, указанных ротмистром Автамоновым, и так как при проверке сообщенных им сведений была введена фамилия ещё одного свидетеля, то, во избежание провала агентуры, мной было приказано его не допрашивать. При встрече с ротмистром Автамоновым я сообщил ему об этом, и он ответил, что, в случае надобности, он допросит этого свидетеля сам. Доверяя офицеру на слово, я возвратил всю переписку ротмистру Автамонову, который, продержав ее у себя больше месяца, доложил ее затем начальнику Штаба флота как исчерпанную управлением не с должной полнотой, и от имени последнего возвратил ее мне «для дополнительного расследования путем допроса Житомирского» (вновь введенный свидетель).

В ночь на 30 минувшего июня по требованию ротмистра Автамонова чинами полиции в квартире, за которой мной велось наблюдение, был арестован матрос, о чем мне стало известно утром из неофициального источника. Желая проверить эти све-

служил на Черноморском флоте. Организовывал агентурную работу в сопредельных государствах, в частности в Османской империи. Помощник флаг-капитана по оперативной части штаба командующего Черноморским флотом, в 1916–1917 годах заведовал разведывательной частью того же штаба.

¹⁸ Третьяков Николай Николаевич (1875–?) — помощник начальника Севастопольского жандармского управления; ранее — адъютант Харьковского ЖПУЖд, помощник начальника Киевского отделения Киевского ЖПУЖд.

дения и узнать причину задержания матроса, я приказал помощнику моему ротмистру Крахотину¹⁹ справиться об этом по телефону у ротмистра Автамонова, который объяснил, что матрос действительно был задержан в упомянутой квартире за воинское преступление по распоряжению капитана 2-го ранга Нищенкова. Удовлетворившись этим, я по этому делу больше ничего не предпринял и потому был крайне поражен приглашением в начале сего июля заведывающего судной частью Штаба командующего Черноморским флотом генерала Федорова, который объяснил мне, что ротмистром Автамоновым подан капитану 2-го ранга Нищенкову рапорт о том, что ротмистр Крахотин по моему приказанию расспрашивал его о задержанном матросе, причем в рапорте этом настолько сгустил окраску как самого расспроса, так и тона, в котором он, якобы, производился, что дал капитану 2-го ранга Нищенкову основание представить этот рапорт по начальству при надписи «о вмешательстве жандармских властей в его распоряжение». Беспристрастное расследование этой новой интриги ротмистра Автамонова генералом Федоровым, по словам последнего, уже получило соответствующую оценку в резолюции командующего флотом, что «данный случай является сведением личных счетов, которые особенно в военное время не должны иметь место».

Для характеристики отношений ротмистра Автамонова к управлению обязываюсь доложить следующее: прослужа в Корпусе жандармов уже несколько лет, из коих последние по розыску, казалось бы, что ему должно быть известно хотя бы о том, что наведение справок дел управления по одним фамилиям, без обозначения имен и отчеств, совершенно бесцельно и лишь обременительно для канцелярии. Тем не менее ротмистр Автамонов забрасывает управление запросами о разных лицах,

¹⁹ Яков Ильич Крахотин, (1884–?) — помощник начальника Севастопольского жандармского управления; ранее — и. д. адъютанта Курляндского ГЖУ, и. д. начальника Канского отделения ЖПУ Сибирской железной дороги; прикомандирован к Лифляндскому ГЖУ; помощник начальника Курского ГЖУ в Бегородском, Грайворонском, Корочанском, Старо-Оскольском и Ново-Оскольском уездах.

несомненно, умышленно не указывая их имен и отчеств (записки от 11 и 14 июля с. г. за №№ 1053, 1056 и 1064). На просьбы же мои о необходимости указания таковых (надписи от 15 и 18 июля с. г. за №№ 7565, 7566 и 7568), т. к. по делам управления с запрашиваемыми фамилиями проходит много лиц, ротмистр Автамонов, не отвечая мне непосредственно, делает «соответствующий» доклад своему начальству, которое требует от меня сведения на всех без исключения лиц, проходящих под запрашиваемыми фамилиями, чем совершенно непроизводительно обременяет и без того заваленную работой канцелярию управления. (Сношение 3-го помощника флаг-капитана оперативной части Штаба командующего Черноморским флотом от 23 июля с. г. за № 1153, по которому мной сообщены подробные справки из дел Управления на двадцать лиц.)

Для полноты освещения создаваемых ротмистром Автамоновым отношений к своим товарищам по мундиру, считаю излишним доложить еще о нижеследующем: наблюдаемый ротмистром Автамоновым некий Смирнов при допросе им (протоколярно, от имени старшего флаг-офицера Штаба командующего Черноморским флотом, на основании Положения о государственной охране) в июне сего года о способе проникновения без надлежащего пропуска в Севастополь, заявил, что он проехал сюда, дав какому-то железнодорожному жандарму три рубля. Казалось бы, в интересах службы и дела случай этот следовало проверить безотлагательно, но так как к этому времени ожидалась перемена в высшем командовании Черноморского флота, то ротмистр Автамонов, несомненно, опять-таки с предвзятой целью оттенить действия жандармских чинов перед новым командующим флотом и представить их последнему в отрицательном виде, быть может, даже по оговору не заслуживающего особого доверия лица, донес об этом по начальству лишь по вступлении в должность вице-адмирала Колчака, т. е. более чем через месяц после допроса Смирнова.

Ввиду того, что я не имею оснований ожидать, чтобы ротмистр Автамонов в дальнейшем прекратил свои интриги против меня, офицеров и Управления, а напротив, склонен допустить,

что при совершенно новом составе Штаба командующего Черноморским флотом он таковые усугубит и тем может неблагоприятно повлиять на установившиеся как у меня, так и у офицеров наилучшие отношения с местными военными властями и администрацией, об изложенном вынужден донести Вашему Превосходительству.

Уважающий Вас покорный слуга *М. Редров*

ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 19678. Л. 6–8 об. Подлинник. Машинопись

№ 2.

7–8 октября 1916 г. Сопроводительная записка управляющего министерством внутренних дел А. Д. Протопопова председателю Совета министров Б. В. Штюмеру к донесению начальника Севастопольского жандармского управления полковника М. А. Редрова директору Департамента полиции А. Т. Васильеву о гибели дредноута «Императрица Мария». Приложение: донесение

Секретно.
Срочно.

№109 653

8 октября 1916 г.

Его Высокопревосходительству Б. В. Штюмеру

Управляющий министерством внутренних дел, свидетельствуя совершенное свое почтение Его Высокопревосходительству Борису Владимировичу, имеет честь препроводить при сем копию телеграммы начальника Севастопольского жандармского управления от 7 сего октября за № 3109.

[Приложение]

Разбор шифрованной телеграммы из Севастополя от полковника Редрова на имя директора Департамента полиции № 929

Подана «7» сего октября 1916 г. «9» ч. «10» мин.

Получено «8» сего октября 1916 г. «10» ч. «30» мин. пополуночи

Сегодня утром от взрыва порохового погреба затонул [на] Севастопольском рейде дредноут «Императрица Мария». № 3109.

Пометы: Г[осподин] дир[ектор] прик[азал] послать соотв[етствующие] копии всем лицам, как обычно посылается. 8. X.[1]916. И. д. секретаря.

В[есьма] срочно. Председателю Совета министров, г[осподи-ну] министру и г[осподину] товарищу министра. 8/10.

Копия представлена г[осподину] министру.

Копия представлена г[осподину] товарищу министра.

ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1915 г. Оп. 316. Д. 343 л. С. Л. 176–177. Подлин-ник. Машинопись. На телеграфном бланке

№ 3.

11 октября 1916 г. Донесение начальника Севастопольского жандармского управления полковника М. А. Редрова директору Департамента полиции А. Т. Васильеву об инциденте с дредноутом «Императрица Екатерина».

Разбор шифрованной телеграммы из Севастополя от полковника Редрова на имя директора Департамента полиции № 1486

Подана «11» сего октября 1916 г. «15» ч. «-» м.

Получено «12» сего октября 1916 г. «10» ч. «30» м. попо-лудни.

Сегодня ночью, возвращаясь [из] моря [в] Севастопольской бухте запутался [в] своих заградительных сетях дредноут «Императрица Екатерина», который [в] девять утра отведен [в] буксирный док. № 3157.

Резолюция: г[осподин] директор приказал озн[аченные] сведения сообщить в[есьма] срочно г[осподину] пред[седателю] Сов[ета] мин[истров] и г[осподину] мин[истру] в[нутренних] дел.

Помета: Копия представлена г[осподину] министру.

ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1915 г. Оп. 316. Д. 343 л. С. Л. 188. Подлинник. Машинопись. На телеграфном бланке

№ 4. 12 октября 1916 г. Донесение начальника Севастопольского жандармского управления полковника М. А. Редрова директору Департамента полиции А. Т. Васильеву о состоянии общественного мнения в Севастополе после гибели дредноута «Императрица Мария»

Секретно

12 октября 1916 г.

№ 3166

г. Севастополь

По розыску

По Особому отделу

Его Превосходительству господину директору Департамента полиции

По поступившим ко мне агентурным сведениям (сотрудник «Реалов»), настроение матросов и рабочих, под влиянием последних несчастных случаев, унылое, поговаривают о возможности предательства со стороны иноверных офицеров, преимущественно, с немецкими фамилиями, недовольных новым командующим Черноморским флотом.

Доносю о вышеизложенном Вашему Превосходительству в дополнение телеграмм и донесений моих от 7, 10 и 11 сего октября за №№ 3109, 314 и 3157, докладываю, что для освещения настроения рабочих и матросов мной направлена агентура, а изложенные сведения представлены Севастопольскому генерал-губернатору — Коменданту Севастопольской крепости.

Справка: письмо мое от 29 августа сего года за № 25.

Полковник *Редров*

Резолюция: Доложено господину директору. Срочно доложить господину министру. 19/Х.

Фото 20-го к 2 ч. дня.

ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1915 г. Оп. 316. Д. 343. л. С. пр. Л. 4. Подлинник.
Машинопись. На бланке

№ 5.

Не ранее 12 октября 1916 г. Донесение директора Департамента полиции А. Т. Васильева министру внутренних дел А. Д. Протопопову о состоянии общественного мнения в Севастополе после гибели дредноута «Императрица Мария»

«...»²⁰ октября 1916 г.

²⁰ Дата в документе не проставлена.

В Департаменте полиции получены сведения, что гибель дредноута «Императрица Мария» и авария линейного корабля «Императрица Екатерина» произвели угнетающее впечатление на матросов Черноморского флота и обслуживающих таковой рабочих: в среде их возникли толки, что указанные происшествия, возможно, явились последствием предательства некоторых морских офицеров, носящих немецкие фамилии, недовольных, будто бы, назначением вице-адмирала Колчака на должность командующего Черноморским флотом.

Об изложенном имею честь доложить Вашему Высокопревосходительству.

Подп[исал] Директор А. Васильев

ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1915 г. Оп. 316. Д. 343. л. С. пр. А. б. Отпуск.
Машинопись

№ 6.

14 октября 1916 г. Донесение директора Департамента полиции А. Т. Васильева министру внутренних дел А. Д. Протопопову об обстоятельствах гибели дредноута «Императрица Мария»

14 октября 1916 г.

В дополнение к бывшей на рассмотрении Вашего Высокопревосходительства телеграммы начальника Севастопольского жандармского управления о гибели 7-го сего октября на Севастопольском рейде линейного корабля «Императрица Мария», имею честь доложить нижеследующие подробности, полученные от названного начальника управления по почте.

Пожар на корабле начался в 6 часов 21 мин. утра, причем минуты через две после начала пожара последовало три оглушительных взрыва.

Через двадцать минут после начала пожара к месту стоянки корабля прибыл командующий Черноморским флотом вице-адмирал Колчак, который распорядился повернуть кормовую часть корабля ближе к берегу, но так как канат, которым был привязан корабль кормовой частью к бочке, не был обрезан, то повернуть его не удалось. В это же время корабль носовой ча-

стью стал погружаться в воду от открытых, якобы, по распоряжению морского начальства, кингстонов.

Мелкие взрывы на корабле следовали один за другим. Спустя короткое время после начала погружения носовой части, корабль стал быстро крениться на правый борт и минут через семь опрокинулся вверх дном.

Сколько именно при этом погибло команды, установить точно не представляется возможным, но, во всяком случае, число убитых, раненых и утонувших доходит до 500 человек.

От момента пожара до окончательного затопления судна прошло около одного часа.

Для выяснения причин взрыва немедленно была образована особая следственная комиссия под председательством главного командира Севастопольского порта вице-адмирала Новицкого.

Часов в 11 утра 7 октября последовало распоряжение Командующего флотом о прекращении выезда из Севастополя, отправления почты, телеграмм и телеграфного сообщения с другими городами.

По приказанию морского начальства, начальником Севастопольского жандармского управления в тот же день были обысканы и арестованы работавшие на затонувшем корабле — инженер Путиловского завода Игорь Вячеславович Будзианик-Винницкий и 15 его рабочих и работавшие на судах флота указатели, мастера и рабочие Обуховского завода и фирм Гейслер, Сименс и Шуккерт и Всеобщей компании электричества, — всего 48 человек, которые со всем отобранным по обыску и переданы в распоряжение упомянутой следственной комиссии.

Произведенным начальником Управления, с своей стороны, негласным расследованием, данных, указывающих на злой умысел, не добыто; имеются указания, что пожар произошел от неправильного соединения электрических проводов, так как перед началом пожара погасло электричество, причем отмечается, что рабочие, особенно те, которые занимались проводкой электричества, допускались на корабль свободно и работали без всякого присмотра.

Упомянутый выше инженер Будзианик-Винницкий вернулся с корабля накануне в 4 час. 15 мин. вечера, рабочие же в 9 час. 30 мин. вечера, а в день взрыва они на корабле не были вовсе.

Директор Васильев

ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1915 г. Оп. 316. Д. 343 л. С. Л. 190–191. Отпуск.
Машинопись. На бланке

№ 7.

14 октября 1916 г. Донесение начальника Севастопольского жандармского управления полковника М. А. Редрова директору Департамента полиции А. Т. Васильеву о необходимости дачи указаний в связи с распоряжением Штаба командующего Черноморским флотом о проведении расследования отправки телеграммы с сообщением о гибели дредноута «Императрица Мария»

Разбор шифрованной телеграммы из Севастополя

От полковника Редрова

На имя директора Д[епартамен]та полиции

№ 1956

Подана «14» сего октября 1916 г. 17 ч. 34 м.

Получено «15» сего октября 1916 г. 10 ч. 30 м.

Сейчас меня вызвал начальник Штаба Командующего Черноморским флотом и предъявил мне следующую телеграмму: «[В] среду вчера в Совете министров министр внутренних дел показывал телеграмму из Севастополя, в которой сообщалось, что “Екатерина” запуталась в сетях. Сомневаясь, чтобы подобная телеграмма была послана с Вашего ведома, сообщая для сведения и распоряжения. Русин²¹». О том, кто послал эту телеграмму приказано мне произвести расследование [и] доложить. Мне воспрещено, [под] угрозой отстранения [от] должности, что-либо[...]²² доносить, что мной донесено 29 августа № 25. Прошу указаний²³.

№ 3196

²¹ Александр Иванович Русин — начальник Морского штаба Ставки, адмирал.

²² Несколько букв в телеграмме по шифру пропущено (прим. док.).

²³ Слова «что мной донесено 29 августа № 25. Прошу указаний» зачеркнуты карандашом.

Резолюции: Севастополь. Начжанд. Телеграфируйте совершенно откровенно, какие надо принять меры, чтобы прекратить расследование.

*Г. Директор приказал немедленно сжечь копии и представить. Его Прев[осходитель]ству телеграммы не посылать. 15/10
Помета: Копия предоставлена г. дир[ектору]²⁴.*

ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1915 г. Оп. 316. Д. 343. л. С. пр. А. 1. Телеграфный бланк

№ 8.

14 октября 1916 г. Сообщение начальника Севастопольского жандармского управления полковника М. А. Редрова начальнику Штаба командующего Черноморским флотом контр-адмиралу С. С. Погуляеву²⁵ с изложением агентурных данных об обстоятельствах гибели дредноута «Императрица Мария»

Копия
Совершенно секретно
Лично

14 октября 1916 г.

№ 3170

г. Севастополь

По розыску

Его Превосходительству начальнику Штаба командующего Черноморским флотом

На сношение Вашего Превосходительства от 10-го сего октября за № 2702 о препровождении поступивших ко мне сведений, касающихся гибели линейного корабля «Императрица Мария»,

²⁴ На копии директора (ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1915 г. Оп. 316. Д. 343. л. С. прод. А. 2) резолюция: «Надо закончить дело от моей неосторожности. Во всяком случае, чтобы полк [овник] Редров ничего не потерял».

²⁵ Сергей Сергеевич Погуляев — с февраля 1916 г. — начальник 1-й бригады линейных кораблей Черноморского флота. С 29 февраля 1916 — контр-адмирал за отличие с зачислением в Свиту Его Императорского Величества. Присвоено старшинство с 23.12.1913. С октября 1916 по апрель 1917 г. — начальник штаба Черноморского флота.

имею честь сообщить, что поступающие ко мне по этому поводу агентурные данные, от подведомственной мне политической агентуры, сводятся к следующему:

Г. г. офицеры и кондуктора погибшего корабля высказываются, что корабль затонул от случайно взорвавшегося снаряда, так как накануне целую ночь проводилась погрузка таковых. (Сотрудник «Шепетовский».)

Раненые матросы с корабля «Императрица Мария» высказываются, что взрыв произошел от неправильного соединения электрических проводов, так как перед пожаром на корабле погасло электричество. Кроме этого, эти матросы говорят о том, что рабочие по проводке электричества, бывшие на корабле накануне взрыва до 10 час[ов] вечера, могли что-нибудь учинить и со злым умыслом, так как рабочие при входе на корабль совершенно не осматривались и работали также без досмотра²⁶.

Особенно высказывается подозрение в этом отношении на инженера той фирмы, что на Нахимовском проспекте в д. № 35, якобы накануне взрыва уехавшего из Севастополя. (Сотрудник «Курочкин».)

(На Нахимовском проспекте в д. № 35 помещается два отделения акционерного общества Сименс-Шуккерт, из коих одним, ставящим электричество на военные корабли, заведывал инженер Иван Демидович Мансуров, которого 7-го сего октября в г. Севастополе не оказалось, но обыск в названном отделении все-таки был произведен.)

По словам опытных старых рабочих, пожар на линейном корабле «Императрица Мария» мог произойти от взрыва нефтеподогревателей, форсунки коих начинают действовать при нагревании нефти до 55°, предел же нагревания не должен превышать 80°, в противном случае может произойти взрыв, что, судя по обстановке, и случилось. Настроение мастеровых и рабочих, под влиянием последних несчастных случаев, унылое, поговаривают о возможности предательства со стороны иноверных офицеров, преимущественно с немецкими фамилиями, недовольных

²⁶ На полях помета: «Хороши порядки».

строгими энергичными действиями нового командующего флотом. (Сотрудник «Реалов».)

В матросской среде определенно держится слух о том, что взрыв был произведен злоумышленниками с целью не только уничтожить корабль, но и убить командующего Черноморским флотом, который своими действиями за последнее время, а особенно тем, что разбросав мины у Босфора, окончательно прекратил разбойничьи набеги турецко-германских крейсеров на побережье Черного моря; кроме того он своими энергичными действиями в этом направлении вызвал недовольство и в командном составе, особенно у лиц с немецкими фамилиями, которые при бывшем командующем флотом абсолютно ничего не делали (Сот[рудник] «Константинов».)

Служащий артельщиком в Службе связи Черного моря Захарчевный рассказывал, что будто бы матросы отправили командующему флотом письмо с просьбой удаления всех служащих в Черноморском флоте с немецкими фамилиями, с угрозой повторения беспорядков 1905 года, а старший унтер-офицер миноносца «Завидный» Симоненко высказал, что он слышал, что собирались убить командующего флотом за то, что он слишком строго требует исполнения служебных обязанностей, и гибель корабля «Императрица Мария» указывает, что его убьют непременно. (Сотр[удник] «Игнатъев».)

Помощник машиниста, работающий на черпаке в Сухарной балке, лет 50 от роду, с седой бородой, фамилия коего неизвестна, рассказывал со слов спасшегося с корабля «Императрица Мария» боцмана, что в день гибели названного корабля с него в 5 час[ов] утра сошел на берег какой-то офицер, и когда боцман спросил у него, как доложить по начальству о его такой ранней отлучке, этот офицер ответил: «Как знаешь, так и докладывай». Морской ополченец Кудрявцев, работающий в железнодорожной мастерской, тоже рассказывал о вышеизложенном. (Кудрявцев Измаил Иванович, проживает в д. № 34 по Белостокской улице). (Сотрудник «Нестеров».)

Проживающая в д. № 47 по Екатерининской улице горничная агента страхового общества Агафья Вольнова рассказывала

в присутствии свидетелей, что нанимающий у ее хозяев квартиру лейтенант с погибшего корабля «Императрица Мария» говорил своей жене, что на означенном корабле служил мастером, по подложному паспорту, какой-то немец, который и подложил подозрительный ящик под склад снарядов, отчего и произошел взрыв. Бывшая при этой разговоре Анастасия Иванова Сергеева, проживающая в д. № 15 по Артиллерийской улице, слышала этот разговор. (Сотрудник «Пушкин».)

Железнодорожный проводник № 6-й, вагона II класса, маленький, рыжеватый, говорящий нараспев, едущий в поездах № 5 и 6с, доставлял какому-то морскому офицеру корреспонденцию на Большую Морскую улицу № 71 кв. 1, офицер этот немец и говорил исключительно на немецком языке. Бывший носильщик ст. Севастополь Петр Дмитриев Политаенко однажды, по просьбе проводника, носил на указанную квартиру пакет, опечатанный сургучной печатью и передал его через девушку господину в форме морского офицера, который разговаривал с открывшей дверь девушкой по-немецки. Политаенко высказывался, что за это он получил 2 руб. (По Большой Морской улице № 71 кв. 1, в квартире аптекаря Милославского жил отставной генерал-майор Иван Германович Мейер, 54 лет, с семьей, по бессрочной паспортной книжке Главного гидрографического управления Морского министерства от 23 мая 1912 года за № 222, который значитесь бывшим 14 сентября сего года в г. Петроград.)

Личность проводника устанавливается и за ним ведется наблюдение в целях ареста его с поличным.

Проживающий в г. Севастополе на Цыганской слободке по 1-й Кривой улице в д. № 11, бывший турецко-подданный грек Параскева Кузьмин Григориади укрывает у себя высланных из Севастополя турок, так: накануне взрыва 6 октября вечером у него скрывался неизвестный турок, женатый на дочери цыгана Алима, проживающего там же по 2-й Кривой улице в собственном доме. При попытке городского Федора Коваля задержать этого турка Григориади принял меры к тому, чтобы он скрылся. (Случайного заявителя.)

В Управлении были получены два анонимных письма следующего содержания:

1) «Милостивый государь, господин градоначальник. Полиция вверенного Вам города, как и вообще полиция, крайне неразвита и необразована, а следовательно, и трудно ожидать от нее долга патриота.

Идет распродажа пропусков для темных личностей и не малейшего надзора за обывателями лютеранами.

Грозят Вас флот Черноморский уничтожить. Поэтому пока немцы, какие бы то ни были подданные, останутся в пределах Крыма, ни флот, ни жители не останутся в безопасности.

Указываю на явный шпионаж — Кроншевский скрыл под своим именем имущество и магазин германско-подданного Маркса. Ничего не делает и разъезжает по районам, где есть заводы для военных нужд.

Брат Кроншевского был расстрелян под Варшавой, как явный шпион.

Господин градоначальник, или уберите всех немцев из Севастополя, хотя бы и русских подданных, или других дружеских с нами стран, или Вам будет плохо.

Мы измучены халатностью власти, мы даем все, чтобы покорить дерзкого врага, но если власть спит, то мы ни на победу, ни даже на гарантию личной жизни не надеемся. И. И. В.»

2) «Ваше Превосходительство. Вы стесняете жизнь заведомо преданных людей своему отечеству и не видите, что делается вокруг Вас. В городе живут шпионы немцы, получают пропуска через Пастухова своим родственникам. Кроншевский, бывший здесь кондитер, истый шпион, имеет постоянный пропуск для своего брата через Пастухова, которого угощает вином и ужином. Вся полиция причастна к подобному роду²⁷ явлениям. Если еще будут оставаться немцы и немки, хотя бы и русско-подданные в Севастополе, то у нас ни одно судно не останется, и Вы первый поплатитесь своей головой. Немедленно требуем удалить из Севастополя лютеран мерзавцев, нам таких подданных не нужно, Кроншевский сегодня же совершил бегство, заранее распродал свой домашний скарб. Вы как градоначальник обяза-

²⁷ Так в документе.

ны принять к сведению случившееся. В Севастополе идет продажа пропусков. Своим известным людям учиняют препятствия и немкам, женам призванных на войну, дают право жительства.

Кроншевский, Бутлер директор банка городского, Готсман Ида Карловна, Штильберг офицер с флота, Берри жена прапорщика с транспорта. Я много могла бы сказать Вам, но душа изнывает о случившемся.

Или вышлите всех лютеран, или Вам и Колчаку будет плохо. Примите к сведению. Матрос».

Письма эти мной были препровождены председателю следственной комиссии вице-адмиралу Новицкому, вместе с арестованным Кроншевским.

О названном Кроншевском в Управлении имеются следующие сведения: он, Кроншевский, путем фиктивной сделки, перевел на свое имя магазин высланного из Севастополя германско-подданного Маркса, живет в сожительстве с Марией Семеновой Бондаренко, родной сестрой жены названного Маркса, открыто высказывает свои германофильские симпатии, часто по каким-то делам посещает города Екатеринослав, Харьков и др., где проживает не стесняясь в средствах; в г. Севастополе близок с фотографом Мазуром, ресторатором Морского собрания Миллером, каким-то армейским подполковником, соседом по магазину — высоким греком — и каким-то неустановленным черненьким, маленьким евреем, с которым у него особенно близкое знакомство.

Независимо изложенных сведений, считаю необходимым сообщить нижеследующие справки на лиц, арестованных 7 и в ночь на 8 сего октября в г. Севастополе по телефонограмме Вашего Превосходительства и проходивших по делам вверенного мне управления, список коих мной был препровожден вице-адмиралу Новицкому при отношении от 8 сего октября за №3114.

1) Чижов Семен Кузьмин.

В 1906 г. привлекался к дознанию при Московском губернском жандармском управлении по обвинению его в преступлении, предусмотренном 129 ст. Угол[овного] Улож[ения], но чем такое окончилось, сведений не имеется.

2) Шевченко Степан Федоров.

В 1907 году, по распоряжению Севастопольского генерал-губернатора, он был выслан из пределов Севастопольского градоначальства за политическую неблагонадежность, но в 1909 году ему разрешено проживать в г. Севастополе.

3) Гурский Болеслав, прусский-подданный.

Согласно циркуляра Департамента полиции от 15 июля 1910 года за №126032/103, ст. 18 744, ему воспрещен въезд в пределы Российской империи, но будет ли он и работавший на корабле «Императрица Мария» Болеслав-Петр Станиславов Гурский, одно и то же лицо, сведений у меня не имеется.

4) Некий Борисов Василий, матрос Балтийского флота, в 1912 году принадлежал к Союзу черноморских моряков торгового флота, и на его имя в г. Петроград пересылалась нелегальная литература означенной организации, но будет ли он и рабочий Василий Никитин Борисов одно и то же лицо, сведений также не имеется.

5) Роокс Вильгельм-Карл Петров.

В июле сего года в г. Севастополе военной цензурой было задержано заказное письмо на его имя на немецком языке, которое при сем и прилагается.

6) Богданов Михаил Павлов, крестьянин, значится в циркуляре Департамента полиции от 8 января 1914 года за № 155041/1 как утерявший свой паспорт.

Подписал и верно:

Полковник *Редров*

ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1915 г. Оп. 316. Д. 343. л. С. пр. Л. 13–16. Заверенная копия. Машинопись.

№ 9.

17 октября 1916 г. Донесение начальника Севастопольского жандармского управления полковника М. А. Редрова директору Департамента полиции А. Т. Васильеву о роли управления и контрразведывательного отделения Штаба командующего Черноморским флотом в расследовании обстоятельств гибели дрездноута «Императрица Мария»

Совершенно секретно

Лично

17 октября 1916 г.

№ 29

г. Севастополь

По розыску

Его превосходительству господину директору Департамента полиции

Представляя при сем копию сообщения моего начальнику Штаба командующего Черноморским флотом от 14 сего октября за № 3170, обязываюсь доложить о нижеследующем:

До сформирования в начале 1916 г. контрразведывательного отделения Штаба командующего Черноморским флотом, борьба с иностранным соглядатайством всецело сосредоточивалась во вверенном мне управлении и осуществлялась наличными средствами самого управления при содействии агента контрразведывательного отделения Штаба Одесского военного округа. Во второй половине прошлого года, вследствие личного моего доклада, бывшим командующим флотом адмиралом Эбергардом были отпущены в мое распоряжение необходимые денежные средства, и борьба со шпионажем стала налаживаться в более широком размере, но к концу года, по желанию моряков, при Штабе командующего флотом было приступлено к формированию самостоятельного контрразведывательного отделения, начальником коего, после целого ряда происков и интриг, был назначен находившийся до того в прикомандировании к управлению ротмистр Автамонов. Тогда же во вновь сформированное контрразведывательное отделение перешла и содержавшаяся на средства, отпускавшиеся командующим флотом, специальная агентура. Широко идя навстречу формируемому контрразведывательному отделению всеми имеющимися в моем распоряжении средствами, я к концу мая текущего года был совершенно отстранен от активной деятельности по борьбе с иностранным соглядатайством, и вся в этом направлении деятельность управления свелась к исполнению многочисленных «циркуляров» о розыске разных заподозренных в шпионаже лиц, поступавших от начальника контрразведывательного отделения Штаба Одес-

ского военного округа и в перепечатке их от начальника контрразведывательного отделения Штаба командующего Черноморским флотом.

Получив в свое ведение контрразведывательное отделение, охватывающее район Черноморского побережья от Одессы до Трапезунда, ротмистр Автамонов, будучи совершенно неопытным и не подготовленным к самостоятельной розыскной деятельности вообще, усугубил лишь свои интриги против меня и чинов управления, о чем я вынужден был донести начальнику Штаба Отдельного корпуса жандармов — письмом от 31 июля сего года за № 23²⁸. Отлучаясь из Севастополя на довольно продолжительные промежутки времени, ротмистр Автамонов оставляет Севастополь, как базу Черноморского флота и первоклассную крепость, без всякого специально возложенного на него наблюдения лишь на своих вольнонаемных служащих, даже без офицера, причем только в последнее время у него появился заместитель — прапорщик Каминский.

Все добываемые мной попутно с политическим розыском по управлению и неуклонно сообщаемые в контрразведывательное отделение сведения по шпионажу обычно возвращаются мне же, но через начальника Штаба Командующего флотом, для расследования в присутствии низших чинов контрразведывательного отделения. С уходом адмирала Эбергардта и вступлением в командование Черноморским флотом вице-адмирала Колчака, у меня прервалась всякая связь со Штабом командующего флотом, так как не только меня, но даже высших чинов местной администрации вице-адмирал Колчак ни с какими личными докладами не принимает, возложив это исключительно на коменданта Севастопольской крепости по званию Севастопольского генерал-губернатора. По письму же бывшего министра внутренних дел г[осподина] Хвостова, основанному на донесениях моих в Департамент полиции от 16, 21 и 27 июля сего года за №№ 2516, 2544 и 2584, вице-адмирал Колчак затребовал от меня через Штаб крепости объяснение, чем руководствовался я в упомянутых донесениях, категорически приказал мне,

²⁸ См. документ № 1.

как находящемуся в крепости, объявленной на осадном положении, под угрозой отстранения от должности, никому ни о чем не доносить помимо коменданта крепости, о чем мной было донесено Вашему Превосходительству письмом от 29 августа сего года за № 25.

В день гибели линейного корабля «Императрица Мария» начальник контрразведывательного отделения также отсутствовал и явился лишь к вечеру, когда по телефонограмме начальника Штаба Черноморского флота в Штабе Севастопольской крепости мной были уже произведены обыски и аресты, но так как в телефонограмме не были указаны не только места жительства подлежащих аресту лиц, но даже их фамилии, несмотря на то, что все они работали на судах, то прежде их ареста пришлось принимать меры к их установке. Все отобранное по обыскам вместе с протоколами таковых, согласно первоначального приказа начальника Штаба командующего флотом, было препровождено мной в следственную комиссию, но затем переправлено в контрразведывательное отделение, на начальника коего возложено расследование о гибели корабля, в результате чего из 47 арестованных уже освобождено 21. Принимая во внимание поступившие не только ко мне, но даже к чинам полиции, требования начальника Штаба командующего флотом о сообщении всех получающихся сведений о гибели корабля «Императрица Мария» начальнику контрразведывательного отделения, можно заключить о полной несостоятельности в этом направлении сего последнего. О том же, как производится это расследование, указывает следующий факт:

15-го сего октября унтер-офицером вверенного мне управления была подобрана в вагоне трамвая полуоткрытая папка с бланками протоколов допроса в порядке военного положения по образцу, принятому в Корпусе жандармов, некоторые из коих оказались с текстом допросов разных лиц о причинах гибели дредноута «Императрица Мария», но без обозначения лица, производившего допросы. Папка эта по опечатании была представлена мной в Штаб командующего Черноморским флотом.

Имея в виду выход из строя второго дредноута «Императрица Екатерина», запутавшегося в бухте в своих же заградительных цепях, о чем мною донесено Вашему Превосходительству

телеграммой от 11 октября сего года за № 3157²⁹, а равно поступающие ко мне агентурные сведения о волнениях в матросской среде на почве подозрения ими в предательстве всех служащих во флоте лиц с немецкими фамилиями, возможны поэтому разные выступления. К дальнейшему освещению настроения матросов и рабочих мной продолжает направляться агентура и все имеющие поступить сведения будут немедленно доноситься лично Вашему Превосходительству.

К сему докладываю, что для производства расследования о последних событиях в Черноморском флоте утром 16-го сего октября прибыла из Петрограда в Севастополь особая следственная комиссия, а в ночь на это число дредноут «Императрица Екатерина» при свете огней был выведен из дока и поставлен на рейд.

В представляемой копии донесения моего указаны сотрудники, доставившие сведения, что в подлинном не отмечено.

Полковник *Редров*

Резолюция: К сведению. Сообщите наши сведения о Гурском, что я уже просил. Ротмистра Автономова³⁰ надо отметить отрицательно. 23/10.

Помета: Хорошая характеристика к[онтр] р[азведывательного] отд[еления]. 21 окт[ября].

ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1915 г. Оп. 316. Д. 343. л. С. пр. А. 10–12 об. Подлинник. Машинопись. На бланке

№ 10.

18 октября 1916 г. Донесение начальника Севастопольского жандармского управления полковника М. А. Редрова директору Департамента полиции А. Т. Васильеву о порядке сношения управления с руководством Отдельного корпуса жандармов и Департамента полиции.

Совершенно секретно

²⁹ См. документ № 3.

³⁰ Так в документе. Правильно: Автомонова.

18 октября 1916 г.

№ 31.

г. Севастополь

По розыску

Его Превосходительству господину директору Департамента полиции

В августе сего года, вследствие вызванного донесениями моими в Департамент полиции от 16, 21 и 27 июля за №№ 2561, 2544 и 2584 письма бывшего министра внутренних дел тайного советника Хвостова командующему Черноморским флотом вице-адмиралу Колчаку, мне от имени сего последнего комендантом Севастопольской крепости и Севастопольским генерал-губернатором генералом от артиллерии Ананьиным было отдано категорическое приказание, воспрещающее мне под угрозой отстранения от должности доносить о чем-либо и кому бы то ни было, кроме генерал-губернатора. При этом мне было указано, что Севастополь, как крепость, объявленная в осадном положении, должна рассматриваться как совершенно изолированная от влияния какого бы то ни было другого начальства, кроме коменданта крепости. На приказание это мной было доложено сначала словесно, а затем письменно от 17 августа за № 2739, что, согласно 689 ст. кн. III Св[ода] в[оенных] п[оложений] 1869 г. на чинов Отдельного корпуса жандармов возложены обязанности по обнаружению и исследованию преступлений и что на основании 656 ст. той же книги, главное начальствование над Отдельным корпусом жандармов принадлежит г[осподину] министру внутренних дел, который управляет Корпусом по строевой и хозяйственной части через командира Отдельного корпуса жандармов, а по предметам, относящимся к обнаружению и исследованию преступлений, через Департамент полиции Министерства внутренних дел. Далее, доложив особые обстоятельства службы нашей в переживаемое время, я просил ходатайства генерала Ананьина перед адмиралом Колчаком об оставлении порядка прежних моих сношений в подлежащих случаях с Департаментом полиции и начальством Отдельного корпуса жандармов. На это генерал Ананьин, предписанием от 21 августа за № 816,

указал мне, что сношения мои со Штабом Отдельного корпуса жандармов, как ограничивающиеся вопросами исключительно строевыми и хозяйственными, должны остаться по-прежнему, все же сношения с Департаментом полиции делать исключительно через него, как коменданта крепости и Севастопольского генерал-губернатора.

Находя подобное ограничение моих служебных обязанностей, особенно в настоящее время, совершенно ненормальным, я довел об этом до сведения Вашего Превосходительства письмом от 29 августа за № 25, доложив, что ввиду сего все мои доклады будут делаться впредь совершенно конфиденциально. Придав исключительную важность гибели 7-го сего октября дредноута «Императрица Мария» и несчастье 11 октября с дредноутом «Императрица Екатерина», я, несмотря на тяготившее надо мной запрещение и угрозу отстранения от должности, счел своим служебным долгом немедленно донести об этом Вам и командиру Корпуса.

14 октября я был вызван в Штаб командующего Черноморским флотом, где мне была предъявлена телеграмма начальника Морского штаба Верховного главнокомандующего адмирала Русина, изложенная в телеграмме моей от того же числа за № 3196³¹. На следующий же день я был вызван лично к вице-адмиралу Колчаку, который строжайше приказал мне расследовать и доложить, кем было донесено министру внутренних дел о несчастном случае с дредноутом «Императрица Екатерина», причем я вынужден был доложить, что «господину министру внутренних дел я об этом не доносил». Независимо сего вице-адмирал Колчак приказал мне, как главному цензору Севастопольской крепости, вопреки 368 ст. Уст[ава] Угол[овного] Судопр[оизводства] и п. 5 ст. 4. Временного положения о военной цензуре, высочайше утвержденного 20 июля 1914 г., сделать распоряжение о доставлении в его штаб для регистрации всех без исключения зашифрованных телеграмм, подаваемых в г. Севастополе должностными лицами, не исключая и моих.

³¹ См. документ № 7.

Донося об изложенном, испрашиваю указаний, как поступать мне в создавшихся служебных условиях, особенно имея в виду телеграмму Вашего Превосходительства от 12 октября за № 1396 о представлении обзора вверенного мне района.

К сему докладываю, что в целях конспирации, без особого распоряжения Вашего Превосходительства, прибыть в Петроград для личного доклада я в настоящее время лишен возможности.

Справка: донесение мое от 17-го сего октября за № 29³².

Полковник *Редров*

Резолюция: Доложено господину директору. Приказано сообщить в Штаб о вызове пол[ковни]ка Редрова в Петроград по делу Д[епартамента] п[олиции]. 24/Х.

Помета: И. А. Смирнову. Полк[овника] Редрова необходимо вызвать в Петроград [...]»³³ 21 окт[ября].

ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1915 г. Оп. 316. Д. 343. л. С. пр. А. 7–8 об. Подлинник. Машинопись. На бланке

№11.

31 октября 1916 г. Донесение начальника Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в столице генерал-майора К. И. Глобачева директору Департамента полиции А. А. Васильеву о вероятной причине взрыва на дредноуте «Императрица Мария»

Секретно

31 октября 1916 г.

№ 22 597

По поступившим во вверенное мне Отделение агентурным сведениям, среди рабочих завода Лесснера распространяется слух, что бывший на Севастопольском рейде взрыв линейного корабля «Мария» мог произойти от неисправности контактов от элеваторов для подачи снарядов и зарядов из минных погребов на палубу. Эти контакты были заказаны означенному заводу и в действительности были изготовлены неисправно. По изго-

³² См. документ № 9.

³³ Неразборчиво.

товлении, без всякого досмотра, все заказанные приспособления были упакованы и экстренно отправлены в Севастополь, несмотря на то, что инструкция для приема этих приспособлений требовала осмотра через особые препараты.

Об изложенном имею честь донести Вашему Превосходительству.

Генерал-майор *Глобачев*

Резолюция: Письмом от г[осподина] директора сообщить этот слух нач[альнику] морского генерал[ного] штаба. 2/11.

ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1915 г. Оп. 316. Д. 343. л. С. пр. Л. 17. Подлинник. Машинопись. На бланке

№12.

9 ноября 1916 г. Донесение начальника Севастопольского жандармского управления полковника М. А. Редрова директору Департамента полиции А. Т. Васильеву о праве чинов контрразведывательного отделения при Штабе командующего Черноморским флотом выемки почтово-телеграфной корреспонденции из Севастопольской почтовой конторы³⁴

Разбор шифрованной телеграммы из Симферополя от полковника Редрова на имя директора Департамента полиции

Подана «9» сего ноября 1916 г. «7» ч. «22» м. пополудни

Получено «9» сего ноября 1916 г. «9» ч. «—» м. пополудни

7 ноября Севастопольская почтовая контора получила требование Штаба командующего флотом о предъявлении чинам контрразведывательного отделения названного штаба корреспонденции, сего числа мной получена от ротмистра Автамонова копия сношения начальника военных сообщений Одесского округа от 13 февраля текущего года номер двадцать пять на имя начальника Одесского почтового округа, что чинам контрразведывательного отделения упоминаемого Штаба предоставляется право осмотра [и] выемки почтовой [и] телеграфной корреспонденции; сего же

³⁴ Рапорт аналогичного содержания был направлен полковником Редровым командиру Отдельного корпуса жандармов. ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 19678. Л. 10–11.

числа за подписью Автамонова [по] почте получено требование доставить ему [на] квартиру телеграммы с 6 по 9 октября, несомненно, [в] целях расшифровки моей телеграммы [от] 7 октября [о] гибели «Марии». [По] мнению коменданта, распоряжение начальника округа не обязательно [в] крепости, ему не подчиненной, следовательно, желание Автамонова получить мою телеграмму основано [на] собственной инициативе. [№] 38.

Резолюция: Ничего не надо предпринимать, раз уже он догадывается, кто послал. 10/ XI.

Помета: Его Пр[евосходитель]ству П. Г. Курлову. 9 ноя[бря].

ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1915 г. Оп. 316. Д. 343. л. С. пр. Л. 19. Машинопись. На телеграфном бланке

№13.

17 ноября 1916 г. Донесение начальника Севастопольского жандармского управления полковника М. А. Редрова директору Департамента полиции А. Т. Васильеву об отправке его шифрованных телеграмм о гибели дредноута «Императрица Мария» в контрразведывательное отделение при Штабе командующего Черноморским флотом³⁵

Разбор шифрованной телеграммы из Симферополя от полковника Редрова на имя директора Департамента полиции

Подана «17» сего ноября 1916 г. «11» ч. «12» м.

Получено «17» сего ноября 1916 г. «9» ч. «-» м. пополудни

В дополнение телеграммы моей [от] 8 ноября №38 докладываю, что на запрос почтового начальника на...³⁶, подлежат ли осмотру контрразведывательным отделением правительственные телеграммы, Штаб флота ответил утвердительно, и сегодня туда направлены и мои телеграммы за седьмое октября о гибели «Марии». № 3659.

Резолюция: 18/XI. Доложить мне о переводе Редрова.

³⁵ Рапорт аналогичного содержания был направлен полковником М. А. Редровым командиру Отдельного корпуса жандармов. ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 19678. Л. 12.

³⁶ Отточие документа. По шифру, очевидно, пропуск (прим. док.).

*Пометы: Его Пре[восходительс]тву П. Г. Курлову. 18 ноя[бря].
К докладу г[осподину] т[оварищу] министра. 19/11.*

ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1915 г. Оп. 316. Д. 343. л. С. пр. Л. 27. Машинопись. На телеграфном бланке

№14. Не ранее 18 ноября 1916 г. Проект письма директора Департамента полиции А. Т. Васильева начальнику Штаба командующего Черноморским флотом контр-адмиралу С. С. Погуляеву о телеграмме начальника Севастопольского жандармского управления полковника М. А. Редрова

Шифр

Севастополь

Начальнику Штаба командующего Черноморским флотом

Ввиду предложения Вашего Превосходительства на имя начальника Севастопольского жандармского управления от 18 ноября № 3353 уведомляю, что отправленная 7 октября полковником Редровым мне шифрованная телеграмма никакого отношения [к] задачам, преследуемым контрразведывательным отделением, не имеет.

Директор Департамента полиции

Резолюция: Не посылать.

ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1915 г. Оп. 316. Д. 343. л. С. пр. Л. 35. Подлинник. Машинопись

№15.

19 ноября 1916 г. Рапорт начальника Севастопольского жандармского управления полковника М. А. Редрова в Штаб Отдельного корпуса жандармов о действиях военно-морских властей и контрразведывательного отделения при Штабе командующего Черноморским флотом в связи с отправкой Редровым шифрованных телеграмм о гибели арденута «Императрица Мария»³⁷

³⁷ Донесение аналогичного содержания было отправлено полковником М. А. Редровым директору Департамента полиции А. Т. Васильеву 19 ноября 1916 г. № 47. (ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1915 г. Оп. 316. Д. 343. л. С. прод. Л. 28–28 об.)

Секретно

19 ноября 1916 г.

№46

г. Севастополь

Рапорт

В дополнение моих телеграмм от 8-го и 17-го сего ноября №№ 38 и 3659³⁸ обязываюсь доложить нижеследующее:

17-го сего ноября после 12 часов дня чиновник почтовой конторы доставил ротмистру Автамонову вытребованные им телеграммы за 6,7,8 и 9 минувшего октября, а в числе их и мои шифрованные от 7 октября за № 3110 на имя Вашего Превосходительства и за № 3109 на имя командира Корпуса жандармов. К 6 часам вечера того же числа телеграммы эти, несомненно уже расшифрованные, были представлены ротмистром Автамоновым и. д. начальника разведывательной части Штаба командующего флотом капитану 2-го ранга Нищенкову.

В 8 часов 15 минут вечера в управлении была получена следующая телефонограмма: «Ротмистру Крахотину. Прошу, если имеете возможность, не отказать прибыть сегодня к 10 часам вечера в помещение Русского общества пароходства и торговли для переговоров по срочному делу. Ответ прошу дать по телефону № 285. Капитан 2-го ранга Нищенков», на которую вахмистр управления ответил следующей телеграммой: «Капитану 2-го ранга Нищенкову. Докладываю Вашему Высокоблагородию, что ротмистр Крахотин отлучился из управления по срочному делу, вероятно, к 10 часам возвратятся, телефонограмма Ваша немедленно будет доложена». Так как я и ротмистр Крахотин в это время находились на свидании с секретной агентурой, то бывший в управлении подполковник Полянский в целях выяснения, не носит ли вызов ротмистра Крахотина срочного служебного характера, позвонил капита-

³⁸ См.: ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 19 678. Л. 10–12.

ну 2-го ранга Нищенкову, но получил ответ, что ротмистр Крахотин вызывается «частным образом».

Во избежание возможной в связи с расшифровкой моих телеграмм провокаций, ротмистр Крахотин от свидания с капитаном Нищенковым в избранном им месте уклонился и, сославшись на недомогание, в исключительно вежливой форме попросил его прибыть к нему на квартиру, на что капитан Нищенков после довольно продолжительной паузы ответил, что он «подумает и тогда позвонит».

Наряду с требованием для осмотра всей моей почтово-телеграфной корреспонденции я получил сношение начальника Штаба флота от 12 ноября с. г. за № 3312 (очередной исходящий номер журнала ротмистра Автамонова), в копии при сем представляемое о восприятии подведомственным мне цензорам вскрывать «хотя бы по внешнему виду частного характера корреспонденцию» ротмистра Автамонова.

Полковник *Редров*

[Приложение]

Копия
Секретно

Ноября 12-го дня 1916 г.

№3312

Рейд Севастоп[ольский]

Начальнику Севастопольского жандармского управления

Прошу распоряжения Вашего Высокоблагородия подведомственным Вам цензорам, чтобы переписка хотя бы по внешнему виду и частного характера, поступающая на имя начальника контрразведывательного отделения ротмистра Автамонова, не подвергалась бы цензуре.

Под[линное] подписал начальник Штаба контр-адмирал Каськов.

С подлинным верно: полковник *Редров*

ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 19823. Л. 18–19. Подлинник. Копия. Машинопись

№16.

19 ноября 1916 г. Сопроводительная записка начальника Севастопольского жандармского управления полковника М. А. Редрова командиру Отдельного корпуса жандармов генерал-майору графу Д. Н. Татищеву к переписке с начальником Штаба командующего Черноморским флотом контр-адмирала С. С. Погуляевым о предоставлении шифрованных телеграмм³⁹

Секретно

19 ноября 1916 г.

№ 44

г. Севастополь

По розыску

Командиру Отдельного корпуса жандармов

Рапорт

При сем на усмотрение Вашего Сиятельства представляю копию сношения на мое имя начальника Штаба командующего Черноморским флотом от 18-го сего ноября за № 3353, копию сношения моего от 9-го сего ноября за № 3678 и копию моей шифрованной телеграммы на имя Вашего Сиятельства от 7-го минувшего октября за № 3110.

К сему докладываю, что телеграмма эта, судя по скрепе на ней ротмистра Автамонова, была изъята им из Севастопольской почтово-телеграфной конторы по должности начальника контрразведывательного отделения Штаба командующего Черноморским флотом, призванного к борьбе со шпионством, почему испрашиваю распоряжения об истребовании данных, послуживших основанием заподозрить меня в таковом и о снятии с меня столь тяжкого подозрения.

Основание: предписание Штаба Отдельного корпуса жандармов от 4 августа 1915 года за № 1466.

³⁹ Аналогичное по содержанию донесение было отправлено полковником М. А. Редровым директору Департамента полиции А. Т. Васильеву 19 ноября 1916 г. № 45. ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1915 г. Оп. 316. Д. 343. л. С. прод. Л. 31–32.

Начальник управления, полковник *Редров*

[Приложения]

Копия
Секретно
Спешно
Лично

Ноября 18-го дня 1916 г.

№3353

Рейд Севаст[ополь]ский

Начальнику Севастопольского жандармского управления

Препровождая при сем копии шифрованных телеграмм за №№ 3110 и 3109, отправленных Вами 7-го сего октября в Петроград по сокращенным адресам «Комкоржанд» и «Дирпол», по приказанию командующего флотом, прошу Ваше Высокоблагородие, если в означенных копиях изложены сведения военного характера, препроводить мне их содержание.

Начальник Штаба Свиты Его Величества контр-адмирал Погуляев

И. д. начальника разведывательной части Штаба командующего Черноморским флотом, капитан 2-го ранга Нищенков

С подлинным верно: полковник *Редров*

Копия
Лично
Секретно
Спешно

19 ноября 1916 г.

№ 3678

г. Севастополь

По розыску

На № 3353

Начальнику Штаба командующего Черноморским флотом

Сокращенный адрес «Дирпол» есть адрес директора Департамента полиции, а «Комкоржанд» — командира Отдельного корпуса жандармов — моих непосредственных начальников.

(Кн. III Св[ода] в[оенных] п[остановлений] 1869 г. ст. 548, издания 1912 года).

Стремясь всемерно исполнить приказание командующего флотом о дешифровке моих зашифрованных телеграмм за №№ 3109 и 3110 на имя директора Департамента полиции и командира Отдельного корпуса жандармов, я срочно представил их Его Превосходительству директору Департамента полиции и Его Сиятельству командиру Корпуса жандармов.

Полковник *Редров*

Копия телеграммы от 7 октября 1916 года посланного из Севастополя начальником Севастопольского жандармского управления в Петроград на имя Дирпол

35243 13216 17181 34559 81763 65167 36262 85998 49842

35159 32413 26851 58327 23258 64711 24393 84788 19529 69363

57149 84486 75142 32693 64856 51763 65971 46626 31659

71626 15129 78363 44742 71594 36759 97398 43884 649786

номер 3109. Казенная печать Севастопольского жандармского управления. Подписал полковник Редров.

Верно: ротмистр *Автамонов*

ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 19823. Л. 12–15. Подлинник, Заверенные копии. Машинопись

№ 17.

23 ноября 1916 г⁴⁰. Донесение начальника Севастопольского жандармского управления полковника М. А. Редрова директору Департамента полиции А. Т. Васильеву о праве выемки казенной корреспонденции чинами контрразведывательного отделения

Разбор зашифрованной телеграммы из Симферополя от нач[альни]ка Севастопольского жандармского управления на имя директора Департамента полиции.

⁴⁰ Текст данной телеграммы, вероятно, был составлен полковником М. А. Редровым днем ранее, 22 ноября 1916 г., этим же днем датируется и дополнение к телеграмме: см. документ № 18.

Подана «23» сего ноября 1916 г. «7» ч. «50» м.

Получено «23» сего ноября 1916 г. «10» ч. «40» м. пополудни
[В] дополнение телеграммы моей [от] 8 ноября № 38. Комендант крепости, коему мной представлена упомянутая [в] названной выше телеграмме переписка Автамонова, [по] собственной инициативе запросил начальника военных сообщений Одесского военного округа, который уведомил Штаб крепости от 16 ноября за № 388, что предоставленное чинам контрразведывательного отделения право осмотра и выемки корреспонденции, [к] казенной корреспонденции не относится. Таким образом, основания, [по] которым построил свое право ротмистр Автамонов, выемки казенной корреспонденции самим автором разъяснено, подробности почтой. Независимо сего Автамонов вчера затребовал телеграммы от 10 и 17 октября. № 3691.

Резолюции: Ос[обый] Отд[ел]. Копию ген[ералу] Никольскому. Исполнить вместе с предыдущей перепиской. 24/11.

ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1915 г. Оп. 316. Д. 343. л. С. пр. А. 30. Машинопись. На телеграфном бланке

№ 18.

22 ноября 1916 г. Донесение начальника Севастопольского жандармского управления полковника М. А. Редрова директору Департамента полиции А. Т. Васильеву об исполнении должности военного цензора в Севастопольской крепости

Совершенно секретно
Лично

22 ноября 1916 г.

№3689

г. Севастополь

По розыску

По Особому отделу

Его Превосходительству господину директору Департамента полиции

В дополнение телеграммы моей от сего числа за №3691, при сем представляю копию сношения ротмистра Автамонова от

5-го сего ноября за № 3142, с указанным в нем сообщением начальника военных сообщений Одесского военного округа от 13 февраля сего года за № 25 и копию сношения начальника военных сообщений Одесского военного округа на имя начальника Штаба Севастопольской крепости от 16 ноября сего года за № 388, докладываю, что ротмистр Автамонов военным цензором не состоит. Объединяющим цензором в крепости состою я.

Полковник *Редров*

Пометы: У нас, кажется, такое донесение уже имеется на имя г. товарища министра? 29/11.

Должено господину вице-директору. Принять к свед[ению]. 1/XII.

ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1915 г. Оп. 316. Д. 343. л. С. пр. А. 40. Подлинник.
Машинопись

№19.

Не позднее 25 ноября 1916 г. Письмо помощника начальника Севастопольского жандармского управления ротмистра Я. И. Крахотина полковнику М. А. Редрову о необходимости перевода в Курское губернское жандармское управление

Глубокоуважаемый Михаил Александрович!

Ввиду предстоящей Вашей поездки в Петроград, я приемлю смелость просить Вас поддержать личное мое ходатайство о переводе меня помощником начальника Курского губернского жандармского управления в Белгородском и других уездах вместо графа Подгоричани-Петровича, изъявившего желание в Вашем присутствии перейти на мою должность.

Кроме семейных обстоятельств меня вынуждает еще и то тяжелое служебное положение, которое создалось здесь «протекциями» известного Вам нашего сотоварища по мундиру. Лично мне как ведущему розыск волей-неволей приходится соприкасаться с ним иногда экстренно по телефону. Как же с ним разговаривать по телефону, Вам известно из двух поданных им об этом рапортов.

Принимая же во внимание ту репутацию, какую он успел составить мне в морских кругах, известную мне по отзывам морских офицеров, стоящих близко к Штабу, которые не знают меня даже в лицо, но в обществе все же разговаривают, и то обстоятельство, что летом текущего года он предложил мне без всякого с моей стороны повода посредничество на смену с его приятелем ротмистром Ужумедзким-Грицевичем⁴¹, я с уверенностью могу сказать, что почва для моего перевода готовится.

Считая службу в Севастополе выше Белгорода и теряя даже материально, я хочу уйти отсюда честным человеком, каким я сюда и пришел и именно в Белгород, откуда я был сюда назначен, дабы не дать ему злорадствовать, что я и отсюда переведен по принуждению и на понижение.

Искренно Вас уважающий *Крахотин*

ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 19823. Л. 3–3 об. Подлинник. Машинопись

№20.

29 ноября 1916 г. Рапорт полковника М. А. Редрова командиру Отдельного корпуса жандармов генерал-майору графу Д. Н. Татищеву об отстранении его от должности начальника Севастопольского жандармского управления по приказу командующего Черноморским флотом вице-адмирала А. В. Колчака; приказ

Секретно

29 ноября 1916 г.

№3750

г. Севастополь

⁴¹ Владимир Ардалионович Ужумедзкий-Грицевич (1879–?) — помощник начальника Подольского ГЖУ в Балтском, Могилевском, Ольгопольском и Ямпольском уездах, ранее — прикомандирован к жандармскому управлению г. Одессы, адъютант Финляндского жандармского управления, начальник Свеаборгской жандармской команды, помощник начальника Финляндского жандармского управления по Мариенгамскому пограничному району, помощник начальника Севастопольского жандармского управления в Евпаторийском уезде и в г. Балаклаве.

По розыску
Командиру Отдельного корпуса жандармов
Рапорт

В дополнение телеграммы моей от 26 ноября сего года за № 3749, представляю при сем копию приказа командующего Черноморским флотом от 25-го сего ноября за № 330, доношу, что с 26-го сего ноября во временное исполнение моей должности вступил подполковник Полянский⁴².

К сему в дополнение личного моего доклада присовокупляю, что командующему флотом я не докладывал о том, что телеграмма Вашему Сиятельству и директору Департамента полиции мной не посылалась: мной было лишь доложено на вопрос командующего флотом, что «министру внутренних дел я телеграмму не посылал», о чем мной было тогда же донесено от 18 октября сего года за № 32.

Справка: телеграмма моя от 14 октября сего года за № 3196.
Начальник управления полковник *Редров*

[Приложение]

Копия с копии
Секретно

Приказ командующего Черноморским флотом.
Севастопольский рейд, ноября 25-го дня 1916 года № 330.

За посылку телеграммы, содержавшей военно-морские сведения, без разрешения моего штаба, объявляю полковнику Редрову строгий выговор.

За ложный доклад мне, что подобная телеграмма им не была послана, и за неисполнение моего приказанья донести содержание посланной телеграммы, отрешаю полковника Редрова от занимаемой должности, дела которой предписываю принять подполковнику Полянскому.

⁴² Петр Константинович Полянский (1867–?) — начальник Севастопольской крепостной жандармской команды, ранее — младший офицер Варшавского жандармского дивизиона, прикомандирован к Варшавскому ГЖУ, начальник Очаковской крепостной жандармской команды.

Под[линное] под[писал] вице-адмирал Колчак
С копией верно: полковник *Редров*

ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 19 823. Л. 7–8. Подлинник, заверенная копия.
Машинопись

№21.

2 декабря 1916 г. Отношение командующего Черноморским флотом вице-адмирала А. В. Колчака министру внутренних дел А. Д. Протопопову о необходимости перевода ротмистра Я. И. Крахотина из Севастопольского жандармского управления

Разбор шифрованной телеграммы от 158 П. Т. К.
от Колчака
на имя министра внутренних дел
за № 43

Подана 2 декабря 1916 г. 11 ч. 45 м.

Получена 3 декабря 1916 г. 11 ч.

Прошу Ваше Высокопревосходительство [о] немедленном переводе ротмистра Крахотина из Севастопольского жандармского управления, так как дельнейшее его пребывание считаю недопустимым. Отрешенному мной от должности полковнику Редрову предписал выбыть в распоряжение Командира Отдельного корпуса жандармов. № 3641.

Резолюция: Ср[очно]. Нач[альник] Шт[аба]. Мне к докладу.

*Помета: 7/XII. Доложено Его Высокопрев[осходительт]ву.
6/XII.*

К исполнению — послать с подп[олковником] гр[афом] Подгоричани-Петровичем.

ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 19 823. Л. 1. Заверенная копия. Машинопись.
На телеграфном бланке

№22.

7 декабря 1916 г. Отношение командующего Черноморским флотом А. В. Колчака министру внутренних дел А. Д. Протопопову о причинах отрешения от должности полковника М. А. Редрова и необходимости замены ротмистра Я. И. Крахотина

Конфиденциально
В собственные руки

7 декабря 1916 г.

№ 81 239

Рейд Севастопольский

Его Высокопревосходительству А. Д. Протопопову.

Ваше Высокопревосходительство, Александр Дмитриевич, в дополнение к телеграмме моей от 26 ноября настоящего года за № 81 716, почитаю долгом сообщить Вам сущность дела, вызвавшего посылку вышеуказанной телеграммы: после случая с линейным кораблем «Императрица Екатерина Великая» мной была получена от начальника Морского штаба Верховного главнокомандующего, Адмирала Русина, телеграмма, что Ваше Высокопревосходительство на заседании Совета министров сообщили об этом случае по сведениям, полученным из Севастополя.

Обнаружив, таким образом, существование источника, сообщавшего помимо моего штаба в Петроград сведения о событиях на флоте, я пригласил к себе начальника местного жандармского управления полковника Редрова и потребовал от него объяснения вышеизложенного, считая, что донесения подобного характера помимо моего штаба никем и никому посылаемы быть не могут.

На мой вопрос, каким путем министр внутренних дел получил из Севастополя телеграмму, полковник Редров доложил, что ни он, ни его помощники никакой телеграммы из Севастополя в Петроград не посылали, а что весьма возможно, что такая телеграмма была отправлена из Симферополя.

Относясь всегда с доверием к слову офицера вообще, а тем более, к служебному заявлению начальника части, я не имел оснований не доверять полковнику Редрову и приказал ему расследовать этот случай.

Однако никаких результатов расследования от полковника Редрова я не дождался.

Произведенным, по моему приказанию, расследованием было установлено, что полковником Редровым из Севастополя, в день случая с линейным кораблем «Императрица Екатерина Великая», было отправлено несколько зашифрованных телеграмм.

Препроводив эти телеграммы начальнику жандармского управления с предложением, если в них содержатся сведения военно-морского характера, сообщить содержание их, начальник моего штаба получил от полковника Редрова ответ, что телеграммы эти отправлены его непосредственному начальству и что о разрешении расшифровать их он запросил.

Таким образом, полковник Редров уклонился от прямого ответа, почему я был вынужден приказать расшифровать посланные им телеграммы.

Установив таким путем факт лжи в докладе мне начальника жандармского управления и умышленное уклонение им от исполнения от моих приказаний, я не нашел более возможным иметь в подчиненной мне крепости подобного начальника части, и секретным приказом за № 330 объявил полковнику Редрову строгий выговор за отправку упомянутых телеграмм, а за ложный доклад и неисполнение моих приказаний нашел необходимым отрешить его от занимаемой должности, предложив коменданту крепости предписать полковнику Редрову оставить район крепости ко 2-му декабря.

Имея в виду, что во всем изложенном деятельным сотрудником полковника Редрова являлся его помощник ротмистр Крахотин, и принимая во внимание отрицательное отношение этого обер-офицера к совместной работе с чинами моего штаба по вопросам политическим и разведки, считаю дальнейшее его пребывание в Севастопольском жандармском управлении недопустимым и прошу о замене его другим офицером.

Прошу Ваше Высокопревосходительство принять уверение в искреннем моем уважении и преданности.

А. Колчак.

Резолюция: Препроводить начальнику Штаба Отдельного корпуса жандармов для прочтения с просьбой вернуть. 14.12.16.

Пометь: Директору Департамента полиции.

Доложено 14 дек[абря].

*ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 19823. Л. 5. Подлинник. Машинопись.
На бланке*

№23.

1 февраля 1917 г. Письмо полковника И. В. Дукельского⁴³ Ивану Константиновичу [...] ⁴⁴ о конфликте в среде жандармских офицеров Севастополя

Копия

1/2-17

Многоуважаемый Иван Константинович,

очень трудна поставленная Вами мне задача разобраться в деле ротм[истров] Автамонова и Крахотина. Во многом каждый из них прав, но думаю, по совести, что более виноват во многом ротм[истр] Автамонов и полков[ник] Редров. Дело в том, что на должность начальника контрразведывательного отделения стремились все офицеры управления, начиная с графа Подгоричани-Петровича, и затем рот[мистр] Третьяков и Автамонов. Успел сначала в этом деле граф Подгоричани, но затем, когда его по приказанию генерала Джунковского перевели, то оказалось два кандидата, и Автамонов, играя роль, что хочет помочь пройти на это место Третьякову, при встрече с подп[олковником] Якубовым сумел заслужить его доверие и, выставив свою работу по розыску, конечно, заменил Третьякова, офицера неопытного и совсем незнакомого с розыском. Автамонов, со своей стороны, сделал все, чтобы соблюсти лицо, и даже отказывался переходить на эту должность, но, конечно, впечатление было сделано, и сомнения в выборах быть никакого не могло. Такое поведение возбудило против Автамонова не только Третьякова, но и начальника управления, а затем и Крахотина, увидевших в этом поступке неискренность и происки Автамонова. Дальше пошло дело еще хуже — Автамонов, молодой офицер, желая себя зарекомендовать с деловой стороны и не имея

⁴³ Илья Владимирович Дукельский (1873–?) — с июля 1898 г. в Отдельном корпусе жандармов; с января 1904 г. прикомандирован к Петербургскому ГЖУ; с февраля 1899 г. адъютант Владимирского ГЖУ; с апреля 1902 г. помощник начальника Полтавского ГЖУ в Полтаве; с мая 1905 г. помощник начальника Петербургского охранного отделения; с декабря 1907 г. помощник начальника Финляндского жандармского управления по Гельсингфорсскому пограничному району.

⁴⁴ Адресат не установлен.

материала по своей специальной работе и в то же время, как хорошо осведомленный по розыску управления, все свои усилия направил на ряд дел, как мне кажется, не по своей специальности. Так, он занялся делом выдачи пропусков за деньги из канцелярии градоначальника, надзором за проходом лиц, не имеющих пропуска мимо застав, допуска непрописки или неправильной прописки в городе. Все это расследовал сам и когда уже устанавливал, то писал доклады ком[андующему] флотом. Получилось впечатление, что он все знает и за всем следит, а везде только одни недостатки. У полковн[ика] Редрова чуть не испортились отношения с градоначальником именно из-за возбуждения дела о даче пропусков за деньги и восстановились только тогда, когда адмирал Бурлей убедился, что дело возбуждено не полковником Редровым. На этой почве испортились совершенно отношения полковника Редрова с Автамоновым; кроме того, как говорят (это я не мог проверить), ротм[истр] Автамонов стал писать бумаги нач[альнику] жанд[армского] упр[авления] с требованиями о расследованиях по разным делам, причем часто эти требования касались сообщений, исходивших только что из жанд[армского] упр[авления]. Полковник Редров на такие требования реагировал нервно, считая для себя обидным получать поручения от своего подчиненного офицера, забывая, что в данном случае он был совсем в исключительных условиях и совершенно по делу ему не подчинен. Такую нервность полковник Редров, которая, как говорит Автамонов, выразилась в том, что он ему не подавал руки, писал дерзкие бумаги (таких я пока в деле не нашел), говорил с ним, не прося его садиться, ротмистр Автамонов относил к влиянию рот[мистра] Третьякова, а главное, Крахотина, как более умного, делового и знающего офицера, несомненно пользовавшегося влиянием на полковника Редрова.

Дело о гибели кор[абля] «Мария» Вашему Превосходительству известно; здесь все находят полковника Редрова неправым в том, что он не сказал всей правды адмиралу, но, как говорят люди его знающие, он прямо растерялся. В тот день, когда телеграммы полковника Редрова были взяты в Штаб для расшифровки, на квартиру ротм[истра] Автамонова позвонил по телефону, и он, и его жена свидетельствуют, что говорит это рот-

мистр Крахотин, который, по словам ротм[истра] Автамонова, назвал ему себя по фамилии; а жена ротм[истра] Автамонова слышала, как муж ее сказал: «А, это Вы, Яков Ильич» (имя ротмистра Крахотина). Ротмистр Автамонов говорил, что ему Крахотин сказал такую фразу: «Ваш поступок с телеграммами нам известен, и, по-нашему, этот поступок носит определенное название». Вздвигнутый ротм[истр] Автамонов только успел спросить: «Что, что Вы говорите?», но трубка оказалась затем повешена. Ротм[истр] Автамонов о происшедшем доложил по своему морскому начальству, которое произвело по делу расследование, но ротмистр Крахотин под благовидным предлогом уклонился от дачи своего показания, не явился к лицу, производившему расследование, а только письменно заявил, что он никаких разговоров по телефону с ротм[истром] Автамоновым не вел. Морское начальство вопрос о дуэли совершенно отклонило, но была положена резолюция о необходимости удаления отсюда ротмистра Крахотина, я лично уверен, что этот разговор ротмистр Крахотин вел. Сейчас я здесь застал всех офицеров Корпуса жандармов восстановленными против Автамонова, так как Полянский и Чероков⁴⁵ уклоняются от прямых отзвонков об Автамонове, а ротм[истры] Крахотин и Третьяков и мне неоднократно докладывают об осторожности в отношении ротмистра Автамонова, который (скажу своими словами для общей характеристики) любит чужими руками жар загребать, во все сует свой нос и всюду стремится выставить только себя.

Вот все, что я мог узнать, и опять повторяю, что считаю об их виноватыми, а кроме того и, самое главное, что и сейчас совсем не устранено, это неправильная постановка дела контрразвед[ывательного] отдел[ения]. Но с этим бороться, я думаю, будет невозможно, так как это зависит от директив, исходящих от начальника разведывательного отделения, а таковым состоит капитан 1-го ранга Нищенко, человек очень неглупый, но карь-

⁴⁵ Модест Леонидович Чероков (1872–?) — начальник Севастопольского отделения Харьковского ЖПУЖд, ранее — адъютант, затем — начальник Лозовского отделения Харьковского ЖПУЖд.

ерист, властный и очень мелочный. Здесь положение нач[альника] управления очень странное, когда я делал визиты, то многие старожилы меня уверяли, что я прибыл сюда вместо графа Подгоричани-Петровича, который был старшим жандармским офицером; другие думали, что принял должность от подполковника Полянского. Уверяли меня, что в Севастополе три равнозначущих жандармских упр[авления]: городское, крепостное и железнодорожное. Полковника Редрова знала только официальная часть Севастополя; морские власти считаются только с ротмистром Автамоновым, который приютился за спиной вышеуказанного капитана 1[-го] ранга Нищенкова.

Работать очень трудно, у графа Подгоричани-Петровича масса влиятельных друзей в морских сферах; в бытность свою здесь он уверил всех и вся, что он один делает и работает и он один жандармский офицер, с которым надо считаться. То, что он не попадает в Севастополь, конечно, будет учтено мне в большой минус. Все это я вижу и буду делать все, что смогу, чтобы наладить работу, но для этого крайне необходимо как можно скорее убрать ротмистра Крахотина и командировать офицеров помощ[ника] по Градоначальству и офицера по розыску. Я очень прошу Ваше Превосходительство помочь мне ускорить назначение офицером для розыска ротмистра Мавродина⁴⁶. О назначении помощника по Градоначальству я просил начальника Штаба, указав фамилии офицеров.

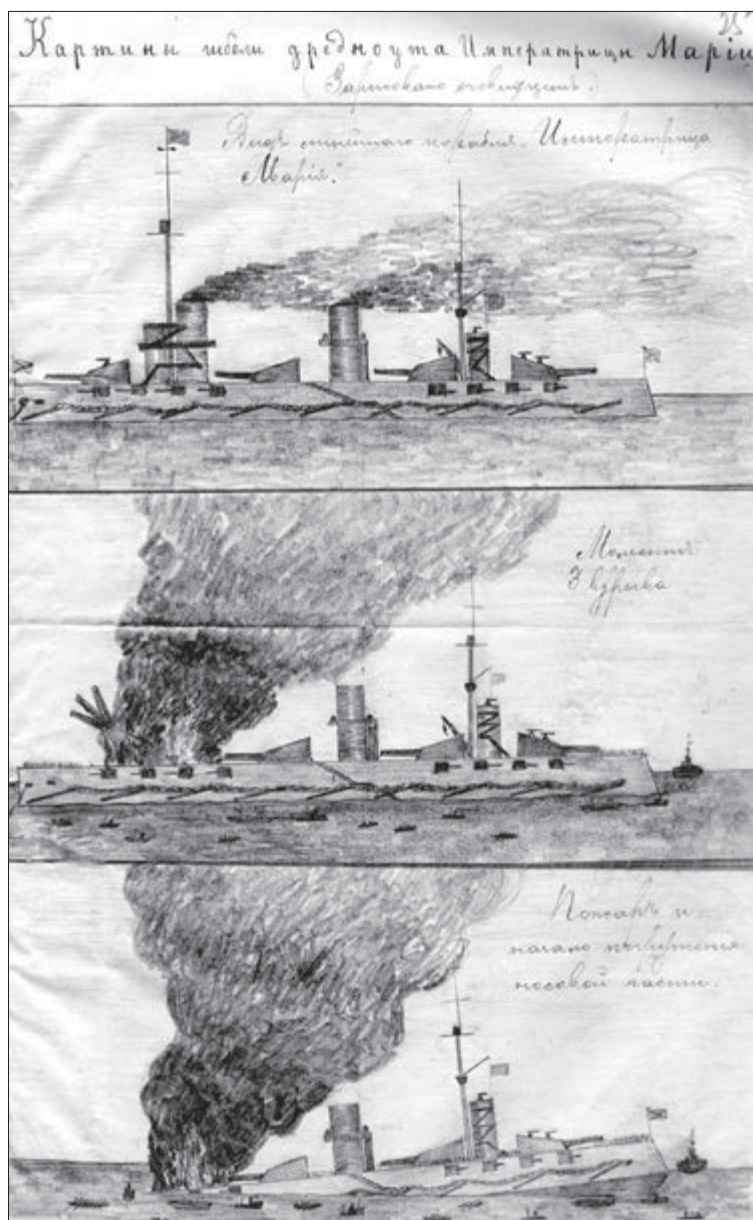
Очень извиняюсь, Ваше Превосходительство, что я так долго не исполнял этого поручения, но мне хотелось хорошенько разобраться и вынести цельное впечатление.

Пользуюсь случаем засвидетельствовать свое глубокое уважение и преданность.

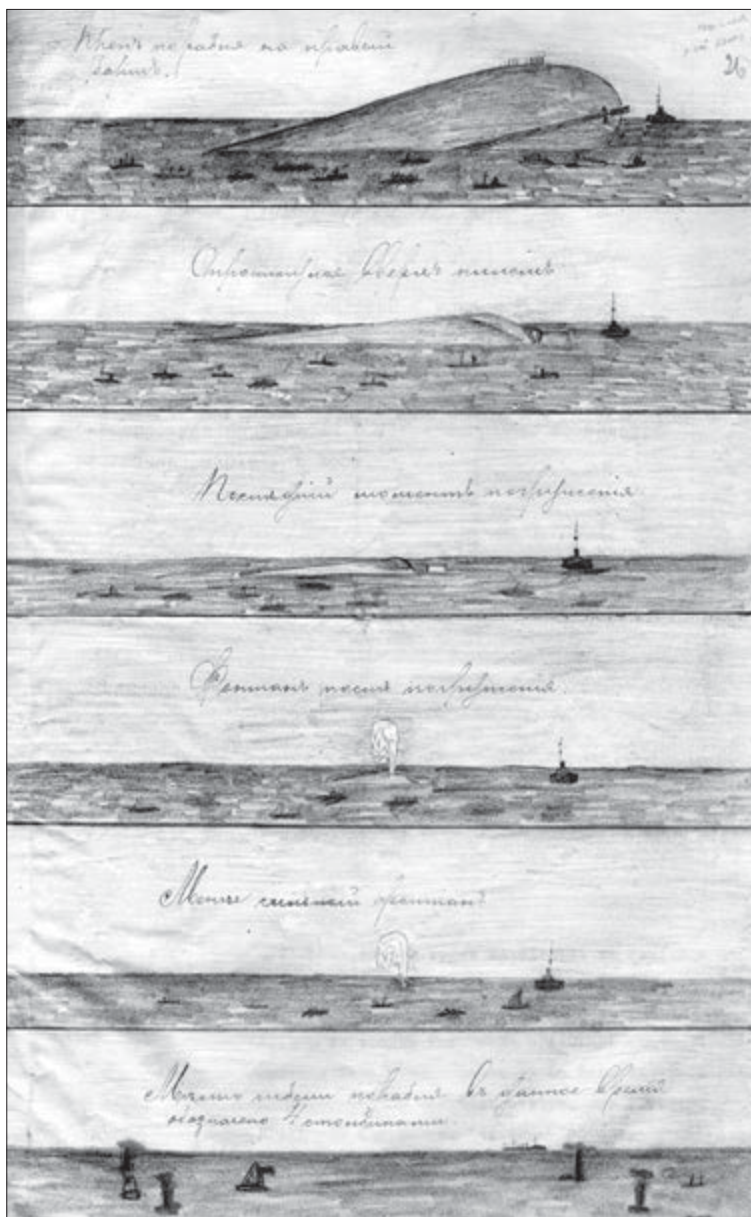
Всегда готовый к услугам, И. Дукельский.

ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1915 г. Оп. 316. Д. 343. л. С. пр. А. 53–57. Копия.
Машинопись

⁴⁶ Николай Васильевич Мавродин (1885–?) — адъютант Севастопольского жандармского управления, ранее — адъютант Петроградского ГЖУ, младший офицер Варшавского жандармского дивизиона.

Картина гибели дредноута «Императрица Мария». Зарисовка очевидца: ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1915 г. Оп. 316. Д. 343. л. С. пр. А. 25.

Картина гибели дредноута «Императрица Мария». Зарисовка очевидца: ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1915 г. Оп. 316. Д. 343. л. С. пр. Л. 26.

В море в день судового праздника линейного корабля «Императрица Мария». 22 июля 1916 г.: ГАРФ. Ф. 685. Оп. 1, Д. 228. Л. 1.

День судового праздника на линейном корабле «Императрица Мария» в море. Игры для команды. 22 июля 1916 г.: ГАРФ. Ф. 685. Оп. 1, Д. 228. Л. 2.

В море в день судового праздника линейного корабля «Императрица Мария». Конкурс танцоров. Кочегар явился прямо с вахты. 22 июля 1916 г.: ГАРФ. Ф. 685. Оп. 1. Д. 228. Л. 3.

В море в день судового праздника линейного корабля «Императрица Мария». Состязание в беге для команды. 22 июля 1916 г.: ГАРФ. Ф. 685. Оп. 1. Д. 228. Л. 4.

ИТАЛЬЯНСКАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ НА ПЕТРОГРАДСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ СОЮЗНИКОВ В ЯНВАРЕ–МАРТЕ 1917 ГОДА

Делегации, сложности, дорога до Петрограда

Как известно, в ноябре 1916 года три западные державы приняли решение отправить в Россию от лица союзников комиссию, которой поручалось на месте выяснить, насколько правдивыми являлись известия о серьезной внутривосточной напряженности в России, о чем говорили все больше.

Посол короля Италии в Петрограде Андреа Карлотти маркиз Рипарбелла¹, занимавший этот пост с февраля 1913 года, педантично держал Рим в курсе происходящего в России² и, по словам его сотрудников, был склонен приукрашивать сложную российскую ситуацию, на которую сам смотрел без иллюзий.

¹ Маркиз Карлотти с 1906 по 1908 г. был Чрезвычайным Посланником и Полномочным Послом в Черногории, затем Полномочным Послом в Греции, послом в Петербурге до Октябрьской революции, а затем в Мадриде до августа 1919 года. Умер в Вероне в 1920 году.

² Депеша Карлотти периода войны см. в изд.: *Documenti diplomatici italiani* (далее: DDI), Quarta serie, 1908–1914, vol. XII; Quinta serie, 1914–1918, vol. I–IX. IX том охватывает осень 1917 года, когда после Октябрьской революции посол был отозван в Рим. В данной статье мы будем ссылаться исключительно на том VII, относящийся к периоду 1 января — 15 мая 1917 года (Roma, 1978).

Слухи об обстановке в России, донесения послов, состоявшие русскую армию, являющиеся из возрастающих трудностей проведения операций на Восточном фронте, внушали большое беспокойство трем западным державам. Они приняли решение отправить в Петроград свои делегации для организации союзнической конференции, которая должна была доложить соответствующим правительствам об увиденном и наладить лучшую координацию с русскими.

Союзнические конференции были обычным мероприятием, однако русское участие всегда было недостаточно представительным, поскольку путь в Западную Европу был труден и опасен. Проведение такой конференции в Петрограде казалось наилучшей возможностью своими глазами увидеть, как обстоят дела в России, а также вступить в прямой контакт с высшим политическим руководством империи.

Тем для обсуждения было много, и они были важными. Потому на Западе было решено поставить во главе делегаций видных политических деятелей. В Лондоне сначала подумывали отправить Асквита, а в Париже рассматривали кандидатуры Аристида Бриана, а затем Рибо. В конце концов британцы назначили главой делегации лорда Альфреда Милнера, французы — Гастона Думерга. Оба были министрами, один — боеприпасов и вооружений, другой — по делам колоний.

Италия назначила Витторио Шалоя, с 1916 года бывшего министром военной пропаганды³. Другими членами итальянской

³ Витторио Шалоя родился 24 апреля 1856 года в неаполитанской семье в Турине, где его отец проживал в изгнании после того, как во время Первой итальянской войны за независимость был министром сельского хозяйства в либеральном правительстве королевства Общих Сицилий 1848–1849 годов. В период наступившей реакции Бурбонов семья Шалоя переехала в Турин, где оставалась до 1861 года. Отец Витторио Антонио Шалоя был министром финансов Итальянского королевства с 1865 по 1867 год и затем министром народного образования с 1872 по 1874 год, после чего стал сенатором. Витторио учился во Флоренции, защитился как правовед в Риме, стал университетским профессором и в 1904 году был назначен сенатором королевства. После Первой мировой войны с 1919 по 1920 год являлся министром иностранных дел, итальянским делега-

делегации являлись секретарь профессор Галанте⁴, консул Луиджи Альдрованди Марескотти граф Виано⁵, генерал граф Паоло Руджери Ладерки⁶, бывший военным атташе в России с 1901 по

том на мирной конференции в 1919 году, а также в Лиге наций с 1921 по 1932 год. Умер в Риме 19 ноября 1933 года.

⁴ Андреа Галанте родился в Казале Монферрато 30 июля 1871 года и был университетским профессором канонического права. С июня 1916 года по октябрь 1917 года являлся главой канцелярии министра Шалойя. Умер в Риме 26 июля 1919 года.

⁵ Луиджи Альдрованди Марескотти граф Виано, почетный гражданин Болоньи, Римини и Модены, родился 5 октября 1876 года в Болонье, вступил на дипломатическое поприще в 1900 году и был направлен в Константинополь, в 1901 году был переведен в Бразилию и в 1905 году в Нью-Йорк. Став в 1907 году консулом второго класса, возглавлял консульство в Новом Орлеане и в 1908 году ездил с дипломатической миссией в Каракас, продлившейся до 1909 года, когда он вернулся в США, а именно в Филадельфию. В 1911 году был вызван в министерство, занимал различные другие должности, а в ноябре 1913 года он был отправлен в итальянское посольство в Вене в качестве поверенного в делах. Когда Италия вступила в войну, в мае 1915 года он был отозван в Рим и назначен главой канцелярии нового министра иностранных дел Сидни Соннино, оставаясь в этой должности до конца июня 1919 года. Вместе с Шалойя Альдрованди Марескотти являлся членом союзнической комиссии в Россию в 1917 году. После войны в начале 1920 года он руководил посольством в Берлине, затем был переведен в Гаагу, а вскоре — 1 сентября 1920 года — в Болгарию. В 1923 году отправился в Каир и в том же году назначен послом в Аргентине. С 1926 по 1929 год он снова являлся послом в Берлине, а затем был в распоряжение Министерства иностранных дел, которое использовало его для участия в работе различных международных комиссий. 24 апреля 1939 года был провозглашен сенатором королевства и умер в Риме 9 июля 1945 года.

⁶ Граф Паоло Руджери Ладерки, родившийся в Кодоньо в 1862 году, был военным атташе в России с 1901 по 1909 год, где женился раз, затем, овдовев, — второй. Вернулся в Италию в чине полковника, участвовал в итало-турецкой войне 1911–1912 годов и в 1912 году был произведен в чин бригадного генерала и назначен командиром пехотной бригады. В 1915 году встретил Мировую войну в качестве начальника штаба 1-й армии и сразу же получил звание дивизионного генерала. Получив должность на ступень выше, в июне 1916 года стал командиром VIII армейского корпуса. Назначенный в состав итальянской миссии в Петрограде, по возвращении из России он получил командование IX армейским корпусом, а в 1918 году

1909 год, майор Уго Каваллеро⁷ — будущий начальник Генерального штаба Королевской армии — и лейтенант Магрини.

Три делегации должны были участвовать в работе союзнической конференции по согласованию со своими посольствами и вступить в контакт с соответствующими национальными миссиями, уже находившимися в России, в особенности — военными. Помимо Греции, о которой уже шла речь на предыдущей конференции, обсуждаемые темы касались также общей стратегии, финансовой и военной помощи западных союзников России. Потому конференцию можно разделить на три составляющие: экономическую, военную и дипломатическую.

Сначала отъезд в Петроград был назначен на декабрь 1916 года, однако он был отложен до окончания совещания союзников в Риме, проходившего с 5 по 7 января 1917 года, где обсуждались некоторые вопросы, рассмотрение которых продолжилось в России, а именно какую позицию следует занять в отношении Греции и короля Константина, Восточной армии и роли ее командующего французского генерала Мориса Саррайля⁸.

По окончании римской конференции итальянская делегация выехала поездом 9 января 1917 года. Направляясь вместе с англичанами в Лондон, 10 января 1917 года она прибыла в Париж,

ушел в запас, став корпусным генералом в 1923 году. Он умер в Сан-Ремо 8 июля 1940 года.

⁷ Уго Каваллеро родился 20 сентября 1880 года в Казале Монферрато, Пьемонт. Он участвовал в итало-турецкой войне 1911–1912 годов. В начале Великой войны состоял в оперативном отделе Верховного командования Италии и в этом качестве был откомандирован для участия в миссии в России. Закончил войну в звании бригадного генерала. Входил в состав комиссии из представителей союзников в Версале в 1919 году, а год спустя вышел в запас и занимался предпринимательством.

⁸ Русская делегация в Риме вследствие понятных трудностей морского сообщения состояла из посла в Италии Михаила Николаевича Гирса, главы русской военной миссии во Франции генерала Голицына, полковника Энкеля, являвшегося военным атташе в Риме и главой русской миссии в Италии, а также господина Штрадтмана, бывшего секретарем русского посольства в Риме. См.: *Verballi della conferenza di Roma // DDI, Quinta serie, 1914–1918, vol. VII, documento 277, allegati, p. 190–202.*

где выяснилось, что председателя русского Совета министров Трепова сменил князь Голицын, которого французы назвали «неизвестной личностью»⁹.

Объяснением этой оценки может служить сказанное о Голицыне в письме посла Карлотти в Рим от 16 января: «Он малоизвестен как политический деятель, ибо не занимал никаких административных должностей. Он человек явно консервативных устремлений, принадлежащий в Государственном совете к числу крайне правых. Его заявления, сделанные на страницах «Нового времени» (уже сообщенные Вашему Сиятельству), демонстрируют направление его идей. В моральном отношении он известен как прямой и добросовестный человек. Положа руку на сердце, к подобному выбору и подвигает то, что в такие моменты, как настоящее время, когда союзники пытаются придать своим правительствам наибольшую эффективность и наибольший престиж, совершенно неопытный человек, не имеющий авторитета, не может быть назначен главой правительства»¹⁰.

11 января итальянская делегация прибыла в Лондон¹¹ и ожидала отправления в Россию вместе с французской¹² и английской делегациями¹³. Официально говорилось, что задержка была связана с опасностью арктического маршрута. В действительности, как явствует из письма Шалоя министру Соннино, она бы-

⁹ О слухах по поводу отставки председателя Совета министров посол Карлотти информировал Рим 10 января. 11-го сообщал о его смещении и 12-го подтверждал этот факт. См. депеши Карлотти. Там же. С. 40 et sq.

¹⁰ Посол Андреа Карлотти министру иностранных дел Сидни Соннино из Петрограда 16 января 1917 года. Там же. С. 70–71.

¹¹ Донесения Шалоя и графа Альдрованди Марескотти, — Там же.

¹² Французская делегация включала, помимо Думерга, Полномочного Посла Альбера Каммерера, генерала Эдуарда виконта Кюрьер де Кастельно и их спутников.

¹³ В британскую делегацию входили, кроме Милнера, Полномочный Посол Джон Бэринг барон Ривелсток, являвшийся банкиром и членом совета директоров Банка Англии, первый секретарь Джордж Рассел Кларк из Форин-офис, генерал сэр Генри Уилсон, британский постоянный представитель в Верховном Совете союзников, и два эксперта по оружию и боеприпасам.

ла обусловлена внутривосточным кризисом в России: союзники пытались понять, что происходит в Петрограде¹⁴.

Был пущен слух, что три делегации должны отправиться в Америку для решения каких-то финансовых вопросов. Тем временем 20 января 1917 года они сели в Обане на корабль «Kildonan Castle», рейсовый пароход, превращенный во вспомогательный крейсер, который, имея на борту большой груз орудий и боеприпасов, в сопровождении двух миноносцев, а затем одного крейсера, доставил их арктическим маршрутом до порта Романов, как тогда назывался только что основанный Мурманск.

Еще в пути выяснилось, что англичане не являлись оптимистами. Милнер полагал, что Россия находится «на краю пропасти»¹⁵, и Джордж Рассел Кларк, резюмируя британскую позицию, подчеркивал, что было необходимо «воспользоваться этой поездкой, с тем чтобы приехавшие в Россию союзные министры со всей тактичностью вновь повели с царем речь в том смысле, в каком английский посол Бьюкенен¹⁶ уже обращался к нему в связи с вопросом о внутреннем положении. Междусоюзническая миссия, и в особенности военная ее часть, должна также выяснить, использовала ли Россия и в какой мере присланный ей военный материал. Из 300 орудий крупного калибра, посланных Англией в июле 1916 года, и из числа других, посланных до прошлого октября, лишь 156 доставлены до настоящего времени на фронт»¹⁷.

¹⁴ Частное письмо Шалоя министру Соннино из Лондона от 18 января 1917 года. Там же. С. 88.

¹⁵ Альдрованди Марескотти А. Дипломатическая война: Воспоминания и отрывки из дневника (1914–1919 гг.). [М.,] 1944. С. 60.

¹⁶ Сэр Джордж Уильям Бьюкенен родился в 1854 году, в 1908 году был назначен британским дипломатическим представителем в Гааге, а в 1910 году — послом в России, где поддерживал контакты с ведущими либералами и сторонниками реформ. В 1916 и 1917 годах он пытался убедить царя провести некоторые конституционные реформы, которые, возможно, предотвратили бы революцию, но натолкнулся на противодействие царицы. После отъезда из России в 1919–1921 годах был послом в Италии и умер в 1924 году.

¹⁷ Альдрованди Марескотти А. Указ. соч. С. 60–61.

Действительно, французский посол в Петрограде Морис Палеолог прямо обратился к послам Великобритании и Италии с просьбой оказать давление на правительства своих стран, дабы конференция была отложена. Карлотти ограничился тем, что передал Соннино, помимо прочего, следующее: «Палеолог особенно обеспокоен печальным впечатлением, которое нынешнее положение дел произведет на представителей союзных правительств и которое, вероятно, может вызвать у них уныние, недоверие, недоумение, вредные для той сплоченности, которая все больше необходима в принятии решений, и вредные вдвойне для справедливой оценки в общественном мнении вообще силы России»¹⁸.

По словам Карлотти, Бьюкенен возражал на это, что признает трудности, однако считает приезд делегаций в Петроград насущной необходимостью. Они должны были дать понять русским властям, сколь пагубным было бы сохранение той политической ситуации в России, какой она была в тот момент.

Со своей стороны, итальянский посол ответил, что он находит ситуацию трудной, но не вызывающей беспокойства, и в разговоре со своим французским коллегой он добавил, что члены итальянской делегации наверняка уже в курсе происходящего и им не потребуется много времени, чтобы наилучшим образом сориентироваться. Им будет полезно увидеть ситуацию в России своими глазами. Наконец, он сказал, что если союзники действительно хотят, чтобы Россия смогла возобновить наступательные операции, то необходимо не терять больше времени и провести конференцию, которая и без того слишком долго откладывалась¹⁹.

В ходе плавания 22 января главы трех делегаций провели встречу. Милнер получил телеграмму, отправленную ему 12 января, в которой Бьюкенен сообщил, что сказал царю о том, что успех весеннего общего наступления союзников зависит от то-

¹⁸ Секретная телеграмма Карлотти министру Соннино из Петрограда от 15 января 1917 года, — DDI, Quinta serie, 1914–1918, vol. VII, p. 63.

¹⁹ Там же.

го, насколько успешной окажется встреча высших чинов империи с союзнической миссией. По словам Бьюкенена, однако, «положение России далеко не благополучно; народ и царь были единодушны в своем отношении к войне, не в пример людям, которые должны ее вести»²⁰, и необходимо, чтобы русское правительство состояло из людей сильных, способных привести Россию к победе. Наконец Бьюкенен упомянул об опасности революции, но на это царь «ответил ему, что об этом много говорят, но что этого всерьез принимать не следует»²¹.

24 января корабль «Kildonan Castle» пришвартовался в Романове. Из-за снега сообщение с Петроградом было настолько плохим, что британский офицер, только что прибывший из столицы, сказал, что ему потребовалось на дорогу пять дней, поскольку поезд двигался со скоростью всего 15 километров в час.

Из двух составов, выделенных в распоряжение миссии, прибыл только один, и он имел вагонов меньше, чем требовалось. Другой находился еще в пути.

Члены миссии сели на имевшийся поезд и выехали в Петроград в 17 часов. На первой станции ее приветствовал великий князь Кирилл. На следующий день из Петрограда прибыл второй состав. Альдрованди вспоминал: «С этим поездом прибыл генерал Ностиц; он передает нам привет от имени русского правительства. С ним находится Волконский из Министерства иностранных дел, бывший первым секретарем русского посольства в Вене. Он рассказывает Шалойе в присутствии французов и англичан о моем поведении в Вене в августе 1914 г., когда я, будучи поверенным в делах Италии, отправился, уже после объявления о нашем нейтралитете, на вокзал официально проститься с русским послом, покидавшим Вену в связи с объявлением войны Австро-Венгрии. По его словам, русским очень понравился этот жест.

26 января. Пятница. Железная дорога действительно плоха. Она тянется почти на тысячу верст по неровной местности; движение поезда сопровождается страшными толчками. Дорога была

²⁰ Альдрованди Марескотти А. Указ. соч. С. 61.

²¹ Там же.

построена в течение 20 месяцев, чтобы связать Россию с незамерзающим морем через Колу, особенно с целью получения военных материалов в период, когда замерзает Архангельский порт.

Дорога построена в большей своей части с огромными трудностями руками немецких военнопленных. «Сколько погибших немцев, — говорит мне кто-то, — сколько костей рослых померанских солдат представляет собой каждая верста!»

Вдоль железнодорожной линии, среди снега, елей и берез, покрывающих необозримые пространства, мы видим около небольших домов или деревянных хижин исхудалые лица русских крестьян и австрийских и германских пленных, работающих небольшими группами в пять–шесть человек.

27 января. Суббота. Продолжается медленное, сопровождаемое толчками движение поезда. Теперь еда стала обильной, даже слишком обильной. Сибирская дичь: перепела, куропатки величиной с цыпленка, огромные волжские рыбы, не очень вкусные; Думерг с сожалением восклицает: «Oh! une petite sole, un petit rouget de la Méditerranée!»

Вдоль железнодорожного пути тянутся снежные холмы. Кажется, будто в этих холмах схоронены военное снаряжение и пушки, отправленные державами Согласия и еще не прибывшие на фронт.

Встречаемся с воинским поездом. Пожилые солдаты в поношенной и полинялой форме. Большинство помещается в вагонах для скота...

Прибываем с большим опозданием в Кемь; короткая остановка. Непродолжительная поездка на санях в оленьей упряжке...

28 января. Воскресенье.

Остановка в Петрозаводске.

Визит к губернатору, посещение музеев, церквей. В одной из них происходит церемония бракосочетания. Чтобы нам удобнее было смотреть, церемония прерывается.

При выходе сопровождающий нас генерал Ностиц прикладывается, как верующие русские, к дюжине икон.

По улицам за двойными стеклами окон низеньких домов видно множество гиацинтов в полном цвету.

Несмотря на снег и жестокий холод, мы встречаем на улицах женщин, одетых по моде, как в Париже или Риме: короткие платья, прозрачные чулки»²².

Первые встречи

Поскольку официальные отчеты, очевидно, не содержали подробностей прибытия и размещения западных миссий, будет уместно продолжить следить за рассказом Альдрованди:

«29 января. Понедельник. Петроград.

Приезжаем по расписанию в 10 часов в Петроград. На станции огромная толпа, среди которой министр иностранных дел Покровский, военный министр Беляев, министр финансов Барк. Присутствие министра финансов знаменательно.

Присутствуют также союзные послы, среди них Карлотти и многочисленные итальянские секретари и офицеры, одетые, подобно москвитам, в большие шубы и меховые шапки. Отбываем в придворных экипажах и автомобилях. Предоставленная мне на все время нашего пребывания в Петрограде карета сделана из дорогого дерева, которое издает сильный запах. Миссии следуют в [латинском] алфавитном порядке: Франция, Великобритания, Италия. Останавливаемся в «Европейской гостинице», целиком или почти целиком предоставленной миссиям; каждая из них занимает по этажу.

Завтракаем вместе в общей зале, каждая миссия за отдельным столом. Нас около 60 человек.

В 15 часов отправляемся в Министерство иностранных дел. Покровский, полный, сильный мужчина средних лет, не имеет ни аристократического вида, ни претензий на аристократизм, но производит впечатление честного, простого, весьма добродушного человека, не без утонченности.

Мы находим там вместе с Карлотти французского и английского послов Палеолога и Бьюкенена. Решено, что миссии обра-

²² Альдрованди Марескотти А. Указ. соч. С. 62–63.

зуют для обсуждения отдельных вопросов различные подкомиссии — политическую, военную, экономическую²³.

Затем визит в военное министерство. Министр говорит нам о трудностях, испытываемых транспортом. Материалы, отправленные в прошлом году Англией, когда Архангельский порт был еще покрыт льдами, все еще находятся в Сибири, во Владивостоке.

Шалоя, приступив немедленно к тому, что, по-видимому, составляло одну из главнейших целей миссии, говорит о необходимости интенсификации войны. Министр отвечает, что победоносный мир предпочтительнее поспешно заключенного мира.

Ту же концепцию разделяют временный начальник штаба верховного главнокомандующего генерал Гурко, к которому отправляются порознь и вместе трое глав миссий. Гурко говорит: «Мы не должны спешить. Войну мы выиграем, это несомненно; неважно, произойдет ли это через год или через месяц».

В соответствии с этим своим взглядом Гурко настаивает на необходимости крупных поставок артиллерии, снаряжения и в особенности денег. Милнер и Думерг выказали при этом некоторую холодность²⁴.

Исключение Румынии

29 января Альдрованди пишет: «Гурко предлагает, чтобы в междусоюзнических совещаниях участвовал румынский премьер-министр Братиану, принимая во внимание также и то об-

²³ С русской стороны в работе, по всей видимости, участвовали министр иностранных дел Покровский, военно-морской министр адмирал Иван Константинович Григорович, министры финансов Барк, торговли и промышленности князь Всеволод Николаевич Шаховский, путей сообщения Эдуард Брониславович Кригер-Войновский, инспектор артиллерии великий князь Сергей Михайлович, начальник Морского генерального штаба адмирал Александр Иванович Русин и начальник штаба Верховного главнокомандующего Гурко и, наконец, бывший министр, а ныне посол в Лондоне Сазонов и товарищ министра иностранных дел Нератов.

²⁴ Альдрованди *Марескотти* А. Указ. соч. С. 63–64.

стоятельство, что в Румынии имеются враждебные ему сильные германофильские течения.

Предложение отклоняется ввиду существующих норм участия малых государств на прошлых конференциях, а также для того, чтобы не создавать прецедентов на случай будущих конференций»²⁵.

Исключение Румынии было согласованным вопросом с лета 1916 года. Откликнувшись на инициативу Сазонова, четыре главных союзника решили не допускать на свои конференции малые страны, как-то Бельгия, Сербия, Япония и как раз Румыния. Тем не менее двумя днями ранее, 27 января французский посол в Риме Баррер спросил Соннино, что он думает о желании румын присутствовать на Петроградской конференции, и Соннино, упомянув решение предыдущего лета, ответил отказом, ибо, в противном случае, было бы невозможно отказать другим союзникам в праве участвовать в работе конференций²⁶.

Брэтиану уже прибыл в Петроград специально для участия в конференции, и когда ему сообщили, что он не будет на нее допущен, он был крайне недоволен и начал настаивать. Гурко его поддерживал, но был против его участия в заседаниях, посвященных военным вопросам.

Карлотти с согласия Рима добился смягчения формулировок и появления документа, где — подражая стилистике великих держав времен Венского конгресса 1815 года — говорилось, что Румынии будет сообщено все, что ее может касаться. Большого сделать было нельзя, так как Бьюкенен выступил против. Совместно с Покровским и Палеологом он заявил, что Брэтиану нужна не конференция как таковая. Для него участие в ней — вопрос личного престижа: он стремится показать своей партии и румынскому парламенту, с каким уважением к нему относятся великие державы.

²⁵ Альдрованди Марескотти А. Указ. соч. С. 64.

²⁶ Телеграмма министра иностранных дел барона Соннино послан в Лондоне маркизу Имперали, в Париже маркизу Сальваго Раджи и в Петрограде маркизу Карлотти от 27 января 1917 года, — DDI, Quinta serie, 1914–1918, vol. VII, p. 117–118.

Пытаясь найти некое решение, Брэтиану, как он уже делал прежде, 2 февраля вновь посетил всех трех западных послов и 4 февраля был с визитом у Шалоя. Его можно понять. Брэтиану приложил немало усилий, чтобы убедить румын присоединиться к союзникам. Последние всеми силами его поддерживали, в частности, уповая на то, что открытие Румынского фронта послужит дальнейшему ослаблению австро-германских сил. Ссылаясь на оборону Вердена со стороны французов и, в особенности, на овладение Горицией со стороны итальянцев, они сумели убедить Румынию вступить в войну, правда, потом не смогли поддержать ее, когда она оказалась атакованной и захваченной немцами.

Положение Брэтиану теперь еще больше усложнилось из-за требования русских уничтожить запасы зерна по мере того, как румынская армия отступала перед австро-германской коалицией. Ожидалось, что против этого выступит едва ли не все румынское правительство, и Покровский хотел бы, чтобы все союзные страны отправили в Румынию ноту с выражением поддержки Брэтиану против всех членов правительства²⁷.

Когда союзные делегации находились на пути в Петроград, в Риме посол Баррер, 27 января получивший отрицательный ответ на вопрос о возможности участия румын в работе конференции союзников, 31 января вновь был у Соннино и передал ему, что, по мнению Бриана, учитывая все обстоятельства, можно было бы допустить участие Брэтиану в первом и заключительном заседаниях, а также во всех других, где будет говориться о Румынии, но Соннино ответил, что решение данного вопроса лучше оставить русскому правительству и что вопрос этот в Петрограде, очевидно, уже решен²⁸.

На самом деле еще ничего не было решено. Это следует из того факта, что вечером 1 февраля в Петрограде Гурко пригла-

²⁷ Телеграмма министра Соннино послам в Лондоне Империади, в Париже Сальваго Раджи и в Петрограде Карлотти и посланнику при румынском правительстве Ясси Фашотти от 27 января 1917 года. Там же. С. 74.

²⁸ Телеграмма министра Соннино послам Империади, Сальваго Раджи и Карлотти от 31 января 1917 года. Там же. С. 132.

сил Шалоя, Милнера и Думерга и вновь предложил им допустить участие Брэтиану, дабы поддержать его в его противостоянии с могущественной пронемецкой партией в Румынии, однако он добился того же результата, что и прежде: ему было отказано. Затем он произнес речь о помощи деньгами, оружием и боеприпасами, которую Россия надеялась получить от англо-французских союзников, но другие участники встречи проявили мало склонности воспринимать его требования²⁹.

В конце концов, однако, 6 февраля четыре главных союзника решили, как сообщил Карлотти в Рим, «пригласить Брэтиану на завтрашнюю сессию и допустить его на другие сессии, если он того попросит»³⁰.

Но было что-то скрытое и недосказанное, как обнаружил Карлотти, телеграфировав Соннино 7 февраля: «Один человек, входящий в круги Генерального штаба, меня заверил, что Брэтиану ведет переговоры с Россией об уступке ей Добруджи в обмен на возвращение Румынии ее древних границ путем присоединения Трансильвании, Буковины, а также некоторых районов Бессарабии. Россия желала бы обеспечить себе сухопутный путь в Константинополь через Добруджу и прибрежную область Болгарии, сохраняя для этих двух государств только доступ к основным портам. Я затрудняюсь поверить, что Россия желает навеки рассориться с румынами и болгарями, ослабив свои силы вследствие необходимости защищать коридор и восстановив едва усыпленное недоверие Англии по поводу Константинополя. Но я не премину продолжить расследование»³¹.

День 30 января Альдрованди использовал, чтобы посетить Эрмитаж и составить представление о ситуации, переговорив с несколькими итальянцами из посольства. Он начал с Антонио

²⁹ Шалоя — министру Соннино, Петроград, 1 февраля 1917 года. Там же. С. 139.

³⁰ Карлотти — министру Соннино, Петроград, 6 февраля 1917 года. Там же. С. 162.

³¹ Карлотти — министру Соннино, Петроград, 7 февраля 1917 года. Там же. С. 169.

Альбертини, журналиста, который некоторое время находился в России в качестве члена итальянской военной миссии. Затем он записал, что, по словам Альбертини, «русское правительство за эти последние годы войны становилось все более консервативным и реакционным. Альбертини пространно рассказывает мне о деле Распутина, о его смерти, происшедшей в декабре. Альбертини говорит мне также о настойчивых предсказаниях близкой революции»³².

Потом он нанес визит послу Карлотти: «Он дает нам краткий и интересный обзор положения в России, говоря в особенности о внутреннем положении, осью которого является национальность императрицы, порождающая подозрения и ненависть. Царь, превосходный человек, слабыхарактерен и подвержен, как говорят, даже чувственному влиянию императрицы.

Карлотти верит в возможность дворцовых переворотов и убийств, но он оптимистично настроен относительно войны и верит в эффективность «русского компрессорного вала». Русские до настоящего времени мобилизовали не то 15, не то 17 миллионов человек.

Затем я беседую с глазу на глаз о том же предмете с советником итальянского посольства Нани Мочениго³³, который, наоборот, настроен очень пессимистически. Подтверждая то, о чем он мне уже писал в середине прошлого года, он говорит в заключение: «Я полагаю, что бесполезно возлагать какие-либо надежды или рассчитывать в дальнейшем на эту страну в смысле войны».

Другой секретарь посольства говорит мне: «Быть может, сам посол не так оптимистичен, каким он желает казаться в телеграммах Министерству иностранных дел, но он полагает, что это его долг также и перед Римом».

³² Альдрованди Марескотти А. Указ. соч. С. 64.

³³ Граф Джованни Баттиста Нани Мочениго, венецианский аристократ, родился в Венеции 8 февраля 1870 года, оказался в России после того, как в 1909–1911 годах являлся секретарем посольства Италии в Софии. Вернувшись из России, с мая 1918 по июль 1922 года был Полномочным Послом в Чили, откуда отправился послом в Мексику, где представлял Италию до 1924 года.

Вечером на приеме в Министерстве иностранных дел я обмениваюсь несколькими словами с Сазоновым. Он очень сдержан. Я дважды заговариваю о Соннино, но Сазонов продолжает сохранять сдержанность и почти не отвечает. Перевожу разговор на его пребывание в Италии, где он провел на дипломатической службе много лет. Никакого ответа. Я ссылаюсь на разговор между Сан-Джулиано и графом Витте, происходивший в первые дни войны, по вопросу о последствиях и тех глубоких социально-экономических изменениях, которые вызовет в различных странах эта беспрецедентная по размаху и продолжительности война. Вновь молчание. Быть может, он продолжает испытывать скорее досаду, чем признательность к Италии, вспоминая о переговорах, предшествовавших нашему вступлению в войну. Я говорю ему о порте Романове, восхваляя его достоинства. Он спрашивает, чья это заслуга: природы или людей. Сазонов представляется человеком воли и большой энергии, сквозь которую, однако, проглядывает упадок духа и разочарование, быть может, более личного, чем общественного характера. Он, по-видимому, полагает, что наиболее эффективным мероприятием держав Согласия явится блокада. «Когда по утрам мне приносят, — говорит он, — мой утренний завтрак с превосходным молоком, хлебом и маслом, я с удовлетворением думаю о том, что немецкие министры не в состоянии получить всего этого»³⁴.

На следующий день, как и было запланировано, делегации с протокольным визитом побывали у царя в Царском Селе.

«Идет снег. По всему великолепному парку, покрытому белоснежной пеленой, неподвижно стоят часовые, подобно белым статуям, под обильно падающим снегом. Внутри дворца в жарко натопленных приемных встречается множество людей исполинского роста, одетых в форму XVIII века. Одежда дополняется огромными тюрбанами, украшенными цветными султанами.

Входит царь.

Рослый телохранитель стоит в дверях, откуда вышел царь, ни на минуту не теряя его из виду.

³⁴ Альдрованди Марескотти А. Указ. соч. С. 65.

Мы представляемся царю.

Он беседует с каждым из нас. Мне он говорит: «Я разве не был с вами знаком?» — «Нет, государь». — «У вас не было брата, похожего на вас?» — «Нет, государь!» — «Вы были сюда на дипломатическую или на экономическую конференцию?» — «Дипломатическую, государь». — «В каких столицах вы бывали?» — «Последний раз — в Вене, где я был советником посольства». Царь подчеркнуто, как бы придавая своим словам особое значение, говорит: «Я не был в Вене уже 13 лет».

Тот же ровный и сердечный характер носит разговор царя и с другими присутствующими на приеме.

Он одет в очень простую военную форму блеклого цвета, выделяющуюся среди ярких, расшитых золотом и украшениями одежд его свиты. Он мне напоминает Абдул-Гамида в простой серой феске на фоне сверкающих золотом и красками одежд его министров, генералов и улемов на селямике или на празднике байрама.

Он производит впечатление простоты, мягкости и почти робости.

Рукой часто дотрагивается до сабли.

Дольше всех царь беседует с Думергом. Бывший председатель французского совета министров говорит много, и ему не без труда удается побороть свой южный темперамент: ему хочется, по-видимому, жестиковать, но он удерживает свои руки в почтительном положении.

Фотографируемся вместе с царем.

Министр иностранных дел занимает скромное место, стоя сбоку.

Мне говорили, что многие из высокопоставленных русских носят немецкие фамилии: Фредерикс, Бенкендорф, Грюнвальд, Мейендорф, Корф. Это характерно. Рассказывают, что один русский крестьянин, которому удалось несколько недель тому назад издали увидеть царя, находившегося недалеко от его деревни, услышав имена лиц, сопровождавших царя, произнес будто бы: «Благодарю тебя, господи, что привелось мне, наконец, видеть

нашего батюшку-царя со всеми немецкими генералами, которых он забрал в плен»³⁵.

В тот же вечер маркиз Карлотти пригласил на ужин в посольство итальянскую делегацию и великого князя Николая Михайловича.

Программа

Программа Петроградской конференции была чрезвычайно обширной. Она была официально оглашена Покровским утром 3 февраля, но все ее уже знали, и западные союзники не были от нее в восторге. Карлотти в тот же день передал ее в Рим:

«I. Общие вопросы, относящиеся к ведению войны

Пункт первый

Должна ли кампания 1917 года иметь решающий характер, либо напротив, придется отказаться от достижения решительных результатов в 1917 году?

Пункт второй

Если план придания кампании 1917 г. решающего характера будет принят, то нельзя ли предпринять общее наступление достаточно быстро, чтобы предупредить захват оперативной инициативы противником?

Пункт третий

Если, напротив, необходимо допустить возможность нового захвата инициативы со стороны противника, то не следует ли запланировать наступательные операции меньшего масштаба, которые, тем не менее, были бы достаточными для сохранения оперативной инициативы за союзниками до того момента, когда может начаться общее наступление?

Четвертый пункт

Должны ли совместные наступательные действия иметь целью нанесение противнику решающего удара, который сокрушил бы главный пункт его обороны, либо, напротив, предпочти-

³⁵ Альдрованди Марескотти А. Указ. соч. С. 66–67.

тельнее атаковать его в точке, где он окажет относительно меньшее сопротивление?

Пятый пункт

Каково значение балканского театра военных действий в настоящий момент?

Надо ли добиваться реализации плана по отрезанию Турции путем согласованных наступательных действий русско-румынской армии и Салоникской армии против Болгарии?

Могут ли остаться в силе решения конференции в Шантйи, принятые по этому поводу, либо таковые должны быть скорректированными? Если будет признано, что энергичные наступательные действия против Болгарии на македонском театре военных действий предпринять нельзя, какова будет роль Салоникской армии? Должна ли последняя, отказавшись от наступательных действий, ограничиться нахождением на своих позициях, сдерживая силы противника на данном театре военных действий и не позволяя ему захватить Грецию? Надо ли, в таком случае, удерживать Монастир и Влеру?

Состояние румынской армии.

Пункт шестой

Как правительства вкупе с военным командованием союзников представляют себе намерения противника? Необходимо предусмотреть возможность наступления противника на русском фронте в направлении Москвы или Петрограда, ибо наступательные действия такого рода могли бы иметь успех вследствие чрезмерной протяженности русского фронта по сравнению с количеством оборонявших его частей и трудности переброски на север в случае необходимости русских сил, сосредоточенных на румынском фронте.

Пункт седьмой

Сохранение в силе обещания взаимной поддержки, то есть если одна из держав будет атакована, другие в меру своих возможностей немедленно придут ей на помощь посредством наступательных действий их армий либо отправки подкреплений атакованной державе.

Необходимость объединения ресурсов, которыми располагают союзники. Сохранение в силе решения, принятого на последней конференции, о поддержке России путем ее снабжения в максимально возможном объеме материалами, необходимыми ей для успеха наступательных операций.

Для проведения успешной наступательной операции большого масштаба русской армии необходим некий минимум технических средств, коих до сих пор она лишена. Установив принципы, на основе которых будет определяться количество военных материалов, которые будут поставляться в Россию, станет ли возможным, дабы добиться наилучшей отдачи, распределить имеющиеся военные материалы таким образом, чтобы обеспечить каждой из союзных армий определенный минимум? В таком случае не должен ли этот минимум военной техники быть пропорционален количеству действующих частей и важности каждого фронта как в отношении его протяженности, так и в отношении задач, которые перед ним ставятся?

За сколько времени военные материалы, отправленные в Россию, будут ее достигать?

II. Политические вопросы, связанные с войной

Греция. Анализ нынешней ситуации показывает необходимость впредь согласовывать действия союзников в вопросах, имеющих отношение к Греции. Вопросы, касающиеся командования Салоникской армией, а также дипломатического представительства в Афинах.

Сербская армия. Отвод сербских войск в тыл вследствие понесенных потерь. Использование австрийских военнопленных сербской национальности для пополнения сербской армии. Формирование чешского корпуса в составе войск Антанты.

Роль Соединенных Штатов Америки. Предложения президента Вильсона. Каковы возможные экономические последствия отношения США к вопросу о мире в том, что касается командования, а также финансов?

Вопросы, связанные со скандинавскими странами. Вопросы, касающиеся осуществления блокады.

III. Военные материалы и другие припасы, необходимые для успешных наступательных операций. Металлы и другие продук-

ты, необходимые союзникам и, в частности, России для ведения войны, которые могли бы быть импортированы из нейтральных стран, в частности — из Швеции и Японии³⁶. Финансовая сторона дела.

IV. Финансовые вопросы»³⁷.

Деятельность военной подкомиссии

Программа союзнической конференции предусматривала, что 30 января будет днем отдыха, на следующий день, 31 января, состоится царская аудиенция, и работа конференции начнется 1 февраля. Однако военная подкомиссия начала свои заседания немедленно, и, как писал Альдрованди, «в военную подкомиссию русские предъявили список необходимых им военных материалов: 10 тысяч пушек, из коих 2 500 — крупного калибра»³⁸.

Порядок работы военной части конференции был сложным. В Италии о нем стало известно 27 января, так как генерал Ромеи Лонгена³⁹, итальянский военный атташе при русском Ге-

³⁶ Поскольку Япония участвовала в войне на стороне Антанты с 1914 года, резонно предположить, что в строчке, которая во французском оригинале звучит: «et qui pourraient être importés des pays neutres, en particulier de la Suède et du Japon», пропала запятая после слова «Швеция». Следовательно, фраза может подразумевать: «... импортированы из нейтральных стран — в частности, Швеции — и из Японии».

³⁷ Карлотти — министру Соннино, Петроград, 3 февраля 1917 года, — DDI, Quinta serie, 1914–1918, vol. VII, p. 150–151; текст программы был написан на французском языке и здесь передан полностью.

³⁸ Альдрованди Марескотти А. Указ. соч. С. 67.

³⁹ Граф Джованни Ромеи Лонгена родился в Реджо-Эмилии в 1865 году. Выходец из кавалерии, в 1904 году был откомандирован в Турцию, где в звании полковника командовал уланами гвардии султана Абдул-Хамида. Вернувшись в Италию, в своем итальянском звании участвовал в итало-турецкой войне 1911–1912 годов и в 1914 году был произведен в звание полковника и назначен командиром кавалерийского полка. В конце 1915 года переведен в Генеральный штаб Королевской армии. Был назначен военным атташе в России, а в 1916 году получил звание бригадного генерала. Оставался в России также после Октябрьской революции до марта 1918 года, оказы-

неральном штабе, передал его генералу Кадорна ночью 26 числа⁴⁰.

Как после сообщил Альдрованди министру Соннино «военная конференция распалась на стратегическую и по вопросам военного снабжения. Первая из них исчерпала свои задачи в течение одного дня, если не считать последующей редакционной отделки заключений, придя к выводу, что не существует никакого специального фронта, на котором следовало бы предпочтительным образом интенсифицировать действия союзников и подтвердить вынесенные в Шантильи решения о согласовании действий в определенных случаях возможного нападения противников или общего наступления союзников.

Наступление это предвидится в апреле месяце. Первое предложение было вновь обсуждено на политической конференции по инициативе Милнера, действующего по совету Шалойи. Милнер спрашивает, принималось ли во внимание при выработке плана военных действий то обстоятельство, что следовало бы отдать предпочтение действиям, направленным к лишению неприятеля наибольшего количества хлебородной территории и к достижению, таким образом, двойной цели — нанесения противнику материального ущерба и лишения его источника продовольствия. И он указал при этом на отобравание румынских равнин. Но его замечание было опровергнуто сжатыми доводами генералов Кастельно и Гурко, заявивших, что стратегические соображения, которых они не перечисляли, должны первенствовать над всеми другими соображениями.

Конференция по вопросам снабжения выполнила, пожалуй, большую сравнительно с другими работу.

вая содействие итальянским подданным и способствуя репатриации австро-венгерских военнопленных итальянского происхождения. Вернувшись в Италию, принял участие в последнем наступлении на итальянском фронте с 24 октября по 3 ноября 1918 года. Получил звание генерала дивизии в 1923 году и корпусного генерала в 1926 году, оставив службу в 1931 году. Стал сенатором в ноябре 1933 года. Умер в Брешии в 1944 году.

⁴⁰ Ромеи Лонгена — министру Соннино, 26 января 1917 года, — DDI, Quinta serie, 1914–1918, vol. VII, p. 114.

На многочисленных заседаниях этой конференции русские выдвигали требования большого масштаба [10 тысяч пушек, 14 тысяч тонн серы и т. п.], в общем на 10 миллионов тонн. Из этого количества союзники обещали взять на себя 4,5 миллиона тонн. В соответствующем протоколе фигурировала фраза, в которой говорилось, что Россия должна, со своей стороны, принять меры к улучшению состояния транспорта, дабы получить, таким образом, возможность использования на фронте присланного ей союзниками материала. Как известно вашему превосходительству, это соответствует одному из основных, побудивших англичан предпринять поездку в Россию, соображений, заключавшихся в необходимости наглядного ознакомления с местными условиями, чтобы иметь возможность судить о том, где именно было бы целесообразнее — в России или другом месте — использовать ту часть британской военной продукции, которую они могли выделить из запасов своего фронта.

Генерал Гурко энергично выступил против этой фразы, истолковав ее как незаконное вмешательство, как наставление, как условие, диктуемое России, и лорд Милнер согласился смягчить фразу, что сводило почти к нулю ее значение.

Остается узнать, в какой именно мере, притом вне зависимости от какой бы то ни было печатной формулы, примут во внимание англичане и французы, на которых падает главная тяжесть военных поставок, то общее положение вещей в России, с которым они ознакомились во время своей поездки, чтобы и в дальнейшем направлять туда военные материалы, немалая часть которых лежит месяцами без использования вдали от фронта. Военный министр Беляев признался, что материал, присланный из Англии зимой 1915/16 г. через Владивосток [путь через Архангельск был закрыт льдами], не был еще использован. В настоящее время Россия, затребовав поставки 10 миллионов тонн материала до июля 1918 г., не сможет, по-видимому, произвести выгрузку и перевозку более двух миллионов тонн»⁴¹.

⁴¹ Альдрованди Марескотти А. Указ. соч. С. 80–81. Тот же доклад опубликован в кн.: DDI, Quinta serie, 1914–1918, vol. VII, p. 308–312.

14 февраля Карлотти смог доложить в Рим окончательные результаты военной части конференции. Кампании 1917 года должны были иметь решающий характер и осуществляться с привлечением всех средств, доступных союзникам. Начиная с 15 февраля, то есть на другой день после телеграммы Карлотти, должны были быть приняты все меры, призванные помешать противнику вновь овладеть инициативой. Если окажется возможным, крупное наступление должно было начаться на всех фронтах в день, который военное командование союзников определит по обоюдному согласию.

Балканский театр военных действий в данный момент утратил свое первоначальное значение, и отпала необходимость отрезать Турцию посредством совместных действий России, Румынии и Восточной армии против Болгарии.

Восточную армию не следовало ни сокращать, ни увеличивать. Она должна была отразить все атаки, удерживать Монастир, сковать вражеские дивизии, предотвращать контакт между болгарами и греками и перейти в наступление, если значительные силы противника покинут Македонию. В связи с необходимостью вывода сербской армии в тыл, правительствам России и Италии было рекомендовано облегчить призыв на военную службу австрийских военнопленных сербской национальности.

Румынская армия нуждается в реорганизации и должна достигнуть численности, которую возможно поддерживать. Наконец, союзные державы подтвердили намерение оказывать взаимную помощь и выступили за координацию военных действий Британии в Месопотамии с русскими на Кавказе⁴².

В своем последнем донесении министру Соннино от 3 марта Альдрованди комментировал: «Генерал Кастельно всегда открыто выступал в защиту того принципа, что главные военные усилия должны быть сделаны на франко-английском фрон-

⁴² Посол Карлотти — Паоло Бозелли, председателю Совета министров итальянского королевства, Петроград, 14 февраля 1917 года, — DDI, Quinta serie, 1914–1918, vol. VII, p. 219–220.

те. Этим наносился ущерб спокойному ознакомлению с военной мощью России — ознакомлению, являвшемуся одной из главных целей, ради которых была созвана Петроградская конференция»⁴³.

Несколькими строчками ниже он прибавляет: «Преобладающее впечатление таково, что ввиду дезорганизации административного аппарата в России вряд ли возможно надеяться на то, что там произойдут решающие военные события, по крайней мере в ближайшее время, если только не будет подвезено значительное количество военных материалов из-за границы, и что Россия, если только не произойдут какие-либо чрезвычайные события, вряд ли окажется способной на что-либо большее, чем имобилизация неприятельских сил на огромном ее фронте. Генерал Руджери Ладерки полагает, со своей стороны, что Россия сможет в согласии с союзниками предпринять в ближайшее время более успешное, чем в июне прошлого года, наступление. Но, как я уже указывал, использование военной мощи России, в столь значительной мере опирающейся на франко-английскую помощь, вероятно, подчинено планам, согласованным между Францией и Англией...

Кроме того, у меня сложилось мнение, что генерал Гурко, который играл несомненно наиболее значительную роль среди русских делегатов конференции, но не произвел на членов иностранных миссий благоприятного впечатления, не выказывает себя ярким сторонником ускорения наступления на фронте. При этом он не считается с финансовыми проблемами и вопросами внутреннего положения страны, в том числе продовольственного, которое вследствие расстройств транспорта приобретает, по-видимому, весьма серьезное значение. Впрочем, циркулировал слух, что Гурко будет вскоре заменен генералом Алексеевым, уже оправившимся от болезни. Относительно военного командования мы получали различные сведения, из которых можно было заключить об отсутствии единства действий»⁴⁴.

⁴³ Альдрованди Марескотти А. Указ. соч. С. 82.

⁴⁴ Там же. С. 83.

Фон политической части конференции

Во второй половине дня 1 февраля в здании Государственного совета Российской империи состоялось первое пленарное заседание, на котором выступили главы трех делегаций. «Шалой говорит о необходимости немедленного согласованного мощного наступления. Италия напрягла все силы и будет готова к наступлению ближайшей весной»⁴⁵.

Положение Италии было непростым. Лондон и Париж всячески стремились переложить бремя войны на Петроград и Рим, присваивая себе все выгоды.

Несмотря на грандиозные обещания, особенно со стороны французов, полного уничтожения сербской армии удалось избежать только благодаря итальянскому Королевскому флоту, который немедленно вмешался в ситуацию и вывез более половины ее в безопасное место. Ибо, как отмечал английский адмирал Трубридж, французы гарантировали королю Сербии, что в случае военного поражения сербов эвакуируют его и его армию морем, хотя было неясно, как они собираются сделать, ввиду того факта, что на момент провозглашения гарантий в их распоряжении не было кораблей. Потому должна была вмешаться Италия. Кроме того, Франция и Великобритания обращались к русским и итальянцам с просьбой перейти в наступление, чтобы облегчить положение на французском фронте, всякий раз, когда немцы ввергали его в кризис, что не помешало им в 1916 году заключить соглашение Сайкса-Пико, разделив всю Малую Азию и даже не поставив в известность Рим, где об этом стало известно только по чистой случайности⁴⁶.

⁴⁵ Альдрованди Марескотти А. Указ. соч. С. 67.

⁴⁶ 1 января 1917 года Карлотти сообщил Соннино, что говорил об этом со Штюрмером и Нератовым. Нератов не был благосклонен к итальянской позиции, однако сказал, что его возражения могут быть сняты, если выяснится, что той же позиции придерживаются Лондон и Париж. Карлотти в своей телеграмме министру Соннино потому подчеркивал, что рассчитывать на это не стоит, ибо не может быть, чтобы Россия, Франция и Великобритания уже не договорились об общей линии, и он пола-

Италия сознавала свою изолированность среди союзников. Единственная связь, которую король более или менее имел, была с Россией. Отчасти это объяснялось семейными связями⁴⁷, отчасти тем, что во внешней политике две страны имели ряд общих целей и ни в чем не соперничали, в силу чего существовало некоторое взаимодействие.

Так, годом раньше, во время весенней наступательной операции австрийцев против итальянских войск на плато Азиаго, по прямой просьбе Рима, русские предприняли Брусиловский прорыв, благодаря которому итальянцы сначала отразили наступление австрийцев, а затем перешли в контрнаступление, взяв город Горицию и одержав практически единственную победу союзников в том году, предопределившую вступление в войну Румынии.

С другой стороны, манера поведения англичан и французов была такова, что даже русские не могли сказать, что были чересчур ими довольны.

гал, что они дожидались, пока будет согласован письменный ответ. См.: Карлотти — министру Соннино, Петроград, 1 января 1917 года, — DDI, Quinta serie, 1914–1918, vol. VII, p. 1. Последующие беседы, состоявшиеся между Карлотти и Нератовым (Карлотти — Соннино, Петроград, 8 января 1917 года. Там же. С. 172), показали, что Россия в достаточной мере расположена пойти навстречу итальянским притязаниям, но не настолько, чтобы пренебречь договоренностям с французами, которые не хотят давать Италии ничего. Потому Нератов предложил некое компромиссное решение, которое, очевидно, было уничтожено революцией.

К слову сказать, когда в 1919 году в Версале Франция и Великобритания отказали Италии в каком-либо вознаграждении в Малой Азии — в отместку за что Италия объявила себя нейтральной в греко-турецком противостоянии, что в значительной мере способствовало победе Турции, — они мотивировали свой отказ тем, что, как они утверждали, Россия в свое время не ратифицировала никаких соглашений по этому вопросу.

⁴⁷ Как уже упоминалось в примечании 36, королева Италии Елена была дочерью Николы Черногорского и, помимо того, что выросла при петербургском дворе, являлась младшей сестрой Милицы, супруги великого князя Петра Николаевича Романова и Анастасии, супруги великого князя Николая Николаевича Романова-Младшего.

Греческий вопрос

В соответствии с программой работы конференции, зачитанной министром Покровским⁴⁸ 1 февраля и сочтенной Альдрованди крайне обширной и сложной, может быть даже чрезмерно большой, утром 2 февраля делегаты союзных держав коснулись различных тем, главной из которых было отношение к грекам.

Наряду с отчетом Шалойя, Карлотти докладывал министру Соннино: «Сегодняшнее заседание политической части конференции, продолжавшееся с 15 до 19 часов, было посвящено исключительно Греции... Гурко, вероятно, по наущению французов, пытался добиться для генерала Саррайля более широких полномочий, нежели те, которые были для него определены Римской конференцией. Впрочем, эта его попытка полностью провалилась. По моему впечатлению, русская дипломатия, в отличие от военных, не видит необходимости менять то, что было установлено в Риме. Покровский не слишком упорствовал в поддержке тезиса Гурко»⁴⁹.

Альдрованди вспоминал: «На сегодняшнем совещании Гурко выказывает себя человеком волевым и властным. Он вновь касается своего взгляда на войну, которая, по его мысли, будет вы-

⁴⁸ 26 января 1917 года Карлотти написал Соннино, что Покровский сказал ему и двум другим послам союзников, что не в курсе военной части программы конференции. Бьюкенен на это ответил, что, по его мнению, намеченной программы и не было и что ему кажется дельным, чтобы каждый делегат представил идеи своего правительства. Карлотти добавил, что французский посол Палеолог сказал, что, самое большее, что можно внести в повестку дня — вопрос о том, где и когда должно состояться большое скоординированное наступление союзников, но программа работы конференции не может быть определена до тех пор, пока делегации не прибудут в Россию и не обменяются мнениями с русскими. Карлотти заметил, что у него сложилось впечатление, что британцы оставили за собой право представить свой собственный план, о котором русские, возможно, за исключением Гурко, еще ничего не знали. — См. Карлотти — министру Соннино, Петроград, 26 января 1917 года, — DDI, Quinta serie, 1914–1918, vol. VII, p. 111.

⁴⁹ Карлотти — министру Соннино, Петроград, 3 февраля 1917 года. Там же. С. 144.

играна, неважно в какой срок. Но в отношении Греции, по его мнению, следует принять быстрое решение: «Le temps se passe avec le sang» [промедление оплачивается кровью]. Говорится о снабжении Греции и об ослаблении блокады, в случае если Греция изменит свою позицию. По мнению Думерга и Милнера, генералу Саррайю следует предоставить более широкие полномочия. Продолжительная дискуссия оканчивается предложением Шалойи об оставлении в силе недавнего римского решения по данному вопросу. Было решено вновь рассмотреть этот вопрос завтра после вынесения решений стратегического порядка военной комиссией»⁵⁰.

Вердикт Карлотти был: «Результат заседания в основном сводился к высказанному мнению о том, что можно ослабить блокаду при определенных условиях и на основе единодушного суждения союзных контролеров о том, что Греция выполняет свои обещания»⁵¹.

Греческий вопрос был весьма деликатным и серьезным и мог стать очередным провалом англичан и французов, чья попытка в 1914 году установить связь с Россией через Черное море привела к вступлению Турции в войну на стороне Центральных держав и Дарданелльской катастрофе. Тогда в поисках путей выхода из сложившейся ситуации и облегчения военного бремени Лондон и Париж дали огромные обещания Италии, которая приняла секретное решение присоединиться к Антанте еще в сентябре 1914 года, и в конце концов вынужденные покинуть Галлиполи, они переместили экспедиционный корпус в Салоники, чтобы использовать его против турок и особенно против болгар.

Находясь под французским командованием, союзный экспедиционный корпус немедленно обнаружил две слабости: за спиной у него находилась Греция, и он поглощал огромное количество людей и военных материалов. Потому сначала он был

⁵⁰ Альдрованди Марескотти А. Указ. соч. С. 68.

⁵¹ Карлотти — министру Соннино, Петроград, 3 февраля 1917 года, — DDI, Quinta serie, 1914–1918, vol. VII, p. 144.

пополнен сербами, спасенными в Адриатике, а потом начались просьбы к итальянцам, чтобы те отправили собственный экспедиционный корпус, как впоследствии они и сделали⁵². Впрочем, поскольку союзные войска высаживались в Салониках, проблема отношения греков оставалась.

Греция оставалась нейтральной. Король Греции происходил из немецкой династии, приходился кузеном царю и императору Вильгельму и весьма симпатизировал союзу Центральных держав. Потому Лондон и особенно Париж всячески стремились его вывести из игры. Дошло до того, что, используя группировку англофилов, сплотившихся вокруг министра Венизелоса, они развязали против короля форменную войну. Французы заняли Пирей, вынудили греческий флот сдаться и обстреляли Афины. Потом, чтобы сломить греков, союзники прибегли к торговой блокаде. Италия занимала гораздо менее жесткую позицию, нежели англо-французская, и по существу весьма близкую к позиции русской дипломатии, поэтому отношение Рима к Греции было иным, чем у Лондона и Парижа, и также по этой причине греческий вопрос оставался нерешенным.

В субботу заседание не состоялось из-за отсутствия Думерга, который был занят продолжительной аудиенцией у царя, и перерыв в работе политической подкомиссии продлился до полудня воскресенья 4 февраля, когда она возобновилась.

В тот же день Покровский предложил создать постоянный комитет делегатов союзных правительств для непосредственного и более быстрого решения вопросов, касающихся Греции.

⁵² 3 января министр Соннино предупредил начальника Генерального штаба Королевской армии, послов в Лондоне, Париже и Петрограде, а также Полномочного Посла при сербском правительстве на острове Корфу, что председатель сербского Совета министров в изгнании Пашич просил Рим отправить в Салоники экспедиционный корпус, без которого «было бы невозможно удержаться на Балканах». См. телеграмму Соннино начальнику Генерального штаба графу Кадорне, послам в Лондоне маркизу Импералии, в Париже маркизу Сальваго Раджи и в Петрограде маркизу Карлотти, послу при сербском правительстве на острове Корфу графу Сфорца от 3 января 1917 года. Там же. С. 11.

Это было необходимо, подчеркнул он, потому что послы союзных держав в Афинах имели совершенно разные позиции, и им не хватало единой линии и возникали трудности на переговорах.

Милнер и Шалоя отклонили это предложение: по их словам, было нецелесообразно создавать специальный орган для греческих дел. Думерг был согласен с ними, однако воспользовался предложением русского министра и предложил создать постоянный комитет делегатов-союзников, который должен был быстро решать все политические и военные вопросы, представляющие общий интерес⁵³.

Шалоя снова выступил против. Комитет такого рода, объяснял он, по существу стал бы новым промежуточным органом, ибо ни одно правительство не передало бы ему свои полномочия. Тут требовались полномочия в таких делах, где сами премьер-министры должны были бы советоваться со своими кабинетами. Чтобы избежать немедленного столкновения, было решено отложить обсуждение этого вопроса до конца конференции и вернуться к Греции.

Министр Покровский, о ком Альдрованди мог бы написать, что он выглядел скромным, уравновешенным, доброжелательным и одаренным некоторой утонченностью, резюмировал разногласия во взглядах союзных послов в Афинах и решительно предложил заменить их всех. Три западных делегата ответили, что такая инициатива выходит за рамки их полномочий, однако они согласились официально рекомендовать своим правительствам поручить своим послам в Афинах поддерживать между собой больше контактов и сотрудничать друг с другом.

Как выяснилось несколько дней спустя, инициатива была на руку Франции. В самом деле, 18 февраля 1917 года Соннино написал послам в Лондоне, Париже и Петрограде: как ему передал в тот же день французский посол Баррер, председатель Совета министров Бриан выступает за «изменение всего представительства союзников в Афинах», но он ответил отказом, ибо

⁵³ Шалоя — министру Соннино, Петроград, 6 февраля 1917 года. Там же. С. 163–164.

существовал «явный умысел Саррайля любыми средствами добиваться разрыва с Грецией, приверженной королю, и выдвигать на первый план венизелитизм»⁵⁴. Поэтому смена послов могла бы обострить существующую напряженность, превратив ее из напряженности между экспедиционным корпусом и местными властями в напряженность между союзниками и греческим правительством.

Это не остановило Покровского, который вскоре после окончания конференции 24 февраля 1917 года отправил русским послам в Риме, Париже и Лондоне депешу, переданную Карлотти, который 25 февраля переслал ее Соннино⁵⁵. В ней говорилось, что послы союзников в Афинах, следуя решению Петроградской конференции, впредь должны, как правило, воздержаться от личных инициатив и действовать только от имени «всех держав».

Призыв на службу австро-венгерских военнопленных

Следующим пунктом был вопрос об австро-венгерских военнопленных сербской национальности, находящихся в руках союзников. Сербское правительство в изгнании выразило желание призвать их на службу с целью укрепить свои войска на Салоникском фронте. Французов это взволновало, ибо чем больше было сербов, тем меньше требовалось французов, и, в любом случае, власть генерала Саррайля, стоявшего во главе Восточной армии, возрастала.

Вопрос касался России и Италии, так как лишь эти две союзные державы имели австрийских военнопленных. Поэтому сербское правительство, действуя через русское правительство и при его поддержке, просило разрешения выслать собственную при-

⁵⁴ Министр Соннино послам Империи в Лондоне, Сальваго Раджи в Париже и Карлотти в Петрограде. Там же. С. 246.

⁵⁵ Карлотти — министру Соннино, Петроград, 5 февраля 1917 года. Там же. С. 277.

зывную комиссию также в Италию. Итальянцы встали в защитную стойку. Как писал Шалоя, «Карлотти отметил, что заключенных сербской национальности в Италии должно быть очень мало»⁵⁶.

Впрочем, Шалоя не мог сказать ни «да», ни «нет», так как это не входило в его полномочия. Он тем не менее воспользовался выдвинутой идеей, чтобы попросить сделать то же самое с австрийскими пленными итальянской национальности в России. Альдрованди отмечал: «Конференция ограничилась решением рекомендовать этот вопрос вниманию правительств с целью облегчения выполнения желания сербов и русских»⁵⁷. Аналогичное решение было принято и в отношении пленных чехов. Здесь дело осложнялось тем, что в начале 1917 года не было союзного чешского правительства.

Королевским послам в Париже, Лондоне и Петрограде 8 февраля Соннино сообщал о своем решительном отказе: «Королевское правительство не намерено разрешать массовую передачу австро-венгерских военнопленных славянской национальности, чтобы не дать Австро-Венгрии повода приступить к репрессиям в отношении наших военнопленных, а также оно не дает согласия на отправку сербской призывной комиссии в лагерь для военнопленных, не имея оснований признавать сербское правительство представителем югославянских элементов»⁵⁸. Допуска-

⁵⁶ Ср. Шалоя — министру Соннино. Там же. С. 164.

⁵⁷ Альдрованди *Марескотти* А. Указ. соч. С. 70–71.

⁵⁸ Как известно, слово «югославский» в то время обозначало не территорию, объединенные потом в 1919 году в Королевство сербов, хорватов и словенцев и Югославию, просуществовавшую с 1946 по 1989 год, а славянское население Австро-Венгерской империи, которое стремилось быть признанным в качестве третьей национальности империи. Этот проект, в целом одобренный эрцгерцогом Францем Фердинандом, был отвергнут после его убийства. К нему вернулись весной 1917 года, однако он был одобрен императором Карлом только в конце октября 1918 года и в противовес Сербии. Созданная тогда Югославия просуществовала около недели, исчезнув с победой Италии 4 ноября 1918 года.

В 1917 году, когда в России проходила конференция союзников, по инициативе депутата Андреа Торре и графа Одоардо Спада итальянская сто-

ется только некоторое число освобождений военнопленных славянской или чешской национальности в индивидуальном порядке после рассмотрения каждого конкретного случая по ходатайствам, поступающим к нам из Сербской миссии или посольства России»⁵⁹.

Существовал Чехословацкий национальный совет, который в 1916 году добился создания чехословацких подразделений в составе русской и французской армий. Поскольку они комплектовались из австро-венгерских военнопленных, в России это позволило быстро создать чехословацкий армейский корпус — год спустя он выступит против большевиков в Сибири, — тогда как во Франции из-за небольшого количества австро-венгерских войск на Западном фронте удалось выставить одну дивизию, численность которой фактически соответствовала примерно одной бригаде.

Что касается австро-венгерских военнопленных, бывших этническими итальянцами, которых в России насчитывалось около 25 тысяч человек, то с ними возникло довольно серьезное затруднение. Сербская комиссия в России, действовавшая в Дарницком пересыльном лагере, приписала их себе, объявив сербами на том основании, что они были уроженцами несербских территорий, на которые Сербия претендовала, что совершенно не устраивало итальянцев. Карлотти уже ставил этот вопрос в 1916 году, и министр иностранных дел Соннино вернулся к нему в телеграмме, отправленной Карлотти 4 января, в которой последнему вменялось в обязанность ходатайствовать перед русскими и откомандировывать в Дарницу, под Киев, одного

рона начала организовывать югославский Конгресс, который должен был объединить в антиавстрийском духе всех славян империи Габсбургов, то есть поляков, русинов, словенцев, чехов, хорватов, словаков, к которым могли присоединиться сербы. В том числе по этой причине Рим косо смотрел на стремление сербов объявить себя вождями югославянского движения.

⁵⁹ Министр Соннино послал Империаля в Лондоне, Сальваго Раджи в Париже и Карлотти в Петрограде, 8 января 1917 года, — DDI, Quinta serie, 1914–1918, vol. VII, p. 164 nota 1.

офицера итальянской миссии для отбора и репатриации военнопленных⁶⁰. Русское правительство предпочло бы их сохранить, потому что оно использовало их на сельскохозяйственных работах, особенно в Тамбовской губернии, вместо крестьян, которые были на фронте, но в конце концов оно допустило итальянскую комиссию для розыска военнопленных итальянской национальности в лагерях военнопленных и для их отправки в Италию, заявив при этом, что не может обеспечить их отправку раньше весны из-за льдов, заблокировавших порт Архангельск, и невозможности организовать их отъезд через Мурманск, служащий сугубо военным целям⁶¹. Эта операция должна была стартовать не позднее июня 1917 года, и даже после начала гражданской войны можно было бы вывезти практически всех австро-венгерских пленнх итальянской национальности, двигаясь на восток по Транссибирской железной дороге до итальянской концессии Тяньцзинь в Китае, откуда попадали в Италию морем.

Разные вопросы: американцы, немцы, японцы

Если вернуться к работе конференции, в ходе заседания 4 февраля пришло известие о разрыве дипломатических отношений между США и Германией, что, как все понимали, предвещало вступление Америки в войну на стороне союзников. Это положило предел любым разговорам или догадкам о том, как вести себя в отношении ноты Вильсона, выпущенной несколько-

⁶⁰ Соннино — Карлотти, 4 января 1917 года. Там же. С. 13.

⁶¹ Карлотти — министру Соннино, 6 января 1917 года. Там же. С. 27. В сообщении от 10 января Карлотти пояснил, что сербский консул в Одессе предоставил себя в распоряжение королевского консула Италии, что итальянский капитан находится в Дарнице, где, однако, давно не появлялось ни одного пленного, и что все австро-венгерские пленные итальянской национальности были заняты на сельскохозяйственных работах в Тамбовской губернии, где им регулярно платили и хорошо к ним относились. — Карлотти — министру Соннино, 10 января 1917 года. Там же. С. 40.

ми днями ранее, поскольку к этому моменту стало очевидно, что американский нейтралитет вот-вот закончится. Теперь осталось ждать и следить за тем, когда США вступят в войну.

5 февраля работа была приостановлена в связи с занятостью некоторых делегатов. Итальянцы отмечали, что французы выглядели чрезвычайно занятыми, но только после революции стало понятно, в чем было дело: они вели переговоры о некоем соглашении непосредственно с царем, как показали документы, опубликованные позже большевиками.

Конференция продолжила свою работу во второй половине дня 6 февраля, перейдя к разному.

Первым выступил генерал Кастельно с речью, про которую Альдрованди позже сказал: «Прекрасное, но несколько сентиментальное красноречие». В ней он ставил вопрос, не следует ли, ввиду трудностей Антанты, обратиться к союзной Японии с просьбой принять в войне большее участие.

Сазонов, человек практичный, ответил на это, что точно такое предложение, сделанное японцам полтора года назад, те категорически отвергли. Они не хотели, чтобы их считали продажными, и не горели желанием принимать на себя лишние обязательства, ибо у них не было территорий, которые надо было бы защищать от немцев. С другой стороны, подчеркнул Сазонов, именно по этим причинам такое предложение поставило бы вопрос о территориальной компенсации японцам, хотя американское вмешательство, вероятно, могло бы несколько изменить ситуацию⁶².

Пользуясь подсказкой, сделанной утром Шалоя, Милнер спросил, следует ли при рассмотрении того, куда лучше всего на-

⁶² Ср.: Шалоя — министру Соннино из Петрограда от 9 февраля 1917 года. Там же. С. 175–176. В другой телеграмме из Петрограда от 17 февраля 1917 года (Там же. С. 235.) Карлотти предупредил Соннино, что контакты между Россией и Японией окончились просьбой японцев передать им немецкую концессию в Шаньдуне, а также сохранить за Японией все оккупированные ею немецкие острова в Тихом океане к северу от экватора. Карлотти утверждал, что Покровский в разговоре с ним о принятии этих условий отзывался с одобрением.

целить грядущие наступательные операции, принимать во внимание полезность лишения неприятеля «областей, которые могли бы способствовать его снабжению». Это был извилистый способ сказать, что не следует оставлять австрийцам и немцам румынскую равнину с ее зерновым производством.

Вопрос был немаловажный. В начале войны в августе 1914 года Германия и Россия были двумя единственными воюющими державами, полностью самостоятельными в продовольственном отношении, тогда как Франция и Англия зависели от импорта. В течение одного месяца положение последних резко ухудшилось, поскольку вследствие немецкой оккупации от Франции к Германии перешла территория, производившая в год до 2,3 миллиона тонн пшеницы и других зерновых культур. Так как до войны производство зерна во Франции составляло около 15,4 миллиона тонн (в Германии — более 17,2 миллиона тонн), французы потеряли более одной седьмой части своих ресурсов в пользу немцев.

Австро-Венгрия и Турция, не будучи самостоятельными сами по себе, стали таковыми при поддержке Германии, которая уже в 1914 году смогла восполнить нехватку продовольствия в Австро-Венгрии, и если бы она сохранила контроль над румынскими ресурсами, то могла бы оказать существенную помощь и Турции⁶³.

Как раз зимой 1916–1917 годов британский министр снабжения сэра Эдвард Карсон указывал английским властям, что блокада побережья Германии была «частичной», но что им не следует раздражать нейтральные страны — Швейцарию, Голландию и Данию, в особенности, но также Норвегию и Швецию, — блокируя их порты так же, как это сделано с немецкими. 30 марта 1917 года Дени Кошен говорил об этом в Национальном собрании, и мало-помалу стали появляться первые цифры. Через нейтральные страны — Голландию и Данию в частности — в 1916 году Германия получила 116 тысяч тонн мяса, из чего, по оценкам, можно было изготовить 400 миллионов пайков. Этого

⁶³ Ср.: Paoletti F. 1915 — Marina, guerra e grano // Rivista Marittima. Anno CXLII (2009), № 9.

хватило бы для обеспечения двухразовым мясным питанием в течение года более чем 600 тысяч немецких солдат⁶⁴.

Это были известные цифры, которыми объяснялась озабоченность Милнера и Шалоя по поводу контроля над румынскими равнинами, но Кастельно, поддержанный Гурко, возразил, что стратегические соображения должны преобладать над экономическими.

Финансовые вопросы

На следующий день обсуждали финансовые аспекты и близко коснулись трудностей, переживаемых русскими, и того, что французы и англичане слагают с себя ответственность по этому поводу.

Русские передали итальянцам меморандум, который Шалоя уже отправил в Рим. Он писал: «Для оплаты различных русских военных заказов в Италии были достигнуты определенные договоренности между русскими и итальянскими кредитными учреждениями, по условиям которых могут быть сделаны займы на общую сумму 325 миллионов итальянских лир посредством учета переводных векселей, оплата которых по обменному курсу обеспечена депозитом бонов русского казначейства.

До сих пор, правду сказать, можно было воспользоваться только частью из этих кредитов, однако отныне не только вся их совокупность должна быть доступна для расчетов по текущим заказам, но и потребуются прибегнуть к аналогичным схемам финансирования для обеспечения оплаты дальнейших заказов, размещение которых будет происходить в более или менее ближайшем будущем.

Векселя, выданные для распоряжения кредитами, хотя и продлеваются на три месяца, подлежат оплате в установленные ранее сроки, которые составляют максимум двадцать один месяц, ибо Россия, без сомнения, не сможет создать в Италии фонд свобод-

⁶⁴ Ср.: *Paoletti C. La Francia e la guerra del pane nel 1917–1918 // Rivista Italiana Difesa. Anno XXX (2011), № 10.*

ных средств, достаточный для обеспечения возмещения по указанным векселям в конце срока относительно быстро. Русское правительство отныне и впредь должно заботиться о мерах, которые возможно принять для решения нерешенного вопроса с соблюдением интересов всех, и в таком смысле русское правительство полагает, что лучше всего было бы иметь возможность обеспечить в момент окончательного истечения срока займов, которые будут сделаны на итальянском рынке, их консолидацию либо, если эта операция невозможна, по крайней мере их продление на новый период и будет обязано итальянскому правительству, если оно пожелает оказать ему в этой связи всю возможную помощь»⁶⁵.

По сути, Россия была не в состоянии платить и просила королевское правительство позволить ей либо консолидировать долг, то есть держать его бессрочно, либо автоматически его продлевать⁶⁶.

Это выглядело плохо, но реальность в целом была намного хуже.

Заседание оказалось драматичным. Альдрованди хорошо подвел итог дня:

«7 февраля. Среда. Заседание финансовой комиссии.

Министр Барк выступил с подробным и нелицеприятным изложением положения в России, “граничащего с катастрофой”. Обесценение рубля почти превзошло падение марки. Валютный курс требует принятия неотложных мер. Внутренние займы дают совершенно незначительные результаты: от частных лиц по

⁶⁵ Шалоя — министру Соннино, Петроград, 7 февраля 1917 года, — DDI, Quinta serie, 1914–1918, vol. VII, p. 168.

⁶⁶ Экономические и финансовые отношения между Россией и Италией в это время были интенсивными, и в России находилась итальянское торгпредство во главе с Полномочным Послом Пьетро Томази маркизом Торретта. Он занимался закупкой примерно полумиллиона тон зерна — 100 тысяч сразу (из шести миллионов тонн, которые Россия собиралась экспортировать, главным образом предназначенных для отправки в Великобританию и во Францию) и около 400 тысяч тонн потом. Итальянское торговое представительство было официально принято царем и всеми министрами, после чего 7 февраля оно выехало из Петрограда в Москву, имея в виду 11 числа быть в Харькове, 16-го в Киеве и 22-го в Одессе.

займу поступило едва 400 миллионов рублей, расходы же превышают 1600 миллионов рублей в месяц.

Русские настаивали на принятии мер к действительному осуществлению обещания, данного на Парижской конференции, об обращении всех ресурсов на общие нужды». Они требовали от союзников оказания им содействия в закупках, которые должны быть произведены Россией в Японии и Скандинавии.

Было принято принципиальное решение заменить для русских американский рынок японским и скандинавским рынками с целью устранения конкуренции между союзниками, но определенного решения на этот счет вынесено не было.

Касательно валюты русские упорно настаивали на своих требованиях, заявляя, что они доведены до крайности и не в состоянии дольше ждать помощи, которую Франция до настоящего времени оказывала им лишь на словах.

Французские и английские делегаты отбивались по мере сил, утверждая, что ими сделано все возможное. Французский делегат заявил, что у него нет достаточных полномочий, что речь идет о вопросах, которые должны быть разрешены специалистами, и что русские должны принять меры к интенсификации экспорта.

Русские хотели бы подтверждения в принципе, что валютная проблема признана конференцией, а также чтобы об этом были телеграфно запрошены правительства, но Думерг заявил, что вопрос этот не может служить предметом телеграфных переговоров и что он оставляет за собой право обсудить этот вопрос совместно с Рибо⁶⁷.

Заключение финансовой комиссии свелось лишь к «констатированию серьезности проблемы».

Покровский предложил созвать собрание назавтра для нового рассмотрения вопроса о постоянном междусоюзническом комитете. Думерг предлагает отложить собрание, так как он еще не получил от своего правительства запрошенных им инструкций⁶⁸.

⁶⁷ Александр Рибо был министром финансов Французской республики с 1914 года и стал председателем Совета министров 20 марта 1917 года.

⁶⁸ *Альдрованди Марескотти А.* Указ. соч. С. 72–73.

Встреча завершилась ничем.

«Обед в петроградском аристократическом Яхт-клубе. Говорю о войне с сидящим рядом со мной за столом князем Р. Указываю ему, что война может осуществить вековые чаяния России о выходе в свободное море, т. е. дать ей Константинополь.

«И это было бы хорошо?» — спрашивает он.

Что это? Крайнее ли националистическое выражение стремления России к полной изоляции, или же упадок духа, вызванный продолжительной войной, изменившей стремления русских? Мне приходит на память, как во время триполитанской войны, в момент наших операций в Дарданеллах⁶⁹, Сазонов сказал Торрете⁷⁰, нашему поверенному в делах в Петербурге: «Если предпринятая в Дарданеллах операция удастся и вы займете Константинополь, я велю иллюминировать в знак радости Министерство иностранных дел»⁷¹.

Окончание работы конференции

На следующий день в четверг 8 февраля все на несколько дней разъехались из Петрограда: «Военные делегаты миссии выезжают на фронт. Мы выезжаем в Москву»⁷².

⁶⁹ Во время итало-турецкой войны 1911–1912 годов, овладев Додеканесом, итальянский флот попытался атаковать Дарданеллы, отправив эскадру миноносцев под командованием капитана второго ранга Энрико Милло. В ночь с 18 на 19 июля 1912 года тот смог углубиться в пролив на расстояние 22 километра, прежде чем минные заграждения вынудили его повернуть назад. Все суда под огнем неприятеля остались невидимыми.

⁷⁰ Пьетро Паоло Томази, маркиз Торретта, в 1912 году являлся главой канцелярии министра иностранных дел королевства Италия маркиза Антонино ди Сан Джулиано и ездил в Санкт-Петербург, где с 1904 года послом был Джулио Малегари, непосредственный предшественник на этом посту Андреа Карлотти. После Октябрьской революции Торретта был срочно отправлен в Петроград в качестве временного управляющего посольством Италии и находился в этой должности с 17 ноября 1917 года.

⁷¹ Альдрованди Марескотти А. Указ. соч. С. 73.

⁷² Там же.

Никакой работы в Москве не было, только встречи, контакты и приемы. Выехав в Петроград 10 февраля, делегации прибыли туда на следующий день и провели 12 и 13 февраля в обсуждениях и встречах почти безрезультатно.

«9 февраля. Пятница. Москва.

Прибываем с двухчасовым опозданием.

Завтрак у губернатора. Несмотря на запрещение, в обильном количестве подается водка. Сажу рядом с русским князем, носящим громкое историческое имя. Он рассказал мне, что на днях в одном из его имений кучер, ожидавший его в санях, отморозил себе уши. «Они совершенно почернели, кучер выл от боли. Он так кричал!» Князь говорит мне об этом, смеясь, с жестоким выражением лица.

Вспоминается маленький еврей Моисей, которого я знал в Константинополе. Он прислуживал в кафе. Однажды, повстречавшись с ним вечером, я увидел на его лбу следы ожогов.

«Что с тобой случилось, Моисей?»

«Я заработал пять меджидие; их дал мне один русский офицер за то, что пять раз тушил об мой лоб зажженные папиросы».

Но в то же время я думал о многих примерах несомненно тонкого, пламенного чувства, о многих проявлениях глубокой доброты и подлинного великодушия, присущих славянской расе.

Прогулка на Воробьевы горы, откуда Наполеон I впервые созерцал Москву.

Кратковременное посещение Кремля, где до сих пор хранятся оставленные Наполеоном пушки. Там же стоят несколько австрийских крупных орудий, взятых в нынешнюю войну. И рядом сотни ящиков со снаряжением, прибывшим из Англии и лежащим в снегу в ожидании отправления на фронт.

Мне снова говорили о серьезнейших транспортных затруднениях, но немного позднее итальянец, ехавший со мной в своем автомобиле, говорит мне, что он ждет получения новой, лучшей машины.

«Но откуда она должна прибыть?»

«Из Владивостока».

«Каким же образом при нынешнем затруднительном положении транспорта вы сумеете получить автомобиль из далекой Сибири?»

«Это вопрос бакшиша».

Повсюду слышишь о невероятной коррупции во всех слоях общества. Уверяют, что военные поставки производятся через многочисленных и жадных посредников, которые используют с этой целью даже балерин или любовниц великих князей...

Здесь также приходится слышать тяжелые обвинения против правительства. М., уроженец Болоньи, проживший в Москве 16 лет, говорит мне, что недавние события, связанные с именем Распутина, в корне изменили чувства населения к царю, бывшему прежде предметом почти религиозного почитания, теперь же всеми презираемому и ненавидимому.

Я получил приглашение на чай к одной типично русской даме, живущей в особняке у Красных Ворот. В доме этом есть буфет, который мог бы обслужить по меньшей мере человек 50. Я единственный приглашенный. А в Петрограде убогая толпа выстаивает в очередях у лавок для того, чтобы с трудом после бесконечного ожидания получить скудный паек по карточке»⁷³.

Второй секретарь посольства Италии Тальяни де Маркьо подтверждал в своем дневнике⁷⁴: «Группки больных и изможденных людей достигли до центра. Они прижимаются носами

⁷³ Альдрованди Марескотти А. Указ. соч. С. 73–75.

⁷⁴ Франческо Мария Тальяни де Маркьо, родившийся 22 октября 1887 года, в январе 1912 года был назначен атташе миссии в Берлине, в июле 1913 года отправлен в Константинополь в должности секретаря посольства третьего класса и оставался там до декабря 1915 года. Затем он был направлен в Петроград, куда прибыл в мае 1916 года и назначен секретарем посольства второго класса. В августе 1918 года назначен секретарем Канцелярии союзников. Вернувшись в Рим в январе 1919 года, блестяще продолжил карьеру на труднейших постах, последним из которых был Китай до и во время Второй мировой войны. Вернувшись в Рим, в декабре 1946 года принял на себя обязанности руководителя службы протокола. 10 февраля 1951 года направлен в Испанию, где оставался до 1954 года, когда ушел в отставку. Умер в Риме в 1968 году.

к сверкающим витринам. Потухшие глаза, огромные ноги, завернутые в тряпки»⁷⁵.

12 числа Покровский пригласил Думерга, Милнера и Шалоя на частную беседу с целью переговорить о междусоюзническом Комитете. «Исключив невыполнимые предложения о создании постоянных делегаций, наделенных более или менее широкими правами, четверо собеседников согласились представить завтра политической комиссии резолюцию о необходимости более частых междусоюзнических совещаний с участием премьер-министров или их особых уполномоченных, состав которых должен оставаться по возможности неизменным. Это вызывается очевидными соображениями возможно большей увязки и более легкой и быстрой координации действий союзников»⁷⁶.

На следующий день, во вторник 13 февраля, политическая подкомиссия вновь собралась на очередное заседание и постановила, что, в конечном итоге, стоит обратиться к Японии за дополнительной помощью в военных действиях в виде артиллерии, боеприпасов и артиллеристов⁷⁷. Русские — а также итальянцы — знали (но, по-видимому, молчали), что подобное обращение было предусмотрено одним из пунктов секретного русско-японского договора 1916 года. Потому можно было надеяться, что эта просьба будет услышана Токио⁷⁸.

⁷⁵ *Taliani de Marchio F. M. Pietrogrado 1917. Verona, 1935, p. 39.*

⁷⁶ *Альдраванди Марескотти Л. Указ. соч. С. 75–76.*

⁷⁷ Карлотти — министру Соннино, 15 февраля 1917 года, — DDI, *Quinta serie, 1914–1918, vol. VII, p. 221.*

⁷⁸ С июля 1916 года в Риме знали, что Россия и Япония подписали секретный договор. Подробно его содержание не было известно, тем не менее посол короля Италии в Токио Кукки — после еще двух донесений от 18 и 21 ноября 1916 года — 18 января 1917 года написал Соннино конфиденциальное письмо, в котором со ссылкой на секретный пакет, приложенный к его донесению от 18 ноября 1916 года, сообщал ему, что, по существу, две державы разделили Восток на две сферы влияния. Он писал также, что среди прочего Япония обязалась сделать все возможное, чтобы «помочь России с военными материалами, а также упростить контакты между японскими финансами и русскими рынками как в плане кредитов,

Подкомиссия также одобрила «концепцию центрального органа межсоюзнических совещаний», который будет собираться регулярно. Шалойя в этой связи подчеркнул, что слова «регулярность совещаний» не должны подразумевать их «нормальность». Они должны созываться всякий раз в местах, которые покажутся наиболее подходящими. Подразумевалось, что в них могли участвовать делегаты и другие технические сотрудники, но не слишком много, иначе они стали бы слишком обычными и не очень эффективными. Думерг и Милнер согласились с этим и распорядились занести это в протокол.

Заместитель министра иностранных дел Нератов долго настаивал на немедленном создании постоянного комитета послов с особыми полномочиями по второстепенным вопросам⁷⁹.

Шалойя выдвигал следующее возражение. Что касается Италии и ее правовой системы, если второстепенные вопросы подразумевают решения политического характера, то они не относятся к исключительному ведению посла. В такой ситуации итальянский посол был бы должен каждый раз сноситься с королевским правительством и ждать его ответа. Это создавало бы промедление, и следствием было бы то, что этот новый промежуточный орган увеличил бы задержки.

Но поскольку это обсуждалось в политической подкомиссии, Шалойя предложил отложить вопрос на пленарное заседание союзнической комиссии, которое должно было состояться на днях, наряду с другим нерешенным вопросом, как добиться большего участия в войне со стороны Японии.

Думерг и Милнер выразили свое согласие, и русские тоже.

так и в других отношениях». — См. письмо Кукки министру Соннино из Токио от 18 января 1917 года. Там же. С. 87.

⁷⁹ Нератов царским указом был назначен членом Государственного совета, получив распоряжение царя оставаться на посту заместителя министра иностранных дел до назначения его преемника. Как Нератов позже объяснил Карлотти, это было уловкой, потому что до его назначения считалось, что, будучи членом Государственного совета, он не может быть подчиненным министра. — См.: Карлотти — министру Соннино, 18 января 1917 года. Там же. С. 85.

Сразу после этого обсуждалась очень сложная проблема: особое положение России и ее представительство на регулярных конференциях в связи с особенностями ее политического устройства, а также ее географической удаленностью от западных союзников, что затрудняло контакты. Сазонов долго настаивал на разъяснении позиции российского посла в стране, где будет проходить конференция, по отношению к делегату, специально посланному русским правительством для участия в ней, в том случае, если делегат этот (как обстояло дело с западными союзниками на Петроградской конференции) не являлся бы ни председателем Совета министров, ни министром иностранных дел. Как надлежит действовать послу, окажись такой делегат в ранге министра?

Сазонов являлся лицом заинтересованным, потому что он только что был назначен послом в Великобритании⁸⁰. Итальянцы прекрасно знали, насколько политическая линия либеральной группы, которую он возглавлял, контрастировала с линией нового русского правительства; они знали, что Сазонов согласился, потому что его партия была решительно поддержана тогдашним британским правительством, и что он окажется, как подчеркивал Карлотти, «благодарным человеком» в Лондоне. Потому дискуссия с Покровским, возникшая в этот момент, хотя никто об этом не говорил, была призвана с самого начала выяснить, какую меру автономии выкроит для себя либеральный посол Сазонов по отношению к реакционному правительству князя Голицына, очутись он в Англии. Как подытожил Альдрованди, «Сазонов в своем качестве посла в Лондоне не желает оказаться ниже полномочного русского представителя на Западе»⁸¹. И так как дискуссия постепенно свелась к спору Сазонова и Покровского, три западных делегата заявили, что это вопрос, который может и должна решить только Россия, и высказываться по этому поводу они не компетентны.

Альдрованди отмечал определенное соперничество Сазонова с Покровским: «В течение дискуссии он отвечает на выступ-

⁸⁰ Карлотти — министру Соннино, 19 января 1917 года. Там же. С. 90.

⁸¹ Альдрованди *Марескотти* А. Указ. соч. С. 81–82.

ления министра иностранных дел с резкостью п почти презрением, граничащими порой с издевательством. Кажется, будто он хочет дать почувствовать разницу между ним, его психологией, его опытом и личностью нового человека — Покровского. Покровский кротко выносит нападки»⁸².

Под конец заседания вернулись к разговору об отношении к Греции. Посол Карлотти, до того занимавший аналогичную должность в Афинах и хорошо знавший страну и ее жителей, предложил ослаблять блокаду Греции по мере выполнения греческой стороной обязательств, принятых ею в ответ на последнюю ноту союзников. Думерг и Мильнер не совсем согласились, однако допустили возможность ослабления блокады, как минимум, в отношении итальянских общин, проживающих в Афинах и Патрах⁸³. На этом заседании в целом окончилось.

14 февраля союзническую миссию водили на Путиловский завод: «Посещение Путиловского завода, где, как говорят, работают 32 тысячи рабочих.

Впечатление беспорядка. Масса погребенного под снегом материала. Недоверчивые взгляды рабочих, среди которых много женщин.

Насчет количества ежедневной продукции нам даются противоречивые сведения»⁸⁴.

В следующие шесть дней были другие заседания, все безрезультатные, а военные участники делегаций вернулись из поездки на три участка фронта, привезя то, что Альдрованди определил как «противоречивые, но не слишком пессимистические вести»⁸⁵.

20 февраля состоялось заключительное пленарное заседание, на котором были одобрены резолюции, принятые тремя подкомиссиями — политической, экономической и военной.

⁸² Альдрованди Марескотти А. Указ. соч. С. 76–77.

⁸³ Карлотти впервые изложил проблему министру Соннино в вышеупомянутом отчете от 19 января (DDI, Quinta serie, 1914–1918, vol. VII, p. 90) и теперь сообщал о принятых решениях, выслав их 15 февраля 1917 года. Там же. С. 223.

⁸⁴ Альдрованди Марескотти А. Указ. соч. С. 77.

⁸⁵ Там же.

Что касается экономической части, было решено представить трем западным правительствам то, что сказал министр Барк 7 февраля, дабы они могли принять решение по этому вопросу.

По представлению военной подкомиссии, было решено просить Японию взять на себя больше обязательств, связанных с поставкой артиллерийских орудий и отправкой артиллеристов. Звучало также предложение просить Японию отправить 50 тысяч солдат в Месопотамию. Но ему не дали хода, ибо, как отметил Шалоя, если бы в Токио с этим не согласились, это было бы слишком очевидным дипломатическим провалом союзников, и это замечание все признали справедливым.

Наконец, что касалось политических решений, говоря о резолюции по поводу постоянного совета, Шалоя всякий раз уточнял, что конференция не создала новый работоспособный орган, а только рекомендовала соответствующим правительствам договориться о том, как проводить подобные встречи в будущем, на регулярной основе и без церемоний и банкетов, характерных для межгосударственных союзнических конференций. Данное суждение было одобрено всеми, и конференция была закрыта⁸⁶.

Обратный путь и финал

Подводить итоги Петроградской конференции нелегко, потому что многие из принятых решений относительно быстро растаяли, как дым. Но один факт остался: за несколько дней ясно предстал сговор между Россией и англичанами и французами по поводу Греции и Малой Азии в ущерб Италии: англичане и французы (заводилами явно выступали последние) не сдержали обещаний, данных итальянцам, русские им не препятствовали — вероятно, надеясь на выполнение обязательств оказания

⁸⁶ Шалоя докладывал Соннино первой телеграммой, отправленной через Карлотти из Петрограда 15 февраля 1917 года, — DDI, Quinta serie, 1914–1918, vol. VII, p. 221–222. За ней последовал отчет о заключительном заседании из Петрограда от 23 февраля 1917 года. Там же. С. 268–269.

им финансовой и военной помощи, — и Италия все больше отдалялась от позиций союзников. Англичане, напротив, старались не прерывать диалога с Римом по этим вопросам. Петроград тем временем оказался в затруднительном положении, поскольку попытался добиться от союзников принятия выработанной в Швеции дипломатической инициативы с целью склонить Болгарию к сепаратному миру, во что не верили и что не поддерживали ни Лондон, ни Париж, ни Рим. С другой стороны, позиция России была прагматичной, и в целом никому ничем не вредила. Как сообщил Карлотти Соннино 15 февраля, Нератов хотел дать понять Ризову, что возможные переговоры должны быть начаты официально назначенным лицом, считал полезным донести до болгар возможность установления подобного контакта и на вопрос Карлотти о том, какого результата он ожидает, отвечал, «что, в любом случае, было бы недурно, чтобы приверженцы Антанты в Болгарии об этом узнали или чтобы болгарское правительство скомпрометировало себя в глазах Германии. Как бы то ни было, такая попытка была бы бесполезной для понимания того, куда движется Болгария»⁸⁷.

В конце концов Соннино, узнав от русского посла в Риме Гирса, что Англия и Франция неофициально одобрили контакты с эмиссарами Ризова в Швеции, тоже дал свое согласие, телеграфировав об этом послам в Лондон, Петроград, Париж и Стокгольм.

Февральская революция, сначала казалось, не положит конец участию России в войне, однако с нее началась череда событий, которая привела к Октябрьской революции, и вступление в войну США, наряду с ней, коренным образом изменит положение союзников и ход военных действий. Но пока никто не верил в худшее. Все предпочитали думать, что царское правительство просуществует долго, что никакой революции не будет и что русские солдаты дисциплинированно продолжают отдавать жизни в интересах Западного фронта, независимо от того, будут ли они получать военные припасы от англичан и французов и финансовую помощь, необходимую для выживания.

⁸⁷ Карлотти — министру Соннино, 15 февраля 1917 года, — Там же. С. 223.

Верить хотелось в желанное, а не в очевидное. Тем не менее все признаки надвигавшегося краха были налицо, и итальянским дипломатам они были вполне ясны. Второй секретарь посольства Тальяни де Маркьо еще в 1916 году отмечал: «Здесь припасов нет, службы не работают, управления нет»⁸⁸.

Разница между реальностью и официальной версией событий, которую преподносили русские и с удовольствием выслушивали союзные делегации, была огромной. Как мы видели, тот же Альдрованди косвенно отмечал разрыв между первым и вторым, записав в своем дневнике еще 30 января, что итальянский посол верил в возможность революции и что, по мнению его собственных сотрудников, он сознавал реальность лучше, нежели описал ее в своих отчетах, которые посылал в Рим⁸⁹.

Извещая Соннино в начале марта о завершении миссии, Альдрованди мог бы прибавить: «Утверждалось, что присутствие союзнических миссий в России оказалось весьма своевременным для укрепления связи Антанты с Россией и предотвращения возможных с ее стороны отступлений от взятых на себя обязательств. Утверждалось, кроме того, что пребывание миссий в России оказало благотворное влияние на внутреннее положение этой страны, относительно которой к нам поступали самые противоречивые известия. В России часто циркулируют слухи о готовящихся трагических событиях в императорском дворце, уличных бунтах. Оппозиционные настроения по отношению к правительству открыто выражаются повсюду в частных разговорах и, что особенно поразительно, в совершенно свободном высказывании мнений в общественных местах. С другой стороны, нас уверяют, что сильное недовольство императрицей, распространившееся теперь и на царя, найдет выход только после окончания войны, которую народ и армия хотят довести до победного конца»⁹⁰.

⁸⁸ *Taliani de Marchio F. M.* Op. cit., p. 18.

⁸⁹ *Альдрованди Марескотти А.* Указ. соч. С. 65.

⁹⁰ Там же. С. 83.

Осознавая расхождение официальной версии происходящего с реальностью, но не желая этого признавать, делегации приготовились к отъезду 21 февраля. «Принимаются строгие меры к обеспечению нашей безопасности. С этой целью был пущен слух, что мы пока остаемся в России, но едем в глубь страны, поэтому наши апартаменты останутся пока за нами и не будут сдаваться, чтобы создать впечатление о предполагаемом возвращении нашем в Петроград перед окончательным выездом. Меры эти кажутся наивными и напрасными, тем более что наш багаж полностью на виду у всех погружается в поезд, направляющийся в Колу.

И как бы не довольствуясь этим, вечером за несколько минут до нашего отъезда к нам в столовую приносят на подпись все протоколы конференции на виду у всей гостиницы.

22 февраля. Четверг.

Едем в поезде, идущем со скоростью 10 километров в час. Состояние железной дороги таково, что некоторые участки после оттепели придется заново восстанавливать.

23 февраля. Пятница.

42 градуса мороза.

25 февраля. Воскресенье.

Грузимся на пароход. Нас будет сопровождать крейсер «Виндиктив».

Нам говорят, что недалеко от выхода из залива были замечены германские подводные лодки. Идет снег. Качает. Сильный холод»⁹¹.

В тот же день, 25 февраля 1917 года, когда западные делегации сели на корабль в Мурманске, чтобы вернуться в Англию, посол Карлотти сообщал в Рим:

«Непомерно выросшие в последние дни цены на продовольствие и приближающееся открытие Думы вызывают известное волнение среди рабочего класса Петрограда. Говорят о всеобщей забастовке, которая должна начаться через три–четыре дня. Подобные слухи ходили и раньше, но потом ничем не оканчива-

⁹¹ Альдрованди Марескотти А. Указ. соч. С. 78.

лись, и я склонен думать, что и на этот раз патриотизм и здравый смысл населения восторжествуют»⁹². Если он в самом деле так думал, то полностью ошибался: чаша уже переполнилась.

Делегации благополучно достигли Англии, и в Лондоне 3 марта Альдрованди составил донесение министру Соннино. Что касается финансовых вопросов, к тому, что мы уже знаем, он добавил: «Переговоры по этому поводу продолжались в частной форме между Барком и главами отдельных делегаций, которые возобновили свои обещания. Но никакого определенного соглашения ни по одному пункту достигнуто, по-видимому, не было. Запрос об оказании итальянским правительством содействия в операциях по русским закупкам в Италии не получил завершения, так как никакого ответа из Рима своевременно получено не было»⁹³.

Из Лондона итальянцы и французы прибыли в Париж. Это случилось 6 марта, а 8 марта итальянцы вернулись поездом в Рим. В этот день в Петрограде началась революция.

⁹² Карлотти — министру Соннино, — DDI, Quinta serie, 1914–1918, vol. VII, p. 278. Далее в телеграмме утверждалось, что власти принимают меры к устранению затруднений со снабжением столицы, и полностью приводился текст воззвания командующего военным округом, обнародованного в тот день в Петрограде. Карлотти мог бы начать посылать сигналы опасности 28 февраля (Там же. С. 289–290), когда он передавал повестку дня, утвержденную годовым собранием московского дворянства, добавляя, что аналогичные результаты имели место во множестве других губерний и что ввиду роли мелкой и средней знати этот язык заслуживал «гораздо большего внимания».

⁹³ Альдрованди *Марескотти* А. Указ. соч. С. 79–80.

ПОЛЕВЫЕ ЛЕЧЕБНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА КРАСНОГО КРЕСТА НА КАВКАЗСКОМ ФРОНТЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

На Кавказском фронте Первой мировой войны именно полевые лечебные учреждения Российского общества Красного Креста сыграли значительную роль в оказании медико-санитарной помощи армии.

Сразу же необходимо объяснить, что подразумевается под словом «полевые» применительно к лечебным учреждениям. Считаем уместным ориентироваться на терминологию нормативных документов изучаемого периода. Высочайше утвержденное 5 августа 1914 г. временное положение об эвакуации определяло деление территории страны на районы армии и внутренний район. Каждый из районов армий в свою очередь делился на корпусный и тыловой районы. В корпусных районах армий действовали передовые отряды, подвижные и этапные лазареты Красного Креста. В тыловых функционировали госпитали и лазареты.

Фонды Российского государственного военно-исторического архива в Москве (далее — РГВИА) позволяют проанализировать деятельность полевых лечебных учреждений Российского общества Красного Креста на Кавказском фронте Первой мировой войны и оценить их значение. Ранее деятельность некоторых учреждений рассмотрел в своих работах историк

Г. А. Мелкумян¹. В данной статье представлена попытка, с одной стороны, представить более полный анализ деятельности полевых учреждений РОКК, с другой — объяснить их значение в контексте проблемы этапного лечения.

Особенностью полевых учреждений являлось то, что они были мобильными, перемещались в зависимости от расположения войск. Передовые отряды выделяли из своего состава «летучки», следовавшие непосредственно за войсками и собиравшие раненых и больных для оказания первой помощи. Полевые лечебные учреждения при необходимости открывали на эвакуационных линиях врачебно-питательные пункты, временные лазареты.

Наличие таких учреждений отвечало этапному принципу военной медицины, который в полной мере был сформулирован профессором В. А. Оппелем² уже после Первой мировой войны и в дальнейшем стал основополагающим для военно-полевой хирургии. Согласно этому принципу, раненый получает хирургическую помощь там, где необходимо, и эвакуируется тотчас же, как только позволяет его здоровье. В целом в военном ведомстве в Первую мировую войну царил принцип «эвакуации во что бы

¹ Мелкумян Г. А. О госпитальной сети Кавказского фронта // Էրիտրիմի-կնոսի և լիհիլիակնի բժշկութեան հանդես. Ереван, 1971. № 11 (4). С. 101–106; Мелкумян Г. А. Медицинская помощь беженцам в 1915 году (на Кавказском фронте Первой мировой войны) // Вестник общественных наук Академии наук Армянской ССР. Ереван, 1973. № 6. С. 92–98; Мелкумян Г. А. Врачи-армяне на Кавказском фронте первой мировой войны. Պիտմի-բնիշխիթիկնի հանդես. Ереван, 1975. № 3. С. 126–134; Мелкумян Г. А. Роль общественных организаций в медицинском обеспечении Кавказской армии в годы Первой мировой войны // Պիտմի-բնիշխիթիկնի հանդես. Ереван, 1977. № 3. С. 221–234; Мелкумян Г. А. Деятельность медицинских учреждений общественных организаций в иранском Азербайджане в 1915 году // Вестник Ереванского университета. Общественные науки. Ереван, 1979. № 2 (38). С. 169–173.

² Владимир Андреевич Оппель (1872–1932) — хирург, доктор медицинских наук (1899), профессор (1908), действительный статский советник, основатель хирургической научной школы, один из основоположников сосудистой, эндокринной, военно-полевой хирургии в СССР. В ноябре–декабре 1914 г. заведовал медицинской частью управления главноуполномоченного РОКК на Кавказском фронте.

то ни стало». То есть раненых вне зависимости от их состояния старались увезти как можно дальше от фронта. Следствием становились инфекционные осложнения и высокая смертность³. Этим и объясняется важность наличия полевых лечебных учреждений РОКК, в которых раненые и больные чаще могли получить своевременную помощь.

Как и на других фронтах Первой мировой войны, на Кавказском фронте Красный Крест организовывал преимущественно полевые лечебные учреждения. В тылу основное количество учреждений принадлежало Земскому союзу и Союзу городов, военному ведомству. Так, согласно данным на 6 апреля 1916 г., РОКК содержало лишь 1 365 тыловых коек, или примерно 3% от общего количества коек на Кавказе — 51 302 шт.⁴

Что касается полевых учреждений, то именно с организации таковых начало свою деятельность Российское общество Красного Креста на Кавказе. За несколько дней до открытия русско-турецкого фронта Красный Крест назначил на Кавказ своего главноуполномоченного — Л. К. Кнорринга⁵. Главноуполномоченный в военное время руководил деятельностью учреждений РОКК на фронте. Пока в Тифлисе происходило формирование управления главноуполномоченного, в Петрограде руководство Красного Креста решало вопрос о том, какую помощь необходимо оказать новому фронту.

17 октября 1914 г. разработку вопроса поручили комиссии при Главном управлении РОКК по развитию деятельности Общества на театре военных действий⁶ под председательством генерала от инфантерии А. А. Поливанова⁷. 28 октября Главное

³ *Отпель В. А.* Очерки хирургии войны / Под ред. И. А. Ключс. Москва : Гос. изд. мед. лит. Ленингр. отд., 1940. С. 15–17, 62, 188.

⁴ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1177. Л. 28–32 об.

⁵ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1059. Л. 395 об. — 396 об.

⁶ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1098. Л. 220.

⁷ Алексей Андреевич Поливанов (1855–1920) — русский военный деятель, генерал от инфантерии (с 1911), член Государственного совета (с 1912). Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., военный министр 1915–1916 гг.

управление, выслушав доклад представителя военно-санитарного ведомства генерала от инфантерии П. А. Фролова⁸ о ситуации на Кавказе, постановило, что военному ведомству нужна помощь в организации медицины в непосредственной близости к боевым действиям, а не в тылу⁹.

Как выяснилось, в регионе Красный Крест не располагал необходимым медицинским персоналом и медицинскими средствами. 30 октября 1914 г. помощник наместника на Кавказе гофмейстер Н. А. Петерсон¹⁰ передавал из канцелярии наместника в Петроград, что на Кавказе «кроме сестер [сестер милосердия. — *Е. П.*] никакого медицинского и санитарного персонала нет, медицинских средств нет, [...]. Следовало бы исходатайствовать прежде всего отправку двух складов белья на пять тысяч кроватей [...], а равно перевозочные средства и медицинский и санитарный персонал»¹¹.

Комиссия Поливанова к 4 ноября разработала план действий РОКК на Кавказе. Руководство РОКК постановило сформировать для Кавказского фронта 4 подвижных лазарета с подвижными питательными пунктами на 750 чел. ежедневного довольствия и 4 передовых отряда с вьючными отделениями транспорта, открыть Кавказское отделение полевого склада Красного Креста, командировать снаряжение и врачебный персонал из Петрограда, назначить сестер для двух лазаретов из Тифлисской общины, для передовых отрядов — из Кубанской, Пятигорской и Петроградских общин. Округному управлению РОКК в Тифлисе поручалось организовать сборный пункт для приема 20 врачей, 40 студентов, 60 сестер, 1 300 санитаров, 600 лошадей¹².

⁸ Петр Александрович Фролов (1852 — не ранее 1918) — генерал от инфантерии, член Государственного и Военного советов Российской империи.

⁹ Там же. Л. 446–448.

¹⁰ Николай Леонидович Петерсон (1866–1920) — помощник по гражданской части Наместника на Кавказе в 1913–1915 гг., сенатор, гофмейстер.

¹¹ Центральный исторический архив Грузии (далее — ЦИАГ). Ф. 13. Оп. 3. Д. 1443. Л. 4, 5.

¹² РГВИА. Ф. 2018. Оп. 1. Д. 12. Л. 141–142.

9 ноября на Кавказский театр военных действий отбыл один из лазаретов — этапный имени Государственной Думы, 13 ноября отправили имущество для трех подвижных лазаретов и передового отряда, к 18 ноября в Тифлис выехал персонал врачей для всех отрядов и лазаретов¹³. Руководство Красного Креста, представители Земского союза и Союза городов решили условно разделить организацию помощи войскам на передовых позициях по направлениям: Земский союз должен был проводить медицинское обслуживание войск в Ольгинском, Батумском и Игдырском районах, Городской союз — в Сарыкамышском районе, Красный Крест — в Джульфинском¹⁴.

Начало деятельности полевых учреждений РОКК задерживалось по нескольким причинам — из-за многоначалия и слабости административной системы на Кавказе, несвоевременного открытия сборного пункта для медицинского персонала в Тифлисе, задержек в пути на Кавказ санитаров¹⁵.

Но, несмотря на промедления, на передовых позициях быстрее сумел организовать свою деятельность именно Красный Крест, опередивший Земский и Городской союзы даже в «порученных» им районах.

Под Сарыкамышем, когда «войска менее всего были обеспечены медицинской помощью»¹⁶, первую помощь под флагом Красного Креста организовал уполномоченный граф Р. Ф. Грохольский¹⁷. Граф в начале декабря выехал в район Сарыкамыша для того, чтобы позаботиться о сестрах милосердия, о которых не было известно, успели ли они выехать из города, отрезанного

¹³ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1099. Л. 101., 199–199 об.

¹⁴ Доклад главноуполномоченного Л. В. Голубева Главному управлению // Вестник Красного Креста. 1916 г. № 4. С. 1174.

¹⁵ Отдел рукописей Библиотеки Военно-медицинской академии имени С. М. Кирова. Ф. 22. Оп. 1. Д. 30. № 2. Письмо В. А. Опеля жене Е. С. Опель 29 ноября 1914 г.

¹⁶ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1177. Л. 13 об. — 22.

¹⁷ Доклад главноуполномоченного Л. В. Голубева Главному управлению // Вестник Красного Креста. 1916 г. № 4. С. 1174; РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1177. Л. 13 об. — 22.

турками от Карса, для снабжения отдельных лазаретов и полковых перевязочных пунктов недостающими материалами, бельем, а также для раздачи войскам теплой одежды и медикаментов.

Позже выяснилось, что часть персонала госпиталей «до перерыва связи с крепостью Карс под влиянием распространившейся тревоги самовольно, без разрешения, бросив имущество, уехала в тыл». В городе осталось всего три госпиталя с уменьшенным штатом¹⁸. Раненые и обмороженные две недели лежали почти без помощи. «Кормить нечем! Перевязывать нечем! Класть некуда! Что хочешь, то и делай», — вспоминала сестра милосердия Х. Д. Семина¹⁹.

Грохольский помог врачам Кабардинского полка организовать перевязочный пункт на вокзале и устроил такой же пункт у въезда в город, куда направлялось много неперевязанных раненых. Вместе с комендантом Сарыкамыша полковником Н. Н. Рубенау²⁰ граф снабдил перевязочный пункт на вокзале оставшимися в помещениях лазаретов запасными медицинскими материалами, «лишь благодаря этому материалу могли за все время сражений правильно работать перевязочные пункты». Грохольский также обеспечил материалами эвакуационный пункт, организовал эвакуацию раненых в город из передовых перевязочных пунктов и организовал уборку трупов. Во время Сарыкамышских боев уполномоченный Грохольский был контужен и заболел сыпным тифом, от которого оправился через два месяца²¹.

¹⁸ Корсун Н. Г. Сарыкамышская операция на Кавказском фронте мировой войны в 1914–1915 году [Текст] / комбриг Н. Г. Корсун; Краснознаменная и ордена Ленина воен. акад. РККА им. М. В. Фрунзе. Москва : изд. и 1-я тип. Воениздата, 1937. С. 141, 142.

¹⁹ Семина Х. Д. Трагедия русской армии Первой Великой Войны 1914–1918 гг. Записки сестры милосердия Кавказского фронта. Кн. 1. Нью-Мексико, 1963. С. 156, 160, 163.

²⁰ Николай Иванович фон Рубенау (1863–1925) — участник русско-японской 1904–1905 гг. и Первой мировой 1914–1918 гг. войн. Полковник (1908). Помощник главного начальника снабжений Кавказской армии (1915). И. д. начальника штаба Кавказского военного округа (1915–1917). Генерал-майор (1915). В эмиграции в Югославии.

²¹ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1177. Л. 13 об. — 22; О Сарыкамышской операции. Извлечение из доклада уполномоченного гр. Р. Ф. Грохольского

В начале декабря первым из учреждений РОКК выдвинулся к войскам подвижной лазарет РОКК имени Государственной Думы — в район Карс — Ардаган — Ольты, за который был ответственен Земский союз²². С 13 декабря лазарет начал принимать раненых в Родионовке и Прохладном. 25 декабря 2-й подвижной лазарет ушел в Ахалцых и вскоре там начал прием раненых и больных. 27 декабря в Ольты вышел 1-й передовой Приамурский отряд Красного Креста²³. 1 января 1915 г. 3-й лазарет РОКК ушел в Джульфу. Персонал 4-го лазарета в начале января еще не прибыл в Тифлис²⁴.

С развитием военных действий на Кавказском фронте все более явной становилась потребность в летучих отрядах, быстро перемещающихся вслед за войсками и меньше зависящих от наличия и качества дорог. В горах порой дорог не существовало, а имеющиеся нередко были труднопроходимыми. Один летучий отряд был сформирован в Батуме. 3 декабря 1914 г. председатель местного управления уже сообщил в Главное управление РОКК об успешных действиях отряда и попросил выслать перевязочные материалы и теплые вещи²⁵. Вскоре отряд был разделен на два — один по направлению к Аджарис-Цхали, другой — к югу от Батума по направлению к границе с Турцией. Затем в распоряжение главноуполномоченного прибыли два летучих отряда из Баку. Каждый состоял из врача, фельдшера и санитаров — все верхом. Один пошел на Ардаган, другой — через Саракамыш к турецкой границе²⁶.

Для налаживания системы пополнения запасов лечебных учреждений РОКК требовался полевой склад в Тифлисе. Имущество для склада и персонал отправили из Петрограда²⁷.

главноуполномоченному Красного Креста при Кавказской армии // Вестник Красного Креста. 1916 г. № 3. С. 924, 925, 926.

²² РГВИА. Ф. 2100. Оп. 1. Д. 771. Л. 9.

²³ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1177. Л. 13 об. — 22.

²⁴ *Отпель В. А. Дневники хирурга Первой мировой войны / Сост. и ред. проф. В. И. Буравцов, проф. Е. К. Гуманенко. СПб. : Б/и, 2001. С. 308.*

²⁵ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1099. Л. 247.

²⁶ *Отпель В. А. Дневники... С. 304.*

²⁷ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1099. Л. 124 об., 170.

К 31 декабря 1914 г. часть помещений склада, не требующая внутренних переделок и дезинфекции, уже заполнялась²⁸.

В целом для военной медицины открытие Кавказского театра военных действий стало серьезным испытанием. Сестра милосердия Семина, находившаяся в ходе Сарыкамьшской операции некоторое время в Карсе в 7-м полевом подвижном военном госпитале, вспоминала, что в госпитале вместо двенадцати сестер милосердия было лишь четыре. Из-за постоянного потока раненых задача персонала госпиталя заключалась в том, чтобы «только поправить повязки, накормить, отогреть и, не медля ни минуты, грузить в поезда и отправлять всех в тыл [...] При разгрузке одних вносили в госпиталь с отмороженными руками и ногами. А других несли прямо в сарай и складывали там как дрова, друг на друга». При перевозке многие раненые получали обморожение. Семина привела слова одного из несчастных: «Сестра! Руки мои обморожены! Ведь не ранены, я ранен в бок, а руки были здоровы! А теперь вон, — синие, мертвые! Помогите мне! Лучше бы меня убили!»²⁹

С развитием боевых действий на Кавказском фронте Красный Крест начал формировать новые полевые учреждения, помимо тех, которые были отправлены по плану Главного управления, составленному в ноябре 1914 г. Имевшиеся в распоряжении автора источники не позволяют в равной мере подробно описать деятельность всех полевых учреждений РОКК на Кавказе. При этом на некоторых сюжетах есть возможность остановиться подробнее, основываясь на территориальном и хронологическом принципах.

Самым западным районом Кавказского фронта в начале 1915 г. был Батумский. В этом районе важную работу проводил 3-й передовой отряд РОКК, обслуживавший линию в 120 верст из Артвина в Батум. 13 января 1915 г. отряд выехал в Батум³⁰

²⁸ Отчет главноуполномоченного при Кавказской армии бар. А. К. Кнорринга // Вестник Красного Креста. 1915. № 1. С. 331–332.

²⁹ Семина Х. Д. Трагедия русской армии ... Кн. 1. С. 121, 123, 124, 127, 132.

³⁰ РГВИА. Ф. 12 685. Оп. 9. Д. 3. Л. 22.

и 19 января начал эвакуацию раненых и больных. Постепенно отряд взял на себя работу по эвакуации по всей линии Артвин-Батум, протяженностью в 89 верст. 19 марта отряд был переведен в место между Борчхой и Хеба-Базаром³¹.

Отряд образовал летучие перевязочные отряды, возглавляемые студентами-медиками и следовавшими за войсками. Так, например, из отчета старшего врача Холлмана становится известно, что в марте работали два летучих отряда с 33 носильщиками и 8 носилками в каждом отряде. Летучки выступили из Борчхи³² 13 марта по направлению к Артвину³³. Первый отряд шел по правому, второй — по левому берегу Чороха — и следовали за частями войск вплоть до Артина. Первый летучий отряд вернулся 15 марта, второй — 19 марта. При начале наступления на м. Чан, за Артином, за войсками отправился второй летучий отряд.

Часть персонала заболела тифом, заразившись, по-видимому, во время осмотра двух пленных турок. Заболевшего уполномоченного Н. П. Племянникова временно сменил Д. А. Драницын³⁴. По инициативе 3-го передового отряда при поддержке Чорохского войскового отряда в Борчхе проводились осмотр для выделения сыпных и изоляция «подозрительных». После осмотра незаразных отправляли на перевязочный пункт отряда Красного Креста в том же селении. Благодаря этим мерам «новых заболеваний сыпным тифом среди отряда не было»³⁵.

В апреле из отряда выделились три летучих перевязочных отряда, которые обслуживали боевые колонны за Артином «в крайне тяжелых условиях»³⁶. За три месяца, с 19 января по 30 апреля 1915 г., персонал отряда эвакуировал 17 офицеров

³¹ РГВИА. Ф. 12 685. Оп. 9. Д. 3. Л. 62.

³² Село Борчха, Батумская область. Центр Борчинского сельского правления.

³³ Город Артвин — центр Артвинского округа Батумской области.

³⁴ Там же. Л. 51, 55.

³⁵ РГВИА. Ф. 12 685. Оп. 9. Д. 3. Л. 87–88.

³⁶ Там же. Л. 77.

и 755 нижних чинов. В пункте отряда в с. Борчха было принято 17 офицеров и 1 212 нижних чинов³⁷.

В мае отряд открыл перевязочные пункты с приемными покоем на территории Дзанскульского медного завода в Моргульском ущелье³⁸ и в Потаджуре³⁹. Эти пункты выполняли роль головных эвакуационных пунктов, позже стали лазаретами. Колесный транспорт отряда работал на линии Артвин — Батум и организовал эвакуацию по линии Дзансул — Борчха⁴⁰. Из Потаджура раненых и больных эвакуировали в Дзансул, оттуда в Борчху в лазарет Земского союза, затем в Батум в госпиталь военного ведомства.

На новых перевязочных пунктах базировались летучие перевязочные отряды. Они состояли каждый из студента-медика, 12 носильщиков, 2 вьючников при двух вьючных лошадях для перевозки снаряжения и подвоза провизии и фуража. При первом требовании летучий отряд поднимался от пункта на позицию. Каждый отряд обслуживал прилегающую местность, заранее выяснив кратчайший путь к позиции и возможность подхода вьючных носилок. Отдельно действовал летучий отряд 3-го передового отряда на Мело при Артвинском отряде. Там из-за особенности местности и сложности работы дежурили два студента, 32 человека при одном старшем санитаре с 8 ручными носилками, 8 человек с 4 вьючными носилками, 4 вьючника на вьючных лошадях. Отряд проводил эвакуацию по линии Артвин — Ломашен, Борчха и Батум⁴¹.

³⁷ РГВИА. Ф. 12 685. Оп. 9. Д. 3. Л. 95.

³⁸ Село Дзансули, Артвинский округ.

³⁹ На Дзанскульском пункте были устроены амбулатория с операционной (перевязочной) и ванной, 2 палаты для незаразных нижних чинов на 10 кроватей, 1 палата изоляционная на 6 кроватей, 1 палата офицерская на 2 кровати. Там же были ванна, кухня, прачечная, баня. На Потаджурском перевязочном пункте (расположился в мечети и соседнем доме) находились палата на 10 коек, офицерское отделение, изоляционное, помещение персонала, кухня и баня. В персонал каждого пункта входили врач, студент-медик, сестра милосердия.

⁴⁰ Там же. Л. 100.

⁴¹ РГВИА. Ф. 12 685. Оп. 9. Д. 3. Л. 116–127.

В конце мая отряд получил задание выделить из своего состава небольшой дезинфекционный отряд и направить в Артвин для ликвидации вспышки сыпного тифа⁴². В мае уполномоченного Драницына перевели на Западный фронт, в должность вступил князь В. М. Павленов. В начале августа заболевшего Павленова сменил Грохольский⁴³. В течение 1915 г. 3-й передовой отряд продолжал работу в Батумском районе и проводил эвакуацию по линии Артвин — Батум, работая вместе с учреждениями Земского союза и военного ведомства. Передовые пункты 3-го отряда в Дзансуле и Патаджуре стали лазаретами⁴⁴.

3-й передовой отряд открыл четыре позиционных лазарета на 10–15 кроватей. В ноябре 1915 г. заведующий медицинской частью РОКК профессор С. Ф. Чиж осматривал учреждения Батумского района и отметил, что позиционные лазареты крайне важны для лечения войск. Профессор отметил, что тяжелораненые не могут быть транспортированы, поэтому для них так важны позиционные лазареты. Тогда как легко раненые быстро поправятся в таких пунктах, поэтому нет необходимости их далеко эвакуировать⁴⁵.

Главноуполномоченный Красного Креста на Кавказском фронте Л. В. Голубев⁴⁶ позже объяснял в своем отчете, что позиционные лазареты, «краснокрестные околки», располагались на позициях войск и были необходимы из-за «трудно-горных условий Зачорохского края», где эвакуировать раненых можно только на руках. Голубев сообщал: «Я был сам свидетелем, как тяжело раненного офицера с полосной раной 8,5 верст по горам несли в течение семи часов. Позиционные лазареты таких ране-

⁴² РГВИА. Ф. 12 685. Оп. 9. Д. 3. Л. 111.

⁴³ Там же. Л. 177, 184.

⁴⁴ РГВИА. Ф. 12 685. Оп. 3. Д. 6. Л. 231 об.

⁴⁵ РГВИА. Ф. 12 685. Оп. 9. Д. 3. Л. 204–208а.

⁴⁶ Лев Викторович Голубев (1876–1942) состоял на службе по ведомству учреждений императрицы Марии. Во время русско-японской войны 1904–1905 гг. был уполномоченным РОКК на Дальнем Востоке. В 1915–1917 гг. — главноуполномоченный РОКК на Кавказском фронте. Был женат на А. С. Макаровой, дочери адмирала С. О. Макарова.

ных удерживают у себя, хирург к ним направляется из передового отряда, и раненые эвакуируются несколькими днями позже, что при полосных ранах им в иных случаях гарантирует жизнь [...] Для позиционных лазаретов выбирается место, защищенное от пуль, что при горных условиях вполне возможно»⁴⁷.

Профессор Чиж в своем сообщении рекомендовал убрать флаг Красного Креста, который возвышался в Потаджуре над минаретом мечети, внутри которой размещался лазарет. Чиж отмечал, что «видел, как толпа рабочих аджарцев молча стояла минут двадцать и даже более, не спуская глаз с флага». Соответствующее распоряжение было сделано главноуполномоченным⁴⁸.

Приморское направление Батумского района обслуживал лазарет Красного Креста Курского земства, открывший лазарет на 100 кроватей в Пироните, лазарет на 50 кроватей в Архаве и там же летучку⁴⁹.

Архивные материалы о деятельности 3-го передового отряда позволяют восстановить историю героического труда одного студента-медика. Уполномоченный Драницын направил Голубеву ходатайство о разрешении отпуска для лечения студенту-медику А. Русских и частным письмом 20 мая 1915 г. сообщил о жизненной ситуации студента. Русских с самого начала принимал «самое деятельное участие в жизни отряда»: на сборном пункте в Тифлисе обучал санитаров и позднее руководил их работой, «почти бессменно находясь в летучих перевязочных отрядах, проведя всю зиму и всю весну в крайне тяжелых условиях». Из-за переохлаждения он заболел «острым суставным ревматизмом с опуханием суставов», но продолжал работу. Из-за ревматизма Русских перенес на ногах эндокардит⁵⁰, но при этом «вызывался на наиболее тяжелые поручения». 10 мая у него начались сердечные припадки с потерей сознания. Врачи диагностировали у Русских сильное расстройство сердечной деятельности

⁴⁷ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1177. Л. 13 об. — 22.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Воспаление внутренней оболочки сердца — эндокарда.

и верхушечный катар легких. Русских был награжден Георгиевским крестом 4-й степени⁵¹. Драницын просил поддержать больного, отправлявшего большую часть жалования семье⁵².

Среди прочих учреждений РОКК в Батумском районе можно отметить уже упоминавшиеся два летучих отряда, сформированных батумским местным управлением РОКК. Отряды состояли из уполномоченного, врача, двух сестер, двух фельдшеров и 20 санитаров. По словам Голубева, благодаря этим летучкам в батумских лазаретах не было гангренозных⁵³.

Следующий на юго-восток за Батумским шел крупный район турецкого фронта — Ольгинский. Из краснокрестных учреждений важную роль здесь играл 1-й передовой отряд Приамурского края имени его императорского высочества великого князя наследника цесаревича Алексея Николаевича, находившийся на передовой линии впереди Ольт (Совр. Олту, город и район в провинции Эрзерум, Турция). Во время боев с 26 мая по начало июня первую помощь раненым оказывали там летучие отряды 1-го передового отряда и земские отряды вместе с военными врачами. Эвакуацию проводили на пароконных вьючных носилках и санитарных двуколках до Ольт. От Ольт до Мерденека транспорты военного ведомства, Красного Креста и автомобили Земского союза эвакуировали 1,2 тыс. человек. От Мерденека до Прохладной раненых доставляли декавилкой конной тяги⁵⁴, из Прохладной декавилкой в Карс или автомобилями в Александрополь⁵⁵.

В самих Ольтах находился 2-й подвижной лазарет Красного Креста во главе с «опытным хирургом» Гладышевым. В передо-

⁵¹ Редкий случай награждения боевым орденом представителя медицинской службы.

⁵² РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1177. Л. 106–108.

⁵³ Там же. Л. 13 об. — 22.

⁵⁴ Декавилевская колея — железнодорожный путь с шириной колеи 500 мм. Рельсошпальная решетка состояла только из легких металлических элементов, которые легко монтируются и демонтируются. Декавилевская дорога применялась как военно-полевая железная дорога для подвоза боеприпасов, в промышленности и в горнодобывающей промышленности.

⁵⁵ РГВИА. Ф. 2018. Оп. 1. Д. 15. Л. 21–23.

вых линиях располагались уральские походные бани, которыми склад Красного Креста «широко снабжал Кавказский фронт»⁵⁶.

В 30 верстах от Ольт в Коссорах располагался лазарет Красного Креста имени прп. Серафима Саровского на 100 кроватей и лазарет Земского союза на 100 кроватей. На полпути между Коссором и Мерденеком находился питательный пункт Красного Креста. В Карсе были открыты склад Красного Креста и зубо-лечебный кабинет РОКК, принимавший 1,5 тыс. чел. в месяц⁵⁷.

В Ольтинский район Красный Крест отправил вьючный транспорт имени графа И. И. Воронцова-Дашкова⁵⁸, сформированный в мае 1915 г. на пожертвования фрейлины М. А. Ермоловой и императрицы Александры Федоровны⁵⁹, а также на средства Главного управления⁶⁰. Транспорт получил хорошее оборудование, в его состав входило 2 зауряд-врача, команда носильщиков при 20 пароконных вьючных носилках⁶¹. 26 июня 1915 г. транспорт был переименован в 7-й кавказский передовой вьючный отряд. Позже руководство РОКК перевело отряд на Юго-западный фронт⁶².

На юго-восток от Ольтинского шел Сарыкамьшский район. В Сарыкамьше находился 2-й этапный лазарет Петроградской Александровской общины на 50 кроватей, лазарет имени Бакинских нефтепромышленников на 75 кроватей и лазарет имени Туркестанского края на 200 кроватей, выделявший летучки. Во время июльских боев на Мелазгердском направлении летучка под руководством хирурга Александрова усилила состав лазарета Красного Креста в Карэ, 30 км южнее города Игдир (совр. г. Ыгдыр, Турция)⁶³.

⁵⁶ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1177. Л. 13 об. — 22.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1137. Л. 428.

⁵⁹ Там же. Л. 202.

⁶⁰ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1135. Л. 68.

⁶¹ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1138. Л. 282.

⁶² РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1141. Л. 346.

⁶³ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1177. Л. 13 об. — 22.

От Сарыкамыша шли две эвакуационные линии: одна на Карагурт, Башкей, Делибаба, вторая на Караурган с разделением на Зивин и на Меджингерг. В Каракурте с 11 февраля 1915 г. находился 4-й Кавказский подвижной лазарет Красного Креста имени Забайкальской области на 50 кроватей. В течение 1915 года лазарет оставался в Каракурте, во время боев на Евфрате в июле выделил летучку, следовавшую за войсками. Лазарет организовал два лечебно-питательных пункта в Газани и в Эйшок-Эясе. В том же направлении с мая 1915 г. работал дезинфекционный передовой отряд, следовавший за войсками и обслуживавший в июле Даярское направление⁶⁴.

На Игдырском направлении в мае 4-й передовой отряд Красного Креста имени горнопромышленников образовал в Карэ на склоне Чингильского перевала лазарет, который за вторую половину июля принял до 7 тыс. больных и раненых. Самоотверженную работу персонала лазарета и заведующего П. М. Сниткина отмечали главнокомандующий и командующий Кавказской армией. Лазарет в Карэ расширили до 100 кроватей, выстроили для него зимние помещения, бани и прачечную. При лазарете находилась солдатская лавка, где по низким ценам нижние чины могли получить необходимое⁶⁵.

К началу 1916 г. в Каракилисе располагался 2-й передовой отряд Красного Креста, открывший два питательных пункта в Ханьке и Илаке, выделивший летучку в Патнос⁶⁶.

По железнодорожной линии Сарыкамыш — Карс перемещался банно-прачечный дезинфекционный поезд Красного Креста № 2. С 9 марта по 14 мая 1915 г. банный отряд обслужил 41 тыс. человек⁶⁷.

Главноуполномоченный Голубев сообщал в Главное управление, что «победоносные бои на Евфрате и Араксе дали до 2 тыс. раненых, которые все были отправлены в Сарыкамыш». По сло-

⁶⁴ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1177. Л. 13 об. — 22.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Мелкумян Г. А. Роль общественных организаций... С. 231.

вам Голубева, Н. Н. Юденич и командир 1-го Кавказского армейского корпуса генерал от кавалерии П. П. Калитин «нашли постановку дела отличной, а работу персонала лазаретов городов и Креста не только неустанной, но и глубоко душевной»⁶⁸.

За Сарыкамьшским районом следовали Даярский и Алашкертский. Об этих районах упоминал в отчете Голубев, указав, что «работавший в отряде генерала Баратова летучий перевязочный отряд доктора Гольдфарба и выделенный из Забайкальского лазарета перевязочный отряд все время следовали за наступающими войсками Баратова»⁶⁹.

В июле 1915 г. под наступлением турок русские войска ушли из Мелярзгертского и Ванского районов. В этот момент удачно сработала медицинская служба, и все раненые из районов были вывезены. Как указал главноуполномоченный, «великую работу исполнил выделенный из 4-го отряда имени горнопромышленников лазарет в Карэ». Через лазарет за месяц прошло 5 307 больных и раненых. 6-ой вьючный отряд Красного Креста «следовал все время с кавалерийской дивизией, и ни на один переход не отставал»⁷⁰. Во время боя при Варцкунисе летучки 4-го передового отряда следовали за обходными колоннами, их работу отмечало военное начальство⁷¹.

Во время боев в Ванском районе персонал 4-го передового отряда был обстрелян неприятелем, о нарушении международного права руководство РОКК решило сообщить в международный комитет Красного Креста. 23 июля отряд вышел из деревни Бегри-Кала, находящейся в районе Ванского озера. Между деревней и этапом Давтриш часть отряда попала под неприятельский обстрел с расстояния в 300–400 сажень⁷². Часть санитаров поддавалась панике и, не выдержав огня, бросила носилки, но затем вернулась к месту обстрела и, под руководством Беляева

⁶⁸ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1139. Л. 552 об. — 553.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1145. Л. 285 об. — 286.

⁷² Старорусская мера расстояния, равняется 2, 13 м.

и врачей Цыбина и Черниловского-Сокола, всех больных подобрала. При нападении на транспорт погиб один солдат, следовавший больным, и ранен санитар Марьян Андроник, который, заболев возвратным тифом, «ввиду общего ослабления организма от раны, не перенес болезни и скончался»⁷³.

В августе русские войска второй раз заняли Ван, а затем были вынуждены вновь уйти из города, и в конце 1915 г. вновь завладели районом. В Ване открылся 5-й подвижной лазарет Красного Креста во главе с доктором Мейером. На эвакуационной линии от Вана в Хой и Джульфу, расстоянием в 260 верст, действовало семь врачебно-питательных пунктов Красного Креста в Арчаке, Мологасане, Сарае, Котуре, Шербекке, Качалах, Эвоглю. Эти пункты находились в тяжелых условиях в безлюдных местах и горных ущельях⁷⁴.

Продолжением турецкого фронта в Закавказье стал персидский фронт, куда учреждения Красного Креста пришли в начале 1915 г. Уже упоминавшийся 4-й передовой отряд 23 февраля прибыл на ст. Шахтагты⁷⁵ и развернул там лазарет на 30 коек. На тот момент в отряд входили и. об. уполномоченного, два помощника, старший врач, два младших врача, семь студентов-медиков, два агента для поручений, две сестры милосердия, кассир, 240 санитаров. Отряд имел в своем распоряжении 40 санитарных повозок, 13 хозяйственных двуколок, две походных кухни, кипятильник, 70 ручных и 20 вьючных носилок, 142 лошади⁷⁶. Через месяц отряд переместился в Маку, открыв лазарет на 50 коек. Затем по просьбе военного командования развернул еще лазарет на 30 коек в селении Шайтанбаде. 14 мая этот лазарет переведен в населенный пункт Карэ⁷⁷.

⁷³ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1140. Л. 704.

⁷⁴ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1145. Л. 285 об. — 286; РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1177. Л. 13 об. — 22.

⁷⁵ 70 км на северо-запад от Джульфы.

⁷⁶ В городе // Кавказ. 22 февраля 1915 г. № 43. С. 3.

⁷⁷ Мелкумян Г. А. Деятельность медицинских учреждений общественных организаций в иранском Азербайджане в 1915 г... С. 170.

На юго-восток от района Маку располагался Джульфинский район, уполномоченным которого был Д. Д. Беляев⁷⁸. 12 января 1915 г. в Хой прибыл 2-й передовой отряд во главе с уполномоченным Годлевским и развернул лазарет на 100 коек⁷⁹. Отряд принял участие в длительных боях под Дильманом. В ходе Дильманской операции действовали 4 летучих отряда, выделенных из 2-го отряда, во главе со студентами-медиками, которые организовали розыск, вынос, вывоз раненых с поля боя, «часто оказывали медицинскую помощь раненым под огнем противника»⁸⁰. Все 510 раненых русских и 130 раненых турок прошли через 2-й передовой отряд Красного Креста. Дальнейшую помощь на Каратепинском перевале им оказал перевязочный отряд второй стрелковой бригады вместе с 3-м подвижным лазаретом Красного Креста с доктором Ингалом во главе, где задерживались более тяжело раненные, не переносящие перевозки⁸¹. 5 марта отряд переместился в Дильман⁸², где открыл лазарет на 100 коек⁸³.

В ночь с 15 на 16 апреля 2-й передовой отряд развернул лазарет на Каратепинском перевале, тогда же там развернулся и 3-й подвижной лазарет Красного Креста. Санитарный транспорт Главного Кавказского комитета помощи пострадавшим от войны и транспорт 2-го передового отряда Красного Креста доставляли раненых и больных из Дильмана на Каратепинский перевал, где пострадавшим оказывалась необходимая помощь⁸⁴. Затем транспорты отправляли раненых и больных в Хой, где

⁷⁸ Дмитрий Дмитриевич Беляев (1882–1960) — востоковед-дипломат; служил в Персии. Коллекционер восточных древностей. Автор работ о Персии.

⁷⁹ В отряде состояло 240 санитаров, 120 лошадей, 100 коек; дополнительно отряд мог развернуть два лазарета по 50 коек. См.: РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1129. Л. 121.

⁸⁰ Цит. по: Мелкумян Г. А. Деятельность медицинских учреждений общественных организаций в иранском Азербайджане в 1915 г. ... С. 171.

⁸¹ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1136. Л. 66–67.

⁸² Мелкумян Г. А. Деятельность медицинских учреждений общественных организаций в иранском Азербайджане в 1915 г. ... С. 169.

⁸³ Мелкумян Г. А. Роль общественных организаций... С. 222.

⁸⁴ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1132. Л. 105.

их принимал военный лазарет Азербайджанского отряда и эвакуировал до Джульфы⁸⁵.

В начале мая в этом районе началось наступление русских войск, 2-й передовой отряд выделил 2 группы, которые выступили вслед за войсками. Группа Азарпетяна в составе 25 санитаров, при 6 вьючных носилках и 10 санитарных двуколках, выступила 2 мая и следовала за войсками генерал-майора Ф. И. Назарбекова в направлении Дильман — Башкала — Джуламерик. Группа Островского в составе 64 санитаров, при 29 вьючных носилках, с 54 лошадьми и 15 верблюдами выступила 7 мая и следовала за войсками Мудрого в направлении Дильман — Башкала — город Ван. Многие члены отряда в ходе тяжелого похода заболели⁸⁶.

Следующие по хронологии сведения о работе 2-го передового отряда, которые автору удалось найти среди архивных материалов, свидетельствуют о работе отряда в конце 1915 г. Так, по сообщению главноуполномоченного от 4 декабря 1915 г. отряд был расположен в Каракилисе⁸⁷. Отряд на тот момент устраивал два врачебно-питательных пункта в Чаныке и Ипаке⁸⁸.

3-й Кавказский подвижной лазарет прибыл в Джульфу 4 января 1915 г. в составе трех врачей, одиннадцати сестер, двух студентов-медиков, 38 санитаров⁸⁹. В городе открыли лазарет на 50 коек. Часть раненых переправлялась из Хоя в Джульфу, на расстояние в 100 км⁹⁰. По пути следования подвижной лазарет организовал врачебно-питательный пункт в селении Качалы. В начале февраля лазарет перешел в Хой, организовал второй врачебно-питательный пункт в селении Эвоглю, 30 км севернее Хоя. В Джульфе расположился лазарет Курского земства⁹¹.

⁸⁵ Мелкумян Г. А. Роль общественных организаций... С. 228.

⁸⁶ Мелкумян Г. А. Деятельность медицинских учреждений общественных организаций в иранском Азербайджане в 1915 г. ... С. 171, 172.

⁸⁷ Видимо, поселение на северо-востоке от оз. Ван.

⁸⁸ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1145. Л. 285 об. — 286.

⁸⁹ Мелкумян Г. А. Деятельность медицинских учреждений общественных организаций в иранском Азербайджане в 1915 г. ... С. 169.

⁹⁰ Мелкумян Г. А. Роль общественных организаций... С. 222.

⁹¹ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1134. Л. 47 об. — 48.

Вместе с 2-м передовым отрядом лазарет принимал активное участие в февральских боях при взятии Дильмана, куда перешел 2 марта⁹².

3-й подвижной лазарет Красного Креста в ночь с 15 на 16 апреля развернулся вместе с лазаретом 2-го подвижного отряда на Каратепинском перевале, оказывая помощь во время эвакуации раненых из Дильмана в Хой⁹³. 11 мая, оставив на Каратепинском перевале перевязочно-питательный пункт, 3-й подвижной лазарет стал продвигаться за войсками. 12 мая открыл второй перевязочно-питательный пункт на Ханесурском перевале, а затем развернул лазарет на 30 коек в селении Деер. 14 мая отделение лазарета выступило в Серо-Сартык, где организовало передовой перевязочный пункт, в начале июня вернулось в Деер⁹⁴. В августе в районе Хоя появилась холера. Борьбу с ней вели 3-й подвижной лазарет и лазарет в Хое на 500 кроватей⁹⁵.

С ноября 1915 г. в Хое располагался госпиталь Красного Креста, открытый американской миссией. Среди персонала были врачи и сестры милосердия из США, а также сестры из РОКК. Врачи, не болевшие сыпным тифом, вызвались работать в сыпном бараке, работа докторов являлась «доказательством большой работоспособности и умения применять новейшие научные методы лечения». Сестры госпиталя проявили в Хое «действительную самоотверженность и любовь к делу помощи страждущим воинам»⁹⁶. Летом 1916 г. американский госпиталь был закрыт по просьбе Наместника, посчитавшего неуместным пребывание на фронте иностранцев⁹⁷.

В течение 1915 г. русские войска успешно продвигались в глубь Персии. По просьбе уполномоченного РОКК Джуль-

⁹² Мелкумян Г. А. Деятельность медицинских учреждений общественных организаций в иранском Азербайджане в 1915 г. ... С. 169.

⁹³ Мелкумян Г. А. Роль общественных организаций... С. 228.

⁹⁴ Мелкумян Г. А. Деятельность медицинских учреждений общественных организаций в иранском Азербайджане в 1915 г. ... С. 171, 172.

⁹⁵ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1177. Л. 13 об. — 22.

⁹⁶ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1141. Л. 716.

⁹⁷ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1178. Л. 473 об.

финского района Беляева Красный Крест открыл лазарет на 40 кроватей — первое лечебное заведение РОКК в Тавризе. Страшим врачом назначили врача консульства Волянского⁹⁸.

С августа 3-й подвижной лазарет принял участие в помощи беженцам. 35 тыс. айсор-несториян⁹⁹ выдвинулись из Джулямерка за Ваном в Азербайджанский район возле Дильмана. Старший врач и уполномоченный 3-го подвижного лазарета Бакин организовали им питание. За месяц в Хосрове получили питание свыше 150 тыс. человек¹⁰⁰.

В ноябре 1915 г. в Персию был отправлен экспедиционный корпус Н. Н. Баратова¹⁰¹, и возник новый район Кавказского фронта: Казвин, Тегеран, Кум, Хамадан. В недельный срок в начале ноября для этого направления был организован 8-й передовой отряд РОКК во главе с уполномоченным Сниткиным, открывший лазареты в Казвине на 200 кроватей, в Куме и Хамадане на 50 кроватей, выделил две летучки¹⁰². 8-му передовому отряду пришлось действовать на «громадном пространстве». Цельной армии в Персии не было, а были «быстро отступающие шайки повстанцев». За 2 недели отряд оказал помощь 7,5 тыс. раненым и больным воинам¹⁰³.

Для эвакуации на столь дальних расстояниях¹⁰⁴ были необходимы автомобили. Голубев взял четыре автомобиля, жерт-

⁹⁸ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1140. Л. 643.

⁹⁹ Ассирийцы (сирийцы, айсоры; самоназвания восточных ассирийцев — атурая, сурая, западных — сурьян) — этническая общность на Ближнем Востоке. Делятся на восточных (проживали в Иране, Северном Ираке, также выходцы из Северной Турции и ассирийцы бывшего СССР) и западных ассирийцев (Сирия, Южная Турция).

¹⁰⁰ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1177. Л. 13 об. — 22.

¹⁰¹ Отдельный экспедиционный корпус был создан осенью 1915 г. для противодействия прогерманским силам в Персии.

¹⁰² РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1177. Л. 13 об. — 22.

¹⁰³ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1146. Л. 277–279, 293; РГВИА. Ф. 12685. Оп. 3. Д. 6. Л. 72 об.; Краткий обзор деятельности РОКК... С. 36.

¹⁰⁴ Линия Кум — Казвин — Энзели имеет протяженность более 600 верст, линия Хамадан — Казвин — Энзели — 480 верст.

вованные Англией. Представитель Земского союза Олсуфьев¹⁰⁵ передал 10 автомобилей, затем прибыла военно-автомобильная рота в 140 автомобилей. По просьбе главноуполномоченного Красного Креста автомобили роты снабжали Красный Крест одеялами и тюфяками и на обратном пути перевозили раненых, обеспечив «достаточную быстроту эвакуации»¹⁰⁶.

В конце марта 1915 г. для персидского фронта был сформирован отдельный отряд борьбы с заразными болезнями Красного Креста в составе врача, четырех студентов-медиков, 16 санитаров из состава 2-го, 4-го передовых отрядов. В селении Софиан отряд занимался ликвидацией тифа, 25 апреля перешел в Иранскую Джульфу для обслуживания беженцев¹⁰⁷.

Позже по просьбе министерства иностранных дел Красный Крест сформировал эпидемический отряд для борьбы с холерой в западных регионах Персии¹⁰⁸. Руководство РОКК надеялось, что управление главноуполномоченного на Кавказе сможет самостоятельно создать такой отряд. Однако Голубев сообщил, что в резерве нет ни врачей, ни студентов, ни фельдшеров. В большинстве отрядов половина медицинского персонала работала, вторая болела. Все имеющиеся в распоряжении главноуполномоченного дезинфекционные камеры работали на фронте. Голубев сетовал, что особенная трудность работы РОКК на Кавказском фронте состояла в том, что «во многих частях громадного района учреждения Красного Креста являются единственными санитарными учреждениями, которые несут на себе все санитарные заботы»¹⁰⁹.

¹⁰⁵ Возможно, граф Юрий Александрович Олсуфьев (1878–1938) — искусствовед, реставратор. В годы Первой мировой войны уполномоченный Земского союза. См.: *Вздорнов Г. Юрий Александрович Олсуфьев // Вопросы искусствознания. 1993. № 4.*

¹⁰⁶ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1146. Л. 277–279, 293.

¹⁰⁷ *Мелкумян Г. А. Деятельность медицинских учреждений общественных организаций в иранском Азербайджане в 1915 г. ... С. 171.*

¹⁰⁸ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 7. Д. 130. Л. 121; Отряд Красного Креста для Западной Персии // *Вестник Красного Креста. 1915 г. № 8. С. 3586.*

¹⁰⁹ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1141. Л. 445.

21 сентября 1915 г. в заседании руководства РОКК был утвержден план по формированию санитарно-эпидемического персидского отряда Красного Креста. Согласно плану, отряд в ближайшее время по прибытии снаряжения формировался в Тифлисе и должен был состоять из специального лазарета на 25 кроватей и дезинфекционного отряда¹¹⁰, снаряженного по специальному каталогу для удобства движения по грунтовым дорогам. Сестры милосердия назначались из местных общин, санитары — из нижних чинов штаба Кавказского военного округа¹¹¹.

При продвижении войск далее в глубь страны и южнее Тегерана возник вопрос об устройстве лазарета в столице. Церемониймейстер шаха Хаджи-Доуле предложил для него собственный дом. Но, так как этот дом оказался не подходящим для лазарета, Красному Кресту передали шахскую больницу¹¹².

Как сообщил в своем отчете Голубев, в конце 1915 г. Красный Крест имел на Кавказском фронте следующие полевые учреждения: в Батумском районе работали 3-й передовой отряд Красного Креста с дезинфекционным отрядом и два небольших передовых отряда, четыре лазарета, на 100, 50, 70 и 30 кроватей, два питательных пункта и четыре позиционных лазарета; на Ольгинском направлении — подвижной лазарет в Ольтах, на передовых линиях — уральские бани; в Сарыкамыше действовали лазареты, выделявшие «летучки»; в Каракурте находился 4-й подвижной лазарет, выделивший летучку, и два врачебно-питательных пункта; в Каракилисе действовали лазарет и передовой отряд, выделивший питательные пункты, летучку; в Джульфинском районе медицинскую помощь войскам оказывали отряды Красного Креста, сформировавшие госпиталь в Хое на 125 кроватей, дезинфекционный отряд, подвижной лазарет на 50 кро-

¹¹⁰ По следующему штату: заразный лазарет: старший врач (он же уполномоченный отряда), младший врач, заведующий хозяйством, 10 сестер милосердия, 20 санитаров; дезинфекционный лазарет: студент-медик, старший и младший дезинфектор, 10 санитаров.

¹¹¹ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1141. Л. 709 об. — 710.

¹¹² РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1146. Л. 277–279, 293.

востей в Хосрове и лазарет на 100 кроватей в Урмии. В Хое действовал лазарет РОКК¹¹³.

Цифры, приведенные в отчетах главноуполномоченного Красного Креста на Кавказе, наглядно демонстрируют реализацию задачи РОКК, поставленной для лечебных учреждений еще в начале войны с Турцией: в условиях труднодоступных местностей, растянутости фронта организовать помощь вблизи линии боев. За период с начала войны с Турцией по 1 ноября 1915 г. всего в учреждениях РОКК прошли лечение 67 088 человек¹¹⁴. Из них почти $\frac{2}{3}$, или 63%, поступили в лечебные учреждения из войск, остальные 37% — из других лечебных заведений. Показательно, что в передовых и летучих отрядах помощь была оказана 41% всех больных или раненых (или 27 319 чел.), в полевых лечебных учреждениях — 50% воинских чинов (или 33 970 чел.), в постоянных лечебных учреждениях РОКК (тыловые госпитали) за указанный период прошли лечение лишь 9% (или 5 779 чел.).

Таблица 1. Прошедшие лечение в лечебных учреждениях РОКК Кавказского фронта с начала войны по 1 ноября 1915 года.

Типы учреждений Российского общества Красного Креста	Прошло лечение	Прибыло, чел.	
		Из войск	Из леч. зав.
Передовые отряды	офицеров	620	12
	нижних чинов	25 507	1 180
Полевые лечебные заведения	офицеров	294	318
	нижних чинов	13 412	19 946
Постоянные лечебные заведения	офицеров	276	218
	нижних чинов	2 084	3 201
Всего		42 213	24 875

¹¹³ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1177. Л. 398.

¹¹⁴ Данные, согласно авторам отчета, неполные. Однако в число тех, кто проходил лечение в лазаретах и госпиталях, могли быть те, кто перешел из лечебных учреждений РОКК корпусного района. То есть некоторые лица могли быть посчитаны не один раз.

В 1916 г. русские войска продолжили занимать новые территории. Очередным испытанием для медико-санитарной службы стала Эрзерумская операция¹¹⁵, когда войска успешно провели крупномасштабные боевые действия зимой при низкой температуре и глубоком снежном покрове высоко в горах. При взятии крепости передовую линию обслуживали три летучих перевязочно-питательных отряда Красного Креста. Летучий отряд Туркестанского лазарета на левом фланге в Акджаларе принял 1,8 тыс. воинов. Летучие отряды на правом фланге на Каргабазарском плато и в Айкурте, устроенные Красным Крестом совместно с военным ведомством, приняли 800 раненых. Забайкальский лазарет в Гасан-Кале (сейчас Пасинлер — город и район в провинции Эрзерум, был крепостью, прикрывавшей путь к Эрзеруму), возглавляемый опытным хирургом доктором Гладышевым, открыл хирургический пункт во главе с доктором Чижом, принял 1 795 раненых. Всего через пункт прошло около 4 тыс. человек. Лазарет Красного Креста в Азапкее, выделенный из Забайкальского лазарета, принял 1 864 раненых. Лазарет Туркестанского края в Сарыкамыше в эти дни принял 1,2 тыс. раненых. Лазарет Петроградской Александровской общины в Сарыкамыше принял 581 раненого¹¹⁶. Красный Крест обеспечивал войска теплыми вещами, одеялами, перевязочными материалами¹¹⁷.

Сразу же по окончании Эрзерумской операции 3 февраля 1916 г. в город прибыл главноуполномоченный РОКК, который стал одним из организаторов дезинфекционной деятельности, столь необходимой во взятой крепости, заваленной трупами и нечистотами и считавшейся рассадником заразных заболева-

¹¹⁵ Эрзурумская (Эрзерумская) операция — наступательная операция войск Кавказской армии, проведенная 28.12.1915 (10.01.1916) — 3 (16).2.1916 с целью разгромить турецкую 3-ю армию и овладеть считавшейся неприступной крепостью Эрзурум (Эрзерум), которая также была основной турецкой базой снабжения войск. Войска, внезапно для противника перейдя в наступление, прорвали оборону турецкой 3-й армии, преодолели ряд горных хребтов и штурмом взяли крепость.

¹¹⁶ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1177. Л. 305 об., 306.

¹¹⁷ Там же. Л. 303–303 об.

ний¹¹⁸. Между Караурганом и Эрзерумом, на пути из Эрзерума в Сарыкамыш, Красный Крест организовал три лечебно-питательных пункта в Хоруме, Занзахе, Азапке. В каждом пункте располагались столовые помещения для проезжающих должностных лиц Красного Креста, отдельный барак для больных на 50 кроватей, помещение на 14 заразных больных и дезинфекционная камера. В Эрзеруме расположились отделение лазарета Туркестанского края и лазарет съезда Бакинских нефтепромышленников¹¹⁹. В Эрзеруме открылся склад Красного Креста¹²⁰.

Передовую линию Эрзерумского района обслуживал 9-й передовой отряд Красного Креста. Отряд открыл в Еникее лазарет на 100 кроватей, «питавшийся более двух месяцев собственными средствами из-за трудностей подвоза» и организовавший мельницу. Между Караурганом и Эрзерумом в Азапке был сформирован 4-й этапный лазарет, через который с 1 марта по 4 мая прошли 4 328 человек. В Гасан-Кале Забайкальский лазарет с 1 по 30 апреля 1916 г. принял 2 337 человек¹²¹.

Позже в Белых Казармах Эрзерума был открыт Петроградский Александровский лазарет. В Ягане, на пути Эрзерум — Сарыкамыш, появился питательный пункт Красного Креста. В Хныскале (совр. Хунус — город и район в провинции Эрзурум) в августе 1916 г. работал 1-й этапный лазарет Красного Креста, пропустивший 1,5 тыс. раненых¹²².

Во время Трапезундской операции¹²³ в феврале 1916 г. в боях при Архаве и Вице через 3-й передовой отряд Красного Креста, летучий отряд Курского лазарета, 1-й и 2-й батумские лету-

¹¹⁸ РГВИА. Ф. 2018. Оп. 1. Д. 16. Л. 70, 71 об.

¹¹⁹ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1178. Л. 147–147 об.

¹²⁰ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1177. Л. 570 об.

¹²¹ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1178. Л. 147–147 об.

¹²² РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1179. Л. 219–219 об.

¹²³ Трапезундская операция — наступательная операция войск Кавказского фронта при содействии Черноморского флота 23 января — 25 мая (5 февраля — 7 июня) 1916 г. Были разбиты левофланговые части турецкой 3-й армии, взят порт Трапезунд (совр. Трабзон) и обеспечен приморский фланг армии.

чие отряды прошли 15 раненых офицеров, 389 раненых и 15 обмороженных нижних чинов. Эвакуацию раненых организовал начальник 3-го передового отряда граф Грохольский. Как докладывал Голубев, работники Красного Креста часто работали под обстрелом, доставляя раненых с самых дальних горных позиций. Во время боев при взятии Атене в Ардашене хирургический пункт во главе с профессором Чижом принял 239 раненых и больных¹²⁴.

1–2 апреля перед падением Трапезунда на реке Кара Деро при взятии местечка Сурмалы были ранены 950 человек. Хирургическую помощь обеспечивали пункт профессора Чижа в Хамуркане и пункт лазарета Курского земства в Аракли Лимани с хирургом доктором Лебедевым. 3-й и 5-й передовые отряды разделились на летучки, работавшие в горных участках и обеспечивавшие эвакуацию. Далее раненых перевозили в Батум по морю на транспорте № 108¹²⁵.

После взятия Трапезунда временный лазарет РОКК оказывал помощь местному населению. В июне 1916 г. городское управление Трапезунда приняло этот лазарет в свое ведение. 14 июля в Трапезунде был освящен новый 6-й этапный хирургический лазарет Красного Креста на 150 коек. Старшим врачом стал ординатор Харьковской клиники Прадерванд, врачами — Алфионов, Стояновская, Крестовников, старшей сестрой — Успенская, из Кауфманской общины¹²⁶.

В Трапезундском районе в этот период действовали Покровский передовой отряд имени княжон Марии и Надежды Петровны, князя Романа Петровича¹²⁷, 3-й и 5-й передовой отряд, 2-й Батумский летучий отряд¹²⁸. В Дживизлике появился хирур-

¹²⁴ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1177. Л. 400 об. — 401.

¹²⁵ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1178. Л. 9 об. — 10.

¹²⁶ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1178. Л. 456 об.

¹²⁷ Дети великого князя Петра Николаевича (1864–1931), второго сына великого князя Николая Николаевича (старшего) и Милицы Петровны-Негош (1866–1951). На самом деле старшую дочь звали Мариной. В некоторых источниках пишут «Мария».

¹²⁸ Там же. Л. 295 об.

гический лазарет Курского земства. В июне 1916 г. летучка 5-го передового отряда РОКК сделала 356 перевязок, а всего за время боев было принято и эвакуировано 897 раненых. 5-й отряд открыл приемный покой в предместье Гюмиш-Хане (совр. г. Гюмюшхане). В Ардасе между Хамсикеем и Гюмиш-Хане 3-й передовой отряд открыл лазарет на 200 кроватей, в Далтабане внизу Гюмиш-Хане появился 2-й подвижной лазарет, куда временно прибыл «выдающийся военный хирург» Янковский¹²⁹.

Столь глубокое продвижение учреждений Красного Креста невозможно было обеспечить без своевременного снабжения инвентарем и медикаментами. Поэтому 4 июля 1916 г. в Трапезунде открылось очередное отделение склада РОКК¹³⁰.

Во время Эрзинджанской операции¹³¹ в июле 1916 г. при взятии Байбурта самоотверженно работала летучка, выделенная Приамурским передовым отрядом РОКК и 2-м подвижным лазаретом. Персонал перевязал и эвакуировал 1 224 раненых и 102 военнопленных, всего сделал 3,5 тыс. перевязок. В Байбурте расположился 2-й подвижной лазарет Красного Креста. При взятии Эрзинджана работал 9-й передовой отряд РОКК, из которого выделись три летучки¹³².

На персидском направлении в Урмийско-Азербайджанском районе лазарет Красного Креста в Тавризе был увеличен до 70 больничных коек. В Соудже-булаге под начальством доктора Бакина открылся 3-й подвижной лазарет, который стал госпитальной базой целого военного отряда. 3-й питательный отряд Красного Креста во главе с начальником Скалоном на эвакуационной линии открыл пять врачебно-питательных пунктов в Халифанте, Бартазаде, Кала, Пассове, Шнозанге и Чаянах¹³³.

¹²⁹ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1179. Л. 219–219 об.

¹³⁰ Там же. Л. 395.

¹³¹ Турецкая 3-я армия попыталась вернуть Трапезунд. Русские войска провели контрнаступление и 2 (15) июля 1916 г. заняли Байбурт, 12 (25) июля вошли в Эрзинджан. В результате 3-я армия была выведена из участия в военных действиях до конца года.

¹³² РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1178. Л. 488 об.

¹³³ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1180. Л. 274–274 об.

Во время боевых действий на Ревандузском (совр. Равандуз — город на севере Ирака) действовал 6-й передовой отряд генерала Рыбальченко. В Персии продолжал работу санитарно-эпидемический отряд Красного Креста во главе с доктором Кашем. 5-й врачебно-питательный отряд Креста под начальством иеромонаха Дамаскина¹³⁴ открыл в Урмии лазарет на 100 кроватей, в Бенарве передовой лазарет на 25 кроватей, между ними три врачебно-питательных пункта. Эвакуацию больных и раненых по урмийскому озеру проводили госпитальные баржи Союза городов¹³⁵.

По данным к 1 мая 1916 г. у Российского общества Красного Креста всего на Кавказском фронте было 10 передовых отрядов, 4 летучих отряда, глазной отряд, дезинфекционный отряд, 4 врачебно-питательных отряда, врачебно-санитарный отряд, санитарно-эпидемический отряд, питательный пункт, 3 приемных психиатрических пункта, 9 подвижных и этапных лазаретов, 4 лазарета, подвижной госпиталь и госпиталь¹³⁶.

С приближением трагического 1917 г. росли беспорядки и в санитарной службе. В конце 1916 г. при увеличении раненых и больных воинов эвакуация на Кавказском фронте временами проводилась с нарушениями, особенно часто встречающимися в учреждениях Союза городов. 28 декабря 1916 г. принц А. П. Ольденбургский писал генералу Е. И. Бернову¹³⁷ с просьбой разобраться в ситуации и резко раскритиковал эвакуацию

¹³⁴ Епископ Дамаскин (Дмитрий Дмитриевич Цедрик; 1877–1937) — епископ Русской православной церкви (1923), епископ Глуховский, vicарий Черниговской епархии. Будучи в сане иеромонаха, с весны 1915 г. служил на Кавказском фронте начальником врачебно-питательного отряда РОКК, с 1916 г. — отряда по борьбе с заразными болезнями. В 1917 г. — санитар и войсковой священник 10-го армейского запасного полка на Юго-Западном фронте. Прославлен в лике святых Русской православной церкви в 2000 году.

¹³⁵ Там же. Л. 274–274 об.

¹³⁶ РГВИА. Ф. 12 691. Оп. 1. Д. 1. Л. 161–162.

¹³⁷ Евгений Иванович Бернов (1855–1917) — генерал-лейтенант (1917). С 1911 г. в Свите Его Императорского Величества. С 11 декабря 1914 г. состоял при Верховном начальнике санитарной и эвакуационной части.

на фронте¹³⁸. Бернов в своем ответе отмечал, что «за последнее время Кавказская армия увеличилась в пять раз», и увеличение шло гораздо быстрее, чем заготовка и формирование всех средств, чем объясняется иногда перегрузка лазаретов и недостаток санитарных и эвакуационных средств¹³⁹.

Главноуполномоченный Голубев вынужден был объясняться в сложившейся санитарной обстановке через личные связи при Дворе. 31 декабря 1916 г. Голубев писал графу Гудовичу¹⁴⁰: «Усердно прошу, если найдешь возможным доложить ЕИВ относительно эвакуации». Голубев сообщал, что имевшееся в его распоряжении теплое белье раздавал лазаретам и этапным комендантам, что все питательные пункты Красного Креста им были осмотрены, упоминал подробные обследования каждого отдельного пункта в Эрзерумском и Азербайджанско-Ванском районе, произведенные генералом Ульяновым и генералом Стрембицким¹⁴¹.

В 1917 г. постепенно замирают боевые действия на Кавказском фронте. Начинается демобилизация. Одновременно исчезает потребность в деятельности части лечебных учреждений. Российское общество Красного Креста лишилось большинства источников своих основных доходов, не имело возможности обеспечить жалованием сестер милосердия и перевести на «мирные рельсы» существующие лечебные учреждения фронта. Часть учреждений закрывалась, часть передавалась Земскому союзу и Союзу городов. Медицинский персонал терял работу и жалование.

В архивных фондах сохранились прошения о переводах сестер милосердия на Западный, Юго-западный фронт. Часть из них были одобрены, но затем приходили ответы, что и там уже

¹³⁸ РГВИА. Ф. 2018. Оп. 1. Д. 13. Л. 114–115.

¹³⁹ Там же. Л. 129–132.

¹⁴⁰ Вероятно, граф Василий Васильевич Гудович (1866–1945) — русский общественный деятель и политик, санкт-петербургский губернский предводитель дворянства в 1903–1908 гг., в должности шталмейстера.

¹⁴¹ РГВИА. Ф. 2018. Оп. 1. Д. 13. Л. 124–127.

не требуется персонал¹⁴². 25 сентября и. о. главноуполномоченного РОКК на Кавказском фронте Широкогоров¹⁴³ телеграфировал, что сестры милосердия массово уходили из-за того, что им не выплачивали повышенное жалование в размере 70 руб.¹⁴⁴ Но неразбериха продолжалась, Голубев и Широкогоров просили Главное управление РОКК не присылать более на Кавказ сестер милосердия (орфография сохранена¹⁴⁵): «Прошу не камандировать кавказокрест сертир миласерпия. Провессор Широкогоров, главноуполномоченный Голубев»¹⁴⁶.

По сообщению Широкогорова, к 19 октября 1917 г. в учреждениях Красного Креста Кавказского фронта количество коек было сокращено приблизительно на 30%, и кавказский санитарный совет разрабатывал дальнейшее сокращение передовых отрядов, пунктов и прочих учреждений. Была выработана схема обслуживания районов одной какой-либо организацией, причем от Красного Креста в некоторых местах отошли лучшие его учреждения. За Красным Крестом оставалось обслуживание на фронте линий Эрзерум — Эрзинджан, западного и юго-западного районов Урмийского озера. Остальные учреждения подлежали передаче Земскому союзу и Союзу городов¹⁴⁷.

К 4 декабря 1917 г. на Кавказском фронте были закрыты и расформированы 2-й и 7-й этапные лазаретов, 1-й, 2-й, 5-й, 8-й,

¹⁴² РГВИА. Ф. 12651. Оп. 2. Д. 649. Л. 114.

¹⁴³ Иван Иванович Широкогоров (1869–1946) — ученый-патологоанатом, академик АМН СССР, АН Азербайджанской ССР. В годы русско-японской войны 1904–1905 годов вел борьбу с тифом в армии. Работал в научных учреждениях Берлина и Парижа. По поручению военного министерства посетил научные институты и больницы Японии, Индокитая, Индостана и Константинополя. В 1918 г. участвовал в создании медицинского факультета в Тифлисе, где руководил кафедрой гистологии и патологической анатомии. С 1919 г. возглавлял кафедру патологической анатомии медицинского факультета Бакинского университета. Автор около 130 научных работ.

¹⁴⁴ Там же. Л. 33, 34.

¹⁴⁵ Об уровне грамотности новых телеграфистов свидетельствовали тексты телеграмм.

¹⁴⁶ Там же. Л. 56.

¹⁴⁷ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 2. Д. 649. Л. 157–158.

10-й, 11-й передовые отряды, 4-й и 6-й врачебно-питательные передовые отряды¹⁴⁸.

Полевые лечебные учреждения Российского общества Красного Креста сыграли значимую роль в оказании помощи раненым и больным воинам. В условиях растянутости фронта, горного ландшафта и нередко отсутствия дорог крайне важно было успеть оказать первую помощь, при необходимости произвести операцию. Для реализации этой задачи на Кавказский фронт Красный Крест отправил передовые отряды и подвижные лазареты. Передовые отряды были крупными мобильными организациями. Из состава передовых отрядов выделялись команды носильщиков, летучие отряды, перевязочные пункты и небольшие временные лазареты. При необходимости силами отряда могли быть открыты врачебно-питательные пункты или сформированы дезинфекционные отряды. В подвижные лазареты поступали на временное лечение воины с перевязочных пунктов.

Учреждения Красного Креста стали важной частью системы оказания медико-санитарной помощи войсками, работали совместно с заведениями военного ведомства и союзов. Работа учреждений Красного Креста была высоко оценена военным командованием на Кавказе.

¹⁴⁸ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 2. Д. 649. Л. 153.

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ 1917 ГОД В РОССИИ: «ВЕЛИКАЯ РОССИЙСКАЯ» ИЛИ «ДВЕ В ОДНОМ»?

В сентябре 2001 г. 25-летний автор этих строк вернулся из очередной поездки на Соловки и вышел на предзащиту своей кандидатской диссертации на историческом факультете МГУ имени М. В. Ломоносова. Она была посвящена борьбе российских либералов за власть в период Первой мировой войны. В начале выступления прозвучал такой тезис: «Февральская революция 1917 года стала национальной катастрофой для России». Присутствовавшая на заседании кафедры Отечественной истории XIX — начала XX в. Нина Степановна Киняпина во время дискуссии заметила: «Федя, мы все хотим Вам добра. Поэтому не произносите таких фраз во время защиты».

Начиная с горбачевских времен борьба с устойчивыми советскими стереотипами в нашей стране стала важной составляющей общественно-политической жизни. «Ниспровержение кумиров» имело ярко выраженный идеологический характер. Одной из этих святынь, разумеется, была «Великая Октябрьская социалистическая революция». Сперва она была переименована в «Октябрьский переворот». Противопоставление Февральской революции было сохранено, изменен лишь знак: из главного положительного события мировой истории Октябрь был превращен в едва ли не самое отрицательное. Несколько позднее, уже в 1990-е годы акценты сместились: Февраль и Октябрь стали рассматриваться в рамках единого революционного процесса. Целью этого доклада стало рассмотрение двух логик: логики противопоставления Февраля и Октября и логики объединения их в одно событие — Революцию 1917 г.

Широко известно, что революционные процессы в России уже их современниками и участниками сравнивались с Великой Французской революцией. Однако «Великая Французская революция» — российский термин¹. В самой Франции такое понятие не используется. «Революция 1789 года», или просто «Французская революция», считается лишь первой в длинном перечне революционных переворотов, в ходе которых рождалась современная Французская республика. Хотя первая революция всегда и считалась самой значимой: республиканская атрибутика (герб, девиз, гимн, главный национальный праздник — День взятия Бастилии), административное деление, используемая система мер и весов, а также законодательная традиция нынешней Франции связаны именно с Первой революцией. «Второй революцией» обычно называется не Июльская революция 1830 г., а якобинская революция 1792 г. (штурм королевского дворца Тюильри 10 августа 1792 г.)². Впрочем, не исключено, что эта тенденция возникла под влиянием советского разделения Февраля и Октября. Как бы то ни было, французская традиция не исключает противопоставления событий 1789 и 1792 гг.

В России начала XX в. революции делали по французскому лекалу. «Банкетная кампания» в ноябре 1904 г. воспринималась как начало Русской революции — по аналогии с Француз-

¹ «Национальный корпус русского языка» фиксирует первое употребление термина «Великая Французская революция» у М. Е. Салтыкова-Щедрина в очерках «Помпадурсы и помпадурши»: «Один экземпляр этого циркуляра Феденька прислал мне при письме, в котором говорил: “Ты видишь, душа моя, что я еще бодрюсь; но если и за сим наше судоходство останется в прежнем жалком положении, тогда — та foi! [честное слово! — франц.] — я не останювься даже перед экзекуцией”. На что я с первой же почтой ответил: “Мы все удивляемся экспрессии твоего циркуляра: это своего рода chef d’oeuvre [шедевр — франц.]. Ах! если б ты жил во времена Великой Французской революции! Теория, отыскивающая в помещицкой мстительности причину происхождения ветров и обмеления рек, смела и нова. Но не слишком ли, однако ж, смела? Подумал ли ты об этом, мой друг? Смотри, чтобы не было запроса!” Увы! это был последний пароксизм Феденькина либерализма» (Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений : в 20 т. М., 1965–1977. Т. 8. С. 170–171). Первая публикация — 1873 г.

² Massin, J. Robespierre. Club français du livre, 1956. P. 120. Bertaud, J.-P. La Révolution française. Perrin, 1989. P. 159–162.

ской революцией 1848 г. Центральная роль Думы в революции 1905 г. связывалась с событиями 1789 г. — созывом Генеральных Штатов и самопровозглашением Национального собрания. Бережное отношение либеральной оппозиции к после революционной III Думе (1907–1912) было связано с тем, что она, как и парламент Наполеона III, могла постепенно наращивать градус оппозиционности, что позволяло подготовить почву для смены политической системы в будущем³. Новой, но на сей раз институционализированной «банкетной кампанией» стал в 1915 г. Прогрессивный блок, организовавший «штурм власти», который привел к падению монархии в марте 1917 г.

Оправданность следования «передовому» французскому примеру обычно объяснялась отсталостью России. Именно поэтому российский «Старый порядок» воспринимался как слишком устойчивый, а революционная активность — как слишком слабая. В силу этого российские радикальные либералы считали, что у них нет «врагов слева»⁴, а большевики (сравнивая себя с якобинцами) полагали необходимым немедленно переводить революцию из буржуазного в социалистический режим.

Либералы начали сравнивать себя с жирондистами уже в первые дни Февральской революции. «Нам выпала ... не лучшая доля. Мы — жирондисты», — говорил 28 февраля 1917 г. председатель Военной комиссии Государственной думы полковник Б. А. Энгельгардт представителю французской прессы⁵. Социалисты сперва были более оптимистичны. 16 мая военный министр А. Ф. Керенский произносил на митинге в Одессе: «Товарищи, <...> в нашей встрече я вижу тот великий энтузиазм, который

³ Гайда Ф. А. П. Н. Миллюков: историк в политике // Мыслящие миры российского либерализма: Павел Миллюков (1859–1943). Материалы Международного научного colloquium (Москва, 23–25 сентября 2009 г.). М., 2010. С. 37–44.

⁴ Знаменитая фраза И. И. Петрункевича: «У нас нет врагов слева» (1903 г.). См.: Шацкило К. Ф. Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. М., 1985. С. 162.

⁵ *Anet Cl. La Revolution Russe. A Petrograd et aux armees. V. 1. Mars–Mai 1917. Paris, 1917. P. 56.*

объял всю страну, и чувствую великий подъем, который мир переживает раз в столетие. Нечасты такие чудеса, как русская революция, которая из рабов делает свободных людей... Нам суждено повторить сказку Великой французской революции. Бросимся же вперед, за мир всего мира, с верой в счастье и величие народа»⁶. Отмечая майскую активность военного министра, Н. Н. Суханов заключал: «Керенский, несомненно, чувствовал себя героем 1793 года. И он, конечно, был на высоте героя Великой Французской революции, но — не русской...»⁷. Позднее сравнения стали менее восторженными. П. Н. Милюков цитировал слова меньшевика О. С. Минора на заседании Демократического совещания в сентябре 1917 г.: «Перед нами времена Великой Французской революции. Знайте это и помните: нечего себя обманывать. Мы будем резать» (на уточняющие вопросы отвечал: «Мы будем резать друг друга»)». «Когда мы будем подводить актив и пассив громадного переворота, через который мы проходим, мы, весьма вероятно, увидим то же, что показало изучение Великой Французской революции», — писал Милюков 27 декабря 1920 г. в предисловии к своему труду о событиях 1917 г.⁹ В тех же кругах появился и термин «Великая русская революция»¹⁰ или «Великая рос-

⁶ Милюков П. Н. История Второй Русской революции. Т. 1. Вып. 1. София, 1921. С. 125–126.

⁷ Суханов Н. Н. Записки о революции : в 3 т. М., 1991. Т. 2. С. 197.

⁸ Милюков П. Н. Указ. соч. Т. 1. Вып. 3. София, 1923. С. 47.

⁹ Там же. Т. 1. Вып. 1. С. 6.

¹⁰ На торжественном заседании депутатов Государственной думы 4 созывов 27 апреля 1917 г. министр-председатель Временного правительства кн. Г. Е. Львов заявлял: «Великая русская революция поистине чудесна в своем величавом, спокойном шествии... Чудесна в ней... сама сущность ее руководящей идеи. Свобода русской революции проникнута элементами мирового, вселенского характера. Идея, возвращенная из мелких семян свободы и равноправия, брошенных на черноземную почву полвека тому назад, охватила не только интересы русского народа, а интересы всех народов всего мира. Душа русского народа оказалась мировой демократической душой по самой своей природе. Она готова не только слиться с демократией всего мира, но стать впереди ее и вести ее по пути развития человечества на великих началах свободы, равенства и братства» (Там же. Т. 1. Вып. 1. С. 85).

сийская революция»¹¹. Разумеется, современники легко сочетали его с синонимическим «великий переворот 1917 года»¹².

В. И. Ульянов-Ленин с самого начала последовательно сравнивал большевизм и якобинство: «Якобинцы современной социал-демократии, — большевики <...>, — хотят поднять своими лозунгами революционную и республиканскую мелкую буржуазию и особенно крестьянство до уровня последовательного демократизма пролетариата, сохраняющего свою полную классовую особенность. Они хотят, чтобы народ, т. е. пролетариат и крестьянство, разделался с монархией и аристократией “по-плебейски”, беспощадно уничтожая врагов свободы, подавляя силой их сопротивление. <...> Представители передового класса XX века, пролетариата, т. е. социал-демократы, разделяются на такие же два крыла (оппортунистическое и революционное), на какие разделялись и представители передового класса XVIII века, буржуазии, т. е. жирондисты и якобинцы» (1905 г.)¹³.

При этом Ленин не выделял якобинский период Великой Французской революции в какую-то особую революцию: «Историки буржуазии видят в якобинстве падение (“скатиться вниз”). Историки пролетариата видят в якобинстве один из высших подъемов угнетенного класса в борьбе за освобождение. Якобинцы дали Франции лучшие образцы демократической революции и отпора коалиции монархов против республики. Полной победы не суждено было завоевать якобинцам, главным образом потому, что Франция XVIII века была окружена на континенте слишком отсталыми странами и что в самой Франции не было материальных основ для социализма, не было банков, синдикатов капиталистов, машинной индустрии, железных дорог. “Якобинство” в Европе или на границе Европы и Азии в XX веке было бы господством революционного класса, пролетариата, который, поддер-

¹¹ Суханов Н. Н. Записки о революции : в 3 т. М., 1991. Т. 1. С. 175. Написано в июле–ноябре 1918 г.

¹² Там же. С. 178. См. также официальную кадетскую брошюру, вышедшую в марте 1917 г.: Н. Н. Как совершился великий переворот. М., 1917.

¹³ Ленин В. И. Две тактики социал-демократии в демократической революции // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 11. М., 1960. С. 47–48.

жанный беднейшим крестьянством и опираясь на наличие материальных основ для движения к социализму, мог бы не только дать все то великое, неискоренимое, незабываемое, что дали якобинцы XVIII века, но и привести, во всемирном масштабе, к прочной победе трудящихся» (1917 г.)¹⁴.

Октябрьская революция мыслилась большевиками как начало мировой пролетарской революции. Но и в 1918 г. Ленин не склонен был и об Октябре писать как о революции, у которой не было предшествующей фазы в лице Февраля: «Если взять масштаб западноевропейских революций, мы стоим сейчас всего на уровне достигнутого в 1793 году и в 1871 году»¹⁵. С апреля 1917 г. Ленин готовил не новую революцию, а перевод уже произошедшей революции в новую социалистическую фазу.

Неудивительно, что в определенном смысле буржуазная и социалистическая революции могли и сочетаться: по представлению большевиков в октябре 1917 г. «пролетариат» вступал в политический союз с «мелкобуржуазным крестьянством». Основатель советской историографической традиции М. Н. Покровский в предисловии к своему сборнику статей в 1929 г. писал: «Октябрьская революция не есть какая-то особая революция, непроницаемой переборкой отделенная от “буржуазной” революции того же года, а есть высшая точка подъема всего революционного движения этого года. И этому нисколько не мешает то обстоятельство, что Февральская революция еще не была социалистической, как не мешает и то, что Октябрю осталось кое-что доделать по части буржуазно-демократической революции и доделать немало»¹⁶.

Из французского опыта также черпались примеры укрощения «революционного Ахеронта». В генерале Л. Г. Корнилове летом 1917 г. видели будущего русского генерала Кавеньяка.

¹⁴ Ленин В. И. Можно ли запугивать рабочий класс «якобинством»? // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 32. М., 1969. С. 374.

¹⁵ Ленин В. И. Очередные задачи советской власти // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 36. М., 1969. С. 175.

¹⁶ Покровский М. Н. Октябрьская революция. Сборник статей. 1917–1927. М., 1929. С. 5.

Милюков весной 1918 г. считал себя Тьером — будущим президентом Российской республики, опирающимся на немецкие штыки¹⁷. В провозглашении НЭПа (1921 г.) русская эмиграция предчувствовала переход от якобинства к Директории. Угрозу Термидора осознавали и большевистские лидеры. В черновом плане доклада о продналоге в марте 1921 г. Ленин написал: «“Термидор”? Трезво, *может быть*, да? Будет? Увидим. Не хвались, едучи на рать» [курсив авт. — Ф. Г.]¹⁸.

С приходом «сталинского Термидора» (Л. Д. Троцкий) представления о единстве и непрерывности революционного процесса сменяются четким и однозначным противопоставлением жирондизма и якобинства — и разделением Русской революции на «буржуазно-демократический» Февраль и социалистический Октябрь. «Великий Октябрь» и без всякой мировой революции был признан уникальным мировым явлением. При этом в 1929 г. была объявлена вторая фаза социалистической революции, предполагавшая наступление на мелкобуржуазное крестьянство. Исторические параллели с французским опытом полностью прерывались. Советский режим не хотел давать повода для сравнения себя с Термидором, Первой империей или Реставрацией. В результате именно при Сталине в СССР возторжествовала схема, предполагавшая «Февральскую буржуазно-демократическую революцию» и «Великую Октябрьскую социалистическую революцию»¹⁹. В России в 1917 г. произо-

¹⁷ Гайда Ф. А. Указ. соч.

¹⁸ Ленин В. И. Планы доклада о продовольственном налоге // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 43. М., 1970. С. 403.

¹⁹ Отметим попутно, что И. В. Сталин пользовался понятиями «Октябрьская революция» и «Октябрьский переворот» как равнозначными до 1929 г. (напр.: Сталин И. В. Собрание сочинений. Т. 3. М., 1946. С. 29–31; Т. 12. М., 1949. С. 6, 64, 102). Затем (до 1948 г.) использовался только термин «революция», но в последние годы жизни произошла показательная перемена. В известной статье «Марксизм и вопросы языкознания» (1950) Сталиным настоятельно (4 раза!), вероятно в связи с борьбой против иностранных слов в русском языке, был употреблен вариант «Октябрьский переворот» (Сталин И. В. Марксизм и вопросы языкознания. М., 1953. С. 6, 8, 18, 20).

шли две революции, тем самым сменились две социально-экономические формации, что очевидным образом тянуло на абсолютный мировой рекорд.

Февраль и Октябрь явно разнятся по своей политической программе: один был российской демократической революцией, другой — началом неудачной мировой коммунистической революции. Лидерами этих событий были разные люди. Идеологически это два разных революционных переворота. Однако революционный процесс тут был явно один. Он связан одними и теми же участниками, жившими в одной и той же стране с разницей в несколько месяцев. Октябрьские события как таковые, строго говоря, не были даже сменой политического режима. С мая 1917 г. все составы Временного правительства определялись на переговорах министров с советами. В октябре II Всероссийский съезд советов рабочих и солдатских депутатов отказался вести переговоры с Керенским и поддержал создание «Временного рабоче-крестьянского правительства»²⁰. Этот временный статус перестал существовать после разгона Учредительного собрания. Однако стоит отметить: к моменту разгона в заседании участвовало менее одной трети от определенного законом числа депутатов. Легитимность его решений была, по меньшей мере, сомнительной²¹. Большевики разогнали лишь «охвостье» Учредилки. В целом, уже с марта 1917 г. революционная реальность полностью доминировала над юридической, а одни революционеры последовательно сменяли других, уверенно направляя страну к гражданской войне. Хотя сами они полагали, что ведут ее то ли в светлое демократическое будущее, то ли в вечное царство земной справедливости.

²⁰ Декрет II Всероссийского съезда советов об образовании Рабочего и крестьянского правительства, 26 октября 1917 г. (см.: Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 20).

²¹ См.: *Гайда Ф. А.* Проблема верховной власти в России в феврале 1917 — январе 1918 гг.: юридическая и политическая реальность // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». *MCU Journal of Historical Studies*. 2022, № 3 (47). С. 5–13.

ИМПЕРСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ НА СЛУЖБЕ РОССИИ ПОСЛЕ ГИБЕЛИ ИМПЕРИИ (1917–1940 гг.)

Министерство иностранных дел России в полном составе, от руководства до низшего технического персонала, в октябре 1917 г. не признало власть большевиков и включилось в забастовку, которая завершилась в феврале 1918 г. роспуском ведомства. Связь с Заграничным Корпусом была прервана, но последний также однозначно отказался от сотрудничества с советской властью и... продолжил свою деятельность за рубежом. Занятые войной и считавшие, что революционный маятник в России в скором времени качнется в обратную сторону, правительства Антанты, а вслед за ними и нейтралы не стали закрывать лишившиеся оснований своего существования учреждения. Со своей стороны, Корпус для продолжения своей деятельности должен был найти формулу легитимности. В скором времени она была сформулирована следующим образом: «Мы представляем последнее правительство России и остаемся на посту, пока не будет иного законного правительства»¹. Определившись с этим вопросом, Корпус для координации своей деятельности уже к середине ноября 1917 создал Совет послов.

Российское заграничное представительство на тот момент включало в себя 6 посольств и 24 миссии. Состав его в целом остался неизменным с имперских времен. Временное правительство успело занять лишь несколько вакантных посольских

¹ В. А. Маклаков посланнику в Сиаме 28 ноября / 11 декабря 1917 г. №1209 // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 93.

постов — в Вашингтоне (Б. А. Бахметев), Париже (В. А. Маклаков), Берне (И. Н. Ефремов), Мадриде (М. А. Стахович). Старейшиной корпуса был посол в Риме — М. Н. Гирс, и именно он, согласно существовавшей традиции, должен был возглавить любое неформальное объединение русских представительств за рубежом. Но революционное время внесло свои коррективы и в дипломатическую практику. Значительная часть представительств поддержала заявившего свою готовность возглавить новое сообщество В. А. Маклакова — политика, прекрасного думского оратора, одного из лидеров кадетской партии, но при этом аутсайдера Корпуса, дипломатический стаж которого исчислялся неделями. В его пользу работала безусловная «вписанность» в происходившие события, а также местопребывания в Париже — центре мировой политики. Опасаясь за дело, Гирс предпочел погасить разногласия, сняв с обсуждения свою кандидатуру. Впрочем, очень скоро ему пришлось настолько активно бороться с пассивностью, нерешительностью новоиспеченного коллеги, а также корректировать его неловкие шаги, что у дипломатов, работавших в отдаленных миссиях, сложилось впечатление, что именно он возглавлял их объединение².

Этот первый «Совет послов» не подразумевал ни строгой иерархии, ни исполнительской дисциплины. Не была определена и его структура. Видимо, это объяснялось надеждами на то, что в скором времени нужда в нем отпадет.

Народный комиссариат по иностранным делам под руководством Л. Д. Троцкого, потратив время на попытки договориться с руководством старого МИД в Петрограде, к Заграничному Корпусу обратился только 17/30 ноября 1917 г. Циркулярной телеграммой он предложил дипломатам принять провозглашенную II Всероссийским съездом советов политику или отстраниться от работы³.

² *Миринова Е. М.* От Певческого моста до улицы Гренель. 1917–1918. М., 2013. С. 61–63.

³ «Совершенно лично и доверительно»: Б. А. Бахметев — В. А. Маклаков. Переписка 1919–1951. В 3 кн. М., 2001. Кн. 2. С. 388.

Главы миссий, за редким исключением, Петрограду не ответили⁴. На контакт с наркоматом иностранных дел пошли поверенные в делах в Испании и Португалии, соответственно — Ю. Я. Соловьев и барон П. А. Унгерн-Штернберг, причем ничто в их предшествующих действиях такого поворота не предвещало.

Корпусу очень важно было в этот момент сохранить единство, дисциплину, корпоративность. Поэтому он жестко отреагировал на вступление коллег в переписку с революционным Петроградом. Совет послов подверг их остракизму, оповестив о прекращении с ними общения Министерства иностранных дел стран их пребывания, что дезавуировало их, обеспечило бойкот со стороны союзных дипломатов как в Испании, так и в Португалии⁵. Соловьеву и Унгерн-Штернбергу пришлось оставить свои посты и выехать из стран.

Не получив ответа из-за границы, 26 ноября 1917 г., Троцкий издал приказ об увольнении всех дипломатических представителей со своих постов «без права на пенсию и поступления на какие-либо государственные должности»⁶. Дипломаты к этому моменту свой выбор уже сделали.

Однако стало ясно, что деньги на содержание Корпуса из России поступать больше не будут. На счетах русских учреждений за границей лежали немалые средства, которые могли бы на многие годы обеспечить не одно только заграничное представительство. Но сначала банки отказывали в их выдаче под тем предлогом, что не имеют права на это без распоряжения российского правительства, а в начале следующего года, после объявления советской властью решения о прекращении выплат по обязательствам предшествующих правительств, они и вовсе были секвестированы. Только американское правительство позволило послу Бахметеву перевести

⁴ ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 2. К. 5; АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 74 об., 80 об., 81 об.; Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 188 и т. д.

⁵ ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 2. К. 7.

⁶ Приказ Л. Д. Троцкого 26 ноября / 9 декабря 1917 г. // «Чему свидетели мы были...»: переписка бывших царских дипломатов (1934–1940) : в 2 кн. М., 1998 г. Кн. 2. С. 389–390.

фонды посольства на свой личный счет. Осознав, что решать вопрос финансирования своих учреждений придется самостоятельно, Совет послов сделал ставку на помощь союзных держав, но переговоры с ними по этому вопросу похоронили все надежды на формирование единой системы финансирования. Посольства на Дальнем Востоке обеспечивались за счет «боксерских вознаграждений», которые Китай выплачивал России после восстания 1898–1901 гг. Часть миссий в течение некоторого времени использовала имевшиеся на их счетах суммы, другая пользовалась кредитами русских учреждений, и, наконец, третьи получали кредиты от правительств стран пребывания. Видимо предусматривая возможность ситуации, при которой представителям придется некоторое время выживать в условиях вакуума власти, осенью 1917 г., до октябрьских событий, МИД перевел в посольства средства без обозначения предназначения ассигнования. Нам удалось обнаружить следы таких транзакций в посольства в Италии и Швеции. Кроме того, посол в Риме сумел получить в 1918 г. на содержание посольства и консульств 402 232 лиры 52 ч. заимобразно от Русского Военно-Заготовительного Управления в Италии. Перечисленные средства дали возможность дипломатическим учреждениям существовать, сокращая служебные расходы до пределов возможного и выдавая личному составу ссуды в счет жалованья⁷. Консульские учреждения во Франции существовали на средства, отпускаемые французским правительством по сокращенному бюджету и только чинам, бывшим налицо при его составлении. Не занимавшие самостоятельных постов получали половинное содержание⁸. Определенными суммами, вследствие успеха неких банковских операций, располагала миссия в Стокгольме⁹. Однако она скоро вновь оказалась в стесненных обстоятельствах, переведя часть полученных средств

⁷ Российское посольство в Риме в первый департамент МИД 25 июня / 8 июля 1919 г. // АВПРИ. Ф. 190. Оп. 525. Д. 2530. Л. 488.

⁸ Телеграмма В. А. Маклакова Верховцеву. 25 сентября 1918 г. № 416 // АВПРИ. Ф. 181. Оп. 830. Д. 1107. Л. 42.

⁹ Верховцев Н. А. Беру 16/29 января 1919 г. // АВПРИ. Ф. 181. Оп. 830. Д. 1126. Л. 27.

в Париж и Рим¹⁰. Представительство в Голландии существовало на лежавшие на ее счетах благотворительные суммы, всего 100 тыс. гульденов. Всем чиновникам жалование платили в полном объеме¹¹. В Аргентине консульства существовали за счет пошлинных сборов, а миссия частью на личные средства посланника, частью на доходы от церковного дома и на средства, предоставлявшиеся православными сирийцами и «Русским Кружком» в Росарио¹².

Далеко не сразу вопрос финансирования дипломатических учреждений будет решен и после прихода к власти Колчака. 27 ноября 1918 г. Омское правительство примет на себя все возложенные на государственную казну обязательства¹³. Однако во второй половине декабря Маклаков обратится в столицу белой Сибири с просьбой срочно перевести 2 468 729 франков, сумму, которая была необходима представительствам в Европе и Африке до 1 января 1919 года. Однако в марте следующего года этот запрос придется повторить С. Д. Сазонову¹⁴.

Омск обладал весомым золотым запасом, но не располагал ни наличной валютой, ни валютными счетами. При всей готовности этого правительства содержать дипломатическое представительство, в течение довольно длительного срока оно не могло выполнить свои обязательства.

* * *

Оставшись единственной организованной силой, не подчинившейся советской власти, Совет послов напряженно следил за событиями на Родине и в обстановке зарождавшегося сопро-

¹⁰ Секретная телеграмма посланника в Стокгольме от 12 апреля 1919 г. // АВПРИ. Ф. 181. Оп. 830. Д. 1126. Л. 112.

¹¹ Сведения, сообщенные г. Бахом по вопросу о наших военнопленных в Голландии // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3515. Л. 296.

¹² Там же. С. 38–39.

¹³ Ю. В. Ключников — В. А. Маклакову 27 ноября 1918 г. № 1324 // ГАРФ Ф. 10003 Оп. 2. К. 6.

¹⁴ С. Д. Сазонов в МИД в Омск 11 марта 1919 г. // АВПРИ. Ф. 190. Оп. 525. Д. 2541. Л. 317.

тивления искал того лидера, на которого можно было бы сделать ставку как на главу антибольшевистской России. Время неслось вскачь: заканчивалась первая мировая война, правительства были заняты подготовкой мирной конференции, — на кону было международное положение России.

В ноябре 1918 г. Совет послов способствовал признанию адмирала Колчака Верховным правителем страны. Формально он подчинился его власти. Однако по сути отношения правительства и дипломатического представительства уже в этот момент не носили характера, обычного для государственной практики. И в Омске это хорошо понимали. Так, управляющий колчаковского МИД Ю. В. Ключников в декабре 1918 г. публично заявил, что в сложившейся обстановке именно Заграничный дипломатический корпус является носителем идеи общерусского государственного единства, так как «послы и посланники наши облечены были своими полномочиями еще в то время, когда существовала единая всероссийская власть... За границей не могли бы согласиться с тем, что они представляют какую-либо отдельную часть России, и сами они до известной степени стояли вне каждого отдельного русского правительства». Отмечая, что заграничное представительство с полной готовностью шло на сотрудничество с возникавшими небольшевистскими правительствами, он подчеркивал, тем не менее, что Корпус не подчинял себя им целиком¹⁵. Ю. В. Ключников отводил дипломатам важную роль и в консолидации антибольшевистского движения, почитав, что «при разрешении столь важного вопроса, как вопрос о воссоединении отдельных частей России, переговоры могут вестись преимущественно через них, и таким образом, они призваны служить связующим звеном, как между отдельными русскими правительствами, так и между ними и союзными державами»¹⁶. Подытоживая, он от имени омского правительства заявил о доверии последнего к представителям России за рубежом

¹⁵ Русское представительство на мирной конференции (беседа с управляющим МИД Ю. В. Ключниковым) // ГАРФ. Ф. 193. Оп. 1. Д. 9. Л. 14.

¹⁶ Там же.

«в смысле отстаивания и его (Омского правительства. — Е. М.) интересов, и интересов всероссийских, и выразил уверенность, что всякое другое небольшевистское правительство также относится или готово относиться к ним»¹⁷.

Белое движение в 1919 г. поставило перед заграничным представительством весьма амбициозные задачи. Оно должно было добиться для России права участвовать в мирной конференции, обеспечить признание правительства Колчака на международной арене, для чего, среди прочего, решить проблему будущего национально-территориального устройства страны, заручиться международной поддержкой Белого движения, которое понималось как помощь снабжением и финансированием.

Министром иностранных дел Белого движения стал карьерный дипломат, министр иностранных дел империи (1910–1916) С. Д. Сазонов. Заграничный Корпус без возражений признал его в качестве главы ведомства. Совет послов, казалось, ушел в историю, хотя никто никаких решений на этот счет не оформлял.

Внешне в 1919 г Заграничный Корпус вернулся к нормам существования государственного учреждения. Однако ранее четкая и ясная структура оказалась размытой и запутанной. Сам министр вместе со своим штатом пребывал в Париже, куда выехал для участия в Версальском конгрессе. В России же, как известно, Белое сопротивление развивалось на периферии страны и было представлено четырьмя фронтами. Каждый из них имел свои органы внешнего сношения. В Омске действовало министерство иностранных дел под руководством управляющего министерством. В структуре деникинского Особого Совещания Юга России было создано Управление иностранными делами. Свой отдел иностранных дел имело образованное 2 августа 1918 г. в Архангельске Верховное Управление Северной областью. В составе Политического совещания, созданного ген. Юденичем 24 мая 1919 г. в Гельсингфорсе (с 29 июля — в Ревеле), существовала должность министра иностранных дел... С каждым из перечисленных и прочих органов у С. Д. Сазонова складывались особые,

¹⁷ ГАРФ. Ф. 193. Оп. 1. Д. 9. Л. 14.

чаще всего непростые отношения. Объяснялось это в первую очередь тем, что существовали эти органы при военных властях, каждая из которых имела не только собственный взгляд и отношение к международным задачам Белого движения в целом и в своем регионе, в частности, но и свои непосредственные военные задачи, осуществление которых порой требовало международных решений, шедших вразрез с политикой ведомства или других центров борьбы.

Деятельность министра и структуры в целом серьезно осложнялась вмешательством в сферу их компетенции общественных сил. За период безвременья в России кто только из русских политиков, бывших имперских чиновников высокого и не очень ранга, военных не пытался вести какие-либо переговоры с иностранцами, предоставлять им информацию, давать рекомендации, воздействовать на политический курс. Сам министр (С. Д. Сазонов) в Париже оказался в очень непростой ситуации. Начало его деятельности в качестве главы внешнеполитического ведомства было серьезно осложнено Совещанием дипломатов и общественных деятелей, созванным в декабре 1918 г. в Париже для обеспечения участия России в мирной конференции. Позже оно получило наименование Русского политического совещания (далее РПС). Этот орган нелояльно принял министра. Сазонову, который был послан за границу для руководства русской делегацией на мирной конференции, пришлось даже, смилив гордыню, войти в сформированную РПС делегацию в качестве рядового члена, уступив первенство председателю РПС кн. Львову. Позднее он постепенно отвоёвывал свои прерогативы в практической работе. РПС просуществовал до июля 1919 и был распущен после признания Белыми фронтами Колчака как Верховного правителя. Но и после его закрытия ситуация не нормализовалась. Теперь серьезные проблемы создавала уже Делегация, в состав которой входили Г. Е. Львов, В. А. Маклаков, Н. В. Чайковский, Б. В. Савинков и сам С. Д. Сазонов. Не добившись права официально представлять Россию на Версальской конференции, вошедшие в состав Делегации общественники развернули борьбу против...

лично Сазонова. Стремясь подчинить дипломатический аппарат своему контролю, они шантажировали Колчака перспективой прекращения деятельности и роспуска Делегации, что подразумевало их уход в оппозицию Омскому правительству. Проблема была урегулирована лишь осенью 1919 г.

Непросто складывались отношения министра и с властью в России. Период взаимопонимания длился недолго. А далее началось противостояние как политическое, так и личное. Коллизия заключалась в том, что, с одной стороны, Белое движение было зависимо от поддержки союзников, в основном Англии, Франции, США, с другой — оно вело борьбу за возрождение «Великой, единой и неделимой России в границах 1914 г. за исключением получившей свободу еще от Временного правительства Польши». Но союзникам ни «единая», ни «великая», ни «неделимая» Россия не была нужна. Они, в частности Великобритания, еще летом 1917 г. строили планы разрешения европейских проблем за счет русских территорий¹⁸. История дала им в руки шанс, упустить который они не имели права. Европейский истеблишмент громогласно заявлял об уважении территориальной целостности России, одновременно заигрывая с лидерами националистических движений. В Париж на мирную конференцию съехалось 11 делегаций от окраин бывшей Российской империи, каждая из которых старалась добиться уступок в пользу своей территории. В мае 1919 г. союзники, а за ними и весь мир, кроме русского Белого движения, признали независимость Финляндии.

С. Д. Сазонов, а вместе с ним и дипломатический корпус вынуждены были лавировать в очень узком «коридоре» между желанием союзников закрепить ослабленное положение России, сократить ее территорию, и непоколебимой позицией Колчака и Деникина в отношении сохранения границ 1914 г. Профессиональный дипломат, бывший имперский министр не видел в военных, волею судьбы оказавшихся во главе России, которую он представлял, сильных политиков, — в сложившейся обстановке

¹⁸ Сергеев Е. Ю. Большевики и англичане: советско-британские отношения, 1918–1924 гг.: от интервенции к признанию. СПб., 2019. С. 14.

не считал себя обязанным слепо выполнять их волю. Да это и не было возможно. Уже первый месяц пребывания в Париже показал, что добиться признания правительства Колчака без требуемых союзниками уступок в национальном вопросе не удастся. Уже в начале марта 1919 г. министр поставил свою подпись под меморандумом РПС, признававшему за национальностями право на создание федерации или автономии, а для отдельных народов и права на отделение. Колчак запретил печатать этот документ на подконтрольной территории, для Деникина и в конце его правления само слово «автономизация» было запретным¹⁹.

В это же время министр усиленно искал политического урегулирования вопроса о Финляндии, вопрос о предоставлении независимости которой практически уже был решен союзниками и не встречал понимания и склонности к компромиссу в этом вопросе у Колчака. Находясь за рубежом, Сазонов скоро пришел к выводу, что союзники признают только побеждающее на поле боя движение, пытался донести эту мысль до правителей в России. Но этого не хотели признавать генералы, которым для побед нужно было официальное признание, открывавшее перспективы в финансировании, снабжении их войск.

* * *

Заграничное представительство с приходом Сазонова вернулось к присущим ведомству бюрократическим началам с подчинением министру, донесениями представительств, распоряжениями начальства. В июле 1919 г. министр провел официальную переакредитацию Корпуса как представительства Омского правительства. Но дипломатическая среда, как и вся Россия, претерпела качественные изменения под влиянием внешних воздействий. Обстановка содействовала развитию самостоятельности представительств, главы посольств порой проявляли неуважение к воле министра, в обход главы ведомства сносьсь с правительством в Омске и давая советы, шедшие вразрез

¹⁹ «Совершенно лично и доверительно» ... Т. 1. С. 232.

с его концепцией. Появились случаи прямого неповиновения. «Но имейте в виду, — писал посланник в Швеции, — что *ville des lumieres*²⁰ авторитет для старослужащих только «постольку — поскольку» ...»²¹.

На протяжении гражданской войны дипломатические миссии проводили политику адм. Колчака, ген. Деникина, Северного правительства ген. Миллера и главнокомандующего Северо-Западным фронтом ген. Юденича, получая распоряжения как через Париж, так и путем непосредственной переписки с центрами в России. Это привело к формированию неофициальных региональных групп представительств, которые больше внимания уделяли тому театру военных действий в России, который географически был к ним ближе, а также выделению внутри них своего рода «старших» миссий. На севере Европы такую роль играло посольство в Стокгольме, в балканских странах — миссия в Белграде. Своей особой жизнью, сохраняя, безусловно, причастность системе и подчиненность министру, жили посольства на Дальнем Востоке. Интересно, что за редким исключением такая самостоятельность не требовала вмешательства и корректировки со стороны министра. Профессиональный состав корпуса осознавал свою ответственность и в целом действовал как отлаженный механизм.

В начале 1920 г. пало правительство Колчака, терпела поражения армия Деникина. Отдавая себе отчет в создавшемся положении, руководство ведомства разработало программу сохранения Заграничного корпуса и защиты оказавшегося за рубежом уже многотысячного беженства. Мы не располагаем конкретными данными, но, судя по его активной и целенаправленной деятельности в это роковое время, у министра были основания рассчитывать на то, что представительства смогут продолжить свою работу как структура в случае поражения Белого движения и прекращения военной борьбы на территории России.

²⁰ *ville des lumieres* — город света. В данном случае подразумевалось место пребывания министра иностранных дел и его штата.

²¹ ГАРФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 40. Л. 19.

С. Д. Сазонов провел целую серию новых назначений и перемещений с целью укрепить представительства на местах, обеспечив их большую лояльность по отношению к центру. В январе 1920 г. прошла первая с момента втягивания в революционную эпоху масштабная реорганизация ведомства, связанная с необходимостью урезания расходов на его содержание в связи с прекращением финансирования из России. Сократив численный состав представительств, руководство ведомства сохранило его репрезентативность в мире²². Циркуляр от 3 марта 1920 г. оговаривал действия глав миссий на случай прибытия советского посольства. Послам было предписано закрыть представительство, отказавшись от передачи его большевикам, сокрыть или уничтожить архив, шифры, обеспечить безопасность оставшихся в распоряжении представительства финансовых средств²³. Это, так сказать, «негативная» часть программы.

Предположения по дальнейшей деятельности дипломатической структуры и защите в изменившихся условиях разросшихся к тому времени русских беженских колоний были сформулированы М. Н. Гирсом в проекте обращения к итальянскому правительству. На подготовку этого документа старейшину Корпуса подвигли переговоры официального Рима с представителями Кремля об обмене военнопленными, завершившиеся подписанием соглашения 27 апреля 1920 г. Опасаясь, что за этим может последовать официальное признание, он занялся разработкой программы защиты интересов соотечественников, проживавших на территории страны. Для обеспечения лишившимся Родины людям основных гражданских прав он полагал необходимым сохранение законной силы за всякого рода документами, выданными им добольшевистскими правительствами в России или их представительствами за рубежом. Его проект предполагал создание организаций для защиты эмигрантов, а также благотворительных комитетов и ассоциаций, ориентированных на предоставление им помощи и материальной поддержки. М. Н. Гирс

²² ГАРФ. Ф. 5942. Оп. 4. Д. 25. Л. 3–6.

²³ Циркуляр от 3 марта 1920 г. № 307 // ГА РФ. Ф. 5680. Оп. 1. Д. 18. Л. 2–3.

видел настоятельную необходимость обеспечить беженцам покровительство местного закона и предлагал работать над обеспечением неприкосновенности движимой и недвижимой собственности, принадлежавшей соотечественникам в Италии, вне зависимости от того, проживают владельцы в стране или нет²⁴.

Этот документ сыграл важнейшую роль в процессе создания системы защиты прав русских эмигрантских колоний и сохранении структуры дипломатических представительств за рубежом. Он был одобрен министром С. Д. Сазоновым, который выразил пожелание, «чтобы и другие загранучреждения МИД заблаговременно разработали применительно к местным условиям соответствующие проекты»²⁵. В 1924 г., когда в Европе начнется полоса признаний СССР, именно эта записка Гирса ляжет в основу новой концепции защиты интересов русской эмиграции²⁶.

* * *

Давно зревшее в военных кругах недовольство сазоновской дипломатией привело к смещению министра с поста. В созданном в марте 1920 г. Южнорусском правительстве Н. М. Мельникова пост министра иностранных дел был предложен генералу Н. Н. Баратову. Однако независимость представительства от центров антибольшевистской борьбы в России зашла настолько далеко, что С. Д. Сазонов, который в это время напряженно работал над вопросами сохранения Корпуса и подготовки передачи руководства им М. Н. Гирсу, позволил себе этого «не заметить». Он сдал полномочия лишь в апреле 1920 г., когда возглавивший Движение барон Врангель назначил главой управления

²⁴ Памятные записки, составленные М. Н. Гирсом в 1920 и 1924 гг. // ГАРФ. Ф. 5680. Оп. 1. Д. 16. Л. 2–3; Ф. 5760. Оп. 1. Д. 5. Л. 36–36 об.

²⁵ Совершенно секретный циркуляр № 507, б/п, от 2 мая 1920 г. // ГАРФ. Ф. 5680. Оп. 1. Д. 16. Л. 1.

²⁶ Подробный анализ этих документов содержится в статье: *Миронова Е. М. Дипломаты русского Зарубежья в борьбе за обеспечение правового положения беженства // Правовое положение российской эмиграции в 1920–1930-е годы. СПб. 2006. С. 25–43.*

внешних сношений своего правительства известного ученого-экономиста профессора П. Б. Струве.

Дальнейшие события вскрыли то, что до поры затушевывалось.

Руководство заграничного представительства считало опасным связывать свободу действий и судьбу структуры с Крымским правительством и видело свою задачу в защите Корпуса от вмешательства «посторонних и малокомпетентных элементов»²⁷. Однако оно полностью отдавало себе отчет в невозможности разорвать отношения с новым руководством Белого движения. Когда П. Б. Струве прибыл в Париж, ему был предложен компромисс: Корпус готов был подчинить свою деятельность интересам севастопольского правительства, но хотел сохранить независимость в кадровых вопросах, которые не должны были решаться без согласия его главы — М. Н. Гирса. Кроме того, последний получал право просматривать, а иногда и подписывать, все подготавливавшиеся в Париже важные политические акты²⁸. П. Б. Струве принял эти условия. Таким образом, родилась комбинация, в результате которой он был признан «министром», а М. Н. Гирс известил представительства, что, по поручению Струве, принял на себя согласование деятельности российского дипломатического представительства за границей с деятельностью управления внешних сношений при Главкомандующем Вооруженными силами Юга России²⁹. Таким образом, весной 1920 г. дипломатическое представительство открыто перешло к партнерским отношениям с антибольшевистской властью на Родине. Заграничный Корпус принял на себя осуществление внешнеполитических акций севастопольского правительства «по договоренности» как самостоятельная (!) органи-

²⁷ М. Н. Гирс посланнику в Белграде В. Н. Шtrandтману. 13 января 1921 г. // Чему свидетели мы были... Кн. 2. С. 404–405.

²⁸ Михайловский Г. Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920 : в 2 кн. М., 1992. Кн. 2. С. 487.

²⁹ М. Н. Гирс посольствам и миссиям 28 мая 1920 г. № 709 // ГАРФ. Ф. 6851. Оп. 1. Д. 57. Л. 174.; Ф. 5760. Оп. 1. Д. 2. Л. 10.

зация. Врангель утвердил это решение, но отсутствие лояльности в этом вопросе изначально заложило трещину в отношениях Корпуса с командованием Русской армией.

Новое правительство отказалось от иллюзий, которые сдерживали развитие отношений с союзниками и прочими странами. Оно не возражало против автономизации будущей России. Врангель предпринял шаги к восстановлению или установлению официальных отношений с Турцией, Германией, Австрией, Венгрией, Финляндией. Он проявил готовность создать общий антибольшевистский фронт с Польшей, что подвигло Францию к возвращению в повестку дня вопроса о признании русского небольшевистского правительства. В переговоры по этому вопросу активно включился П. Б. Струве. М. Н. Гирс предпочел остаться в тени, выделив министру в качестве помощника советника посольства в Париже Н. А. Базили. В результате очень непростых согласований Франция в августе 1920 г. де-факто признала Севастопольское правительство. Но представители дипломатического корпуса с осторожностью отнеслись к этой победе. Они отдавали себе отчет в том, что время упущено и признание Севастопольского правительства в 1920 г. не может иметь того значения, которого ожидали от признания Колчака в 1919 г. «Тогда, — как представлялось Михайловскому, — оно вынудило бы союзников в конце концов к непосредственным военным действиям». Признание же Врангеля в обстоятельствах 1920 г. он рассматривал как готовность Парижа оказать «ему лишь моральную поддержку»³⁰. Руководивший управлением иностранных сношений в отсутствие П. Б. Струве князь Г. Н. Трубецкой был склонен рассматривать этот шаг как попытку установления Францией протектората над Крымом без оказания какой-либо реальной помощи³¹. В. А. Маклаков, в свою очередь, рассматривал признание Севастопольского правительства как полемический жест, который, «как всякий жест имел свойство дразнить одних, обе-

³⁰ Михайловский Г. Н. Записки... Кн. 2. С. 616.

³¹ Там же.

щать другим и ничего не давать». Он «опасался бурного протеста англичан и отступления французов»³².

Управление внешних сношений эвакуировалось из Крыма вместе с армией барона Врангеля³³. В Константинополе главнокомандующий осуществил последнюю его реорганизацию, преобразовав в «Часть внешних сношений»³⁴.

* * *

Эвакуация Русской армии барона Врангеля из Крыма означала утрату последнего клочка русской земли, дававшей Заграничному корпусу оправдание своего существования, и окончание гражданской войны. Руководство ведомства давно готовилось к такому обороту событий. В последние месяцы 1920 г. М. Н. Гирс спокойно и последовательно делал все, чтобы сохранить представительства в странах в работоспособном состоянии, и лучшие их кадры — в составе Корпуса, чтобы поставить его на службу правительству в изгнании, коль скоро оно будет создано. В качестве старейшины Корпуса он обратился к работавшим в разных странах коллегам с предложением остаться на местах и продолжить деятельность под руководством парижского центра. В обращении из Парижа особо подчеркивалось, что руководство дипломатической системы не будет претендовать на политическую власть, все предшествующие попытки создать которую оказывались неудачными³⁵.

Антибольшевистское движение объединяло очень разнообразные силы — переговоры о создании правительства в изгна-

³² В. А. Маклаков — Б. А. Бахметеву 6 сентября 1920 г. // «Совершенно лично и доверительно...» Т. 1. С. 226.

³³ Начальник политической канцелярии управления иностранных сношений правительства Крыма Б. А. Татищев — П. Б. Струве. 22 ноября 1920 №1155 // ГАРФ. Ф. 6851. Оп. 1. Д. 57. Л. 32.

³⁴ Б. А. Татищев П. Б. Струве 23 ноября 1920 г. №1159 // ГАРФ. Ф. 6851. Оп. 1. Д. 57. Л. 36.

³⁵ М. Н. Гирс В. Н. Штрандтману 19 февраля 1921 г. № 121 // Чему свидетели мы были... Кн. 2. С. 406.

нии в начале 1921 г. приняли затяжной характер и оставляли все меньше надежд на благополучное завершение. Камнем преткновения стал вопрос о контроле за остававшимися за рубежом русскими средствами. Между тем многие тысячи беженцев из России находилось в очень тяжелом положении. Надо было определить их правовой статус, обеспечить трудовые и образовательные права, расселить из далеко не всегда приемлемых мест первичной концентрации. 146 тысяч человек томились в Турции, которая не была в состоянии их обеспечить.

Дипломаты, Михаил Николаевич Гирс к этим проблемам подходили комплексно. Прежде всего, они считали необходимым определить те юридические основания, на которых русские беженцы, в условиях господства на Родине неприемлемой для них власти, смогли бы жить в изгнании. Опыт подсказывал: надо самим инициировать решение этого вопроса мировым сообществом и к началу его рассмотрения иностранцами следует иметь собственное видение проблемы. Уже в декабре 1920 г. М. Н. Гирс дал задание юристу русского МИД А. Н. Мандельштаму проанализировать право зарубежных стран с точки зрения возможности его применения к русским беженцам³⁶. Юрист в целом поддержал идеи, предложенные итальянским мемуаром Гирса, уточнив, что покровительство местных законов и властей русским учреждениям и общественным организациям должно быть ограничено в отношении возможности вмешательства в их внутренний распорядок и управление³⁷.

В начале января 1921 г. созданная при активном участии дипломатов «Комиссия для рассмотрения вопросов об ограждении прав и интересов пребывающих вне пределов России русских граждан, не признающих большевиков», проанализировав ситуацию в отделившихся от России «новых государственных

³⁶ Выводы записки А. Н. Мандельштама опубликованы в сб. документов «Русское беженство 1920–1930-е годы» (М., 2004), под датой «10 января 1921 г.». Однако мы располагаем данными о том, что документ существовал уже к 23 декабря 1920 г.

³⁷ Там же. Л. 39.

образованиях», которые уже вступили с Советской Россией в официальные сношения³⁸, пришла к выводу о предпочтительности создания в этих странах «по единому плану» консульской или квазиконсульской службы, о включении ее «в общую работу» и введении «в определенные рамки»³⁹. Но при этом был признан абсолютный приоритет интересов соотечественников — ради организации их защиты были признаны годными, по сути, любые схемы решения проблемы, любые учреждения.

2 февраля 1921 г., М. Н. Гирс, не дождавшись создания правительства, которому был готов подчинить Заграничный корпус, созвал в Париже совещание в самом узком составе. Кроме него самого в нем приняли участие только послы во Франции В. А. Маклаков, в США — Б. А. Бахметев, а также министр финансов всех последних Белых правительств М. В. Бернацкий. В результате рассмотрения сложившейся ситуации было принято решение о возвращении к уже опробованной в 1918 г. форме существования Корпуса в виде «Совета послов». Однако принципиальным стало решение создать организацию в виде, близком к образу деятельности МИД, подразумевающим иерархию и исполнительскую дисциплину. При Совете послов был создан минимум абсолютно необходимых на тот момент учреждений: Финансовый совет и Центральная юридическая комиссия.

Дипломатическая структура заявила о готовности защищать интересы оказавшихся за рубежом соотечественников, но и от собственно политической работы отказываться не собиралась. Вновь образованный орган сразу сделал два важнейших заявления: первое касалось отказа от каких-либо претензий на политическую власть над соотечественниками. Вторым Совет послов (СП) гарантировал свою поддержку всем без исключения беженцам, вне зависимости от их социального положения или политических симпатий, но при одном непременном условии — непризнании власти большевиков. Таким образом, была подчеркнута его сущность не политической организации,

³⁸ Там же. Д. 20. Л. 1–2.

³⁹ Там же. Д. 20. Л. 2.

а государственного учреждения. Занятая разрешением многих других животрепещущих вопросов, русская зарубежная общественность это событие явно просмотрела. Отозвался только председатель последнего русского антибольшевистского правительства А. В. Кривошеин. Он охарактеризовал создание СП как «пронунциаменто трех чиновников МИД»⁴⁰. Произошедшее, прежде всего взятие под контроль Финансовым советом оставшихся за рубежом фондов, не могло не усугубить и так недобрые отношения с бароном Врангелем. Оставшись без средств, командующий армией лишился возможности отстаивать прерогативы главы правительства. В апреле 1921 г. он создаст Русский Совет⁴¹, в котором некоторые политики увидят «орган русской власти и управления»⁴². Но в скором времени не располагавший финансами орган оказался в глубоком кризисе⁴³, не найдя выхода из которого, он уже в 1922 г. был распущен.

Решения совещания, без преувеличения, носили судьбоносный для Русского Зарубежья характер. Заявленные позиции открыли возможность созидать и развивать структуры Русского Зарубежья, а взятые через Финансовый совет под контроль деньги спасли многие тысячи русских жизней в тот очень опасный период, а потом позволяли поддерживать, пусть в минимальных размерах, беженские учреждения. Сохраненные дипломатические представительства в странах стали защитниками русских общин и скелетом трансграничной русской общности.

Всего в 1921 г. в разных странах действовали 24 русские дипломатические миссии⁴⁴. Службу в них несли 66 человек, что составляло 40% от довоенного уровня (уволено было 107 человек). Несравненно большие потери понес консульский аппарат — он был

⁴⁰ Обзор деятельности П. А. Бурьшкина в русских эмигрантских промышленно-финансовых и торговых организациях за границей (1919–1926) // ГА РФ. Ф. 5885. Оп. 1. Д. 2. Л. 63.

⁴¹ *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах 1920–1940. М., 2005. С. 280.

⁴² *Мельгунов С. П.* Н. В. Чайковский в годы гражданской войны. Париж, 1925. С. 235.

⁴³ *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах... С. 281.

⁴⁴ Там же. Л. 17–18.

ограничен 44 чиновниками (16% довоенного уровня), сокращено было 233 лица⁴⁵. Такая диспропорция объяснялась принципиальной позицией М. Н. Гирса, который считал, что без поддержки в дипломатических сношениях консульская деятельность очень скоро была бы совершенно парализована⁴⁶. Обязанности лишившихся места консулов принимали продолжавшие работать дипломаты. Однако надо иметь в виду, что уже тогда было положено начало тому явлению, которое с годами приобретет все больший размах: зачастую сокращенные дипломаты и консулы, если только они обладали какими-то средствами для содержания себя и семьи, имели какой-то заработок, продолжали оказывать соотечественникам помощь. При этом особой разницы между «штатным», получающим жалованье, и нештатным сотрудником Совета послов в организационном плане не существовало.

В основном миссии преемственно продолжали свою работу с имперских времен. Часть их в странах-противниках в Первой мировой войне (делегация в Берлине, миссии в Константинополе, Софии) и тех новых государствах, которые образовались на территориях распавшихся империй (миссия в Белграде, Праге, Варшаве, Хельсинки), были созданы Белыми правительствами во время или сразу после гражданской войны. Совет послов и далее продолжал обустривать пространство русского рассеяния. К июню 1922 г. были закрыты консульства в Корее и Аргентине⁴⁷, но созданы или возрождены миссии в Австрии, Венгрии, Эстонии, генеральное консульство в Китае, Марокко и Иерусалиме; в структуру Совета послов вошли Русский комитет в Риге и созданное в Баден-Бадене Бюро для русских эмигрантов⁴⁸. Таким образом, количество представительств СП в разных странах возросло до 32; общее число вместе с сохраненными консульствами составило 55 учреждений. М. Н. Гирсу удалось наладить взаимоотно-

⁴⁵ Общий съезд представителей русской промышленности и торговли в Париже 17–23 мая 1921 г.: доклады с прил. Париж, 1921. С 2–5.

⁴⁶ ГАРФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 40. Л. 10.

⁴⁷ ГАРФ. Ф. 5760. Оп. 1. Д. 5. Л. 17.

⁴⁸ Там же. Л. 26–29.

шения с Верховным комиссариатом по делам русских беженцев при Лиге Наций. Несмотря на первоначально жестко выраженное желание этой организации вести работу без участия русских, в Женеве при беженском офисе был аккредитован К. Н. Гулькевич. С течением времени представителями Нансена в странах, где сформировались русские колонии, все чаще становились русские дипломаты⁴⁹.

На начальном этапе главной, наиболее острой была проблема расселения беженцев из мест их первичной концентрации, прежде всего из Турции, куда барон Врангель эвакуировал 146 тысяч изгнанников. Русские политические и общественные деятели на совещаниях в Париже пришли к убеждению, что работать над проблемой надо через посредство недавно созданной Лиги Наций. Однако их совсем не устраивали решения, предложенные Беженским комитетом под руководством известного норвежского ученого Ф. Нансена. Не получив фондов на устройство русских беженцев, Комитет предполагал, что справится с «русской» проблемой за год, вернув основную массу изгнанников на Родину, а тех, кому грозила реальная опасность быть казненным большевиками (офицеров) — отправкой в Латинскую Америку в качестве, по сути, белых рабов на плантациях. При этом даже слушать мнение русских представителей по этому вопросу ни Ф. Нансен, ни его сотрудники не хотели. Главнокомандующий Русской армией барон Врангель, со своей стороны, поставил практически нереальную задачу: сохранить при переводе на новое место, т. е. в другую страну армию как таковую, как боевую единицу с ее организацией. Русским дипломатам вместе с юристами и общественными деятелями пришлось буквально «сражаться» с Беженским комитетом в Женеве, вынуждая его функционеров ознакомиться с разработанной русскими концепцией решения вопроса. Объединенными усилиями представителей штаба Врангеля и дипломатов, работавших в Сербии и Болгарии, эта проблема была в конечном итоге согласована и имен-

⁴⁹ См. подробнее: Бочарова З. С. Феномен зарубежной России 1920-х годов // Русский мир в XX веке. Т. 2. М.; СПб., 2014. С. 118–130.

но в том виде, в каком ее хотел разрешить главнокомандующий. Контингенты Русской армии с Лемноса, из Галлиполи были переведены в Болгарию и Королевство сербов, хорватов и словенцев. Деньги на переезд и на обустройство на новом месте были выделены Финансовым советом, переводились они через дипломатические представительства. Сотрудники миссий в странах, куда направлялись эшелоны соотечественников, входили во все детали и согласовывали вопросы проезда, питания, расселения, трудоустройства прибывающих соотечественников.

Между тем положение самого СП в 1921 г. было зыбко. Дипломатов тяготила полная зависимость от властей стран пребывания. Поражение в военной борьбе естественным образом делало «все более трудным дело охраны наших соотечественников за границей». М. Н. Гирсу все виделось в мрачных тонах, он писал, что прежний порядок «встречает зачастую непреодолимые препятствия»⁵⁰. И самые тяжелые предчувствия вроде бы начали сбываться: Франция, совсем недавно признавшая крымское правительство первой из держав, лишила русское представительство в Париже официального положения⁵¹. В этой связи в феврале 1921 г. М. Н. Гирс решил провести ревизию состояния дел, предписав представительствам сообщить отношение стран к продолжавшим работать русским консульской службе и посольствам, а также к тем заключенным до 1917 г. договорам и конвенциям, на основании которых они и вели свою деятельность по защите интересов соотечественников. Общий тон ответов неожиданно оказался вполне оптимистичным. В большинстве стран никаких осложнений во время гражданской войны не наблюдалось, но что особенно интересно и важно: никакого изменения отношений не произошло и после ее окончания⁵². Бо-

⁵⁰ М. Н. Гирс — С. А. Поклевукому-Козел 17 февраля 1921 г. // ГАРФ. Ф. 5680. Оп. 1. Д. 65. Л. 21.

⁵¹ Донесение из Брюсселя. Без подписи. 29 июня 1921 г. // ГАРФ. Ф. 5680. Оп. 1. Д. 27. Д. 33 Л. 9 об.

⁵² ГАРФ. Ф. 5680. Оп. 1. Д. 51. Л. 2–3; Д. 47. Л. 2–3; Д. 45. Л. 9–10; Д. 60. Л. 1. и т. д.

лее того, отмечались обратные явления. Бельгийское правительство высказалось в пользу сохранения консульства в интересах обеих стран⁵³. Такую же позицию занял губернатор Каталонии, выступивший за продолжение деятельности русского представительства, без которого «испанским властям было бы трудно ориентироваться в повседневных вопросах, связанных с большевизмом и с многочисленной русской колонией». Внешним проявлением этих изменений стало включение русского Генерального консула в барселонский справочник аккредитованных консулов на 1921 г., что в прежние годы не делалось⁵⁴. В июле в своем ответе на циркуляр Гирса и Генеральный консул в Париже отметил преодоление возникших было проблем⁵⁵.

В определении отношения правительств к русским дипломатическим учреждениям, судя по всему, сыграли свою роль два фактора: извечный западный прагматизм (страны Востока в этот период в принятии такого рода решений в основном следовали за западными партнерами) и грамотная деятельность русских представительств по защите интересов соотечественников. Проблема русского беженства, наложившаяся на не решенный до конца вопрос русских военнопленных Первой мировой войны, стала существенным фактором, осложнявшим жизнь едва вышедшей из войны Европы. Наличие находившихся за пределами правового поля, но профессиональных, готовых действовать в рамках законов, лояльных учреждений импонировало местным властям, так как снимало с них необходимость создавать собственные органы для разрешения проблем, связанных с пребыванием в странах бывших русских граждан.

Получив подтверждение работоспособности своего аппарата, СП поспешил легализовать свои представительства. Бы-

⁵³ ГАРФ. Ф. 5680. Оп. 1. Д. 33. Л. 9 об.

⁵⁴ Российское Генеральное консульство в Барселоне в Российское посольство в Мадрид 12 марта 1921 г. № 222 // ГАРФ. Ф. 5680. Оп. 1. Д. 51. Л. 16, 17.

⁵⁵ Копия донесения начальника консульской части Российской дипломатической миссии в Константинополе на имя дипломатического представителя от 3 марта 1921 г. № 1221 // ГАРФ. Ф. 5680. Оп. 1. Д. 73. Л. 1–2.

ло проведено нечто типа аккредитации миссий при правительствах; в июне того же года М. Н. Гирс передал в Беженский комитет Лиги наций промеморию о положении русских представителей в разных странах, снабдив документ их списком⁵⁶.

Параллельно продолжалась разработка концепции пребывания соотечественников в изгнании. В мае 1921 г. доктором международного права А. А. Пиленко были подготовлены два варианта записки (2 и 11 мая), в центре рассмотрения которых были универсальные основы организации эмигрантского сообщества. В качестве организационного начала беженского бытия юрист предложил создание общин, причем источником и проводником всего дела, по его мнению, должны были стать дипломатические структуры. Он считал принципиально важным, чтобы именно консул инициировал процесс создания общины и чтобы именно вокруг дипломата он происходил. Таким образом был сформирован единый, без различия места пребывания соотечественников принцип их бытия, были определены и закреплены место и роль дипломатических органов в качестве, по характеристике югославского исследователя М. Йовановича, «парагосударственных»⁵⁷.

В дальнейшем находившиеся в разных частях света русские люди воспринимали СП как некую центральную структуру, куда они обращались с просьбами о защите, помощи, содействии как на политическом уровне в отношении целых групп, так и с частными просьбами.

В целом задумка дипломатов не просто удалась. Она вышла на горизонты, о которых даже не мечтали ее творцы. За рубежом было создано сообщество, скелетом которого, его основой стали представительства СП. Под их защитой на общественных началах создавались русские организации. Русское рассеяние оформилось в трансграничное квазигосударство, обладавшее помимо дипломатической структуры военной организацией, финансами, системой образования, науки, социального обеспе-

⁵⁶ Список (на французском языке) адресов посольств, миссий, консульств и других представительств // ГАРФ. Ф. 5760. Оп. 1. Д. 5. Л. 26–29.

⁵⁷ *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах... С. 288.

чения, печатью, книгоиздательским делом и некоторыми другими атрибутами государства. Представительства СП во многих странах в течение длительного времени имели право выдавать соотечественникам документы, общими усилиями эмигрантской общественности был выработан и принят Лигой наций сертификат апатрида — так называемый нансеновский паспорт.

* * *

Помимо новой для себя сферы гуманитарной работы, которую принял на себя СП, он продолжал заниматься и политической деятельностью. И не все в его практике было однозначно. Естественно — главная задача политической борьбы старой русской дипломатии своим острием была направлена против Советской власти на Родине. Другой аспект политической деятельности замалчивался, старательно укрывался руководством организации от иностранных коллег и властей, так как, оставаясь патриотами своей Родины, русские дипломаты считали своим долгом защиту интересов страны на международной арене. Свои непосредственные задачи в области политики сами дипломаты в это время формулировали следующим образом: 1. «удержание иностранцев от неправильных поступков» в русском вопросе; 2. недопущение политического признания большевистской власти; 3. противодействие экономическому закабалению страны⁵⁸.

СП в целом и каждый из дипломатов по месту своей службы самым тщательным образом следили за действиями правительств в русском вопросе и старались по мере возможности влиять на них. И после признания страной их пребывания СССР, представители СП, как правило, не теряли контактов с действующими политиками и чиновниками МИД, часто становились неофициальными консультантами по русским проблемам, в которых, приходится это признать, межвоенный мир плохо разбирался. «Надо ведь знать англичан, — писал в 1939 г. по

⁵⁸ Б. А. Бахметев — В. А. Маклакову 23 марта 1922 г. // Совершенно лично и доверительно!.. Т. 2. М., 2002. С. 224–225.

такому поводу представитель СП в Лондоне, — которые на такого рода возникающие вопросы смотрят весьма упрощенно: украинский вопрос, напишем в бывшее русское посольство, там имеется некий Саблин, он ответит и разъяснит, составит меморандум и т. д...»⁵⁹.

Широко использовались русскими дипломатами и возможности идеологической борьбы с использованием средств массовой информации. СП аккумулировал в Париже документы, свидетельства о положении в Советской России и политике ее правительства. Эти материалы использовались для подготовки информационных сводок, которые направлялись в разные страны как основа для агитационной работы⁶⁰. Дипломаты активно сотрудничали с прессой: делились имевшимися у них материалами с местными журналистами, много писали сами, разоблачая мифы о советской действительности, которые тиражировались пропагандой Москвы.

Нельзя не учитывать роли «старых» посольств и при рассмотрении борьбы Советской власти за международное признание. Само их присутствие в странах тормозило этот процесс. Переоценивать их влияние, конечно, не стоит, но и игнорировать не приходится. Как бы то ни было, но дипломатические отношения с большевистской Москвой европейские державы стали устанавливать лишь в 1924–1925 гг., т. е. через 6 лет после создания этой власти. А Югославия, в которой существовала большая русская колония, а представитель СП имел большое влияние на короля и членов правительства, шла к такому признанию более 20 лет, завершив этот процесс только в 1940 г.

Однако, с другой стороны, Совет послов под управлением М. Н. Гирса никогда не ставил борьбу с большевиками выше интересов «исторической России». По итогам Вашингтонской и Генуэзской конференций русские дипломаты пришли к очень важ-

⁵⁹ Е. В. Саблин — С. В. Жуковскому 12 февраля 1939 г. // Чему свидетели мы были... Кн. 2. С. 175–176.

⁶⁰ М. Н. Гирс — И. А. Персиани 20 января/2 февраля 1922 г. № 53, 11/23 октября 1922 г. № 75 // Leeds Russian archive (далее: LRA), MS 1500. Zemgor Archive. Diplomatic Papers

ным выводам. Они еще раз убедились в нежелании великих держав считаться с интересами России и увидели готовность представителей советского правительства отстаивать интересы страны. В этих обстоятельствах М. Н. Гирс, рискуя положением СП за границей, дал распоряжение своим наблюдателям на Гаагской конференции поддерживать «усилия Чичерина, а затем и Воровского в деле отстаивания русских интересов в дарданелльском вопросе»⁶¹. Эти настроения были характерны для русских дипломатов на всем протяжении их деятельности. В 1930-е гг. Е. В. Саблин из Лондона с горечью писал, что Россию в мире рассматривали «как некое выморочное имущество». Доказательства тому он видел в «предвосхищениях Танаки»⁶², с одной стороны», Гитлера — с другой, и предложении лорда Ротермира, «устроить и успокоить Европу за счет территории России», растиражированном «Дэйли — мэйл», в количестве 2 750 000 экземпляров — с третьей»⁶³.

Вольно или невольно (это до сих пор не выяснено), но Совет послов оказывал большую помощь советским разведке и внешнеполитическому планированию. На протяжении двух десятилетий представители Совета послов в разных странах снабжали свой центр информационно-аналитическими материалами. Эти донесения отличались высоким профессиональным уровнем и глубоким проникновением в тему. Их выводы поражают точностью и глубиной. Так, еще в 1934 г. Д. Абрикосов из Токио предупредил о том, что правящие круги Японии окончательно отказались от планов войны с Советским Союзом и решили сконцентрировать усилия на экспансии в Китае и Юго-Восточной Азии. Только через семь лет, в 1941 г., к такому же выводу придут советская

⁶¹ О сделанных на этот счет наблюдениях британской разведки в иностранный отдел ГПУ 29 июня 1923 г доносила его берлинская резидентура // Русская военная эмиграция 20–40-х годов. Т. 2. М., 2001. С. 35.

⁶² По-видимому, речь идет о так называемом Меморандуме Танаки, согласно которому для достижения мирового господства Япония должна была завоевать вначале Маньчжурию и Монголию, а впоследствии и весь Китай. Однако подлинность документа в те годы подвергалась сомнению.

⁶³ Е. В. Саблин. Прошу инструкций // Последние новости, 20 декабря 1933 г. № 4655.

и немецкая разведки⁶⁴. 28 июня 1934 г. Е. В. Саблин поделился с В. А. Маклаковым сделанным им выводом о том, что общественно-политический кризис в Германии может завершиться новой чисткой в рядах нацистской партии, причем в этой борьбе Гитлер встанет на сторону консервативных кругов. Тот, кто попытается возражать, отмечал Саблин, «был бы, вероятно столь же быстро устранен от дел, как был ликвидирован Троцкий за свою перманентную революцию»⁶⁵. Через два (!) дня в Германии с санкции Гитлера была уничтожена верхушка штурмовых отрядов во главе с Эрнестом Ремом, которая выступала за продолжение «национал-социалистической революции». Советские спецслужбы относительно рано наладили перехват корреспонденции Совета послов, причем неоднократно демонстрировали свое знакомство с нею, организуя международные скандалы. Однако скоро в Москве обратили внимание на практическую ценность содержащейся в ней политической аналитики. Комплекс переписки «старых» дипломатов за 1934–1939 гг. хранился в архиве службы внешней разведки и был опубликован в 1990-е гг. в двухтомнике «... Чему свидетели мы были»⁶⁶. Естественно, возникает вопрос, до какой степени наивности могла простирается доверчивость старой дипломатической гвардии? Или они сознательно информировали советское правительство о том, что могло пройти мимо внимания его агентов? Надо признать, что если они это делали, то вполне добросовестно. Важность получаемых материалов была высоко оценена политическим руководством страны. И. В. Сталин лично отдал распоряжение, чтобы копии донесений, особенно Е. В. Саблина, пересылались Рыкову, Чичерину, Ворошилову и Молотову⁶⁷.

⁶⁴ «... сохранить доброе имя за старой Россией». Русская мысль. Париж. 4274. 17.06.99.

⁶⁵ Е. В. Саблин В. А. Маклакову 28 июня 1934 г. // Чему свидетели мы были... Т. 1. С. 136.

⁶⁶ «Чему свидетели мы были...»: переписка бывших царских дипломатов (1934–1940) : в 2 кн. М., 1998 г.

⁶⁷ «... сохранить доброе имя за старой Россией». Русская мысль. Париж. 4274. 17.06.99.

* * *

Новый этап в деятельности Совета послов начался в середине 20-х годов. В это время представительства на местах возглавляют русские колонии в странах, глава организации — М. Н. Гирс воспринимается как безусловно официальное лицо: наглядно это выражается в том, что он по должности принимал участие и занимал место в президиуме всех более-менее официальных мероприятиях Зарубежья в Париже.

К началу 1924 г., когда назрела непосредственная опасность признания Советской России целым рядом стран, руководитель СП на основании записки 1920 г. разработал, по его собственному утверждению, схему новой организации, которая позволяла представительствам продолжать работу по защите интересов сограждан после признания СССР страной его пребывания⁶⁸. К этому времени практика правительств, допустивших на свою территорию торгово-промышленные, официозные или даже официальные представительства Советского Союза, показала возможность сохранения старых русских миссий. По большей части, вопрос сводился к изысканию и установлению такого *modus vivendi*, который обеспечил бы возможность продолжить деятельность по обеспечению прав и интересов беженцев, не давая официальным представительствам СССР достаточно обоснованного повода требовать удаления или прекращения работы учреждений Совета послов⁶⁹.

М. Н. Гирс поставил задачу создания в странах, входящих в сношения с Советским Союзом, организаций для защиты соотечественников, по типу тех, что уже существовали в Германии, Польше, Финляндии и Турции. На практике это означало смену дипломатическими представительствами названий на «делегации», «комитеты», «бюро» и т. п. защиты интересов беженцев без изменения сферы их компетенции. Осуществление этой про-

⁶⁸ ГАРФ. Ф. 5760. Оп. 1. Д. 5. Л. 35.

⁶⁹ М. Н. Гирс С. А. Поклевскому-Козелл 3 марта 1923 г. // LRA MS 1500. Zemgor Archive. Diplomatic Papers.

граммы позволило миссиям сохранить связи с правительственными структурами страны пребывания и руководящее положение в русской колонии, а в некоторых странах и звание представительства, даже положение в дипломатическом листе⁷⁰. Особое внимание глава СП уделял сохранению права выдавать все виды документов, как это делали русские консульства ранее⁷¹. Кроме того, он считал принципиально важным добиваться разрешения на создание, в случае необходимости, благотворительных комитетов и ассоциаций, ориентированных на предоставление русским беженцам помощи и материальной поддержки. Дипломат полагал также необходимым добиться ограждения русских колоний от какого-либо соприкосновения с советскими представителями, обеспечив соотечественникам и созданным ими организациям защиту местного закона. Циркуляр Совета послов предписывал дипломатическим учреждениям принять на себя защиту прав русских беженцев или их наследников на движимую и недвижимую собственность в том или ином государстве, причем вне зависимости от того, проживал ли владелец в этой стране, или существовал на доходы от нее в каком-либо другом месте⁷². Таким образом, когда то или иное правительство решало признать СССР, старые дипломатические представительства, согласно заблаговременно выработанной схеме, переходили на положение общественных организаций. В отлаженной уже системе отношений это не оказывало существенного воздействия на бытие русских колоний.

Определяющее значение для продолжения существования миссий имел финансовый вопрос. Кредиты на их содержание прогрессивно сокращались со времени окончания гражданской

⁷⁰ Подробнее см. *Миронова Е. М.* Дипломатическое ведомство антибольшевистской России. // Проблемы истории русского Зарубежья. Вып. 1. М.: Наука, 2005. С. 56–122; *Формы и методы взаимодействия небольшевистских дипломатических представительств с европейскими правительствами и США. 1917–1939* // Нансеновские чтения 2007. СПб., 2008. С. 142–160.

⁷¹ ГАРФ. Ф. 5680. Оп. 1. Д. 16. Л. 36 об.

⁷² Aide mémoire. Janvier 1924 // ГАРФ. Ф. 5760. Оп. 1. Д. 5. Л. 36–36 об.

войны в России. Денег катастрофически не хватало. В середине 20-х гг. пришлось свернуть деятельность части представительств. В марте 1924 г. Гирс с болью писал, что приступил к закрытию миссий в Испании, Бельгии, Нидерландах, Норвегии, в следующем году пришлось пожертвовать посольством в Швейцарии⁷³. Тем не менее во второй половине 20-х гг. в странах мира работало 27 миссий Совета послов. Объясняется это тем, что, даже лишаясь жалованья и формально закрыв миссию, вынужденные жить в бедности, побочным трудом добывая себе пропитание, дипломаты не считали возможным отказать соотечественникам в посильной помощи, совсем устранившись от дел.

Перейдя на положение «общественных организаций», миссии не только не утрачивали, как показала практика, своих обязанностей, напротив, со временем их объем только увеличивался. С течением времени таяли финансовые запасы русских эмигрантов. Общественные деятели, ранее возглавлявшие те или иные организации, вынуждены были снимать с себя ответственность, искать оплачиваемую работу. Их компетенции зачастую вынужденно принимали на себя «бывшие» дипломаты, становясь и во главе Красного Креста или православных общин.

* * *

Новым рубежом в деятельности Совета послов стал приход к его руководству В. А. Маклакова после последовавшей в конце 1932 г. кончины М. Н. Гирса.

К этому моменту организация потеряла значительную часть своих представительств и личного состава. В списке, подготовленном для нового главы ведомства, было названо 20 учреждений, из них 11 работали в странах, признавших СССР, 2 возглавляли лица, никогда не служившими в МИД, и также два, в Румынии и Нидерландах, продолжали признаваться в странах пребывания дипломатическими представительствами. Часть

⁷³ М. Н. Гирс К. Н. Гулькевичу 20 марта 1924 г. // ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 44. Л. 28.

миссий сконцентрировалась на работе по помощи русским колониям в странах пребывания и редко, или совсем не контактировала с центром в Париже. В регулярной переписке руководство СП находилось со своими представителями в Лондоне, Нью-Йорке, Токио, Женеве, при Лиге Наций. Поддерживались контакты с Берлином, Белградом, Софией, Прагой, Варшавой, Шанхаем и Хельсинки. Учреждения в Риме, Афинах, Будапеште, Копенгагене, Стокгольме, Гааге и Каире жили своей жизнью и связей с центром почти не поддерживали⁷⁴.

Первые депеши Маклакова говорили о его желании активизировать деятельность Корпуса. Он декларировал первостепенную важность решения жизненных проблем эмигрантов и видел свою задачу в укреплении связей с женеvским Беженским офисом⁷⁵. Однако на первом совещании с финансистами новый глава организации отказался от принадлежавшего ранее Гирсу права распоряжения фондами дипломатического ведомства⁷⁶. Это решение было тревожным звоночком. Между тем международная ситуация первой половины 30-х годов не благоприятствовала активизации деятельности русского эмигрантского учреждения. Началась новая волна признания СССР. В первой половине тридцатых годов были установлены дипломатические отношения Москвы с Вашингтоном, Софией, Бухарестом, Брюсселем. Но самый большой урон русскому эмигрантскому делу нанесло вступление в 1934 г. СССР в Лигу Наций. Представители Советского Союза стали настойчиво добиваться свертывания существовавшей к тому моменту системы международной помощи русским эмигрантам. Лига Наций пошла им навстречу: на конец 1938 г. было намечено закрытие нансеноvского офиса. В этих обстоятельствах новый глава Совета послов пошел по пути пересмотра основ существования организации. Он отказался от руководства представительствами Совета из центра в Париже. В. А. Маклаков апеллировал к тому, что учреждениям в странах проще дого-

⁷⁴ LRA. MS 1500. Zemgor Archive. Diplomatic Papers.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же.

вориться с местными властями, решения которых на их территориях Москва не вправе оспаривать, чем ему с Лигой Наций, в работе которой принимают участие большевики⁷⁷. Он постарался лишить СП всякого официального значения. Продолжение деятельности организации он видел в ее скрытом существовании⁷⁸. Ответственность за жизнь беженских колоний отныне всей своей тяжестью легла на представительства в странах. В. А. Маклаков, в случае обращения к нему, оказывал лишь консультативную помощь. Надо признать, что урона Русскому Зарубежью это решение не нанесло. Условия существования Зарубежья были созданы еще в 20-е годы, под защитой дипломатических учреждений набрали силу русские общественные организации. Кроме того, как мы видели, уже в конце 20-х гг. далеко не все миссии поддерживали отношения с центром, что не мешало им активно работать на местах, сохранять свои, отлаженные годами отношения с местными правительственными учреждениями.

Начало Второй мировой войны разрушило продолжавшие теплиться связи. Но не отняло энергии у дипломатов. Там, где у них была возможность продолжать работать, они не прерывали деятельности, даже оказавшись в чрезвычайно тяжелых условиях вследствие прекращения поступления тех средств, которые еще мог выделять им Совет послов. На протяжении всей войны активно работал в Лондоне Е. В. Саблин⁷⁹. В начале июля 1941 г. он публично солидаризировался со всеми силами, которые проливают кровь в борьбе с «исконным врагом» России⁸⁰. Он был честен и последователен в своих действиях: когда советское посольство предложило ему сотрудничество, он сумел переступить через десятилетия противостояния, через неприятие той власти, которую оно защищало, через вполне возможное непонимание и неприя-

⁷⁷ «Чему свидетели мы были...» Кн. 2. С. 44.

⁷⁸ Там же. Кн. 2. С. 95.

⁷⁹ См.: *Миронова Е. М.* Е. В. Саблин. Дипломат, политик, мыслитель // Вопросы истории 2017 № 1. С. 19–43.

⁸⁰ См.: *Казнина О. А.* Русские в Англии: Из переписки Е. В. Саблина // Россия в США: сборник статей. М., 2001 С. 161.

тие его действий со стороны части эмиграции. Старый русский дипломат бескорыстно принял на себя обязательство оказывать помощь советскому представительству в деле защиты общей Родины.

«Старые» русские дипломаты оставались на своих постах до конца жизни. После окончания войны вернулись к работе в Париже В. А. Маклаков, в Брюсселе Е. А. Буткевич⁸¹. Продолжал свою деятельность Е. В. Саблин в Лондоне. Они оказывали помощь соотечественникам, приняв под свою опеку в послевоенный период тех из советских военнопленных, перемещенных лиц, кто искал возможности остаться на Западе⁸².

Итак, русские дипломаты имперской закалки на протяжении 20 с лишним лет после гибели империи продолжали сохранять Заграничное представительство. В период Гражданской войны, оно, оберегая свою независимость, оказывало поддержку всем антибольшевистским силам России. По окончании вооруженной борьбы они перенесли свое понимание долга перед территорией на долг перед соотечественниками, воссоздали Совет послов, инициировали и активно участвовали в создании эмигрантского сообщества — Зарубежной России, которое имело некоторые признаки государства, представляло, по сути, форму гражданского общества. Будучи яркими противниками установившейся на Родине власти, дипломаты оставались патриотами. Сегодня можно с полной ответственностью подтвердить обращенные к будущему исследователю слова Е. В. Саблина: «Историк, который когда-нибудь будет разбираться в моих архивах, ... обнаружит, что, борясь против режима в России, бросая камни в большевиков, я принимал все меры, чтобы эти камни не попали в лик России. Россия при всех обстоятельствах была для меня превыше всего»⁸³.

⁸¹ Archives générales du Royaume, Bruxelles. F. Administration de la Sûreté publique, Police des étrangères, N 1112474.

⁸² LRA. MS 1285, 907–920.

⁸³ LRA, MS 1285/410.

ВЛАДИМИР АНАТОЛЬЕВИЧ
ГЕОРГИЕВ — УЧЕНЫЙ И ПЕДАГОГ
(памяти старшего ученика Н. С. Киняпиной)

В Москве утром 6 июня 2022 г. ушел из жизни известный советский и российский историк, специалист в области истории международных отношений, внешней политики России и политики на национальных окраинах империи Владимир Анатольевич Георгиев. Он умер в возрасте 77 лет, оставив после себя большой пласт научного наследия и целую группу воспитанных им учеников, многие из которых остались в профессиональном цехе.

Он родился 28 июня 1944 г. в Москве, в семье вузовских преподавателей — Анатолия Владимировича Георгиева и Марины Тихоновны Панченковой. Поразительно, но Владимир Георгиев оказался вторым поколением семьи, закончившим исторический факультет Московского университета, и стал со временем частью целой династии историков. На сегодняшний день представители уже 4-х поколений семьи закончили исторический факультет МГУ, три из которых завершили и обучение в аспирантуре, защитив на родном факультете и кандидатские диссертации (Отец В. А. — Анатолий Владимирович — закончил факультет в 1939 г. и защитил кандидатскую на кафедре новой истории; сам В. А. закончил факультет в 1966 г. и в 1969 г. защитил кандидатскую на кафедре истории капитализма; его сын — Анатолий Владимирович — в 1986 г. закончил факультет, а в 1989 г. защитил кандидатскую диссертацию).

Отец — Анатолий Владимирович Георгиев (1917–1947) — в 1939 г. закончил исторический факультет Московского университета, и специализируясь на истории США, поступил в аспирантуру на кафедре новой истории, где и остался преподавать после защиты кандидатской диссертации. Он активно работал и как журналист-международник, публикуясь в ведущих СМИ страны — газетах «Правда» и «Известия», журналах «Большевик», сотрудничал с ТАСС. Помимо родного университета, А. В. Георгиев преподавал в Академии общественных наук (при ЦК КПСС) и только что открытом МГИМО. Более того, в середине 40-х (в первые послевоенные годы) возглавил иностранный отдел газеты «Известия» и стал заместителем заведующего кафедрой истории международных отношений МГИМО. Анатолий Владимирович скончался в 1947 г. от неизлечимой болезни сердца, когда сыну было всего 3 года.

Крупным ученым и видным преподавателем высшей школы была и мама, Марина Тихоновна Панченкова (1916–1998). Она вместе с мужем училась на одном курсе и закончила исторический факультет в 1939 г. Специализировалась также на кафедре новой истории, где в 1942 г. защитила кандидатскую диссертацию. После успешной защиты она была приглашена на кафедру всеобщей истории Московского историко-архивного института, где и проработала почти 45 лет вплоть до выхода на пенсию в 1986 г.¹ Именно там она прошла весь свой карьерный путь от простого ассистента до профессора и заведующей кафедрой

¹ Профессор А. И. Комиссаренко, поступивший в Историко-архивный институт в 1954 г., впоследствии вспоминал: «Блестящие лекции читала доцент Марина Тихоновна Панченкова по всеобщей истории. Особенно ей удавались лекции связанные с революционным европейским движением, ее любимая тема Французская революция, она читала по ней лекции так, что создавалось впечатление, будто она сама вот присутствовала при изучаемых событиях. Всех героев революции: Робеспьера, Мирабо, «бешеных», она всех знала и всем давала живые характеристики. Читала увлеченно. Особенно увлеченно излагала она историю Парижской коммуны, рисуя образы бакунистов, простых рабочих коммунаров. Всегда 18 марта каждого года она устраивала Чтения памяти Парижской коммуны». (Историко-архивный институт. Сборник воспоминаний / Сост. А. Ю. Клименко. Б. м., б. г. С. 18).

(в 1956–1984 гг.). В 1967 г. ей была получена степень доктора исторических наук. М. Т. Панченкова много лет также преподавала всеобщую историю и в стенах главного дипломатического вуза страны — МГИМО.

* * *

Владимир Анатольевич после окончания средней школы поступил на вечернее отделение истфака, а днем работал (вначале упаковщиком книг на складе издательства «Морфлот», затем смотрителем залов в Музее К. Маркса и Ф. Энгельса). Через год за отличную успеваемость его перевели на очное отделение факультета, которое он и закончил в 1966 г. (вместе с рекомендацией на поступление в аспирантуру). Именно в те годы он познакомился с Натальей Георгиевной Черемухиной (Георгиевой), с которой в 1963 г. образовал семейный союз, который перерос и в творческий, т. к. именно она стала его главным соавтором на долгие десятилетия (в большинстве работ)².

Обучение в аспирантуре закономерно завершилось выходом на защиту кандидатской диссертации «Внешняя политика России на Ближнем Востоке в конце 30-х — начале 40-х годов XIX в.» под руководством профессора Н. С. Киняпиной (успешная защита в 1969 г.)³. На базе диссертации в середине 70-х была выпущена авторская монография В. А. Георгиева⁴, за которую он в 1978 г. стал лауреатом премии Ленинского комсомола.

Диссертация Георгиева посвящена российской внешней политике на важном восточном направлении во второй четверти XIX в.

² Владимир Анатольевич Георгиев — исследователь истории внешней политики России, дипломат, учитель, патриот. Страницы памяти. Документы. Воспоминания. Научные статьи // Сост. Н. Г. Георгиева. М., 2023. С. 35–38.

³ Георгиев В. А. Внешняя политика России на Ближнем Востоке в конце 30-х — начале 40-х гг. XIX в. Автореферат диссертации на соискание уч. ст. к. и. н. М., 1970.

⁴ Георгиев В. А. Внешняя политика России на Ближнем Востоке в конце 30-х — начале 40-х гг. XIX в. М., 1975.

В центре внимания молодого исследователя — важнейший период в истории Восточного вопроса и военно-политической активности России, после серии успешных русско-персидских и русско-турецких войн и, главное, заключения, крайне выгодного для страны Ункиар-Искелесийского договора 1833 г. (с Турцией)⁵.

Георгиев пояснял, что в своей работе он исследовал «период внешней политики России на Ближнем Востоке, охватывающий годы второго турецко-египетского кризиса 1838–1841 гг. Этот конфликт на Ближнем Востоке был третьим в этот период⁶. По своим международным последствиям как для России, так и для западноевропейских государств он занимает особое место в истории восточного вопроса». Конфликт высветил два главных направления международного соперничества: «англо-французские колониальные разногласия из-за Египта и Сирии и противоречия России с западноевропейскими державами по вопросу о черноморских проливах»⁷. Важность выбора темы объяснялось и ее слабой изученностью в советской исторической литературе⁸.

⁵ Там же. С. 3. Исследователь разъяснил наполнение этой международной проблемы, уточнив, что для выделенного периода «характерны новое звучание и еще большая острота восточного вопроса. Наиболее существенным фактором становится широко развернувшееся национально-освободительное движение различных народов Османской империи за свою независимость». Второй важной и острой международной проблемой стал «вопрос о режиме Босфора и Дарданелл, имевших наибольшее значение для черноморских держав». «Третьей проблемой, взаимосвязанной с предыдущими, была борьба развитых буржуазных государств за экономическое преобладание в Османской империи», что происходило на фоне обострения турецко-египетских отношений и порождения нового конфликта на Ближнем Востоке (Там же. С. 3, 4).

⁶ Второй турецко-египетский кризис 1838–1841 гг. стал причиной третьего подобного обострения, т. к. первым было Греческое восстание 1828–1831 гг. и русско-турецкая война 1828–1829 гг., а вторым — турецко-египетский кризис 1832–1833 гг.

⁷ Георгиев В. А. Внешняя политика России на Ближнем Востоке в конце 30-х — начале 40-х гг. XIX в. Автореферат... С. 4.

⁸ Георгиев В. А. Внешняя политика России на Ближнем Востоке в конце 30-х — начале 40-х гг. XIX в. С. 63.

По оценке Георгиева, новый кризис положил конец целому периоду в истории российской дипломатии, когда она делала ставку на сохранение целостности Османской империи, и с 40-х гг. Петербург стал участвовать в обсуждении вопроса о разделе «наследства больного человека». В связи с этим исследователь настаивал, что «изучение международных отношений в годы второго турецко-египетского конфликта помогает глубже постичь причины и характер Крымской войны, к которой привел новый курс самодержавия, вылившийся в полный крах ближневосточной экспансии царизма»⁹.

В. А. Георгиев также отмечал и экономическую заинтересованность России в решении Восточного вопроса, по причине высокой зависимости экономики страны от черноморской торговли. Он особо подчеркивал, что привилегированные условия, «в первую очередь, дворянство, как хлебный экспортер были кровно заинтересованы в развитии черноморской торговли. Через проливы за границу шло 64% производимого в России хлеба... «Не только хлеб, но и шерсть, пенька, сало, водка и многие другие сельскохозяйственные продукты юга России проходили ежегодно транзитом через Босфор и Дарданеллы»¹⁰.

Он подробно проанализировал международную ситуацию и сложившийся расклад сил в преддверии и начале нового кризиса 1839 г., позиции и задачи российской дипломатии, зафиксировал попытку Петербурга сблизиться с Великобританией для блокировки французской активности на Ближнем Востоке. Император Николай I в 1839 г. отказался от направления новой военной экспедиции в Константинополь и заявил о дипломатической поддержке Турции. «Разногласия Англии и Франции в испанском, бельгийском и, в основном, в восточном вопросах подсказали самодержавию, что Великобритания может стать по-

⁹ Георгиев В. А. Внешняя политика России на Ближнем Востоке в конце 30-х — начале 40-х гг. XIX в. Автореферат... С. 5.

¹⁰ «Общая сумма этих операций достигала во 2-й четверти XIX в. 8–10 млн руб. в год» (Георгиев В. А. Указ. соч. С. 11–12).

тенциальным союзником России на Востоке. Это был серьезный просчет царизма»¹¹, подчеркнул В. А. Георгиев.

В 1840 г. русское правительство пошло на уступки Лондону, попытавшись договориться с последним о возможном в будущем разделе Турции на сферы влияния, что привело к подписанию 1-й Лондонской конвенции и ослабило российское влияние в Стамбуле. Георгиев особо подчеркивал, что «главным содержанием изменения политики России был отказ от Ункиар-Искелесийского договора, от двухсторонних взаимоотношений с Турцией и попытка перехода к коллективному режиму черноморских проливов. Главной задачей был раскол англо-французского союза — самой влиятельной политической силы на международной арене и изоляция Тюильрийского кабинета. Решение русского правительства добиваться союза с Великобританией для создания нового режима черноморских проливов и раздела Турции на сферы влияния означало, несомненно, ослабление влияния самодержавия в Константинополе»¹². Исследователь, размышляя над смыслом Лондонской конвенции, выделил важные детали ее подписания, акцентируя внимание на дальнейшие уступки британской стороне: «Одним из основных пунктов, имевших общеевропейское значение, было решение о закрытии проливов для военных кораблей всех держав. Эта статья, положившая начало оформлению нового режима проливов, поставила под вопрос безопасность русского черноморского побережья и значительно усилила позиции Великобритании на Ближнем Востоке»¹³.

Осенью 1840 г. происходит дальнейшее ослабление позиций России как в Турции, так и на всем Ближнем Востоке. Явным просчетом можно считать безусловный отказ Петербурга от Ункиар-Искелесийского договора 1833 г. (раньше срока его окончания!).

¹¹ Георгиев В. А. Внешняя политика России на Ближнем Востоке в конце 30-х — начале 40-х гг. XIX в. С. 94.

¹² Георгиев В. А. Внешняя политика России на Ближнем Востоке в конце 30-х — начале 40-х гг. XIX в. Автореферат ... С. 11.

¹³ Там же. С. 12.

Россия в новом витке англо-французского противостояния опять встала на сторону Лондона, однако ответных уступок от него получено не было. Ярким свидетельством чего стала Сирийская экспедиция, проведенная без участия России. Она, по справедливой оценке Георгиева, «привела к полной победе Великобритании на Ближнем Востоке. Египетский паша был разбит и вынужден был принять условия, навязанные ему союзниками. Передача Сирии под власть турецкого султана означала установление английского контроля над этой провинцией»¹⁴.

2-я Лондонская конвенция 1841 г. фактически подтвердила и зафиксировала окончательное падение российского влияния в Турции. К этому итогу нас постепенно подводит в своем исследовании Георгиев: «Босфор и Дарданеллы были изъяты из-под контроля Турции и поставлены под общеевропейский контроль. Это означало расширение коллективного вмешательства нечерноморских держав в правовой режим черноморских проливов и ущемление суверенных прав Турции. Подписание Лондонской конвенции 1841 г. отразило ослабление Османской империи, так как предоставляло широкие возможности для вмешательства западных держав в ее внутренние дела. Принцип закрытия проливов наносил ощутимый удар и по позиции России на Ближнем Востоке. Вторая Лондонская конвенция установила долгосрочную блокаду южного флота России, запертого в Черноморском бассейне»¹⁵.

Таким образом, Георгиев оценил российскую политику на восточном направлении в тот период, как явный провал, а попытки Петербурга заигрывать с Великобританией и преждевременный отказ от такого выгодного двухстороннего соглашения с Турцией, как Ункиар-Искелесийского договор 1833 г., как очевидные ошибки дипломатов во главе с графом К. В. Нессельроде (и при поддержке императора Николая I). Исследователь также настаивал на вынужденном характере подписания Росси-

¹⁴ Георгиев В. А. Внешняя политика России на Ближнем Востоке в конце 30-х — начале 40-х гг. XIX в. Автореферат... С. 13.

¹⁵ Там же. С. 15.

ей Лондонских конвенций 1840 и 1841 гг. (в особенности, второй). Ключевой вывод, сделанный Георгиевым в конце монографического исследования, вытекал из всего текста, демонстрировавшего постепенное ослабление позиций России на ближневосточном направлении: «Европейский кризис и Лондонские конвенции 40-х годов не смогли разрешить восточный вопрос, а лишь еще больше обострили противоречия великих держав... Усилия западноевропейской дипломатии были направлены на окончательное вытеснение России с Ближнего Востока и, что самое главное, на отстранение ее от контроля над проливами. Таким образом, новое обострение восточного вопроса было неизбежно. Крымская война уже содержалась в зародыше в конвенциях о проливах 1840–1841 гг.»¹⁶.

В середине 70-х гг. после выпуска книги Владимир Анатольевич вошел в представительный авторский коллектив под руководством Н. С. Киняпиной, занимавшийся подготовкой коллективной монографии «Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX в.» (Н. С. Киняпина, В. А. Георгиев, М. Т. Панченкова и В. И. Шеремет). Работа вышла в 1978 г. в издательстве «Наука»¹⁷. Георгиеву было доверено писать важнейший «Историографический обзор» и первый раздел книги, охватывающий период с конца XVIII до середины XIX столетия. Он также готовил и справочные разделы — «Библиографию» и «Именной указатель».

В столь обобщающей работе на широкой источниковой базе и с привлечением зарубежных исследований были рассмотрены практически все аспекты российской политики в Восточном вопросе. Эксклюзивность проекта подчеркивают и значительные, точнее говоря, максимально возможные хронологические рамки: от первого вовлечения России в Восточный вопрос еще в царствование Екатерины II до попыток его решения в ходе Первой Ми-

¹⁶ Георгиев В. А. Внешняя политика России на Ближнем Востоке в конце 30-х — начале 40-х гг. XIX в. М., 1975. С. 192.

¹⁷ Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX в. / Отв. ред. Н. С. Киняпина. М., 1978. — 434 с.

ровой войны. Важно подчеркнуть, что впервые прописана четкая периодизация участия России в Восточном вопросе, педантично рассматривается его содержание как международной проблемы. Данная работа получила высокие оценки и прекрасные отзывы в научном сообществе. Например, М. А. Чепелкин впоследствии писал: «Прекрасное знание литературы и источников позволило авторскому коллективу справиться с поставленной задачей. В монографии были выявлены главные тенденции российской политики на различных этапах развития восточного вопроса, определены последствия этой политики для самой России, ее отношения с другими государствами, для народов Балкан»¹⁸.

Выход в свет этой работы вслед за авторской монографией закрепил положение В. А. Георгиева в профессиональном цехе, утвердив его как авторитетного историка-международника, специалиста в области истории внешней политики России. Данный проект имел особенное значение для Георгиева: он был главным мотором авторского коллектива, который включал близких ему людей — маму, блестящего специалиста по Франции и ее ближневосточной политике, и «научную маму» — Н. С. Киняпину. Как неоднократно рассказывал сам Владимир Анатольевич, первоначально планировалось три автора, но Киняпина решила поддержать В. И. Шеремета, находившегося тогда в трудной жизненной ситуации, и предложила ему также поучаствовать в написании книги.

В этот период вышел и ряд статей Георгиева, представлявших собой обзор и анализ новых документальных сборников по истории внешней политики России (знаменитое многотомное и многосерийное собрание документов по внешней политике России XIX — начала XX в., предпринятое МИД СССР, — «Внешняя политика России XIX — начала XX в. Документы Российского министерства иностранных дел», серии 1-я и 2-я). Одну из подоб-

¹⁸ Чепелкин М. А. Мастерство ученого // Россия в XVIII–XX вв. Страницы истории: к 50-летию научной и педагогической деятельности в Московском университете заслуженного профессора Н. С. Киняпиной. М., 2000. С. 8.

ных статей-рецензий под названием «Первая серия публикаций документов российского Министерства иностранных дел» он написал совместно со своим учителем — профессором Н. С. Киняпиной¹⁹. И здесь особое внимание вызвала тема Восточного вопроса и политики России, Великобритании, Франции и Австрии по отношению к нему. Базируясь на опубликованных в сборнике документах, они, в частности, отмечали, что «особую активность проявляла Франция, стремившаяся подчинить Иран своему влиянию. Документы свидетельствуют, что Наполеон поддерживал и подогревал агрессивные намерения шаха, направленные на отторжение территории Закавказья от России»²⁰.

Авторы рецензии особо подчеркивали, что представленный столь значительный массив документов позволяет проследить и четко выделить основные этапы Восточного вопроса: «Отдельного рассмотрения требует огромный комплекс материалов, касающихся политики Англии, Франции и Австрии в Восточном вопросе и их взаимоотношений с Османской империей. Значение этих материалов уже отмечалось рецензентами. Документы дают широкое представление о внутреннем положении и внешней политике Турции в начале XIX в., позволяют проследить этапы развития Восточного вопроса. Первый, связанный с борьбой европейских держав и Турции против наполеоновской агрессии в Средиземноморье, продолжался до 1806 г. Второй этап, с 1807 по 1812 г., характеризовался усилением национально-освободительного движения на Балканах, с одной стороны, обострением борьбы великих держав за преобладающее влияние в Константинополе — с другой. К этому времени относится заключение первого англо-турецкого соглашения 1809 г., в котором содержалось решение проблемы режима черноморских Проливов (т. V, док. 170, 247, прим. 27). Документы показывают, что, вопреки мнению англо-американских историков о якобы

¹⁹ Киняпина Н. С., Георгиев В. А. Первая серия публикаций документов российского Министерства иностранных дел // Новая и новейшая история. 1977. № 1. С. 143–151.

²⁰ Там же. С. 150.

незаинтересованности Англии в Османской империи, Ближний Восток прочно вошел в сферу ее интересов уже в начале XIX в. Третий этап начался после подписания Бухарестского мирного договора между Россией и Турцией в 1812 г.»²¹. Н. С. Киняпина и В. А. Георгиев настаивали, что «документы публикации имеют огромное значение для изучения политики России в Восточном вопросе. Они позволяют, в частности, опровергнуть фальсификаторскую концепцию западной историографии о непреходящем стремлении царизма к разделу Османской империи, к аннексии Константинополя и зоны Проливов»²².

Начавший работать на историческом факультете в 1969 г. Владимир Георгиев стал первым и любимым учеником профессора МГУ Нины Степановны Киняпиной, основавшей вместе с ним целую школу по изучению внешней политики России и политики на национальных окраинах империи, в первую очередь, на Кавказе и в Средней Азии²³.

Отметим, что практически вся научная и педагогическая деятельность В. А. Георгиева была связана с родным факультетом и родной кафедрой — кафедрой истории России XIX — начала XX в. (или как ее называли раньше — кафедром истории СССР периода капитализма). Он преподавал на кафедре с небольшим перерывом более 4-х десятилетий (с марта 1969 г., когда был зачислен молодым ассистентом, и до ухода на пенсию по собственному желанию в сентябре 2018 г.)²⁴. Несколько лет (с 1974 по 1978 г.) Георгиев занимал пост заместителя заведующего кафедры по учебной работе, помогая И. А. Федосову, одновременно участвовал в жизни главного факультетского журнала, будучи заместителем главного редактора исторической серии «Вестника Московского университета. Серия 8» и входил в редкол-

²¹ Киняпина Н. С., Георгиев В. А. Первая серия публикаций документов российского Министерства иностранных дел. С. 150–151.

²² Там же. С. 151.

²³ Подробнее о школе Н. С. Киняпиной и ее учениках см.: Муханов В. М. Н. С. Киняпина — исследователь и педагог (к 100-летию со дня рождения) // Российская история. 2020. № 6. С. 121–130.

²⁴ Владимир Анатольевич Георгиев... С. 13–15.

легию такого авторитетного профессионального издания, как «История СССР».

Временное сокращение/и прекращение педагогической нагрузки в стенах университета было связано с его переходом на другую работу — почти десятилетие (с 1978 по 1988 гг.) он являлся инструктором Отдела науки и учебных заведений ЦК КПСС, откуда перешел на дипломатическую службу в МИД (с 1988 г. по 1992 г. работал советником посольства СССР, а затем и РФ в Турции)²⁵. При этом работая в ЦК партии, он не прерывал полностью связей с университетом, и по совместительству продолжал преподавать на родной кафедре. Только четыре года — с 1988 по 1992 гг. — находясь в Турции он вынужден временно прекратить свое сотрудничество с университетом.

Таким образом, у Владимира Анатольевича Георгиева было два долгих периода активного преподавания на родной кафедре (если вывести за скобки время его работы в ЦК и системе МИД) — с 1969 по 1978 гг., с 1992 по 2018 гг.

* * *

В 1992 г. он вернулся в Москву и на родной факультет, вновь став доцентом кафедры²⁶. Именно в этот период он подключился к работе по развитию школы по изучению внешней политики России, и почти за 20-летний период подготовил к защите 10 кандидатский диссертаций. Все они были успешно защищены на историческом факультете МГУ. Плюс к этому, под его руководством было написано свыше трех с половиной десятков дипломных работ, часть авторов которых с радостью продолжила работать с Георгиевым на более высоком уровне и смогла порадовать его в дальнейшем и защитой диссертационных исследований. Помимо исторического факультета, он также вел семинарские занятия и читал общий курс лекций по российской истории XIX в. в Институте стран Азии и Африке (ИСАА МГУ).

²⁵ Там же. С. 14.

²⁶ Там же.

Один из первых его учеников — блистательный лектор и преподаватель Московского университета — Оганес Викторович Маринин (доцент факультета иностранных языков и регионоведения), защитивший диссертацию по теме «Дипломатическая деятельность России на завершающем этапе Крымской войны» (1987).

В 90-е гг. именно В. А. Георгиев стоял у истоков специальной исследовательской группы по изучению российской политики на Кавказе в имперский период. Среди его учеников есть целый ряд историков-кавказоведов, которые либо продолжили заниматься научно-исследовательской работой, либо перешли на практическую деятельность, но остались на кавказском направлении. Можно вспомнить Л. В. Шатохину, успешно защитившуюся в 2000 г. кандидатскую диссертацию («Политика России на Северо-Западном Кавказе в 20-х — 60-х гг. XIX в.») и уже несколько десятилетий работающую в системе МИД России, хорошо зарекомендовавшую себя в 4-м (Кавказском) департаменте СНГ. Под руководством Георгиева успешно защитили свои кандидатские диссертации Н. Ю. Силаев («Северный Кавказ в составе России во второй половине XIX в.: демографические, экономические, административно-правовые аспекты интеграции», 2003), О. М. Тупицын («МИД России и его зарубежные представительства в эпоху Николая I», 2003), автор данной статьи («Генерал-фельдмаршал А. И. Барятинский (жизненный путь, военно-административная и общественная деятельность)», 2005).

Ряд дипломников Георгиева также занимался кавказской проблематикой. Вспомним интересные работы А. Гульнева и В. Русецкого, посвященные деятельности на Кавказе таких неординарных военных и государственных деятелей, как граф М. С. Воронцов и Н. И. Евдокимов. Можно выразить только сожаление, что столь перспективные темы исследований не были доведены до конца и не защищены в качестве кандидатских диссертаций. Но это скорее вздох разочарования по поводу кардинальной смены интересов и жизненных приоритетов молодых исследователей, чем упрек в сторону Владимира Анатольевича, который переживал эту неудачу и в личном общении с автором этих

строк неоднократно сожалел о том, что исследования на указанные темы не удалось продолжить под его руководством.

Георгиев после ухода из жизни своего учителя Н. С. Киняпиной подхватил и довел до защиты последних ее учеников, в частности, В. Е. Авдеева, который смог закончить диссертацию под названием «А. П. Извольский — министр иностранных дел России» (2008). Под руководством В. А. Георгиева также были успешно защищены диссертации по внешнеполитической проблематике: Н. М. Могилевского «Заграничный поход русской армии. 1813–1814 гг. (2011), Эхтиари Чароймаги Масумех Али «Русско-английское политическое и экономическое противостояние на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX в.» (2013), А. Ю. Лошакова «Граф В. Н. Ламздорф — государственный деятель и дипломат» (2016).

Среди работ Георгиева этого периода следует отметить его программную статью о Кавказской войне, которую он в соавторстве с Н. Г. Георгиевой выпустил в специальном томе Сборника РИО — «Россия и Северный Кавказ...»²⁷. Отметим, что Владимир Анатольевич являлся не просто автором, но и одним из составителей этого специализированного издания. Он задумывал концепцию и план издания, подбирал авторов и специально под этот том написал крайне интересный материал²⁸. Георгиев не только систематизировал и упорядочил хронологию войны, подведя главные ее итоги, но и предложил новые хронологические рамки такого феномена, как «Кавказская война». И это, когда рамки войны, принятые в советское время, — 1817–1864 гг. — казались незыблемыми. Предложение Георгиева о повышении нижней границы (начала) войны было услышано и понято рядом историков, в частности, об этом же в 90-е гг. заговорили и такие корифеи кавказоведения, как М. М. Блиев и В. Г. Гаджиев (в ходе специальной дискуссии, организованной редакцией журнала «Родина»).

²⁷ Сборник Русского исторического общества. Т. 2 (150). Россия и Северный Кавказ. М., 2000. — 304 с.

²⁸ Георгиев В. А., Георгиева Н. Г. Кавказская война (1829–1864 гг.) // Сборник Русского Исторического общества Т. 2 (150). С. 158–171.

Однако четко сформулировал обоснование и создал цельную картину именно Георгиев в своей статье.

Он настаивал, что «определяя причины складывания враждебного России государства на Северном Кавказе и самой Кавказской войны, следует учитывать не только внешний фактор (русскую экспансию), но и сложные социально-политические процессы, происходившие среди северокавказских народов в 20-х годах XIX в. Это отвечает современному объективному пониманию сложности возникновения и развития Кавказской войны и во многом расходится со сложившимися ранее историографическими отечественными стереотипами, в значительной степени политизированными и зачастую лишенными глубокого научного обоснования»²⁹. В связи с этим он обращал внимание на рубеж 1820–1830-х гг., когда на Кавказе произошла смена власти в русской администрации (вместо А. П. Ермолова, попавшего в опалу при новом монархе, на Кавказ был отправлен И. Ф. Паскевич). Именно последний «в 1830 г. обратился со специальной «Прокламацией к населению Дагестана и кавказских гор». В ней он обвинил имама в «возмущении спокойствия» и в ответ объявил ему войну. С этого момента Россия была прочно втянута во внутренние раздоры народов Северного Кавказа. Развернулась затяжная Кавказская война»³⁰. С другой стороны, «в годы своего правления (1829–1832) Кази-мулла ставил своей главной задачей не только борьбу против русских, но и создание на Северном Кавказе территории, полностью контролируемой имамом». Поэтому Георгиев и предложил передвинуть границы войны и зафиксировать их следующим образом: 1829/1830 — 1864 гг.

Особо отметим, что в этом томе ему удалось собрать целую команду единомышленников, которые с радостью откликнулись на его призыв поучаствовать в специально посвященном Кавказу издании. Вспомним блестящую статью В. В. Дегоева, где он подводит промежуточные историографические итоги изучения Кавказской войны, материалы В. Б. Виноградова и Л. В. Шато-

²⁹ Георгиев В. А., Георгиева Н. Г. Кавказская война (1829–1864 гг.). С. 162.

³⁰ Там же.

хиной. Крайне интересную публикацию документов Кавказского комитета (из фондов РГИА) сделал тогда еще молодой аспирант МГУ Н. Ю. Силаев, готовивший как раз в те годы под руководством Георгиева диссертационное исследование. Данный том, ставший сегодня библиографической редкостью, является результатом плодотворной работы В. А. Георгиева, как инициатора и одного из составителей.

Он также стал инициатором и одним из составителей другого знакового сборника, посвященного юбилею своего учителя, профессора МГУ Н. С. Киняпиной. Издание, собранное к 80-летию со дня рождения и 50-летию работы в Московском университете, объединила учеников Киняпиной разных поколений, однако первую скрипку в процессе его подготовке, сыграли В. А. Георгиев и М. А. Чепелкин, статьи которых об учителе и открывали данный сборник³¹.

Георгиев не ограничивался только работой со студентами и аспирантами родного факультета, он участвовал и в написании университетских учебников³². Также вместе с группой коллег по факультету он стал заниматься популяризацией исторического знания и выпускать учебники, справочники и учебные пособия по общему курсу истории России (как для вузов, так и для среднеобразовательных школ³³). Многие поколения гуманитариев, причем далеко не только историков, помнят его как одного из авторов чуть ли не самого известного учебника для абитуриентов (в соавторстве с А. С. Орловым, Н. Г. Георгиевой и Т. А. Сивохиной)³⁴. Отдельно несколькими тиражами вы-

³¹ Россия в XVIII–XX вв. Страницы истории: к 50-летию научной и педагогической деятельности в Московском университете заслуженного профессора Н. С. Киняпиной. М., 2000.

³² Например, см.: История России XIX — начало XX в. Учебник для исторических факультетов университетов / Под ред. В. А. Федорова. М., 1998. — 752 с.

³³ К примеру см.: Георгиева Н. Г., Георгиев В. А. История России: XIX — начало XX в. 8-й класс : учебник. М., 2004. — 288 с.

³⁴ Первое издание этого учебника см.: Орлов А. С., Георгиев В. А., Георгиева Н. Г., Сивохина Т. А. История России : учебник. М., 1997. — 544 с.

шли учебные пособия и справочники по российской истории³⁵. Эти издания уже несколько десятилетий пользуются большой популярностью как среди абитуриентов и их родителей (одновременно в среде молодых репетиторов!), так и среди студентов младших курсов. «В начале 2000 гг. один коллега по кафедре проходил вместе с В. А. во время сессии по факультетскому коридору, у стен которого стояли студенты, прижимавшие к груди первое издание учебника «История России». Увидев это, коллега то ли иронично, то ли завистливо сказал: «Факультет по-синел». Обложка книги имела темно-синий цвет», вспоминала впоследствии Н. Г. Георгиева³⁶.

В. А. Георгиев сотрудничал и с энциклопедическими изданиями, являясь автором статей в Советской военной энциклопедии (СВЭ) и Большой Российской энциклопедии (БРЭ). Его перу принадлежат как биографические статьи российских дипломатов и государственных деятелей (например, канцлера А. М. Горчакова), так и материалы по мирным соглашениям и знаковым переговорам (Бухарестский мир 1812 г., Босфорская экспедиция 1833 г., Берлинский трактат 1878 г. и др.).

На историческом факультете он читал целый ряд специальных курсов, и многие из будущих учеников знакомились с ним и его взглядами, именно приходя на эти лекции по истории внешней политики России, по Восточному вопросу, по Кавказу, Балканам и т. д.³⁷ Владимир Анатольевич поражал своей эрудицией и начитанностью, всегда был готов к контакту с заинтересованными студентами и аспирантами, был открыт к дискуссии и мог оперативно проконсультировать любого обратившегося

³⁵ Например, см.: Георгиева Н. Г., Георгиев В. А. История России : учеб. пособие. М., 2006. — 336 с.; История России в схемах : учеб. пособие / А. С. Орлов, В. А. Георгиев, Н. Г. Георгиева, Т. А. Сивохина. М., 2008. — 304 с.

³⁶ Владимир Анатольевич Георгиев... С. 57.

³⁷ В разные годы он читал спецкурсы по темам: «Восточный вопрос во внешней политике России в первой половине XIX в.», «Внешняя политика России на Ближнем Востоке и Балканах в XIX в.», «Россия и народы Кавказа в первой половине XIX в.», «Источники по истории внешней политики России XIX — начало XX в.».

к нему с вопросом. При этом он рассказывал неспешно, обращая внимание еще мало подготовленной публики на все новые и новые эпизоды и важные точки бифуркаций российской внешней политики на восточном направлении. Периодически в ходе спецкурсов Владимир Анатольевич рассказывал интересные и запоминающиеся моменты из своего пребывания в Турции в период работы в посольстве в Анкаре. Он не боялся отвечать на разнообразные вопросы, и этим привлекал к себе студентов, многие из которых специализируясь на других кафедрах исторического факультета, даже не российской истории, тем не менее, с удовольствием и большим интересом ходили к нему на спецкурс (чему автор этих строк является беспристрастным свидетелем).

Со многими учениками Георгиев сохранил дружеские отношения и после завершения их учебы и защиты диссертаций в университете. Он поддерживал своих учеников в непростых жизненных ситуациях, всегда радовался их профессиональным достижениям и личным успехам.

В. А. Георгиев был любопытен и крайне пытливым, его интересовали мнения и оценки коллег, как маститых, так и начинающих исследователей. Он давал высказаться в совместной работе, в ходе подготовки диссертационных исследований учеников, и всегда объяснял причину своих замечаний и необходимость исправлений. Неспешное, но детальное обсуждение исследовательского текста традиционно входило в процесс работы с учениками, ты привыкал к этому ритму, и уже внутренне ожидал его, принося очередную часть диссертации на встречу с ним. Он объяснял все свои замечания и предложения, в случае необходимости мог остановиться на тех, которые вызвали непонимание или ступор.

Владимир Анатольевич щедро делился своими контактами в профессиональной среде, помогал ученикам в исследовательском поиске, всегда делился своими оценками и мнением, зачастую давая спокойные и рассудительные советы, многие из которых оказались явно не лишними для молодых, но еще неопытных исследователей. Можно сказать даже больше: он ввел ряд своих учеников в профессиональный цех, дав, тем самым, настоящую путевку в научную жизнь.

Автор этих строк с ностальгией вспоминает конец 90-х гг., когда благодаря Георгиеву он познакомился с блистательным знатоком конфессиональной политики России, историком и востоковедом Д. Ю. Араповым, который долгие годы являлся профессором соседней кафедры истории феодализма. Владимир Анатольевич представил автора статьи профессору В. В. Дегоеву, авторитетному историку-кавказоведу, ставшему впоследствии многолетним руководителем Центра кавказских исследований МГИМО. Именно в команде последнего автор этих строк и работал 15 лет в качестве сотрудника вышеуказанного Центра и научного редактора «Кавказского сборника». Владимир Анатольевич живо интересовался работой над очередным томом сборника, а после его выхода всегда ждал экземпляр, который он с большим воодушевлением обсуждал при очной встрече.

Георгиев был истинным хранителем университетских традиций, он культивировал общение между разными поколениями историков и старался собирать учеников и коллег как в своей московской квартире, так и в загородном доме в Подмосковье. Нельзя вспомнить ни одного случая, чтобы Владимир Анатольевич свысока разговаривал со своими молодыми коллегами или учениками, он всегда выступал за равный диалог и был готов выслушать любое мнение, даже то, с которым не мог согласиться. Георгиев никогда не давил на учеников собственным мнением, а старался доходчиво объяснить им свою мысль, дабы они могли подхватить ее и при необходимости использовать.

Старших учеников он знакомил с новыми поколениями студентов и аспирантов, создавая тем самым команду единомышленников (во многом сохраняя традиции научной школы Киняпиной). Отрадно, что ученики Нины Степановны и Владимира Анатольевича из разных поколений не просто знакомы, но дружны и даже сделали несколько совместных проектов.

В. А. Георгиев был уважаем в профессиональном цехе, многие российские ученые знали его и гордились знакомством с ним. Он является неотъемлемой частью научной школы Н. С. Киняпиной, став одним из ее главных лиц.

Об авторах

Агронов Лев Игоревич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Музея-панорамы «Бородинская битва» (Москва)

Айдын Махир (Mahir Aydin) — доктор исторических наук, профессор Стамбульского университета (Турция)

Айрапетов Олег Рудольфович — кандидат исторических наук, доцент факультета государственного управления Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (Москва)

Безотосный Виктор Михайлович — доктор исторических наук, Государственный Исторический Музей (Москва)

Болтрукевич Василий Анатольевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра военной истории России Института российской истории Российской академии наук (Москва)

Власенко Андрей Григорьевич — член Историко-патриотического объединения «Багратион» (Москва)

Волхонский Михаил Алексеевич — кандидат исторических наук, МГИМО Университет (Москва)

Гайда Федор Александрович — доктор исторических наук, доцент Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова и ведущий научный сотрудник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (Москва)

Дегоев Владимир Владимирович — профессор МГИМО-Университет МИД РФ

Ивченко Лидия Леонидовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва)

Лаврёнова Анна Михайловна — кандидат исторических наук, ведущий специалист Государственного Архива РФ (Москва)

Миронова Елена Михайловна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва)

Манышев Сергей Борисович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора Кавказа Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН (Москва)

Муханов Вадим Михайлович — кандидат исторических наук, заведующий сектором Кавказа Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова РАН (Москва)

Паолетти Чиро (Ciro Paoletti) — доктор политических наук, сотрудник итальянского Министерства образования, университетов и науки, генеральный секретарь Итальянской комиссии по военной истории (Рим, Италия)

Полянская Елизавета Евгеньевна — кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела драгоценных металлов Государственного Исторического Музея (Москва)

Танриверди Мустафа (Mustafa Tanriverdi) — кандидат исторических наук, доцент Стамбульского университета (Турция)

Томилин Александр Русланович — редактор, «Большая Российская энциклопедия» (Москва)

Чепелкин Максим Аркадьевич — кандидат исторических наук (Москва)

РОССИЯ В ЦЕНТРЕ ИСТОРИИ

Научный сборник
памяти
Нины Степановны Киняпиной
(1920–2003)

ISBN 978-5-905040-91-7

Издатель Модест Колеров
Москва, Большой Татарский переулок, 3, кв. 16

Подписано в печать 22.11.2023. Формат 60 × 90 1/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Тираж 300 экз. Заказ №

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
электронного оригинал-макета в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049 Ярославль, ул. Свободы, 97